

РОССИЙСКАЯ ПОЛИТИКА В УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННОЙ МЕЖДУНАРОДНО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ НАПРЯЖЁННОСТИ: ИНСТИТУТЫ, ТЕНДЕНЦИИ, ТРАНСФОРМАЦИИ

Сборник материалов
II Всероссийской научно-практической конференции
Донецкого регионального отделения РАПН
ко Дню политолога
в Донецком государственном университете

Донецк
12 сентября 2024

ПРИ ПОДДЕРЖКЕ
**ФОНДА
ПРЕЗИДЕНТСКИХ
ГРАНТОВ**

ОБЩЕСТВЕННАЯ ПАЛАТА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
РОССИЙСКАЯ АССОЦИАЦИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ НАУКИ
ДОНЕЦКОЕ РЕГИОНАЛЬНОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
ДОНЕЦКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

ПРИ ПОДДЕРЖКЕ
**ФОНДА
ПРЕЗИДЕНТСКИХ
ГРАНТОВ**

12 сентября 2024 г.

II Всероссийская научно-практическая конференция
Донецкого регионального отделения РАПН

**Российская политика
в условиях современной международно-политической
напряжённости:
институты, тенденции, трансформации**

ко Дню политолога в Донецком государственном университете

СБОРНИК МАТЕРИАЛОВ

Проект реализуется с использованием гранта
Президента Российской Федерации на развитие гражданского общества,
предоставленного Фондом президентских грантов

Донецк – 2024

УДК 32
ББК 66.0я43
П504

*Рекомендовано к изданию Учёным советом Федерального государственного
бюджетного образовательного учреждения высшего образования
«Донецкий государственный университет»
Протокол № 13 от 03.12.2024 г.*

Редакционная коллегия:

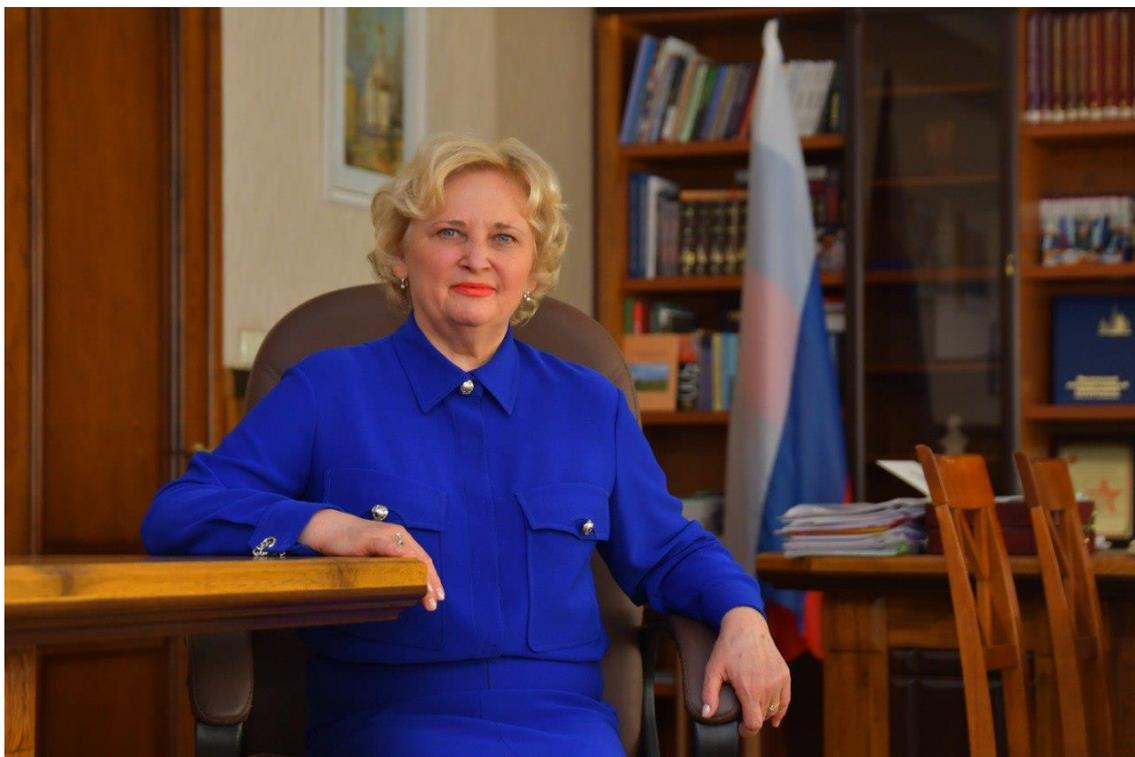
канд. полит. наук О.В. Онопко, канд. полит. наук, доц. Е.В. Кузнецова,
канд. полит. наук, доц. Е.В. Рябина.

П504 Российская политика в условиях современной международно-политической напряжённости: институты, тенденции, трансформации : сборник материалов II Всероссийской научно-практической конференции Донецкого регионального отделения Российской ассоциации политической науки ко Дню политолога в Донецком государственном университете, 12 сентября 2024 г., г. Донецк / под ред. канд. полит. наук О.В. Онопко, канд. полит. наук, доц. Е.В. Кузнецовой., канд. полит. наук, доц. Е.В. Рябина; сост. Д.И. Борозенец. – Донецк : Донецкий государственный университет, 2024. – 285 с.

Настоящее издание включает тезисы пленарных и секционных докладов конференции «Российская политика в условиях современной международно-политической напряжённости: институты, тенденции, трансформации», посвящённой Дню политолога в Донецком государственном университете, которая состоялась 12 сентября 2024 года. Тематика материалов охватывает широкий спектр внутри- и международно-политических вопросов, в т.ч. аксиологические, социокультурные, коммуникационные и политико-лингвистические аспекты российской политики, проблемы политики памяти и политики идентичности, отношений России с другими государствами и международными организациями и др. Особое внимание в докладах уделяется взаимосвязи внутренней и внешней политики России, функционированию российских политических институтов в условиях напряжённой международной обстановки.

УДК 32
ББК 66.0я43
© Авторы, 2024
© Донецкий государственный университет, 2024
© Донецкое региональное
отделение Российской ассоциации
политической науки, 2024

**ПРИВЕТСТВЕННОЕ СЛОВО РЕКТОРА
ДОНЕЦКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА
СВЕТЛАНЫ ВЛАДИМИРОВНЫ БЕСПАЛОВОЙ**

Уважаемые коллеги!

От имени коллектива Донецкого государственного университета поздравляю вас с началом работы Всероссийской научно-практической конференции Донецкого регионального отделения Российской ассоциации политической науки «Российская политика в условиях современной международно-политической напряжённости: институты, тенденции, трансформации»!

Уже второй раз конференция для обсуждения важнейших вопросов, стоящих перед Россией в условиях беспрецедентного обострения международной обстановки, собирает ведущих экспертов-политологов, исследователей и практиков из разных регионов нашей страны. В этом году в мероприятии участвуют учёные из Москвы и Санкт-Петербурга, Нижнего Новгорода и Ростова-на-Дону, Красноярска и Севастополя, Краснодара и Воронежа, многих других городов.

Такая обширная география участия, а также тематика и содержание заявленных докладов свидетельствуют о том, что конференция в полной мере подтверждает свой статус всероссийского научного мероприятия и является хорошей площадкой для обмена мнениями и выработки научно обоснованных рекомендаций по актуальным проблемам российской политики.

Особо хочу отметить, что конференция приурочена ко Дню политолога в Донецком государственном университете, который ежегодно отмечается

12 сентября. Именно в этот день в 1992 году в нашем университете появилось новое направление подготовки – «Политология». С тех пор ежегодно 12 сентября политологи ДонГУ отмечают свой профессиональный праздник. За более чем 30 лет кафедра политологии Донецкого университета выпустила множество высококвалифицированных специалистов: учёных и экспертов, политиков и политконсультантов, государственных служащих и служащих органов местного самоуправления. Большое внимание всегда уделялось научной работе: исследованиям в политической сфере, публикациям их результатов в рецензируемых изданиях, проведению круглых столов и конференций. После создания в мае прошлого года в Республике Донецкого регионального отделения Российской ассоциации политической науки научная деятельность политологов ДонГУ стала ещё активнее.

Проводимая отделением конференция – тому подтверждение. Уверена, она будет плодотворной и результативной, а её итоги внесут существенный вклад в развитие политической науки и практику государственного управления в России.

Желаю успехов и новых научных достижений всем участникам конференции!

*Ректор Донецкого государственного университета,
доктор физико-математических наук,
профессор С.В. Беспалова*

**ПРИВЕТСТВЕННОЕ СЛОВО ПРЕЗИДЕНТА
РОССИЙСКОЙ АССОЦИАЦИИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ НАУКИ
ОКСАНЫ ВИКТОРОВНЫ ГАМАН-ГОЛУТВИНОЙ**

Уважаемые коллеги!

От имени Правления Российской ассоциации политической науки сердечно поздравляю вас с началом работы II Всероссийской научно-практической конференции «Российская политика в условиях современной международно-политической напряжённости: институты, тенденции, трансформации», которая проводится нашим Донецким региональным отделением.

Сегодня на конференции мы будем анализировать сложные вызовы, стоящие перед нашей страной, и искать ответы на вопросы, которые волнуют каждого из нас. Какие политические процессы происходят сейчас в России и мире? Как меняется политическая система нашего общества? Какими будут политические институты в нашей стране в обозримой перспективе? Все эти вопросы, кажущиеся такими разными, в целом направлены на одно – поддержание российской политической науки на высоком уровне, воспитание нового кадрового состава, развитие самого нашего государства как одного из важных мировых политических центров.

Сегодня мир переживает глубокие трансформации, которые затрагивают все сферы жизни общества, в том числе и политику. Политическая карта переформируется, старые порядки рушатся, а на их месте возникают новые реалии. Укрепляется многополярная международная

система, в которой наша Родина по праву является одним из важнейших центров силы, экономического и политического влияния.

В этих условиях России приходится одновременно решать множество сложнейших задач, связанных с сохранением суверенитета, обеспечением национальной безопасности, развитием высокоэффективной инновационной экономики, усилением своих позиций на мировой арене. Особое значение уделяется поддержке регионов, которые недавно вошли в состав нашей страны.

Российская ассоциация политической науки первой среди профессиональных сообществ отечественных политологов начала работу в новых субъектах Российской Федерации. В 2023 году были учреждены Донецкое и Луганское региональные отделения. На более высокий уровень было выведено наше сотрудничество с представителями ключевых академических структур ДНР и ЛНР, занимающихся подготовкой политологов, международных и регионоведов. Всего за полтора года коллеги провели целый ряд научных мероприятий, значимых для развития политологии как в новых регионах, так и на Юге России в целом. Сегодняшняя конференция – не исключение. Уже второй год подряд она объединяет на своей площадке политологов и представителей многих других смежных наук из многих вузов и научно-исследовательских учреждений России.

Желаю всем участникам конференции успешной работы, продуктивных дискуссий, результаты которых будут полезны для отечественной политической науки и практики.

Пусть наша совместная работа станет важным шагом в развитии российской политической мысли и позволит нам найти эффективные решения для преодоления вызовов, стоящих перед нашей страной.

*Президент Российской ассоциации политической науки,
член-корреспондент Российской академии наук,
доктор политических наук, профессор
Оксана Викторовна Гаман-Голутвина.*

ПЛЕНАРНОЕ ЗАСЕДАНИЕ

Балко М. В.
Balko M. V.

ДНЕВНИК КАК ЖАНР ПОЛИТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА (НА ПРИМЕРЕ ДНЕВНИКА К. И. ПОЧЕНКОВА)

DIARY AS A GENRE OF POLITICAL DISCOURSE (ON THE EXAMPLE OF K. I. POCHENKOV'S DIARY)

Аннотация. Статья посвящена изучению дневника как уникального жанра политического дискурса на примере текста К. И. Поченкова. Обосновывается публицистическая природа дневника с опорой на такие его признаки, как исповедальность, синтетичность и др. Детально рассматривается роль синонимов в раскрытии динамики политических процессов, отображённых в тексте дневника.

Ключевые слова: дневник, политический дискурс, публицистический стиль, синонимы.

Summary. The article is devoted to the study of the diary as a unique genre of political discourse using the example of K. I. Pochenkov's text. The journalistic nature of the diary is substantiated based on such features as subjectivity, syntheticity, etc. The role of synonyms in revealing the dynamics of political processes in the text of the diary is considered in detail.

Key-words: diary, political discourse, journalistic style, synonyms.

Тексты публицистического стиля различных жанров, прежде всего, декларативного, мемуарного, эпистолярного характера, чрезвычайно показательны для воссоздания общественных настроений разных исторических периодов, установления тенденций их духовной и интеллектуальной жизни. Авторы таких текстов, будучи частью значимых социальных процессов, создают уникальное языковое пространство, отображая судьбоносные события и рисуя, таким образом, портрет эпохи.

Уникальным в языковом и жанровом плане является дневник. Дневники вели и продолжают вести многие выдающиеся люди прошлого и современности: писатели (М. Пришвин, М. Цветаева, В. Высоцкий), композиторы (С. Прокофьев), художники (С. Дали), учёные (М. Богословский) и, конечно же, политики и общественные деятели (Д. Милютин, А. Черняев, П. Струве и др.). Дневники могут быть разной направленности (личные, профессиональные, путевые, блокадные, общественно-политические и проч.), но их объединяет манера изложения – авторское видение актуальных общественных событий, ситуаций, процессов.

Поскольку ведением дневников отметились многие политики и государственные мужи, эти тексты, безусловно, представляют интерес для исследователей в области политической лингвистики.

Дневники политических и общественных деятелей представляют исторические события включёнными в широкий общественно-политический и культурный контекст. В них отображается «сложность и драматичность эпохи» [1] через призму восприятия конкретных авторов. Дневники – упорядочение их общественно-политического, профессионального опыта и

личных переживаний, порождённых определёнными событиями и процессами. Именно поэтому М. Г. Чулюкина образно характеризует дневник как исповедь перед читателем [1]. Более того, дневники являются достаточно достоверными историческими источниками (представляют историческую, общественную и политическую ситуацию весьма подробно и даже детально) и органично вписываются в политику памяти.

Рассмотрим особенности языкового представления исторической и общественно-политической ситуации в дневнике К. И. Поченкова.

Кондрат Иванович Поченков – выдающийся общественный и государственный деятель, человек, чья жизнь была неразрывно связана с Донбассом вообще и угольной промышленностью в частности. Он прошёл трудовой путь от подсобного рабочего шахты № 5 «Кошелевка» в Чистяковском каменноугольном регионе (1920 г.) до министра угольной промышленности УССР (1954 г.). Во время Великой Отечественной войны К. И. Поченков руководил эвакуацией горношахтного оборудования. Именно этот этап жизни он отобразил в дневнике (записи охватывают период с 08 октября 1941 года по 20 июля 1942 года).

Дневник К. И. Поченкова, безусловно, является текстом публицистического стиля, поскольку отвечает основным признакам этого функционального типа речи. Отмечаем публицистический характер отображения действительности, что проявляется в субъективной окраске социально-значимых событий, а также превалирование исторической, ценностно-идеологической, коммуникативной функций дневниковых записей. Функциональная заданность, а именно – политическая окрашенность изложения, воздействие на аудиторию, опора на документальность, общественная значимость отображаемого – сближает дневник К. И. Поченкова с другими публицистическими жанрами, такими как эссе и очерк. Вместе с тем, анализируемый текст имеет и специфические черты подачи информации: исповедальность и синтетичность.

Исповедальность проявляется в максимально отрефлексированном, лично прочувствованном представлении событий. Каждая строчка дневника К. И. Поченкова свидетельствует о его глубоких переживаниях относительно тех трудностей, с которыми пришлось столкнуться при проведении эвакуации шахт Донбасса в 1941 году (нехватка вагонов, отсутствие чёткого руководства на местах, диверсии и проч.). Всё это отзывается болью в душе автора. Приведём несколько иллюстрирующих цитат: *Мы каждого спросили, в чём дело и почему женщины бунтуют. Из разговора выяснено, что все эти беспорядки вызваны агентами врага. Всем известно о разбрасываемых листовках, в которых население агитировалось воспрепятствовать взрывам и затоплению шахт. Провокации возможны потому, что любой фашистский агент может свободно пройти на любую шахту и в любой район Сталино, так как посты военных и милиции сняты по неизвестным причинам [2]. Или: Итак, прощай, город Сталино, город угля, металла, химии и машиностроения [2].*

Синтетичность, то есть слияние разных жанров публицистики, проявляется в наличии в тексте дневника К. И. Поченкова фактографических, аналитических оценочных, прогностических и художественных способов подачи информации. Так, автор соблюдает хронологию событий, фиксирует даты, указывает топонимы (*Кураховка, Ворошиловград, Харьков, Ростов, Сталино* и т. д.), эргонимы (тресты *«Красноармейскуголь», «Сталинуголь», «Рутченковуголь»*, шахты *«Лидиевка», «Центральная», «Смолянка»* и др.), антропонимы (*т. Абакумов, завшахтой Чуев, механик Мелько, начальник участка Мачукало, машинист врубовой машины Гудзь* и мн. др.). Текст чрезвычайно насыщен фактологическим материалом, что делает его ценным историческим источником. К. И. Почечцов как аналитик событий проявляется в оценочных рассуждениях относительно их, например: *Положение в области исключительно тяжёлое и совершенно недопустимое в условиях фронтовой полосы* [2]. Или: *Как жалко, что созданное народным трудом приходится полностью разрушать, но интересы Родины требуют этого. Лишь бы победа, а потом всё воздвигнем новое* [2]. Художественно-образное осмысление описываемых событий реализуется включением в текст средств изобразительности и выразительности речи (*тяжёлая голова, тёплый угол, родной Донбасс будет отдан, спирт и водка стали необходимыми спутниками* и др.).

Исторические события, описанные К. И. Поченковым в дневнике, неразрывно связаны с общей общественно-политической ситуацией в стране. Автор называет решения, принимаемые крупными политическими, государственными и военными деятелями (В. С. Абакумовым, К. А. Коротеевым, В. В. Вахрушевым и др.), высказывает собственное видение этих решений, очерчивает общую политическую конъюнктуру, сложившуюся в угольной отрасли первых военных лет. Таким образом, текст дневника К. И. Поченкова является частью политического дискурса. Данный неоднозначный термин трактуем, следом за Е. И. Шейгал, как «сумму всех произведений, прямо или косвенно касающихся политики» [3]. Показательным для анализа политического дискурса является употребление различных лексико-семантических разрядов слов, указывающих на динамику развития тех или иных политических процессов. Рассмотрим, к примеру, употребление в дневнике К. И. Поченкова синонимов, отражающих оценочные коннотации в описании социально-политической ситуации.

Из анализируемого текста выбраны синонимы (в том числе контекстуальные), употреблённые автором для квалификации реакций простых людей на решение руководства страны о взрывании и затоплении шахт: *накалённая обстановка, беспорядки, паника, выходящие из-под контроля ситуации, бунты, паническое настроение, брожение, озлобленное население*. Как видим, К. И. Поченков оценивает ситуацию, сложившуюся вокруг действий представителей власти по затоплению шахт, как напряжённую. Оценочная функция синонимов в политическом тексте является одной из центральных. В реализации этой функции используются как собственно языковые, так и контекстуальные синонимы. Оценочная функция

очень важна для политического текста, так как позволяет выразить позицию автора, его комментарии, оценку описываемых фактов. Более того, синонимы, употреблённые К. И. Поченковым, дают основания утверждать, что оценочная функция здесь совмещается с экспрессивной и разделять их можно лишь условно. Многие из синонимов имеют семы, связанные с максимальным проявлением напряжённости. Так, слово *паника*, согласно словарю С. И. Ожегова, имеет значение 'крайний, неудержимый страх', а слово *накалённый* – значение 'чрезвычайно напряжённый, беспокойный'. Также обратим внимание, что лексемы в рассматриваемом синонимическом ряду конденсируют смысловое содержание предметности и процессуальности. Таким образом, происходит уплотнение информации относительно происходящего, подчёркивается резкость и решительность осуществляемых участниками беспорядков действий.

Интересным видится также анализ синонимов, указывающих на обусловленность действий К. И. Поченкова политической волей высшего руководства страны. Это, прежде всего, наименование управленческих действий и документов, таких как *распоряжение, решение, положение, сообщение, постановление, предписание, требование*. Эти лексемы, имеющие канцелярскую окраску, подчёркивают чрезвычайную государственную важность непопулярных среди местного населения действий по взрыванию и затоплению шахт. Автор ссылается на распоряжения руководства, что обосновывает фундаментальность и крайнюю необходимость осуществляемых мероприятий.

Таким образом, в дневнике К. И. Поченкова описаны драматические события, затронувшие Донбасс и страну в целом на начальном этапе Великой Отечественной войны. Форма дневника даёт нам основания рассматривать его как чрезвычайно достоверный источник, характеризующий общественно-политическую ситуацию в крае. Жанровые и языковые особенности данного текста свидетельствуют о повышенной напряжённости этой ситуации, глубоких личных переживаниях автора по поводу происходящего в регионе, а также о крайней необходимости принимаемых политических решений высшего руководства.

Список литературы

1. Чулюкина М.Г. Дневник как жанр публицистики: предметно-функциональные особенности : специальность 10.01.10 «Журналистика» : автореферат диссертации на соискание учёной степени кандидата филологических наук / Чулюкина Марина Геннадьевна. – Казань, 2009. – 22 с.
2. Библиотека краеведа. Дневники Поченкова // Журнал донецкого краеведа. Очень, кстати, безграматного [Электронный ресурс]. – URL : <https://kashkaha.livejournal.com/39746.html?ysclid=lzies7qrw1655851065> (дата обращения – 06.08.2024).
3. Шейгал Е.И. Семиотика политического дискурса / Е. И. Шейгал. – М. ; Волгоград : Перемена, 2000. – 367 с.

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ РОССИЙСКО-СЕРБСКОГО СОТРУДНИЧЕСТВА В СФЕРЕ ЭНЕРГЕТИКИ

CURRENT ISSUES OF RUSSIAN-SERBIAN COOPERATION IN THE FIELD OF ENERGY

Аннотация. Целью статьи является выявление целей, факторов и препятствий российской энергетической дипломатии в Сербии. Автор выясняет важность сербского направления в российской энергетической дипломатии. Антироссийские санкции привели к тому, что Сербия стала анклавом в российской системе энергетической дипломатии, обострили конкуренцию мировых держав и транснациональных структур за сырье и территорию Сербии.

Ключевые слова: энергетическая дипломатия, современная Россия, Сербия, цели, факторы, препятствия.

Summary. The aim of the article is to identify the goals, factors and obstacles to the implementation of the Russian energy diplomacy in Serbia. The author clarified the importance of the Serbian direction in Russian geopolitics and energy diplomacy. Anti-Russian sanctions have led to Serbia's enclave location in the energy diplomacy system, exacerbated the competition of world powers and transnational structures for raw materials and the territory of Serbia.

Key-words: energodiplomacy, contemporary Russia, Serbia, purposes, factors, obstacles.

Россия в условиях блокады, проводимой «коллективным Западом», остро нуждается в геоэкономических маршрутах выходов в международное пространство. Сербия – одна из немногих стран Балкан, которая остаётся партнёром России в политической и экономической сферах. Данные обстоятельства делают тему актуальной для политической науки.

Среди российских работ по теме отметим доклад Е.Г. Энтиной, Е.С. Чимириис и М.С. Лозович [1], статьи Д. Растегаева [2], С. Жуйковой [3], А. Белогорьева [4]. Более узкому аспекту – торговле между РФ и Сербией посвящена публикация П. Яковлева [5]. Сербские исследователи оценивают двусторонние отношения наших стран в целом [6], позиционирование Сербии в многополярном мире [7], вопросы национальной безопасности и нейтралитета страны [8], влияние евроинтеграции на сербско-российские взаимодействия [9]. Но ситуация на Балканах изменяется весьма быстро, новейшие тенденции российской энергодипломатии в регионе изучены недостаточно.

Запад стремится перевести Балканы из состояния «перекрестного» (конкурентного) геополитического поля в состояние «тотального» (полностью принадлежащего НАТО и ЕС) поля. Сейчас только Сербия и Босния и Герцеговина не являются членами НАТО и ЕС, но и они участвуют в программах евроинтеграции. Ключевые роли в регионе играют Турция и Греция, они имеют наиболее выгодное расположение относительно нефтепроводов и газопроводов, дорог. Сербия находится не в столь выгодном положении из-за отсутствия выхода к морю.

Сотрудничество двух стран в энергетике основано на Декларации о стратегическом партнёрстве между Российской Федерацией и Республикой Сербией, подписанной 24 мая 2013 г. [10] За 2022 г. товарооборот между двумя странами вырос на 53% и составил 4,28 млрд долларов, но РФ обеспечивала только 4,28% товарооборота Сербии с зарубежными странами [11; 12]. Согласно расчётам портала TrendEconomy, в итоге 2023 г. Россия обеспечивает 4,33% импорта Сербии на сумму 1,72 млрд долл., а также 3,86% экспорта Сербии на сумму 1,19 млрд долл. Россия занимает пятое место по доле зарубежных стран в импорте Сербии и восьмое место – по экспорту. В итоге санкционного давления Запада стоимость товарооборота РФ с Сербией снизилась за 2023 г. с 4 до 2,91 млрд. долл. (на 25%) [5].

Энергоресурсы занимают весомую долю товарооборота двух стран. По обобщениям Д. Растегаева, Сербия покрывает за счёт импорта 68% своих потребностей в сырой нефти и 76% потребностей в природном газе [2]. В итоге реализации проекта «Балканский поток» (сербский участок введён в эксплуатацию летом 2021 г.) поставки газа из РФ в Сербию за 2021–2022 гг. выросли почти вдвое (с 1384 до 2294 млн куб. м в год). Удельный вес российского природного газа в структуре потребления Сербии в 2021 г. составлял 80%, а доля российской нефти – около 23%. Россия проводит поставки энергоносителей по заниженным специальным ценам.

Концерн «Газпром» владеет ключевым пакетом акций (56%) основной нефтяной компании Сербии — NIS (“Naftna Industrija Srbije”), монополиста по разведке и добыче нефти в стране. NIS владеет крупнейшим на Балканах нефтеперерабатывающим заводом в Панчево, модернизированным благодаря инвестиций «Газпрома». NIS и «Лукойл» контролируют 27,6% сербского рынка розничной торговли бензином. «Газпром» также обладает 51% акций единственного в Сербии газохранилища «Банатский двор» и 50% акций предприятия «Югоросгаз», закупающего российский газ для сербов [2].

Кроме торговли энергоносителями, активно развивается российско-сербское сотрудничество в области создания и модернизации электростанций. Российский концерн «Силовые машины» и «Электрохозяйство Сербии» провели к 2021 г. модернизацию гидроэлектростанции «Джердап-1» и реализуют сейчас такой же проект на станции «Джердап-2». В декабре 2021 г. концерн «Росатом» и правительство Сербии заключили генеральное рамочное соглашение о сооружении Центра ядерной науки и технологий – первого в зарубежных странах Европы, создаваемого «Росатомом» [13].

Но Сербия проводит многовекторную дипломатию. Она стремится диверсифицировать маршруты получения нефти и газа, подключиться к общеевропейским, балканским и турецким энергетическим проектам. Речь идёт о болгаро-сербском интерконнекторе, открытом в декабре 2023 г. в Нише благодаря гранту Евросоюза (он обеспечил 60% нынешнего потребления природного газа в Сербии) [14], и турецком проекте TANAP – The Trans Anatolian Natural Gas Pipeline Project, выводящем азербайджанский газ к Трансадриатическому трубопроводу [15]. Сербия официально стремится к вступлению в Евросоюз [16]. Проект добычи в Сербии лития также отдаляет

Сербию от России и привязывает к США и ЕС. Данный проект уже вызвал протесты самых разнородных политических сил, начиная от экологов и прозападных партий и заканчивая пророссийскими организациями. Нельзя исключать присоединения Сербии к антироссийским санкциям под нарастающим давлением Запада, поводом может стать заключение мирного соглашения между Сербией и самопровозглашённым Косово, как и продажа сербских вооружений и военных технологий украинскому режиму.

Цели российской энергодипломатии в Сербии – вывод природного газа и нефтепродуктов на рынки Южной и Центральной Европы благодаря выгодному географическому расположению Сербии, близости позиций двух стран по ключевым международным вопросам. Факторы российской энергодипломатии в Сербии – противоречивость интересов балканских стран, использование транзитных возможностей проекта «Турецкий поток», сотрудничество с Сербией в военно-технической сфере и подготовке кадров. Препятствиями для российской энергодипломатии выступают санкции стран Запада, вероятная дестабилизация политического режима Сербии и противоречивость политики Сербии в условиях Украинского кризиса.

Список литературы

1. Энтина Е.Г., Чимирис Е.С., Лазович М.С. Перспективы российско-сербских отношений в условиях санкционного давления: рабочая тетрадь № 77 / Е.Г. Энтина, Е.С. Чимирис, М.С. Лазович; под ред. Е.О. Карпинской, С.М. Гавриловой; Российский совет по международным делам (РСМД). – М. : НП РСМД, 2023. – 32 с.
2. Растегаев Д. Период полураспада: к перспективам энергетического сотрудничества России и Сербии / Д. Растегаев // РСМД. Российский совет по международным делам [Электронный ресурс]. – URL: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/columns/sandbox/period-poluraspada-k-perspektivam-energeticheskogo-sotrudnichestva-rossii-i-serbii/?sphrase_id=118426990 (дата обращения: 12.08.2024).
3. Жуйкова С. Позитивный взгляд в будущее: российско-сербские экономические отношения / С. Жуйкова // Балканист [Электронный ресурс]. – URL: <https://balkanist.ru/pozitivnyj-vzglyad-v-budushhee-rossijsko-serbskie-ekonomicheskie-otnosheniya/> (дата обращения: 12.08.2024).
4. Белогорьев А. Почему «мелеет» «Балканский поток»? / А. Белогорьев // Информационное агентство «Нефть и капитал» [Электронный ресурс]. – URL: <https://oilcapital.ru/news/2023-03-27/pochemu-meleet-balkanskiy-potok-2886676> (дата обращения: 12.08.2024).
5. Яковлев К. Дружеский бизнес: какое место занимает Россия в торговле с Сербией? / К. Яковлев // Балканист [Электронный ресурс]. – URL: <https://balkanist.ru/druzheskij-biznes-kakoe-mesto-zanimaet-rossiya-v-torgovle-s-serbiej/> (дата обращения: 12.08.2024).
6. Траиловић Д., Рапайић С. Односи Србије и Русије у периоду Украјинске кризе / Д. Траиловић, С. Рапайић // Национални интерес. – Београд, 2023. – Година XIX, број 46. – № 3. – С. 67–91.
7. Пророковић Д. Положај Русије у мултиполарном свету и стратешке опције Србије / Д. Пророковић // Српска политичка мисао. – Београд, 2023. – № 1, Број 79. – С. 41–64.
8. Михајловић Д., Обрадовић З. Усклађеност стратегије националне безбедности са политиком војне неутралности Републике Србије / Д. Михајловић, З. Обрадовић // Национални интерес. – Београд, 2022. – Година XVII, број 43. № 3. – С. 171–187.

9. Станковић Н. Европске интеграције Републике Србије – између политике проширења и заједничке спољне и безбедносне политике / Н. Станковић // Национални интерес. – Београд, 2022. – Година XVII, број 40, № 3. – С. 187–211.
10. Декларација о стратешком партнерству између Руске Федерације и Републике Србије. 24 маја 2013 г. [Електронски ресурс]. – URL: www.kremlin.ru/supplement/1461 (дата обраћања: 12.08.2024).
11. Пудовкин Е. Торговља Русије и Србије достигла рекорда / Е. Пудовкин // RTVI [Електронски ресурс]. – URL: <https://rtvi.com/news/torgovlya-rossii-i-serbii-v-2022-godu-dostigla-rekorda/> (дата обраћања: 12.08.2024).
12. Годовна статистика међународне трговине робом (HS) // TrendEconomy [Електронски ресурс]. – URL: <https://trendeconomy.ru/data/h2/Serbia/TOTAL> (дата обраћања: 12.08.2024).
13. ЦЯНТ појавиће се у Европи [Електронски ресурс]. – URL: <https://rosatomnewsletter.com/ru/2022/01/31/rosatom-nstc-to-come-to-europe/> (дата обраћања: 12.08.2024).
14. Gas Interconnector Serbia – Bulgaria // EU in Serbia [Електронски ресурс]. – URL: <https://europa.rs/gas-interconnector-serbia-bulgaria/> (дата обраћања: 12.08.2024).
15. The Trans-Anatolian Natural Gas Pipeline (TANAP) Project [Електронски ресурс]. – URL: <https://www.tanap.com/en/tanap-project> (дата обраћања: 12.08.2024).
16. Вучић се састао са Копманом у Бриселу: Важан разговор о наставку европског пута и начинима за убрзање процеса евроинтеграција Србије [Електронски ресурс]. – URL: <https://www.novosti.rs/c/vesti/politika/1382150/vucic-sastao-kopmanom-briselu-vazan-razgovor-nastavku-evropskog-puta-nacinima-ubrzanje-procesa-evrointegracija-srbije-foto> (дата обраћања: 12.08.2024).

Баранов Н.А.
Baranov N.A.

ЭЛЕКТОРАЛЬНЫЕ НОВАЦИИ В РОССИЙСКОЙ ПОЛИТИКЕ: ТРЕНДЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ¹

ELECTORAL INNOVATIONS IN RUSSIAN POLITICS: TRENDS AND PROSPECTS

Аннотация. В статье акцентируется внимание на наиболее актуальных тенденциях в электоральных инновациях в современной России, которые связаны с нормативно-правовой базой, институциональными и процедурными новациями. Сделан вывод о перспективности применения дистанционного электронного голосования в Российской Федерации, доверие к которому у граждан будет постепенно повышаться по мере технологического совершенствования и признания его достоинств.

Ключевые слова: дистанционное электронное голосование, ДЭГ, Центральная избирательная комиссия, цифровизация, цифровой избирательный участок, электоральные новации, электоральный блокчейн.

Summary. The article focuses on the most relevant trends in electoral innovations in modern Russia, which are related to the regulatory framework, institutional and procedural innovations. The conclusion is made about the prospects of using remote electronic voting in the Russian Federation, the trust in which citizens will gradually increase with technological improvement and knowledge of its advantages.

¹ Исследование выполнено в СПбГУ при финансовой поддержке Российского научного фонда в рамках научного проекта № 24-28-01061 «Управление инновациями в государственной электоральной политике».

Keywords: remote electronic voting, DEG, Central Election Commission, digitalization, digital polling station, electoral innovations, electoral blockchain

Политика связана с практикой взаимодействия власти и общества в решении общеколлективных задач. Эффективность управления обществом неразрывно взаимосвязана с авторитетом власти, зависящего от поддержки населения. Поэтому в современных государствах установилась практика легитимизации власти через выборы, по результатам которых определяются политики, политические партии, формирующие законодательные и исполнительные органы власти. В случае несогласия общества с политическим курсом избранных элит возникает кризис власти, который, как правило, разрешается на очередных выборах, подтверждающих мандат на управление на конкретный срок новым политикам. Поэтому порядок проведения выборов, их прозрачность, доверие к результатам являются важнейшими характеристиками политической жизни и стабильного развития страны.

В условиях интенсивного технологического развития происходят изменения во всех сферах жизнедеятельности общества, затрагивающих и электоральные процессы. Под влиянием цифровых технологий изменяется деятельность выборных институтов, возникает потребность в юридическом оформлении возникающих новаций, приведении в соответствие с потребностями общества всего избирательного процесса. Таким образом, технологические изменения оказывают влияние на осуществление электорального процесса и включают институциональные, нормативные и процессуальные инновации, адаптирующие институт выборов к новым технологическим реалиям.

Тема новаций в электоральном процессе становится все более востребованной как в международном, так и в российском академическом дискурсе. Российским политологом Н.В. Гришиным [1] выполнен обзор научной литературы по изучению инноваций в государственной электоральной политике, на основании которого можно сделать вывод о том, что данная тема исследований становится актуальной.

Термин «электоральные новации» появляется в 2000-е гг. в связи с появлением новых технологий, повлиявших решающим образом на установившиеся электоральные институты и практики. Британский исследователь Дж. Смит пишет о 57 новациях в избирательном процессе [2], оценивая инновации по следующим критериям: механизм отбора, форма участия, роль в принятии решений, масштаб и распространение, ресурсные возможности. Инновации им классифицируются, описываются и оцениваются по шести категориям: инновации в области выборов, инновации в области консультаций, инновации в области обсуждения, инновации в области совместного управления, инновации в области прямой демократии и инновации в области электронного управления [2, p. 15].

Актуальными становятся исследования, направленные на выявление инноваций, связанных с технологическими изменениями в избирательном

процессе. Данной теме посвящены публикации М. и С. Херштатт, Дж. Чоут и Р. Смит, А. Михайловской и других ученых.

Среди российских исследователей необходимо выделить работы Н.В. Гришина, А.А. Васецкого и Д.Ю. Иванова, В.И. Захаровой, Е.И. Колюшина, О.С. Морозовой, С. Хамутовской и других российских авторов. Отдельно следует отметить монографию И.Ю. Окунева об электоральной географии, в которой автор концептуализирует и операционализирует явление географического фаворитизма и пространственной диспропорциональности избирательных систем, а также разрабатывает алгоритмы оценки роли пространства в электоральном поведении граждан [3]. А в 2024 г. в Казанском федеральном университете А.И. Дудочниковым была успешно защищена кандидатская диссертация на тему «Электоральное поведение россиян в условиях масштабирования системы дистанционного электронного голосования» [4].

Российская Федерация является одной из наиболее передовых стран по внедрению новых технологий в избирательный процесс. Причем, как свидетельствует статистика, новации не снижают активность граждан, а способствуют вовлечению в избирательный процесс. Так в выборах депутатов Государственной Думы Российской Федерации в 2021 г., когда впервые на общероссийском уровне официально в ряде субъектов применялось дистанционное электронное голосование (ДЭГ), участвовало 51,72% избирателей [5], а в 2016 г., когда ДЭГ еще не был официальной формой голосования – 47,88% [6]. В президентских выборах 2018 г. до использования ДЭГ приняло участие 67,5% [7], а в 2024 г. с применением ДЭГ – 77,49% избирателей [8].

Сфера применения цифровых технологий в избирательном процессе очень широка и включает в себя применение биометрии, использование облачных технологий, блокчейна, искусственного интеллекта. В Российской Федерации цифровые технологии «используются для формирования электронных списков избирателей, а также непосредственно при проведении выборов – для подсчета голосов на выборах и передачи результатов голосования с избирательных участков. Кроме того, широко распространена практика электронного подписания гражданских инициатив, списков поддержки кандидатов на выборах. Геоинформационные системы применяются для делимитации границ и установления контроля за ходом выборного процесса и подсчета голосов» [9, с. 434].

В рамках федерального проекта «Цифровое государственное управление» ЦИК России в своем постановлении о развитии Государственной автоматизированной системы Российской Федерации акцентировал внимание на применении цифровых технологий и платформенных решений на основе преимущественно отечественных разработок, обеспечивающих безопасность и устойчивость их функционирования [10]. В соответствии с российскими нормативными документами «дистанционное электронное голосование представляет собой голосование без использования избирательного бюллетеня, изготовленного на бумажном носителе, с использованием

специального программного обеспечения, установленного на программно-техническом комплексе дистанционного электронного голосования, доступ к которому избирателю предоставляется на специальном портале, размещенном в сети Интернет» [11].

Официально ДЭГ в нашей стране стало применяться с 8 сентября 2019 г. на выборах депутатов в Московскую городскую думу, по результатам которых была выявлена тенденция, которая подтверждалась на последующих выборах: при общей городской явке 21,77% явка избирателей, зарегистрированных для участия в ДЭГ, составила 87,37 % [12, с. 41]. Данный эксперимент проводился на основании соответствующего Федерального закона [13]. Продолжение эксперимента было продлено на 2020 г. на дополнительных выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации седьмого созыва и выборах в органы государственной власти субъектов Российской Федерации, а в 2023 г. ДЭГ уже как официальная выборная технология в 25 субъектах федерации – на дополнительных выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации восьмого созыва.

На выборах депутатов Государственной Думы РФ 19 сентября 2021 г. дистанционное электронное голосование проводилось «в Курской, Мурманской, Нижегородской, Ростовской, Ярославской областях, а также в городах федерального значения Москве и Севастополе» [14]. На выборах Президента Российской Федерации 17 марта 2024 года ДЭГ проводилось уже в 29 субъектах федерации: в 28 субъектах с использованием федеральных государственных информационных систем и в Москве с использованием региональной информационной системы [15].

С 2019 г. в Москве вводятся цифровые избирательные участки [16], а в 2021 и в 2024 гг. была сформирована территориальная избирательная комиссия ДЭГ, срок полномочий которой истек через десять дней со дня официального опубликования результатов выборов, на которых проводилось дистанционное электронное голосование [17].

Дистанционное электронное голосование, кроме выборного процесса, было применено также при проведении общероссийского голосования по вопросу одобрения изменений в Конституцию Российской Федерации 1 июля 2020 г. [18].

Общественное наблюдение за ДЭГ осуществлялось как непосредственно в ПАО «Ростелеком», так и опосредованно через соответствующие сайты с информацией о количестве выданных и принятых бюллетеней. Общественной палатой РФ разработан стандарт общественного контроля за ДЭГ [19], для чего создана специальная группа, состоящая из членов Общественной палаты. Система мониторинга за выборами совершенствуется, поэтому в будущем возможны новые варианты контроля.

Новые формы голосования, к которым относится ДЭГ, имеют как очевидные преимущества, так и недостатки. Среди важнейших преимуществ является удобство данной формы голосования для продвинутых интернет-пользователей, занятых людей, избирателей с ограниченными возможностями,

оперативный и более точный подсчет голосов и другие. К недостаткам, чаще всего, относят «проблему обеспечения тайны голосования, возникновение расходов на приобретение нового технологического оборудования, его тестирование, оценку, сертификацию, необходимость дополнительного обучения сотрудников избирательных комиссий и дополнительного информирования избирателей, а также обеспечение доступа наблюдателей к избирательным процедурам и цифровым аспектам администрирования выборов» [20, с. 16-17].

Среди новаций, связанных с дистанционным электронным голосованием в России, можно отметить достаточно обширную нормативно-правовую базу, регламентирующую проведение ДЭГ в каждом конкретном избирательном цикле, новые электоральные институты, такие как территориальные избирательные комиссии ДЭГ, цифровые избирательные участки, российские информационные системы дистанционного электронного голосования, формирующиеся практики мониторинга за ДЭГ с созданием стандарта общественного контроля.

Таким образом, можно констатировать, что Российская Федерация находится среди стран, которые активно внедряет цифровые технологии в избирательный процесс, на собственном опыте вырабатывает оптимальные институциональные, нормативные и процессуальные практики, а электоральный процесс, как важнейший фактор легитимизации власти, находится на пути постоянного совершенствования в соответствии с новыми технологическими возможностями.

Список литературы

1. Гришин Н.В. Изучение инноваций государственной электоральной политики: обзор научной литературы / Н.В. Гришин // Вестник Пермского университета. Политология. 2024. – Том 18. № 2. – С. 149–159.
2. Smith G. Beyond the ballot: 57 democratic innovations from around the world / G. Smith. – London: The Power Inquiry, 2005. – 133 p.
3. Окунев И.Ю. Электоральная география / И.Ю. Окунев. – М. : Издательство «Аспект Пресс», 2024. – 312 с.
4. Дудочников А.И. Электоральное поведение россиян в условиях масштабирования системы дистанционного электронного голосования: Дисс... канд. социол. наук / А.И. Дудочников. – Казань: КФУ, 2023. – 260 с.
5. О результатах выборов, состоявшихся в единый день голосования 19 сентября 2021 года // Центральная избирательная комиссия Российской Федерации [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.cikrf.ru/smi/informatsionnye-materialy/o-rezultatakh-vyborov-19-sentyabrya-2021-goda.php> (дата обращения 02.07.2024).
6. ЦИК обнародовал результаты выборов в Госдуму // Российская газета. 2016. 23 сент. // RGRU [Электронный ресурс]. URL: <https://rg.ru/2016/09/23/cik-obnarodoval-rezultaty-vyborov-v-gosdumu.html> (дата обращения: 02.07.2024).
7. Результаты выборов Президента Российской Федерации // Центральная избирательная комиссия Российской Федерации [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.cikrf.ru/analog/prezidentskiye-vybory-2018/itogi-golosovaniya/> (дата обращения: 02.07.2024).
8. Результаты выборов. Выборы Президента Российской Федерации // Центральная избирательная комиссия Российской Федерации [Электронный ресурс]. – URL:

- http://www.cikrf.ru/analog/prezidentskiye-vybory-2024/p_itogi/ (дата обращения: 02.07.2024).
9. Баранов Н.А. От недоверия — к легитимации: трудный путь цифровых электоральных технологий на примере России / Н.А. Баранов // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. – 2022. – Т. 24. № 3. – С. 433–446.
 10. Постановление ЦИК России от 30.10.2019 № 231/1727-7 (ред. от 07.08.2020) «Об основных направлениях развития государственной автоматизированной системы Российской Федерации „Выборы“ до 2022 года» // Кодификация РФ [Электронный ресурс]. – URL: https://rulaws.ru/acts/Postanovlenie-TSIK-Rossii-ot-30.10.2019-N-231_1727-7/ (дата обращения: 03.07.2024).
 11. Постановление Центральной избирательной комиссии РФ от 20 июля 2021 г. № 26/225-8 "О Порядке дистанционного электронного голосования на выборах, назначенных на 19 сентября 2021 года" [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/401480714/> (дата обращения: 03.07.2024).
 12. Федоров В.И. Дистанционное электронное голосование и явка избирателей: опыт Эстонии и Москвы / В.И. Федоров // Избирательное законодательство и практика. – 2019. – № 4. – С. 37–42.
 13. Федеральный закон «О проведении эксперимента по организации и осуществлению дистанционного электронного голосования на выборах депутатов Московской городской Думы седьмого созыва» от 29.05.2019 № 103-ФЗ // Официальное опубликование правовых актов [Электронный ресурс]. – URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201905290064> (дата обращения: 03.07.2024).
 14. Постановление ЦИК РФ от 25 мая 2021 года № 7/49-8 «О дистанционном электронном голосовании на выборах 19 сентября 2021 года» // Центральная избирательная комиссия Российской Федерации [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.cikrf.ru/activity/docs/postanovleniya/49340/> (дата обращения: 02.07.2024).
 15. Постановление ЦИК РФ от 20 декабря 2023 г. № 143/1099–8 «О дистанционном электронном голосовании на выборах Президента Российской Федерации, назначенных на 17 марта 2024 года» (документ изменен: постановление ЦИК России от 14 февраля 2024 года № 157/1250-8) // Центральная избирательная комиссия Российской Федерации [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.cikrf.ru/activity/docs/postanovleniya/54274/> (дата обращения: 02.07.2024).
 16. Федеральный закон «О проведении эксперимента по голосованию на цифровых избирательных участках, образованных в городе федерального значения Москве, на дополнительных выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации седьмого созыва и выборах высших должностных лиц субъектов Российской Федерации, проводимых 8 сентября 2019 года» от 29.05.2019 года № 102-ФЗ // Официальное опубликование правовых актов [Электронный ресурс]. – URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201905290056> (дата обращения: 03.07.2024).
 17. Постановление Центральной избирательной комиссии РФ от 20 июля 2021 г. № 26/225-8 "О Порядке дистанционного электронного голосования на выборах, назначенных на 19 сентября 2021 года" // ГАРАНТ.РУ : информационно-правовой портал [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/401480714/> (дата обращения: 03.07.2024).
 18. Постановление ЦИК России «О Порядке дистанционного электронного голосования при проведении общероссийского голосования по вопросу одобрения изменений в Конституцию Российской Федерации» от 04.06.2020 года № 251/1850–7. // ГАРАНТ.РУ : информационно-правовой портал [Электронный ресурс]. – URL: <https://base.garant.ru/74230857/> (дата обращения: 03.07.2024).

19. ДЭГ подвергли стандартизации // Коммерсантъ. 2023. 23 июня [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.kommersant.ru/doc/6069514> (дата обращения: 03.07.2024).
20. Цифровизация и выборы / И.И. Мушкет, Д.Н. Барышников, И. Букатару [и др.]. – Санкт-Петербург: Секретариат Совета МПА СНГ, 2021. – 104 с.

Попова О.В.
Popova O.V.

ГРАЖДАНСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ СОЦИАЛИЗАЦИИ²

CIVIL IDENTITY IN THE CONTEXT OF DIGITAL POLITICAL SOCIALIZATION

Аннотация. В докладе рассматриваются содержание, специфика и взаимосвязь таких феноменов, как гражданская идентичность и цифровая политическая социализация. Поднимаются проблемы выявления наиболее значимых факторов, определяющих границы влияния на формирование заданных моделей гражданской идентичности. Особое внимание уделяется такому социальному феномену, как «цифровые кочевники» и трансмигранты.

Ключевые слова: гражданская идентичность, интернет-социализация, политическая социализация в интернет-пространстве, молодежь, лидеры общественного мнения.

Summary. The report examines the content, specificity and interrelation of such phenomena as civil identity and digital political socialization. It raises the issues of identifying the most significant factors that determine the boundaries of influence on the formation of given models of civil identity. Particular attention is paid to such a social phenomenon as "digital nomads" and transmigrants.

Key-words: civic identity, online socialization, political socialization in digital space, youth, opinion leaders.

Согласно современному пониманию идентичности как установки индивидуального и массового сознания, этот феномен характеризует отражает не только саморефлексию индивидов и групп, состояние и тенденции изменения общественных настроений, но и проекцию представлений людей в политическое действие [1, с. 446–463]. Гражданская идентичность в современной политической науке — сложившаяся категория. Если 12-13 лет назад в отечественном научном дискурсе звучали голоса в поддержку точки зрения, согласно которой смысл гражданской идентичности — в самоотнесении индивида с политическими взглядами определенных гражданских активистов и/или политической позицией институтов гражданского общества по самым острым проблемам социальной жизни, то в наше время доминирует подход, когда объект идентификации определяется как «моя страна», «мое государство», а данная установка политического сознания связана именно с принятием внутренней и внешней политики, всей совокупности транслируемых политико-административной элитой населению символов, ценностей, традиций и норм функционирования государства.

² Доклад подготовлен при финансовой поддержке ЭИСИ (конкурс грантов 2024 г.) в рамках научно-исследовательского проекта № 1024030200055-0 «Государственно-гражданская идентичность российской молодежи в онлайн-пространстве: особенности формирования, политический потенциал, перспективы управленческого воздействия», выполненного в ИНИОН РАН.

Гражданская идентичность и политическая лояльность — не тождественные феномены. Территориальный аспект гражданской идентичности, безусловно, является значимой характеристикой. С учетом указанного обстоятельства использование понятия «государственно-гражданская идентичность» вполне корректно, оно по сути совпадает с понятием «гражданская идентичность».

Сложность обсуждения феномена гражданской идентичности связана с рядом обстоятельств. В последние десятилетия значительно интенсифицировались межстрановые миграционные потоки, в которые вовлекается прежде всего молодежь. Международные корпорации, как стартапы, так и существующие на рынке многие годы, достаточно активно нанимают на конкурсной основе по контрактам сроком на 1-5 лет специалистов из разных государств. Несмотря на возросшую напряженность в мире, «охота за головами», влекущая за собой «утечку мозгов», не прекращается. «Цифровые кочевники» и «трансмигранты», несмотря на относительную немногочисленность, становятся все более заметным социальным феноменом [2, с. 65–85].

В современном мире парадоксальным образом сочетаются процессы глобализации, постглобализации, глокализации, когда понимание значимости государства как основного политического субъекта получает совершенно разные интерпретации даже в коротком временном отрезке. Определенными политическими силами поддерживается идея, что патриотизм как основа государственно-гражданской идентичности утрачивает свое значение, поскольку современный человек имеет достаточно широкие возможности выбора места своего проживания. Категорически не соглашаясь с тезисом об утрате роли патриотизма в формировании государственно-гражданской идентичности, отметим, что понимание патриотического чувства как готовности пожертвовать жизнью ради своей страны и ее будущего представляет собой предельную степень проявления этого качества, однако стремление жить на своей земле и трудиться на благо соотечественников и будущих поколений также следует рассматривать как проявление патриотических чувств. Общегражданская идентичность служит стабилизации политической системы и снижает риски роста политической напряженности и конфронтации социальных групп [3, с. 25–32].

Проблема ограниченности управленческого воздействия на формирование различных видов политической идентичности молодежи активно обсуждается в отечественной политологии с середины прошлого десятилетия, при этом признается существенная (в некоторых случаях и доминирующая) роль государства [4, с. 19–26; 5, с. 66–72; 6, с. 231–239]. В зарубежной научной литературе последних лет активно дискутируется вопрос о возможности противостояния правому популизму и радикализму [7] в контексте управленческого воздействия на различные формы идентичности граждан [8, р. 1–23; 9, р. 51–71; 10].

Формирование государственно-гражданской идентичности осуществляется в рамках процесса политической социализации, включая такой ее этап, как ресоциализация под воздействием существенных системных

обстоятельств, меняющих политическую картину мира людей. С учетом проводимого в онлайн-пространстве времени, а также того, что интернет все большее количество исследователей определяют не только как пространство коммуникации, но и как политический институт [11, с. 217–219], есть серьезные основания говорить о феномене цифровой политической социализации будущих поколений.

Политическая коммуникация в социальных сетях во многом определяет тренды развития политических представлений молодежи. Соответственно, необходимо понимание предпочитаемых молодежью стратегий коммуникации и самопрезентации лидеров общественного мнения (ЛОМов), которые оказывают максимальное воздействие на политическое сознание молодых людей. Идентичность, безусловно, связана с политическим доверием [12, с. 599–619; 13]. Для молодежи в качестве объектов такого доверия, как показывают исследования, достаточно часто более привлекательными оказываются не политики, а блогеры, которые транслируют успешность собственной жизни и финансовых проектов и подспудно, незаметно, а подчас и акцентированно предлагают своей аудитории определенную систему политических взглядов [14, с. 140–162].

Попытки с помощью количественных показателей числа подписчиков, просмотров материалов каналов в мессенджерах и страничек групп в социальных сетях объективно оценить степень влиятельности политических блогеров показывают лишь относительную устойчивость аудитории тех или иных популярных интернет-персон (см., например: https://whatstat.ru/channels/news_politics; <https://news.myseldon.com/ru/news/index/247512751>; <https://www.mlg.ru/ratings/socmedia/telegram/13159/?ysclid=m03rcn58et429983884>; <https://svpressa.ru/politic/article/274415/?ysclid=m03r7tu048313813302>).

Спецификой цифровой политической социализации является расширение возрастных границ изменчивости политических взглядов, снижение критического восприятия информации из социальных сетей при сокращении круга лиц, чьи политические взгляды вызывают доверие, размывание этапов формирования устойчивых политических установок. От результатов политической социализации молодежи в новых «цифровых» условиях во многом будет зависеть будущее государства, но необходимо отдавать отчет в том, что «слепить» идеального «массового гражданина» невозможно, а потому необходимо точно понимать, каковы пределы корректировки или управления формированием основных политических установок молодежи.

Результатом формирования гражданской идентичности в процессе политической социализации может стать один из четырех вариантов: а) наличие четких представлений о позитивных и негативных образцах «правильных» и «неправильных» государств, что формирует неоднозначное, но достаточно глубокое отношение к «своему» государству; б) некритическое восприятие образа «своего» государства без опоры на сравнение с существенными характеристиками других стран, формирующими систему отношений «государственное управление – гражданин»; в) четкое

представление о том, какой не должна быть страна проживания и достаточно ситуативное позитивное отношение «своему» государству, чаще всего построенное на самооценке условий и качества жизни индивида как вполне приемлемых без глубокой рефлексии того, на каких принципах построена жизнь в этой стране; г) индифферентное отношение к стране проживания, отсутствие чувства гражданственности, интереса к высоким образцам проявления гражданского чувства.

Список литературы

1. Семененко И.С. Концепт идентичности в изучении политики / И.С. Семененко // Современная политическая наука: Методология / отв. ред. О.В. Гаман-Голутвина, А.И. Никитин. – М. : Изд-во «Аспект Пресс», 2019. – С. 446–463.
2. Попова О.В. Механизмы формирования гражданской идентичности: традиционные модели и налагаемые интернет-идентичностью ограничения у «трансмигрантов» и «цифровых кочевников» / О.В. Попова // Гражданская идентичность россиян: Современный политический концепт / под науч. ред. О.А. Коряковцевой. – Ярославль : РИО ЯГПУ, 2022. – С. 65–85.
3. Абрадова Е.С. Влияние национально-государственной идентичности на социально-политическую стабильность российского общества: обзор актуальных исследований отечественных авторов / Е.С. Абрадова // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. – 2022. – № 12 (6). – С. 25–32.
4. Ачкасов В.А. Национальная идентичность как исторический нарратив / Н.В. Гришин // Управленческое консультирование. – 2018. – №10 (118). – С. 19–26.
5. Гришин Н.В. Государство как субъект политики формирования идентичности / Н.В. Гришин // Каспийский регион: политика, экономика, культура. – 2019. – № 3. – С. 66–72.
6. Гришин Н.В. Государственная политика идентичности: новая ставка в политической борьбе? / Н.В. Гришин // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. – 2020. – № 55. – С. 231–239.
7. Fukuyama F. Identity: Contemporary identity politics and the struggle for recognition / F. Fukuyama. – Profile books, 2018.
8. Grassi E.F.G., Portos M., Felicetti A. Young People's Attitudes towards Democracy and Political Participation: Evidence from a Cross-European Study / E.F.G. Grassi, M. Portos, A. Felicetti // Government and Opposition. 2023. – P. 1–23.
9. Plišin V., Gvozdanić A., Potočnik D. Contradictory tendencies in the political culture of Croatian youth: unexpected anomalies or an expected answer to the social crisis? / V. Plišin, A. Gvozdanić, D. Potočnik // Journal of youth studies. – 2018. – Vol. 21. №. 1. – P. 51–71.
10. Malafaia C, Ferreira PD and Menezes I. Democratic Citizenship-in-the-Making: Dis / Engagement Profiles of Portuguese Youth. Front. Polit. Sci, 2021. 3:743428. doi: 10.3389/fpos.2021.743428
11. Никипорец-Такигава Г.Ю. Интернет как полиический институт в новых политических реалиях / Г.Ю. Никипорец-Такигава // Политические институты в современном мире: коллапс или перезагрузка? / под ред. О.В. Поповой. – СПб.: Скифия Принт, 2023. – С. 217–219.
12. Попова О.В., Лагутин О.В. Политические настроения молодежи: лояльность или протест? / О.В. Попова, О.В. Лагутин // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. – 2019. – Т. 21. № 4. – С. 599–619.
13. Веселов Ю.В., Карапетян С.Р., Белова М.В. и др. Доверие в цифровом мире / Ю.В. Веселов, С.Р. Карапетян, М.В. Белова и др. – М.: Ай Пи Ар Медиа, 2023.

14. Попова О.В., Гришин Н.В. Политическая идентичность российской молодежи в самооценках и оценках экспертов / О.В. Попова, Н.В. Гришин // Политическая наука. – 2023. – № 2. – С. 140–162.

Бабаджанян П.А., Соколов А.В.
Babajanyan P.A., Sokolov A.V.

ПОЛИТИЧЕСКИЙ АБСЕНТЕИЗМ КАК ПОСЛЕДСТВИЕ ВВЕДЕНИЯ СОЦИАЛЬНОГО РЕЙТИНГОВАНИЯ³

POLITICAL ABSENTEEISM AS A CONSEQUENCE OF THE INTRODUCTION OF SOCIAL RATING

Аннотация. Развитие цифровых технологий существенно влияет на функционировании общественно-политических институтов, формирование общественного мнения и политических предпочтений. Они позволяют накапливать данные о поведении и предпочтениях граждан. Тем самым формируется возможность разработки и внедрения различных систем социального рейтингования. В результате актуализируется вопрос о том, как введение системы социального рейтингования сможет повлиять на активность граждан в политической сфере и способна ли она привести к политическому абсентеизму. Для достижения цели исследования было проведено 32 глубинных интервью экспертов по полуформализованной анкете. Результаты работы экспертных интервью позволяют понять, какое значение имеет социальное рейтингование в потенциальном формировании и развитии политического абсентеизма и какие риски могут возникать в связи с этим.

Ключевые слова: социальный рейтинг, политический абсентеизм, неучастие, цифровые технологии, оценивание

Summary. The development of digital technologies significantly affects the functioning of socio-political institutions, the formation of public opinion and political preferences. They allow you to accumulate data on the behavior and preferences of citizens. This creates the possibility of developing and implementing various social rating systems. As a result, the question of how the introduction of a social rating system can affect the activity of citizens in the political sphere and whether it can lead to political absenteeism is being updated. To achieve the purpose of the study, 32 in-depth interviews of experts on a semi-formalized questionnaire were conducted. The results of the expert interviews allow us to understand the importance of social rating in the potential formation and development of political absenteeism and what risks may arise in this regard.

Keywords: social rating, political absenteeism, non-participation, digital technologies, assessment

Введение

В последние годы в России внимание общества все больше привлекает система социального рейтингования, получившая широкую огласку в связи с внедрением различных технологий для оценки поведения граждан. С одной стороны, эта система, ориентированная на мониторинг и анализ активности граждан в социальной сфере, способна гарантировать не только оптимизацию доступа к государственным услугам, но и повышение уровня доверия к власти. С другой стороны, социальное рейтингование может стать причиной роста политического абсентеизма среди граждан, который характеризуется

³ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-28-00728 «Политические последствия социального рейтингования граждан», <https://rscf.ru/project/24-28-00728>

сознательным отказом от участия в политической коммуникации что представляет серьезную проблему для общества и государства [1, с. 91-92].

Введение социального рейтингования, оценивающего поведение и благонадежность граждан, может усугубить ситуацию с абсентеизмом. Граждане, недовольные вмешательством государства в их частную жизнь и ограничением свобод, могут выразить протест путем бойкота различных политических процессов. Особенно актуальна эта проблема для молодежи, которая и так склонна к абсентеизму из-за недоверия к власти и политической системе [2, с. 93].

Таким образом, введение социального рейтингования может стать катализатором роста политического абсентеизма, что негативно скажется на легитимности власти и стабильности политической системы. Необходимо изучить эту проблему более подробно, чтобы разработать меры по предотвращению возможных последствий. В данной статье мы рассмотрим, как социальное рейтингование может способствовать увеличению политического абсентеизма и какие последствия повлечет для общества и государства.

Теоретическая рамка исследования

В настоящее время абсентеизм можно рассматривать как результат рационального выбора граждан, принимающих решение намерено не участвовать в политической коммуникации или деятельности, по причине неудовлетворенности положением дел в обществе и своим «неучастием» [3, с. 356] пытающихся обратить внимание властей на существующие проблемы [4, с. 67].

Существует множество причин, способствующих развитию политического абсентеизма. К основным относятся:

- недоверие к политическим институтам и представителям;
- отсутствие реальной возможности изменить что-то через участие в выборах;
- низкая политическая грамотность и образованность населения;
- отсутствие привлекательных кандидатов или партий;
- усталость от постоянной политической агитации и скандалов [5, с. 54-55].

В тоже время, эксперты обращают внимание, что новой причиной развития абсентеизма среди населения может стать введение системы социального рейтингования – индикатора, который отражает уровень адаптации, соответствия определенным стандартам и влияния каждого человека в рамках группы или социальной системы (он способен изменяться под воздействием различных факторов, таких как личные качества, достижения, статус и тип взаимодействия с обществом). Система социального рейтинга (или социальной оценки) служит инструментом для мониторинга гражданской активности, основываясь на анализе множества критериев [6, с. 61-62]. С помощью рейтингового балла с использованием специализированных алгоритмов обработки данных формируется перечень

возможностей и услуг, доступных для каждого индивидуума. Чем выше балл, тем больше возможностей и привилегий имеет гражданин, а также тем меньше он подвергается негативным воздействиям.

Введение систем оценки, в том числе социального рейтингования, может усугубить абсентеизм, так как граждане могут чувствовать, что их действия и мнения не имеют значения в контексте более широких социальных оценок [7, с. 76-77]. По мнению отечественных исследователей, существует множество причин предполагать, что введение социального рейтингования отрицательно скажется на политической активности граждан. Среди них:

Ограничение личной свободы и приватности. Один из основных минусов системы социального рейтинга – это её способность сужать свободу личности и вторгаться в частную жизнь граждан. Прозрачность и доступность данных дают государству и другим участникам возможность следить за действиями и поведением каждого человека в обществе. Это может привести к самоцензуре, страху и ограничениям в таких правах и свободах, как свобода слова и выражения мнений.

Потенциал манипуляций и ошибок. Социальный рейтинг может быть использован как инструмент для манипуляции и неправильной интерпретации действий граждан. Оценка поведения может носить субъективный характер и зависеть от тех, кто управляет правилами рейтинговой системы. Это может вызвать предвзятую оценку и несправедливый рейтинг конкретного человека или, наоборот, дать преимущество другим.

Формирование атмосферы недоверия. Внедрение социального рейтинга может способствовать возникновению враждебной среды. Сознание о том, что их поведение оценивается, может заставить людей терять искренность в отношениях. Общая ответственность и страх потери рейтинга могут подавлять индивидуальные инициативы, что, в свою очередь, затрудняет инновации и креативность в обществе [8, с. 786-787].

Таким образом, в отечественной литературе предпринимаются попытки осмысления влияния систем социального рейтингования на политический абсентеизм граждан. Однако на данный момент мало рассматриваются условия и причины, по которым введение социального рейтингования может стать катализатором для развития политического абсентеизма

Методы исследования. Цель исследования – определение причин как социальное рейтингование может способствовать увеличению политического абсентеизма.

Исследование проводилось в апреле-июне 2024 года.

Для достижения цели исследования было проведено 32 глубинных интервью экспертов по полуформализованной анкете. Интервью проводились по единому инструментарию в смешанном формате: часть взята очным интервьюированием, часть посредством дистанционных технологий связи. В число экспертов вошли государственные служащие, депутаты, специалисты в сфере цифровых технологий, сотрудники администрации вузов и преподаватели.

Основная часть (результаты сбора данных). По результатам исследования, часть экспертов отмечает, что введение социального рейтингования может привести к увеличению политического абсентеизма среди определенных групп населения. Одной из причин этого является возможное ощущение недоверия и недовольства со стороны граждан, которые могут рассматривать рейтинговую систему как форму контроля и ограничения их свободы.

Кроме того, последствием социального рейтингования, по мнению экспертов, может стать усиление политической апатии среди граждан, поскольку некоторые из них могут потерять интерес к участию в общественной жизни из-за страха перед возможными негативными последствиями, связанными с их рейтингом. Следствием этого выступит уменьшение активности избирателей, участников общественных движений и других форм политической деятельности.

В целом некоторые эксперты сошлись во мнении, что система социального рейтингования может создать ощущение, что индивидуальные действия не имеют значения, так как результаты определяются алгоритмами. Граждане могут почувствовать, что их голоса не учитываются, и что их участие в политическом процессе не влияет на результаты. В итоге возобладает апатия и низкая мотивация участвовать в различных формах политической активности.

Более того, несовершенная система социального рейтингования может быть использована для подавления инакомыслия и критики власти. Потенциально граждане могут опасаться, что выражение своих политических взглядов негативно повлияет на их рейтинг, приводя к дискриминации и ограничениям. Всё это может заставить людей молчать и избегать участия в политической жизни.

Также эксперты отметили, что система социального рейтингования может подорвать доверие к политическим институтам, так как она создает ощущение, что политические решения принимаются исключительно алгоритмами, которые не всегда объективны. В итоге это может привести к тому, что люди будут воспринимать политическую систему как несправедливую и неэффективную, и не будут стремиться к участию в ней.

В тоже время эксперты отметили, что введение социального рейтингования может привести к различным последствиям для политической системы, как позитивным, так и негативным в зависимости от конкретных принципов и целей ее реализации, а также адекватной процедуры тестирования данной системы.

Выводы. Введение системы социального рейтингования может привести к повышению уровня абсентеизма среди граждан, особенно в молодежной среде, где наблюдается осознанный отказ от участия в выборах. Это связано с тем, что социальное рейтингование может восприниматься как инструмент контроля и манипуляции, что, в свою очередь, вызывает недовольство и недоверие к политической системе.

Согласно результатам исследования, политический абсентеизм возникает в условиях, когда граждане чувствуют себя отчужденными от политических процессов и не видят реальной возможности влиять на их исход. В условиях социального рейтингования, которое может усиливать неравенство и социальную несправедливость, граждане могут воспринимать участие в выборах как бесполезное занятие, что усугубляет проблему абсентеизма.

Таким образом, для эффективного решения проблемы абсентеизма необходимо не только анализировать его причины, но и разрабатывать стратегии, направленные на восстановление доверия граждан к политическим институтам. Это включает в себя повышение прозрачности политических процессов, активное вовлечение молодежи в политическую жизнь и создание условий для конструктивного диалога между властью и обществом. Более того, целесообразно подчеркивать важность индивидуального участия граждан в процессе принятия решений и влияния на функционирование политических институтов. В условиях всеобщей цифровизации и распространения пока еще локальных систем социального рейтингования представляется целесообразным повышать осведомленность граждан о принципах функционирования новых технологических решений и вовлекать их в создаваемые институты контроля над их деятельностью.

Список литературы

1. Русских Л.В., Сумина А.А. Абсентеизм как модель политического поведения / Л.В. Русских, А.А. Сумина // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Социально-гуманитарные науки. – 2018. – Т. 18, № 4. – С. 90–94. – DOI 10.14529/ssh180412.
2. Матюхин А.В., Давыдова Ю.А. Политический абсентеизм как часть мировоззрения студенческой молодежи города Москвы / А.В. Матюхин, Ю.А. Давыдова // Журнал политических исследований. – 2022. – Т. 6, № 3. – С. 91–105. – DOI 10.12737/2587-6295-2022-6-3-91-105.
3. Селиванова А.О. Формы политического участия: проблема типологизации / А.О. Селиванова // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. – 2017. – Т. 17, № 3. – С. 354–357.
4. Строганова А.Д. Методы преодоления социально-политического абсентеизма и повышения электоральной активности молодого поколения / А.Д. Строганова // Интернаука. – 2021. – № 3-1(179). – С. 66–67
5. Савичев А.А. Теоретико-правовое осмысление абсентеизма в социально-политическом пространстве // Мониторинг правоприменения. – 2017. – № 4(25). – С. 53-56
6. Рувинский Р.З., Рувинская Е.А., Комарова Т.Д. Общественное восприятие практик цифрового профилирования и социального рейтингования: ситуация в России и Китае / Р.З. Рувинский, Е.А. Рувинская, Т.Д. Комарова // Социодинамика. – 2021. – № 12. – С. 56–76. DOI: 10.25136/2409-7144.2021.12.36824
7. Федорченко С.Н. Мировоззрение в условиях цифровизации государства / С.Н. Федорченко // Журнал политических исследований. – 2022. – Т. 6, № 3. – С. 69–90. – DOI 10.12737/2587-6295-2022-6-3-69-90
8. Васильева Е.И. Социальный рейтинг в Китае и России: перспективы и риски применения / Е.И. Васильева // Научные труды студентов Ижевской ГСХА: Сборник статей. – Ижевск: Удмуртский государственный аграрный университет. – 2023. – С. 785–788.

КРИТЕРИИ ОБЪЕДИНИТЕЛЬНОГО ПРОЕКТА: ВОЗМОЖНЫ ЛИ СОЦИАЛЬНЫЕ КОММУНИКАЦИИ МЕЖДУ РОССИЕЙ И ПОСТУКРАИНОЙ?

CRITERIA FOR A CLIMATE PROJECT: ARE SOCIAL COMMUNICATIONS POSSIBLE BETWEEN RUSSIA AND POST- UKRAINE?

Аннотация: в данной статье приводятся результаты социологического исследования, анализирующего основы происходящей интеграции как процесса пересборки территорий на основе новых вводных международной системы. Описываются критерии объединительного проекта и приводятся рассуждения о возможности достижения социальных коммуникаций между Россией и постУкраиной.

Ключевые слова: общественное согласие, постконфликтное общество, социальная медиааналитика, большие данные.

Annotation: this article presents the results of a sociological study that analyzes the foundations of the ongoing integration as a process of reassembling territories based on new inputs of the international system. The criteria for the unification project are described and discussions are given about the possibility of achieving social communications between Russia and post-Ukraine.

Keywords: public consent, post-conflict society, social media analytics, big data.

Проект начавшейся евразийской интеграции основан на социально-культурной миссии России, на альтернативности Западу с его политикой «управляемого хаоса», на многообразии и уникальности всего мира в целом. Вместе с тем потребность в интеграции своего цивилизационного пространства для России является естественной. Для осуществления таких масштабных исторических процессов как проект евразийской интеграции на постсоветском пространстве необходимы объективные основания. У России они есть: особый культурно-цивилизованный код, успешный опыт создания сверхсложных социальных систем (Российская империя и СССР), опыт переустройства мировой социально-экономической системы в практике системного антикапитализма (страны Варшавского блока) и др.

Цивилизационные основания интеграции Новороссии в российское пространство можно рассматривать в качестве трех принципов: первый — как составляющую национальной идеи; второй — связанность общей исторической судьбой народов постсоветского пространства; третий — формирование российской идентичности в рамках создаваемой евразийской цивилизации через отражение полиэтничного и поликонфессионального характера постсоветского пространства, положения России как моста между Востоком и Западом.

Описание исследования. В период сентября-октября 2022 года было проведено социологическое исследование методом онлайн-анкетирования с объемом выборки — 500 респондентов жителей городов и сел Донецкого,

Луганского, Запорожского, Херсонского и Харьковского регионов. Также было проведено киберметрическое исследование с общим объемом выгрузки сообщений 977 999 единиц по пяти региональным интернет-сегментам, выгруженных в период с 1 по 22 сентября 2022 года.

Факторы, препятствующие и способствующие процессу эффективных социальных коммуникаций. Респонденты считают, что содержательные характеристики образа русского человека таковы: общая история (78%), культурные традиции (70%), язык (67%), родная земля (66%), образ жизни и менталитет (62%), близость с ценностями Русского мира (58%). Фактически эти критерии свидетельствуют о когнитивно-ценностном уровне восприятия русского человека, которое присутствует в различных поколениях жителей анализируемых регионов.

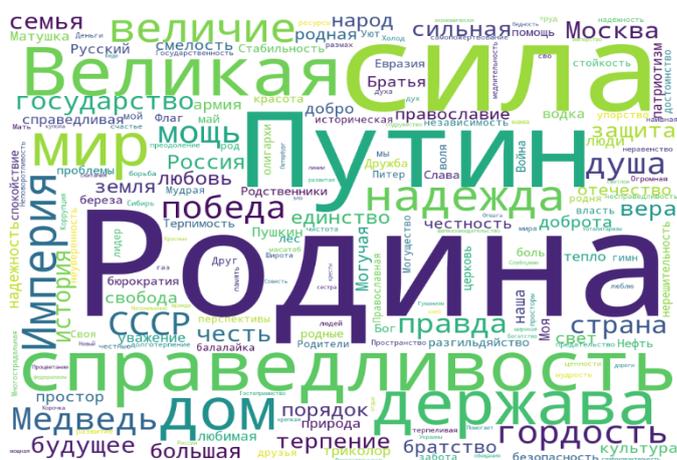

Рис. 1. Ответы из открытого вопроса, характеризующие образ России

Признаки украинца, по мнению опрошенных, – географическая близость (68%), язык и менталитет (по 54%), родная земля (49%).

Географическая близость отмечало поколение, которое росло после распада СССР и проживало на Украине как отдельном государстве (18-30 лет – 65%). Лингвистическая характеристика значима для молодежи и поколения сорокалетних (18-40 лет – 57%), чье детство пришлось на распад СССР, а взросление происходило в новой политической реальности с проукраинской повесткой, украинизацией, продвижением украинского языка как государственного, что в значительной степени сокращало возможности использования в Украине русского языка. Об общем менталитете заявили люди старшего возраста 54-60 лет (61%), которые в полной степени смогли пронаблюдать результаты украинской пропаганды, направленной на трансформацию коллективной памяти и идентичности в целом. Родная земля является как объединяющим, так и дезинтегрирующим фактором: и русские, и украинцы защищают свою территорию, то есть родная земля выступает одной из основ гражданского конфликта.

Рис. 2. Ответы из открытого вопроса, характеризующие образ Украины

Консолидирующие и дезинтегрирующие факторы русского и украинского народов. В качестве факторов, объединяющих русский и украинский народы, респондентами были в большей степени выбраны «родная земля» (32%) и «история» (30%).

В качестве дезинтегрирующего критерия большинство респондентов выбрали «бандеровское движение» (61%), основой которого являются идеи национализма. В современной Украине данная идеология возродилась и используется против России в идеологических, политических, информационных, социальных и когнитивных коммуникациях.

Данный фактор действительно является разъединяющим, тем не менее, не выступает первопричиной, а скорее инструментом, используемым извне и изнутри для формирования ненавистнических настроений и «стирания» русского и русскости в сознании людей. При этом данный инструмент нельзя назвать успешным по причине того, что среди опрошенных (60%) преобладает тезис о том, что «у России и Украины есть общая объединяющая угроза – нацизм и коллективный Запад».

Представление о Русском мире. В равной степени опрошенные всех возрастов считают, что к понятию «Русский мир» относятся территории Российской империи и Советского Союза в границах 1992 года (по 33%). Это объясняется коллективной памятью – когнитивным фактором, сформированным поколениями и общей исторической судьбой.

русского народа. Высокий уровень поддержки действий российского лидера старшим поколением объясняется ожиданием справедливости: с одной стороны, оно наблюдало распад СССР и кризис постсоветской эпохи, с другой стороны, видит действия современной России и ее президента, восстановившего российскую экономику и не допустившего нахождения страны на периферии международной арены (рис. 5).

Рис. 5. Ответы из открытого вопроса, характеризующие образ «собирающих русских земель»

Критерии объединительного проекта: социально-политические коммуникации России и постУкраины. Тезис о том, что «Россия должна предложить новый большой идеологический и социальный проект, как когда-то СССР» одобряют 67% опрошенных, а с тем, что основой такого проекта должна стать общая идеология согласны 63%. Оба тезиса коррелируются с евразийскими идеями и мыслями современных неоевразийцев, которые видят развитие новой России в достижении технологического, финансового, информационного, культурного суверенитетов, а также в создании собственной идеологии и государственной стратегии.

35% опрошенных считают, что интеграция постукраинских регионов с Россией должна происходить политическим путем – через референдумы (34%) и принятие геополитических решений – воссоединение исторических земель. Причем так считает и молодое поколение в возрасте до 30 лет (48%), так и люди старшего возраста 67-70 лет (48%).

Выводы. Проведенное исследование показало, что феномен интеграции в настоящее время направлен на описание процесса пересборки территорий на основе новых вводных международной системы, которая находится в состоянии переформатирования миропорядка и оформления многополярной системы международных отношений.

На постсоветском пространстве сложились определенные социальные условия, стимулирующие интеграционные процессы. Во-первых, они обусловлены актуализацией формирования новой наднациональной идентичности с возможностью пересборки территорий большой исторической России. Во-вторых, наблюдается потребность в формулировании социального

проекта, создании и поддержании конкурентоспособной «большой социальной и идеологической идеи». В-третьих, успешность реализации интеграционного проекта зависит от наличия пассионарной элитарной группы и ее лидера, которые готовы «собирать» земли. В-четвертых, одним из фундаментальных условий интеграции является финансовая и экономическая самостоятельность, прогрессивное развитие внутреннего рынка. В-пятых, интеграция стимулирует процессы сотрудничества национальных государств.

С учетом тех вызовов и угроз, которые сформировались вокруг России и на постсоветском пространстве, в частности, наше государство прибегает к использованию интеграционных практик.

Результаты проведенного киберметрического исследования свидетельствуют о трансформации интернет-контента на интегрированных территориях и территориях, вовлеченных в конфликт. Наблюдения показывают, что военный фактор и процессы реинтеграции не перестраивают инфраструктуры российской и украинской интернет-сети. Скорее, наоборот, информационная повестка двух сторон конфликта обостряется.

Во-вторых, тематический дискурс украинского интернет-контента не концентрируется вокруг военной повестки, а, в первую очередь, направлен на «стирание» и «расчеловечивание» России и русских в сознании украинского народа.

Выявлен новый исследовательский факт – из сегментов сети конфликтных регионов уходит их административная привязка, а возникает связь с физическими географическими картами, а именно происходит смещение границ постукраинских административных территорий и формируются границы фронта и гражданского конфликта.

Научная значимость полученных исследовательских результатов состоит в поиске критериев объединительного проекта с возможностью достижения эффективных социальных коммуникаций в регионах, находящихся в состоянии конфликта и постконфликта. Полученные результаты могут способствовать разработке обоснованных рекомендаций по укреплению геополитического статуса Российской Федерации в новых субъектах России через формирование повестки дня и управления информационными потоками в условиях идеологического и когнитивного противостояний основных мировых акторов.

СЕКЦИЯ 1. ВНУТРЕННЯЯ ПОЛИТИКА РОССИИ

Арутюнов А.Г.
Arutynov A.G.

ЦИФРОВАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ ИЗБИРАТЕЛЬНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В РЕГИОНАХ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

DIGITAL TRANSFORMATION OF ELECTORAL TECHNOLOGIES IN THE REGIONS OF THE RUSSIAN FEDERATION

Аннотация. В статье рассматриваются аспекты цифровой трансформации избирательных процессов на региональном (субъектовом) уровне в Российской Федерации. Выявляются общие для большинства регионов особенности использования политико-цифровых технологий, которые носят одновременно массовый характер реализации и в тоже время сами оказывают влияние на региональный политический процесс.

Ключевые слова: выборы, политико-цифровые технологии, регионы, субъекты Российской Федерации, электоральные процессы.

Summary. The article deals with aspects of the digital transformation of electoral processes at the regional (subject) level in the Russian Federation. The features of the use of political and digital technologies common to most regions are revealed, which are both massive in nature and at the same time themselves have an impact on the regional political process.

Key-words: elections, political and digital technologies, regions, subjects of the Russian Federation, electoral processes.

Исследование выполнено в лаборатории политико-правовых и социально-экономических исследований Владивостокского государственного университета в рамках проекта № FZUG-2024-0006 «Прошлое, настоящее и будущее России в цифровую эпоху: формы и механизмы противодействия негативным контентам и фальсификациям» при поддержке Министерства науки и высшего образования РФ и Экспертного института социальных исследований.

На сегодня можно констатировать широкое внедрение цифровых технологий в избирательный процесс, при этом большинство из них реализуются политическими акторами в том числе на уровне региона именно как политико-цифровые технологии. Порой цифровые и электронные технологии внедряются в самые неожиданные области политической сферы региона, к примеру используются в формировании молодёжных совещательных органов (молодёжных парламентов и правительств) [1, с. 26]. В рамках данной проблематики особо необходимо выделить работы Акоповой Татьяны Сергеевны [2, с. 6], которая является не только выдающимся исследователем политологом, но и также членом единого ТИК ДЭГ, в своих работах она определяет ДЭГ (дистанционное электронное голосование) как цифровую политическую технологию, существенно влияющую на цифровую трансформацию политического процесса [3, с. 78]. Цифровые технологии как политические широко рассматриваются именно в контексте ДЭГ, например Фёдоровым Владиславом Ивановичем, который указывает на ДЭГ как на важную часть составляющей политикотехнологического обеспечения

избирательного процесса. Для реализации исследования этого вопроса были выбраны качественные социологические методы, реализованные посредством глубинного интервью экспертов в десяти регионах Российской Федерации.

По результатам обработки, анализа и обобщений полученных результатов можно сделать ряд выводов. Так, к перечню актуальных политико-цифровых технологий можно отнести: использование электронного и дистанционного электронного голосования, использование электронных систем подсчёта голосов, использование онлайн-банкинга при ведении избирательного счёта, использование онлайн-фандрайзинговых кампаний, различное использование социальных сетей и мессенджеров при информировании о выборах и агитации на выборах, а также во время проведения информационных пиар-кампаний и наконец появление возможности сбора подписей онлайн и отдельно само использование онлайн-подписи кандидатами и их представителями.

Отметим, что выше обозначенные технологии внедрялись и внедряются не равномерно в пространственном отношении, а также неодновременно. Однако все они оказывают существенное влияние на политические системы регионов, а также в рамках среднесрочных (в большинстве случаев) прогнозов будут внедрены во всех регионах Российской Федерации. Если хотя бы этот перечень политико-цифровых технологий на региональном уровне будет внедрён во всех субъектах, то можно говорить о действительном этапе завершения цифровой трансформации регионального избирательного процесса. При этом полное окончание цифровой трансформации не может быть чётко предсказано и определено, поскольку цифровые технологии постоянно развиваются и сами видоизменяются. Под завершённостью этапа цифровой трансформации может подразумеваться лишь всеобъемлющий относительно каждого региона переход от полностью аналоговых технологий к смешанной цифровой с элементами аналоговой системе.

Особо важным является то, что процесс цифровизации электоральных процессов в регионах осуществляется по двум основным направлениям. Первое из которых – это информационное направление, к нему относятся все политико-цифровые технологии, сопряжённые с вопросами ведения агитации и информирования о выборах. Второе направление – процессуальное, оно относится к вопросам введения цифровых элементов, необходимых для регистрации и взаимодействия с избирательными комиссиями для кандидатов, а также аспекты связанные с голосованием и подсчёта голосов. Заметим, что как видно из этой классификации цифровыми технологиями пользуются все участники избирательного процесса: и кандидаты, и избиратели, и избирательные комиссии и даже сотрудники избирательных штабов, а также политтехнологи и политконсультанты. Важной деталью является то, что цифровые технологии становятся не только технологической новеллой, но и как бы восполнением и дополнением офлайн технологий. Справедливо указать, что в некоторых узких сферах происходит полное замещение аналоговых технологий цифровыми, к примеру онлайн-банкинг полностью (в том числе и нормативно) вытесняет офлайн регистрацию избирательного счёта. Однако и здесь наблюдается существенная специфика, поскольку

открытие избирательного счёта онлайн очень часто возможно лишь после очного посещения отделения банка и соответствующей консультации с компетентным сотрудником банка. Причём последнее является скорее уточнением, а не изъяном всей политико-цифровой системы. Существенным фактором является то, что трансформация фактически выражается в двух последовательных процессах, а именно в введении новых политико-цифровых технологий и в замене ими старых аналоговых.

Политико-цифровые технологии на этапе внедрения со стороны государственных органов были призваны обеспечить такие задачи как: создание удобства для голосования избирателя, ускорение процессов подсчёта голосов и формирования итоговых протоколов, а также создание среды для более качественного информирования избирателей. Также на этапе внедрения представители политических партий и политтехнологи, а также другие члены избирательных штабов независимых кандидатов пытаются реализовать такие задачи как: создание новых условий для проведения пиар-кампаний и ведения официальной агитации в рамках избирательных кампаний. Таким образом, на первом этапе основные задачи при использовании политико-цифровых технологий у основных акторов политического процесса на региональном этапе частично совпадают, что облегчает их существенно не затруднённую противоречиями имплементацию в региональные политические системы соответственно. Большинство конфликтов, которые всё-таки иногда возникают в рамках данного вопроса, не являются определяющими в развитии политического процесса в регионах.

Список литературы

1. Семочкина Е.В. Формирование молодежных совещательных органов при помощи электронного голосования: опыт Республики Северная Осетия – Алания / Е.В. Семочкина // Youth World Politic. – 2023. – № 4. – С. 26–35.
2. Акопова Т.С. Применение цифровых технологий на выборах в Российской Федерации: расширение возможностей доступа к голосованию / Т.С. Акопова // Возможности и угрозы цифрового общества : Материалы конференции, Ярославль, 18–19 апреля 2024 года. – Ярославль: Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова, 2024. – С. 6–10.
3. Федоров В.И. Возвращение электронного голосования на парламентских выборах в Швейцарии в 2023 году / В.И. Федоров // PolitBook. – 2024. – № 2. – С. 77–92.

Kotlyarova O.V.

THE MATRIX OF OBJECTS OF POLITICAL PERCEPTION

Abstract. The purpose of the work is to structure a research matrix on the topic of "Political perception". The object of the research is actual dissertation works on the relevant topic. The criterion of differentiation of works was the object of political perception, which falls into the focus of attention of the perceiving subject.

Keywords: political perception, object of political perception, research matrix, criteria of political perception

Political perception implies the processes of analysis and evaluation, acceptance or rejection by citizens of certain political realities: subjects, events, means and technologies of influence, organizations, events and much more. Political perception is closely related to the formation of images of countries, states and people living in these territories in the minds of representatives of a particular culture and bearers of certain values, perception is associated with the formation of attitudes towards these people. The process of political perception has its own characteristics and orientation. It implies, first of all, the presence of objects that are perceived to a greater or lesser extent by subjects. The objects of political perception in the modern studies analyzed by us are most often: power, political leader, political image, political discourse, political aggression, political values and political changes.

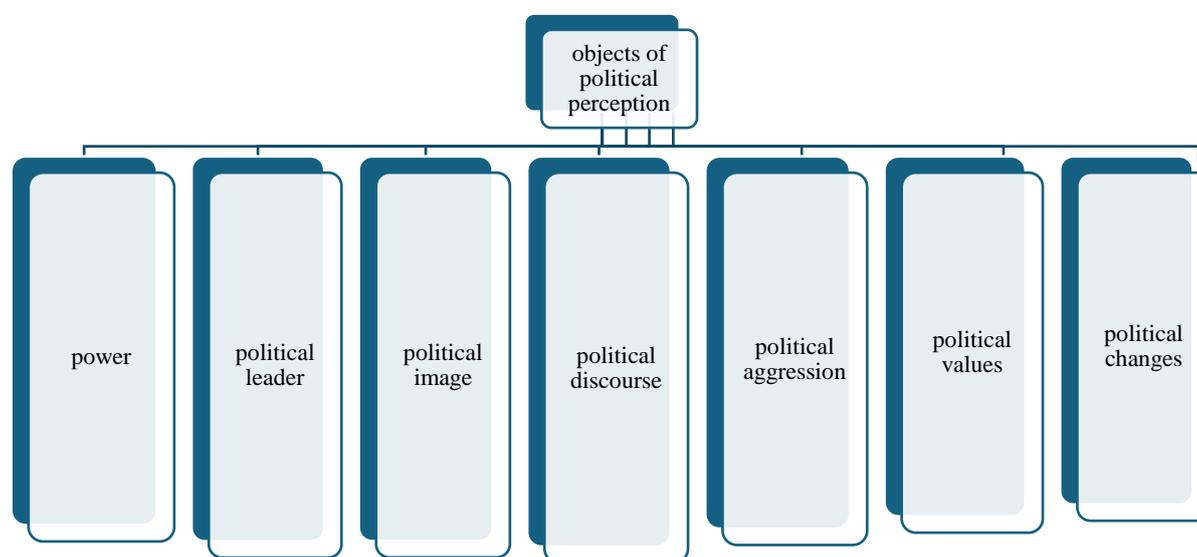

Figure 1. Matrix of objects of political perception

Among the factors determining the political perception of power, various scientists distinguish:

- 1) belonging to a certain people and, as a result, ethnocentrism or ethnic decentralization [1].
- 2) socio-political conditions of personality formation, including social institutions and political culture [2, 3, 4];
- 3) the degree of awareness of perception, that is, the course of the perception process at the conscious and unconscious levels [5];
- 4) the correlation of power with the state (with one's own or with someone else's) [6].

The political perception of political leaders in the minds of citizens is associated with the differentiation of the positions of one's own and another's. Subjects accept or reject a leader, ruler, or manager, consciously or subconsciously evaluating his

personal and professional positions, value system and priorities, his personal qualities and appearance, gender, the party he leads, relationships with the electorate, and many other aspects.

The factors that determine the political perception of political leaders, most researchers traditionally include:

1) the degree of awareness of perception: rational and unconscious perception of the leader [7];

2) objectivity of perception: the formation of an ideal or negative image of a leader [8, 9];

3) the gender identity of the subject and the object of perception [10];

4) the effectiveness of interaction with the electorate [11].

The works devoted to the study of the perception of a political image can be summarized by the criterion of an object whose image is formed, transformed and perceived. The image is formed purposefully and directly serves as a means for political actors (political leaders, organizations, parties, structures, groups, representatives of elite communities) to achieve the desired perception effects. Image is associated with the process of positioning participants in political processes themselves in various communities, and of course, in the communication virtual and real space [12,13].

Political discourse presupposes not just professional communication, but a system of relations reflecting the communication space and the processes unfolding in it, as well as a system of relations between a person and society, structuring the picture of the individual's world and his political perception.

Political discourse in a broad sense is a whole textual and situational infrastructure, that is, a system of relationships that affects individual and public perception of political processes. Political discourse through text forms a certain picture of the world for the audience.

It can be argued that it is logical to attribute to political discourse all the intralinguistic and extralinguistic influences that can be exerted on a listening or reading audience through a text in its oral or written form.

The criteria determining the political perception of political discourse should include

1) the specifics of the Internet space, which forms the character, forms, units of political discourse [14];

2) the manipulative and regulatory nature of political discourse [15];

3) units of political discourse, which can include, in general, political text, political advertising, political news [16].

The perception of political aggression, political conflicts, tragic events, global catastrophes and wars has a special place in the scientific paradigm. As factors determining this perception, the authors most often consider negative consequences relevant to specific segments of the population [17].

The study of political values is no less significant and gaining relevance in modern reality. As the main criterion for the perception of values, the authors determine the nature and characteristics of the subjects who perceive these values [18, 19].

In our opinion, a less researched area is the one that studies the patterns of perception of political changes, dynamics, and transformational processes. The main criterion for the perception of political changes is the situational-political criterion [20].

It is legitimate to assert that political perception is becoming the new most relevant area of political science, because it determines the political behavior of perceiving subjects, and therefore expresses public opinion and demonstrates the trajectory of development of the political consciousness of Russian society.

Literature

1. Zemskova E.G. Ethnocentrism as a factor of perception of political power in modern Russia: dissertation of the Candidate of Political Sciences. Sciences / E.G. Zemskova. – Moscow, 2006. – 166 p.
2. Suslina M.V. The role of the family in shaping the image of political power: political and psychological analysis: dissertation of the Candidate of Political Sciences. Sciences / M.V. Suslina. Moscow, 2008. – 198 p.
3. Beibei V. Political culture as a factor of perception of power in China and Russia. Political and psychological analysis of research 2014-1016: Dissertation of the Candidate of Political Sciences. Sciences / Wang Beibei. – Moscow, 2017. – 201 p.
4. Krasheninnikova V.Yu. Russian-American dialogue as a problem of political culture: dissertation of the Candidate of Historical Sciences / V.Yu. Krasheninnikova. – Moscow, 2017. – 179 p.
5. Bukreeva O.V. Comparative analysis of rational and unconscious components of images of power in modern Russia: dis. cand. polit. Sciences / O.V. Bukreeva. – Moscow, 2013. – 154 p.
6. Dzhgamadze K.B. The influence of psychological factors on the formation of the image of their country in the minds of Russian citizens: dis. cand. polit. Sciences / K.B. Dzhgamadze. – Moscow, 2017. – 188 p.
7. Naumov A.B. The structure of attitudes of perception and evaluation of political leaders: dis. candidate of Social Sciences / A.B. Naumov. – Tver, 2008. – 249 p.
8. Rogach N.N. Ideas about the ideal political leader as a factor in the perception of real politicians : dissertation of the candidate. psycho. Sciences / N.N. Rogach. – Moscow, 2022. – 206 p.
9. Kikteva E.A. Features of the formation of a negative image of a regional political leader. Political and psychological analysis: dissertation of the Candidate of Political Sciences. Sciences. / E.A. Kikteva. – Moscow, 2003. – 190 p.
10. Puzyreva L.O. Perception of the individuality of a politician in relation to gender (using the example of a study of students): dis. cand. psycho. Sciences. / L.O. Puzyreva. – Yekaterinburg, 2019. – 142 p.
11. Smulkina N.V. Peculiarities of perception of Russian political leaders during the presidential election campaign: dis. cand. polit. Sciences. / N.V. Smulkina. – Moscow, 2014. – 198 p.
12. Prataraya G.G. Constructing the image of Russia as an element of the political process in modern Georgia: dis. cand. polit. Sciences / G.G. Prataraya. – Perm, 2011. – 203 p.
13. Bagrina A.Y. The image of political institutions in modern Russia: conceptual models, research methods and promotion technologies: dis. cand. polit. Sciences / A.Y. Bagrina. – Moscow, 2005. – 214 p.
14. Melnik G.S. Mass communication as a factor of political influence: dis. dokt. polit. Sciences / G.S. Melnik. – St. Petersburg, 1998. – 463 p.
15. Kostrov N.V. Modern mass media theoretical foundations and mechanisms of manipulation of political consciousness: dissertation of the Candidate of Political Sciences. Sciences. / N.V. Kostrov. St. Petersburg, 2004. – 163 p.

16. Bogomolova L.N. Social factors of perception of political advertising: dissertation of the Candidate of Social Sciences / L.N. Bogomolova. – St. Petersburg, 2000. – 166 p.
17. Tarasov K.A. Descriptive model of perception of political aggression by modern Russian students: dis. Cand. psycho. Sciences / K.A. Tarasov. – Moscow, 1997. – 212 p.
18. Bogdan I.V. Perception of political values by citizens of modern Russia: political and psychological analysis: dissertation of the candidate. psycho. Sciences / I.V. Bogdan. – Moscow, 2015. – 185 p.
19. Selezneva A.V. Transformation of political values in modern Russia: political and psychological analysis: dissertation of the Candidate of Political Sciences. Sciences / A.V. Selezneva. Moscow, 2017. – 428 p.
20. Prokhorova L.V. Political risk in management activities: dissertation of the Candidate of Political Sciences. Sciences / L.V. Prokhorova. St. Petersburg, 1998. – 168 p.

Кучер К.В.

Kucher K.V.

ФОРМИРОВАНИЕ ПОЛИТИЧЕСКИХ ЭЛИТ В ЛУГАНСКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКЕ ДО ВХОЖДЕНИЯ В РОССИЙСКУЮ ФЕДЕРАЦИЮ

THE FORMATION OF POLITICAL ELITES IN LUHANSK PEOPLE'S REPUBLIC BEFORE JOINING THE RUSSIAN FEDERATION

Аннотация. В статье рассматриваются этапы формирования политических элит в Луганской Народной Республике до вхождения в Российскую Федерацию. Дается анализ этого процесса, делается вывод о необходимости перехода от «революционного» принципа формирования политических элит к профессиональному принципу.

Ключевые слова: Политическая элита, этап, ЛНР, эффективность.

Summary. The article examines the stages of the formation of political elites in the Luhansk People's Republic before joining the Russian Federation. An analysis of this process is given, and a conclusion is made about the need to move from the "revolutionary" principle of forming political elites to the professional principle

Key-words: Political elite, stage, LPR, efficiency.

Политическая элита любого государства является достаточно активной и относительно сплоченной группой, которая реализует стоящие перед ней задачи стратегического, общегосударственного характера. В настоящей работе под «политической элитой» мы понимаем лиц, которые в силу своих позиций в государственной иерархии вправе принимать решения общегосударственного характера, контролировать их выполнение, а также влиять на принятие таких решений. Мы не ставим в данном случае задачей оценку эффективности элит, которая достигается за счет инструментальных показателей [1, 6] в контексте нормативного подхода к исследованию элит, хотя проблематика эффективности элиты нами также затрагивается.

Политические элиты непризнанных государств в своем развитии следуют в целом тем же тенденциям, что и аналогичные акторы в обычных государствах, хотя механический перенос вызовов и задач, стоящих перед «признанными» политическими элитами, явно недостаточен [2, 7].

По нашему мнению, актуальность и новизна исследования связана с тем, что в науке пока недостаточно внимания уделяется изучению конкретных

политических элит, в особенности вызовов, стоящих перед ними. Это затрудняет оперативное и качественное реагирование на вызовы самих элит, а также выработку эмпирического инструментария для такого реагирования. Политическая элита Луганской Народной Республики, в аспекте её формирования, как непосредственный предмет исследования в настоящее время сталкивается с весьма серьезными вызовами, способность к эффективному реагированию на них является одним из главнейших условий развития государства в сложнейших условиях связанных с отсутствием в тот временной период международно-правового признания.

В процессе формирования политической элиты ЛНР условно можно выделить три этапа, анализ которых необходим, на наш взгляд, для объективной оценки легитимности, легальности и эффективности политической элиты Луганской Народной Республики на современном этапе.

Первый этап, который хронологически можно определить с 12 мая 2014 года (оглашение результатов Референдума о самоопределении ЛНР, официальная дата создания Республики) по 2 ноября 2014 года (выборы Главы и депутатов парламента ЛНР), именно в этот период сформировались законодательная и судебная ветви власти в ЛНР.

Поскольку в любом демократическом государстве важнейшей ветвью власти является законодательная ветвь, то работа по формированию революционного парламента началась сразу после проведения референдума 11 мая 2014 г. Первый состав парламента был сформирован 18 мая 2014 г. путём прямой демократии. Для делегирования депутатов в парламента молодой республики в 12:00 во всех населённых пунктах состоялись многотысячные митинги – народные сходы (вече), избравшие 108 депутатов.

В тот же день, в 20:00 в бывшем здании ЛОГА В. Никитин открыл первое в истории ЛНР заседание Верховного (Народного) Совета, призванного сформировать основы государственности новой республики. Депутаты утвердили полномочия парламента Республики как «...постоянно действующего законодательного органа, который будет принимать все основные законодательные акты и законы, в том числе Конституцию». Была решена важнейшая задача переходного этапа – принятие «Временного Основного Закона (Конституции) Луганской Народной Республики». Из депутатского корпуса было избрано руководство республики в следующем составе: Глава ЛНР – В. Болотов, Председатель (спикер) Народного Совета ЛНР – А. Карякин, Премьер-министр (Председатель Совета Министров) ЛНР – В. Никитин

Парламент поставил перед правительством ЛНР главную задачу – организацию защиты от внешней агрессии и освобождение оккупированных вооружёнными силами Украины территорий республики.

Летом 2014 г. процессы государственного строительства ЛНР проходили в условиях активной фазы боевых действий. Этот фактор повлиял на неоднократное изменение состава Народного Совета ЛНР. Часть депутатов ушла в ополчение, часть – была арестована СБУ, поэтому в состав

депутатского корпуса были введены новые представители, преимущественно от Коммунистической партии Украины (КПУ) и профсоюзов.

Однако именно в этот период был принят ряд важных законов. Тот факт, что одним из первых был закон о неотложных мерах по социальной защите граждан, говорил о том, что человек в молодой республике является высшей ценностью, а её название – «народная» – соответствует действительности.

С началом перелома в войне возникла необходимость в чёткой регламентации работы органов государственной власти ЛНР. Закон от 24 сентября 2014 г. «О выборах депутатов Народного Совета ЛНР» ограничил численность депутатского корпуса 50 депутатами. Это решение обусловило включение Народного Совета ЛНР в список самых малочисленных парламентов мира. Порядок и условия его работы урегулировал закон от 16 февраля 2015 г. «О Регламенте Народного Совета Луганской Народной Республики».

Некоторая стабилизация военно-политического положения ЛНР и формирование ряда общественных организаций поставили вопрос о проведении выборов в Народный Совет ЛНР II созыва. В день выборов 2 ноября 2014 г. наблюдатели отмечали рекордную явку на избирательных участках, люди стояли в очереди для голосования по несколько часов. В результате, время работы большинства участков было продлено на 2- 3 часа. Выборы ярко продемонстрировали гражданскую позицию народа, желающего отстаивать своё право на самоопределение.

По итогам выборов, лидером народного голосования стало движение «Мир Луганщине» – 69,42% голосов (35 мандатов), «Луганский экономический союз» занял 2 место – 22,23% (15 мандатов), а «Народный союз», набрав 3,85 % голосов, не преодолел 5% барьер и поэтому в состав парламента не вошёл. Победители выборного процесса составили депутатский корпус, который успешно решает стоящие перед законодателями задачи.

Согласно Конституции ЛНР и закону от 25 июня 2014 г. «О системе исполнительных органов государственной власти ЛНР», исполнительной властью наделён Совет Министров (правительство).

Главой исполнительной ветви власти и одновременно высшим руководителем государства является Глава Луганской Народной Республики. Избирается Глава ЛНР сроком на 5 лет путём тайного голосования на всеобщих прямых выборах и не более 2-х сроков подряд. Глава республики определяет количественный состав и структуру правительства. В полномочия Главы ЛНР входит назначение Председателя Совета Министров и его заместителей, министров и руководителей иных органов исполнительной власти [3].

Первым пост Главы ЛНР занял народноизбранный В. Болотов, но 14 августа 2014 г. он официально заявил о временном сложении полномочий в связи с ранением. Исполняющим обязанности Главы ЛНР был назначен Министр обороны И. Плотницкий.

2ноября 2014 г. одновременно с выборами в Народный Совет прошли выборы Главы ЛНР. Центризбирком Республики зарегистрировал в качестве

кандидатов на этот пост И. Плотницкого, руководителя Федерации профсоюзов ЛНР О. Акимова, министра здравоохранения ЛНР Л. Айрапетян и самовыдвиженца предпринимателя В. Пеннера.

3 ноября 2014 г. ЦИК ЛНР объявил о победе Игоря Венедиктовича Плотницкого, получившего 63,08% голосов избирателей.

Данные события позволили политической элите ЛНР получить внутреннюю легитимацию и ограниченную легальность. Однако деятельность созданных органов власти осложнялась целым рядом факторов, которые не позволили достичь высокой эффективности управленческой деятельности. К таким факторам можно отнести продолжающиеся боевые действия, разрушение экономических связей, торговая блокада со стороны Украины, сохранение системы фактического «троевластия» в ЛНР (Н. Козицин, А. Мозговой, И. Плотницкий)

Второй этап формирования политических элит в ЛНР можно хронологически определить с ноября 2014 по ноябрь 2017 года (приход к власти Л.И. Пасечника). В этом периоде обозначаются следующие тенденции в политических процессах: ощущается кадровый голод на разных уровнях власти, происходит централизация государственной власти, формируется собственная нормативно-правовая база, заметен процесс инкорпорации элит, действующих в составе «Партии регионов» до 2014 года в систему государственной власти в ЛНР. С целью решения кадрового вопроса в этот период запускается государственный проект «Кадровый резерв» призванный выявить и подготовить к управленческой деятельности талантливую молодёжь республики. Реализация проекта позволила на некоторое время решить вопрос нехватки подготовленных и квалифицированных управленческих кадров.

Третий этап процесса формирования политических элит в ЛНР начался, по нашему мнению, с ноября 2017 года и продолжается вплоть до вхождения Луганской Народной Республики в Российскую Федерацию. Ключевым событием на этом этапе стало проведение выборов Главы и депутатов Народного Совета Республики 21 ноября 2018 года. Согласно официальным окончательным результатам, победу на выборах главы ЛНР одержал и.о. главы Республики Леонид Пасечник, за которого проголосовали 68,3% пришедших на выборы избирателей. ОД «Мир Луганщине» заручилось поддержкой 74,12% избирателей, за «Луганский экономический союз» проголосовали 25,16% пришедших на выборы. Таким образом, в результате выборов в Народном Совете нового созыва «Мир Луганщине» получает 37 депутатских мандатов, «Луганский экономический союз» – 13 депутатских мандатов [4]. Для данного этапа характерны большинство тенденций предыдущего, однако наметился и ряд новых, в частности Народным Советом был разработан законопроект «О местном самоуправлении в ЛНР». Очевидно, что местное самоуправление должно работать в интересах территориальных общин, людей, живущих в регионах Республики. Поскольку политический процесс даже на региональном уровне должен иметь стадии агрегации, артикуляции и реализации интересов граждан. В противном случае качество

управленческой деятельности будет низким, а отсутствие достаточно эффективной политической коммуникации приведёт к росту социальной напряжённости и падению легитимности власти на всех уровнях. Поэтому принятие данного закона позволило улучшить качество управленческой деятельности.

Также этому будут способствовать развитие системы высшего профессионального образования в Республике, в частности создание системы переподготовки кадров по направлениям подготовки «Политология», «Государственное и муниципальное управление» и т. д.

В 2019 году был запущен проект «Лидеры Луганщины», открытый конкурс, в котором могли принять участие все, кто старше 18 лет. Проект был создан для актуализации данных о самых перспективных и успешных специалистах Луганской Народной Республики.

Таким образом, процесс формирования политической элиты в Луганской Народной Республике прошёл через определённые этапы и продолжается в нынешнее время. В этом процессе заметна положительная динамика, постепенно выстраивается система подготовки управленческих кадров, как на местном, так и на центральном уровнях власти. Данная система позволила улучшить качество управленческой деятельности и повысить эффективность политической элиты ЛНР в целом. Позволит осуществить окончательный переход от «революционного» принципа формирования политических элит к профессиональному принципу.

Список литературы

1. Буренко В.И. Инструментальное измерение политической элиты / В.И. Буренко // Знание. Понимание. Умение. – 2010. – №6.
2. Златанов Б.Г. Модернизация в политической системе / Б.Г. Златанов // Евразийский юридический журнал. – 2015. – №9.
3. Конституция Луганской Народной Республики (с изменениями, внесенными законами Луганской Народной Республики от 24.09.2014 № 22-І, от 03.12.2014 № 1-ІІ, от 03.03.2015 № 11-ІІ, от 25.11.2017 № 195-ІІ, от 02.02.2018 № 212-ІІ, от 06.09.2018 № 263-ІІ) [Электронный ресурс]. – URL: <https://nslnr.su/zakonodatelstvo/normativno-pravovaya-baza/591/>
4. ЦИК обнародовала официальные окончательные результаты выборов главы ЛНР и Народного Совета [Электронный ресурс]. – URL: info.com/news/one/tsik-lnr-obnarodovala-okonchatelnye-rezultaty-vyborov-glavy-respubliki-i-narodnogo-soveta-40298
5. Леонтьева О.В. Основные вызовы для политической элиты Приднестровья на современном этапе / О.В. Леонтьева // PolitBook [Электронный ресурс]. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/v/osnovnye-vyzovy-dlya-politicheskoy-elity-pridnestrovyaya-na-sovremennom-etape/>

ПОЛИТИЧЕСКОЕ СОЗНАНИЕ И КУЛЬТУРА КАК КРИМИНОГЕННЫЕ ФАКТОРЫ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ПРЕСТУПНОСТИ

THE POLITICAL CONSCIOUSNESS AND CULTURE AS CRIMINOGENIC FACTORS OF POLITICAL CRIME

Аннотация. Статья посвящена анализу криминогенности политики как её свойства воспроизводить политическую преступность. Отстаивается мнение, что политическое сознание и культура играют важную роль в формировании и функционировании всей политической системы. На этом основании их дисфункции имеют наиболее криминогенное значение.

Ключевые слова: политическая преступность, политическое сознание, политическая культура.

Summary. The article is devoted to the analysis of criminogenicity of politics as its properties to reproduce political crime. It is argued that political consciousness and culture play an important role in the formation and functioning of the entire political system. On this basis, their dysfunctions are of the most criminogenic importance.

Key-words: political crime, political consciousness, political culture.

Политическое сознание и культура играют определяющую роль в формировании и функционировании политической системы. Все остальные составляющие последней так или иначе, но выражаются в человеческом срезе: либо в деятельности, либо в целях, средствах или источниках формирования и реализации политико-управленческого влияния. Политика является настолько объективным явлением, насколько и субъективным. Ее содержание является отражением эмоциональной, интеллектуально-рефлексивной субъективности политических акторов, в поведении, которых воплощаются знания о политике, мировоззренческо-ценностные наставления, опыт, прогноз как желаемый ее образ и результат. Именно поэтому политическое сознание и политическая культура оказываются моральным и интеллектуальным центром политики, ее очеловеченным фундаментом.

Мы определяем политическое сознание как совокупность рациональных и эмоционально-чувственных, теоретических и эмпирических, ценностных и нормативных, сознательных и подсознательных представлений субъектов политики о событиях, явлениях и тенденциях, связанных с вопросами политической власти. Группа луганских политологов указывает на то, что политическое сознание является системой знаний, оценок, настроений и чувств, с помощью которых происходит осознание политической сферы субъектами, группами, нациями и т.п. При этом ученые также подчеркивают, что она является разновидностью общественного сознания [1, с.521].

Политическим сознанием является сознание соучастников политического процесса, всех сил, борющихся за власть и ее осуществление. Такой вид сознания напрямую обусловлен политическим бытием. Политическое

сознание непременно охватывает и межгрупповые, общечеловеческие идеи и представления, наличие которого обусловлено не особенностями интересов, а универсальными интересами человека, а также демократическими свойствами организации власти.

Существует немало и других подходов к пониманию политического сознания. Не прибегая к детальному их анализу, не входящему в круг задач нашего исследования, заметим, что большинство из них, признают – политическое сознание является сложной совокупностью ментальных явлений, в которых проявляется индивидуальное и коллективное восприятие политики участниками политических процессов [2, с.284]. При этом последнее осуществляется в двух формах политической рефлексии: идеологической и психологической. В первом случае политика находит свое отражение в виде абстрактной идеи или определенной теории (идеологической доктрины). Во втором – в виде психологических установок, ценностей, чувств [3].

И идеологические, и психологические формы политического сознания отражаются на двух уровнях – индивидуальном и массовом. А потому их деформации способны интегрироваться как в механизм индивидуального преступного поведения, так и детерминации массовых криминальных практик. Содержание отдельных составляющих политического сознания может рассматриваться как криминогенный фактор исключительно в определенном общественно-политическом, информационном контексте, ведь сама по себе любая форма сознания является амбивалентной юридическим категориям.

Учитывая то, что политическое сознание на индивидуальном уровне выполняет познавательную и мотивационную функции в процессе социального ориентирования личности, ее антисоциальные свойства являются проявлением:

а) конфликта с объективными обстоятельствами (внешней средой), субъективно оцененными как антагонистические, разрушающие мировоззренческую основу деятельности личности как политического актора. Эти обстоятельства могут выступать как на информационном уровне (в аспекте искажения познавательной функции политического сознания, его интеллектуальной, эмоциональной ригидности) и проявляться в невосприятии конструктивной критики деятельности государственной власти, нежелании получать альтернативные сведения о политике, так и на практическом (в мотивационном аспекте). Последний непосредственно имеет отношение к эволюции политических преступлений, определяет их направленность;

б) политического нигилизма, проявляющегося в обесценивании значимости политической системы в целом, ее идентификацией с определенным государством или же персонально окрашенных ее элементов, стратегий управления, ассоциированных с соответствующими субъектами – оппонентами в сфере борьбы за власть. Именно нигилистические побуждения являются одними из наиболее распространенных в детерминации политических преступлений в деидеологизированных обществах.

Очевидно, что сердцевиной политического сознания является политическая идеология. Важным в этом аспекте является понимание того, что

формирование связей типа «гражданин – государство» должно основываться на взвешенной идеологической платформе, системно воплощенной в государственной политике. Выстраивание такой идеологии – дело межотраслевого научного и философского поиска. Деидеологизированное государственное управление – это пирамида без основания. Таким образом, именно от соответствующего состояния политического сознания зависит уровень публичной активности граждан, их нетерпимости к проявлениям коррупции и нигилизма со стороны должностных лиц органов государственной власти.

Аналогичные социально деструктивные свойства индивидуального политического сознания экстраполируются и на массовый уровень, институционализируясь и утверждаясь в качестве определяющих факторов, источников развития политической системы и политического режима. Дополняется такое движение структур политической системы пороками политической культуры.

В отличие от политического сознания политическая культура связана только с самыми прочными, внутренне значимыми для человека убеждениями и является совокупностью ориентаций участников определенной политической системы, их нормативов и способов поведения в сфере политики и в отношении политики [1, с.524]. Политическая культура – это психология общества в отношении политики или особенностей восприятия обществом политического процесса, которому придают специфические формы. При этом, опять же, следует отметить, что ни одна политическая культура как таковая не может считаться криминогенной сама по себе. Криминогенность ее составляющих возникает тогда, когда речь идет о:

- политико-культурной экспансии, чужом влиянии. В этом случае мы говорим о конфликте традиций и инноваций в политической сфере, который часто развивается и проявляется в криминальных формах.

Весьма метким термином определяет подобную ситуацию А.С. Кончаловский – «историческое нетерпение». Под ним он понимает состояние, при котором наигранные прогрессивные идеи и реформы насильственным путем продвигаются в среде, не готовой к восприятию этих идей. Ценности в разных культурах меняются с разной скоростью; разные страны и их культуры находятся в разных временных отрезках [4, с.155]. В этом мнении – большое рациональное зерно. Уникальность развития народов и их культур бесспорна. Отличительной является и пассионарность различных этносов. Недаром Л.Н. Гумилев в своей известной работе «Пассионарная теория этногенеза» вел речь о географических поясах пассионарности и поливариантном содержании. Игнорировать эти обстоятельства – значит пренебрегать естественным законом единства в многообразии.

В условиях глобализации и растущих амбиций отдельных ячеек концентрации геополитических интересов, соблазн распространения собственных эталонов политики растет. А потому исключительно тревожной представляется позиция публичной администрации США, неоднократно озвучиваемая ее первыми лицами после терактов 11 сентября 2001 года, в

которой обосновывается мессианская роль этого государства в распространении свободы и «продвижении демократии» на всей планете.

Мы убеждены, что это не является основанием для политического, военного вмешательства в соответствующие страны в тех случаях, когда речь не идет о преступлениях против человечности, геноциде. В последних случаях речь идет о посягательстве на интересы человечества как биологического вида. В остальных же ситуациях (когда, например, речь идет о недемократических, незаконных, так называемых преступных, коррумпированных режимах и т.п.) Их трагизм является таковым только в оценках представителей «более развитой» цивилизации, статус которой ими самими традиционно закрепляется за европейской (а отсюда – и американской). Временная несоизмеримость цивилизаций и культур является принципиальной преградой для насильственного насаждения инноваций, проникающих в фундамент социального организма, конфликтуя с его традициями и, главное, с объективными способностями носителей культуры к восприятию, воспроизведению «новых» политических практик, к трансформационному «скачку» политического сознания. А потому, считаем, восприятие этого тезиса и идеи ведущими геополитическими игроками мира является одним из условий снижения конфликтности международной политики. Вместе с тем, следует понимать, что это обстоятельство является лишь сопутствующим фактором реализации политики, ведь перечень целей применения технологий «продвижения демократии» не ограничивается высокими гуманитарными идеалами, а может и исключать их в целом. Но даже осознание этого уже важно с точки зрения противодействия манипуляциям общественным мнением и внутренней корректировки политических курсов государств.

Список литературы

1. Общая теория политики : учебно-методическое пособие / под общ. ред. О.Г. Михайловской, Т.В. Татоли [и др.]. – Донецк: ООО «НПП «Фолиант», 2021. – 687 с.
2. Юсупова Э.Ф. Политическое сознание как важный элемент функционирования политической системы / Э.Ф. Юсупова // Молодой ученый [Электронный ресурс]. – 2013. – № 1 (48). – С. 284–285. – URL: <https://moluch.ru/archive/48/6011/> (дата обращения: 05.08.2024).
3. Денисов И.В. Политическое сознание современного российского общества / И.В. Денисов // Политнаука. Политология в России и в мире [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.politnauka.org/library/teoria/denisov.php>. (дата обращения: 04.08.2024).
4. Михалков-Кончаловский А.С. На трибуне реакционера / Андрей Кончаловский, Владимир Пастухов. – М.: Эксмо, 2007. – 316 с.

ДЕНАЦИФИКАЦИЯ И ЭТНОПОЛИТИЧЕСКАЯ РЕАБИЛИТАЦИЯ – ВАЖНЕЙШАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ ВНУТРЕННИХ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ В ДНР

DENAZIFICATION AND ETHNOPOLITICAL REHABILITATION ARE THE MOST IMPORTANT COMPONENT OF INTERNAL POLITICAL PROCESSES IN THE DPR

Аннотация. Денацификация и этнополитическая реабилитация являются двумя сторонами одной и той же проблемы. Подвергнувшиеся силовой денацификации националисты будут сохранять националистические взгляды до конца своей жизни. В отличие от националистов молодёжь восприимчива к положительному воспитательному воздействию. Во избежание обретения молодыми людьми националистических взглядов и убеждений на них должно оказываться такое воздействие в виде коммеморативных практик, исторического просвещения, патриотического воспитания и т.п.

Ключевые слова: Денацификация, воспитательное воздействие, националист, коренизация, украинизация

Annotation. Denazification and ethnopolitical rehabilitation are two sides of the same problem. Nationalists subjected to forceful denazification will maintain nationalist views for the rest of their lives. Unlike nationalists, young people are susceptible to positive educational influences. In order to prevent young people from acquiring nationalist views and beliefs, they should be positively influenced by educational practices, historical education, patriotic education, etc.

Keywords: Denazification, educational impact, nationalist, Korenization, Ukrainization

Денацификация и этнополитическая реабилитация региона является краеугольным камнем политической повестки современного этапа российской истории. Важно отметить, что Слобожанщина и Новороссия являются историческими российскими территориями. При этом русское население этих регионов уже более столет лет является объектом этнической дискриминации в форме насильственной украинизации. Цель этнополитической реабилитации состоит в возвращении населению регионов русского культурного кода. Денацификация и этнополитическая реабилитация региона являются взаимосвязанными задачами.

Различные авторы пытаются рассматривают процесс денацификации через призму того, как это делалось, например, в Германии [1]. Хочу отметить, что у нас имеется отечественный опыт денацификации на Украине, который гораздо ближе и понятнее нам, чем западный.

Длительный период коренизации, так называлась насильственная украинизация русского населения Украины в советский период, который продолжался со времени окончания гражданской войны. После обретение Украиной независимости положение этнически русского населения усугубилось. Русский язык повсеместно был изъят из официального употребления, а русский народ был лишён статуса национального меньшинства.

Сегодня мы располагаем опытом как денацификации в ДНР, а так и денацификации на Украине в период между Гражданской и Великой отечественной войнами.

Основной на первом этапе является административно-силовая денацификация, к ней можно отнести:

Устранение органов власти украинского неонацистского режима.

Прекращение действия разного рода нацистских и неонацистских организаций.

Привлечение к ответственности всех причастным к указанным органам власти и организациям, скомпрометировавших себя неонацистским проявлениями.

Возвращение русскому языку государственного статуса.

Приведение преподавания гуманитарных наук в соответствие с общероссийскими требованиями.

Мероприятия второго этапа денацификации в значительной мере определяются как опытом послевоенного периода в Украине, так Донецкой области в частности. Как непосредственный участник этого процесса я на протяжении многих лет имел личное систематическое общение со значительным количеством националистов-представителей различных этнических групп, в том числе полемические беседы. В процессе таких бесед исследовалась мотивация националистов и т.п.

После возвращения из мест лишения свободы значительное количество бывших участников ОУН-УПА осело в Донбассе. Свой выбор они объясняли желанием принять участие в стройках Донбасса. Проверки показывали, что большинство из них на самом деле боялось возмездия своих односельчан за совершённые преступления и по этой причине не могло вернуться в родные места.

Отбывание наказания в местах лишения свободы не устраняет националистических взглядов бывших участников националистических формирований. Все участники ОУНовских бандформирований по-прежнему оставались убеждёнными националистами.

После освобождения из мест лишения свободы наблюдался всплеск националистических настроений. Наиболее активные намеревались продолжить свою националистическую деятельность. Такие лица были повторно привлечены к уголовной ответственности, и только эта мера свела на нет националистические проявления в этой среде.

Приведенные выше наблюдения указывают, что силовые меры способны сдерживать националистические проявления, но не устраняют националистических взглядов, а значит процесс денацификации должен включать и идеологическое воздействие.

Мы должны осознавать, что и в нынешней ситуации вернувшиеся из мест лишения свободы, осужденные за проведение неонацистской деятельности, создадут в регионе неонацистскую среду, которая должна находиться под постоянным контролем силовых структур, как это было в советский период.

Действенным аргументом для прекращения националистической деятельности стало повторное привлечение к уголовной ответственности за националистические проявления. После повторного осуждения бывших ОУНовцев такие проявления прекратились. Частота контактов между ними резко сократилось. Мелкие группы таких лиц продолжали поддерживать отношения на родственной либо дружеской основе.

Наблюдения показали, что дети бывших членов ОУН-УПА в основном своём большинстве не стали активистами неонацистских движений на Украине. Это можно объяснить следующими обстоятельствами:

Действенностью советского идеологического воздействия.

Нежеланием родителей, чтобы их дети и внуки, подобно им, стали изгоями.

Проводимый на протяжении многих лет украинской повседневности мониторинг СМИ позволил выявить среди украинских активистов только одно лицо, являвшееся родственной связью бывшего участника бандформирований ОУН-УПА.

Разработанная в ДонГУ модель возникновения национализма в полиэтническом государстве свидетельствует о невозможности оказания положительного воспитательного воздействия на националиста [2: 3]. Данная особенность является следствием происхождения национализма из конфликтной ситуации, которую невозможно устранить.

Молодые люди в большинстве своём не являются националистами, а поэтому целесообразность проведения идеологической работы в молодёжной среде сомнению не подлежит.

В нашем случае наиболее продуктивной могла бы стать коммеморативная практика, представляющая собой реконструкцию взаимодействия российского прошлого и настоящего.

Территория, на которых расположена ДНР ещё в восемнадцатом веке принадлежала Турции. Из истории известно, что в результате Кючук-Карнаджийского договора между Турцией и Россией, заключённому в 1774 г. [4], кроме Кубани России отошла территория северного Приазовья вплоть до реки Берда, в устье которой сегодня находится город Бердянск.

На этой территории расположены ДНР и ЛНР. Таким образом, так называемые украинцы не являются коренным населением региона. Они мигрировали в регион из территорий, которые в прошлом принадлежали Речи Посполитой. До 1774 г. прото-украинцы могли следовать через эти территории в походах за зипунами [5], либо в качестве татарских пленников по пути на невольничий рынок Кафы, нынешней Феодосии [6].

С точки зрения патриотического воспитания молодёжи было бы идеологически правильным создать в административных центрах региона мемориальные памятники, посвящённые годовщине вхождения региона в состав России. Отмечать день вхождения региона в состав России как праздник местного уровня. Последовательно формировать имидж мемориального центра как местной святыни. В эти даты проводить торжественные мероприятия для школьников и студентов. В мемориальных

центрах вручать золотые медали и красные дипломы выпускникам школ и ВУЗов. Таким образом мы бы популяризовали правовую основу принадлежности территорий Российской Федерации.

Выводы:

Участники националистических формирований после возвращения из мест лишения свободы сохраняют свои националистические взгляды и создадут в регионе националистическую среду, которая будет требовать контроля со стороны силовых ведомств. Эта категория лиц не восприимчива к любому роду воспитательного воздействия и до конца жизни будет сохранять националистические убеждения.

В отличие от националистов, молодёжь, не имеющая националистических убеждений, является восприимчивой патриотическому воспитанию в принципе. Во избежание формирования у молодёжи националистических взглядов и вовлечения её в националистические организации на неё должно быть направлено положительное воспитательное воздействие в форме коммеморативных практик в комплексе с историческим просвещением.

Список литературы

1. Лёзина Е. Денацификация Германии. 70 лет с момента завершения программы / Е. Лёзина // Вестник общественного мнения. – № 3–4 (127), июль-декабрь 2018 – С. 192-206.
2. Николаев Ю.Б. Возникновение феномена национализма при формировании национального государства на примере Франции / Ю.Б. Николаев // Этнос и общество в контексте межнациональных отношений. Материалы VIII Всероссийской (с международным участием) научно-практической конференции. – Краснодар. 1.12.2022. – С. 170-176.
3. Николаев Ю.Б. Мотивация участников национальных движений: технология обеспечения мобильности / Ю.Б. Николаев // Журнал исторических, политологических и международных исследований. – 2023. – № 4 (87). – С. 209–222.
4. Похлебкин В.В. Внешняя политика Руси, России и СССР за 1000 лет в именах, датах и фактах. IX–XX вв. Выпуск II. Войны и мирные договоры. Книга 1: Европа и Америка. – М.: Международные отношения, 1995. – 782 с.
5. Рагунштейн А.Г. За три моря за зипунами. Морские походы казаков на Черном, Азовском и Каспийском морях / А.Г. Рагунштейн. — М.: Вече, 2015.— 352 с. : ил. — (Морская летопись). ISBN 978-5-4444-2502-2
6. Возгрин В.Е. Рабство в странах Черного моря (Позднее Средневековье — Новое время) / В.Е. Возгрин // Вестник СПбГУ. Сер. 2. – 2011. Вып. 3 – С. 90-100.

СТАНОВЛЕНИЕ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ И ФОРМИРОВАНИЕ ПОЛИТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ ДНР В 2014 ГОДУ

ESTABLISHMENT OF STATEHOOD AND FORMATION OF THE POLITICAL SYSTEM OF THE DPR IN 2014

Аннотация. Объектом исследования автора являются процессы становления государственности и формирования политической системы Донецкой Народной Республики в 2014 году.

Ключевые слова: Русская весна, государственность, политическая система, ДНР.

Summary. The object of the author's research is the processes of formation of statehood and the formation of the political system of the Donetsk People's Republic in 2014.

Key-words: Russian Spring, civil protest, statehood, political system, DPR.

С середины марта 2014 г. деятельность по налаживанию взаимодействия между участвовавшими в протестном движении общественными организациями и политическими партиями начала специально созданная для этого «сетевая» коалиция протестных организаций - Координационный совет Донецкой области (КСДО). На заседаниях КСДО присутствовали представители около 40 общественно-политических организаций. Именно в рамках работы КСДО родилось само название будущего государства - «Донецкая Народная Республика», а также были подготовлены проекты текстов Декларации о суверенитете ДНР и Акта о провозглашении государственной самостоятельности ДНР [1, с. 50-51].

Весь март в Донецке проходили митинги, и другие протестные акции против киевского режима. Набирала популярность, впервые озвученная еще в начале Русской весны, идея проведения референдума о самоопределении Донбасса. В регионе продолжалась самоорганизация граждан, на въездах в крупные города начали создаваться блокпосты.

6 апреля 2014 г. более 10 тысяч сторонников референдума, проведя митинг на площади Ленина, в третий раз, теперь уже окончательно, заняли административное здание, в котором располагались Донецкий областной совет и областная государственная администрация (в настоящее время – Дом Правительства) [2, с. 81]. После чего Координационный совет Донецкой области посредством СМИ обратился к руководству облсовета с требованием о созыве внеочередной сессии 7 апреля для рассмотрения подготовленных КСДО проектов документов о статусе области. Но областной совет в очередной раз проигнорировал требования восставших. Тогда в 12 часов дня 7 апреля в сессионном зале совета зарегистрировались представители территориальных громад (общин), политических партий и общественных организаций области. Так начал работу Съезд представителей административно-территориальных образований Донецкой области.

Состав делегатов съезда был сформирован по двум спискам, первый - представители территориальных общин городов и районов области; второй -

представители общественных организаций и партий, участвовавших в протестах. Каждая община либо общественная организация (партия) могла делегировать до двух представителей. Всего на съезде было зарегистрировано около 80 делегатов. Из них был сформирован Совет представителей территориальных громад, политических партий и общественных организаций Донецкой области [3, с. 429-430]. Именно этот коллегиальный орган утвердил на своём историческом заседании 7 апреля 2014 г. Декларацию о суверенитете Донецкой Народной Республики и текст Акта о провозглашении государственной самостоятельности ДНР, а также принял решение о проведении референдума относительно самоопределения региона.

Новообразованный Совет представителей территориальных громад, политических партий и общественных организаций продолжил регулярные заседания в последующие дни, став первым высшим представительным органом государственной власти Донецкой Народной Республики, своеобразным протопарламентом, действовавшим до начала работы Верховного Совета ДНР. По отношению к этому органу применялись также и другие, сокращенные варианты названия (Совет ДНР, Республиканский Совет народных депутатов ДНР и др.), но наиболее устоявшимся из них стало – Народный Совет ДНР.

8 апреля из числа депутатов был избран Президиум Народного Совета ДНР, наделённый исполнительными полномочиями. В его состав входили формально равные по объёму полномочий сопредседатели. Численность их варьировалась на протяжении времени функционирования Президиума, но в целом не превышала 8 человек. Этот орган выполнял функции Временного правительства Республики до утверждения Верховным Советом первого состава Совета Министров ДНР [4]. Тот факт, что в структуре Президиума Народного Совета ДНР не было первого руководителя, а все его члены входили в этот коллегиальный орган на правах сопредседателей, объяснялся угрозой обезглавливания зарождающихся органов власти и управления Республики. Киевский режим в это время продолжал использовать спецподразделения СБУ для реализации тактики точечной нейтрализации народных лидеров путём их похищения с последующим арестом [5].

Первоочередной задачей органов власти молодого де-факто образования стала дальнейшая легитимация выбора восставшего Донбасса в пользу создания ДНР. Поэтому первый высший представительный орган государственной власти Республики сосредоточился на организации и проведении референдума. Органы народной революционной власти нового де-факто государства утверждались в условиях фактического двоевластия и жёсткого противостояния украинским центральным и местным органам власти, утратившим легитимность вследствие подчинения киевскому режиму.

С 7 апреля 2014 г. следует также начинать отсчёт истории парламентаризма в ДНР. С этого дня начался первоначальный этап становления данного института. Историческая значимость Совета представителей территориальных громад, политических партий и общественных организаций (Народного Совета) ДНР состояла в том, что им

были приняты ключевые для оформления и легитимации Республики решения и документы, а также обеспечена подготовка и проведение референдума о самоопределении.

16 апреля в Донецке группа представителей организации «Оплот» во главе с Александром Захарченко взяла под контроль здание Донецкого городского совета и выдвинула требования в поддержку проведения референдума [6, с. 51]. Утверждение народной власти в ДНР происходило путем занятия зданий административных и силовых структур, взятия под контроль военных частей и арсеналов оружия. Первоначально действия носили политический характер, но постепенно перешли в горячую стадию после актов политического и военного террора со стороны украинских нацистов, спецслужб и вооруженных формирований.

11 мая 2014 г. народ Донбасса на референдуме выразили свое отношение к идее создания суверенных государств. В Донецкой Народной Республике за государственную самостоятельность высказалось 89,07 % проголосовавших (при явке избирателей 74,87 %) [7]. Этот день массового и свободного волеизъявления жителей Донбасса, не пожелавших жить в государстве, где к власти пришла незаконная прозападная, проамериканская власть, стал кульминацией событий Русской весны.

12 мая сопредседатель Временного правительства ДНР Денис Пушилин выступил с Воззванием Донецкой Народной Республики следующего содержания: «Мы, народ Донецкой Народной Республики, по результатам Референдума, проведенного 11 мая 2014 г. и основываясь на Декларации о суверенитете ДНР, объявляем, что отныне ДНР является суверенным государством...» [8].

14 мая 2014 г. был образован первый, в полном смысле этого слова, законодательный орган государственной власти ДНР – Верховный Совет. С этого момента можно говорить о начале следующего этапа в становлении парламентаризма в Донецкой Народной Республике. Депутатский корпус первого парламента, как и в случае с его предшественником, формировался путем делегирования представителей от территориальных общин городов и районов Республики, а также от общественных организаций и партий, активно участвовавших в Донбасском восстании. По информации участников событий, в отдельных случаях имели место выборы депутатов непосредственно в территориальных общинах в ходе сходов граждан. Списочный состав депутатов Верховного Совета был утверждён путём голосования на первом пленарном заседании парламента 14 мая в количестве 150 человек. Данный законодательный орган власти ДНР считался временным, и действующим до первых демократических выборов в парламент Республики [9, с. 96].

Согласно «Декларации о суверенитете ДНР» в тот период Верховный Совет являлся высшим органом государственной власти [10]. Можно отметить историческую закономерность в том, что в первые месяцы своего существования (7 апреля – 4 ноября 2014 г.), возникшая в результате массовых гражданских протестов и низовой народной самоорганизации ДНР, тяготела к такой форме государственного правления, как парламентская республика

15 мая Председателем Верховного Совета был избран Д.В. Пушилин. В структуре исполнительных органов государственной власти была утверждена должность премьер-министра ДНР [11]. Верховный Совет сыграл важную роль в легитимизации постоянно действующих органов исполнительной власти ДНР. Так, на заседании парламента 16 мая 2014 г. постановлением Верховного Совета была создана система органов исполнительной власти Республики: 21 министерство, 9 других Республиканских органов, 4 социальных фонда. Также был утверждён персональный состав высшего исполнительного органа государственной власти, первым Председателем Совета Министров ДНР стал А.Ю. Бородай [12].

К лету 2014 г. гражданская общественно-политическая жизнь на местах, в результате интенсификации боевых действий, практически замерла, или сменилась военно-политической и гуманитарной деятельностью. Вся полнота, как военной, так и гражданской власти в районах боестолкновений фактически сосредотачивалась в руках командиров различных формирований ополчения и военных комендантов населенных пунктов [13, с. 55].

Снижение градуса вооруженного противостояния осенью 2014 г. позволило ДНР заняться укреплением своих государственных институтов и нормализацией общественной жизни. В первую очередь требовалось срочно решить вопрос легитимации республиканских органов власти.

2 ноября 2014 г. в ходе первых всеобщих выборов Главы ДНР за Александра Захарченко отдали голоса 765 тыс. человек, что составило около 75 % голосовавших. После инаугурации 4 ноября А. Захарченко стал легитимным Главой Донецкой Народной Республики – высшим должностным лицом, руководителем исполнительной ветви власти, главнокомандующим вооруженными силами ДНР [14, с. 199-200]. В Республике фактически была введена президентская форма правления. Это стало отражением закономерного усиления роли исполнительной вертикали власти на фоне летней эскалации боевых действий.

Народный Совет - постоянно действующий высший представительный и единственный законодательный орган государственной власти ДНР, был избран в ходе всеобщих парламентских выборов 2 ноября 2014 г. в количестве 100 депутатов, сроком на четыре года. В избирательной кампании принимали участие созданные осенью общественные движения (ОД) - «Донецкая Республика» и «Свободный Донбасс», получившие соответственно 64,43 % и 27,75 % голосов избирателей. Данные общественные движения в зарождающейся политической системе ДНР по сути выполняли функции политических партий. ОД «Донецкая Республика» получило 68 депутатских мандатов, ОД «Свободный Донбасс» – 32 мандата [15]. Таким образом, с осени 2014 г. в ДНР сложились условия для фактического функционирования двухпартийной системы.

Избрание легитимных органов государственной власти в Донецкой Народной Республике осенью 2014 г. завершило начальный этап формирования государственности и политической системы ДНР.

Список литературы

1. Черкашин К.В. Деятельность Координационного совета Донецкой области в ходе событий «Русской Весны» в Донбассе / К.В. Черкашин // Сборник материалов Первой научной конференции историков ДНР «История Донбасса: анализ и перспективы». – Донецк, 2015. – С. 50–52.
2. Русский Донбасс: исторические, духовно-интеллектуальные и экономические основы / С.В. Беспалова, А.С. Бобровский, А.В. Колесник [и др.]. – Донецк: Донецкий национальный университет, 2021. – 288 с.
3. Барков А. Новороссия в моём сердце / А. Барков. – М: Книга по требованию, 2017.
4. 8 апреля – репортаж из забаррикадированной Донецкой ОГА // «ИнформБюро», 09.04.2014 [Электронный ресурс]. – URL: <http://informburo.dn.ua/cgi-bin/iburo/start.cgi?info2=0398&page=43> (дата обращения: 07.09.2017).
5. Украина исчезла в феврале, а мы стараемся сохраниться // Комсомольская правда, 18.04.2014 [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.kp.ru/daily/26221/3104977/> (дата обращения: 01.12.2017).
6. Ольхин А.Б. Подробная хронология Русской Весны. Часть 1 / А.Б. Ольхин // Новая Земля. – 2017. – № 2 (27).
7. Итоги референдума в Донецкой области: 89% за самостоятельность региона // Сетевое издание РИА Новости, 12.05.2014 [Электронный ресурс]. – URL: <https://ria.ru/20140512/1007491897.html> (дата обращения: 20.03.2021).
8. Донецкая народная республика провозгласила себя суверенным государством // Сетевое издание Ведомости (Vedomosti), 12.05.2014 [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.vedomosti.ru/politics/articles/2014/05/12/dnr-provozglasila-sebya-suverennym-gosudarstvom> (дата обращения: 20.03.2021).
9. Руденко М.В. Первые шаги донецкого парламентаризма / М.В. Руденко // Актуальные проблемы истории Донбасса : Сборник материалов Второй научной конференции историков ДНР. – Донецк, 2019.
10. Декларация о суверенитете Донецкой Народной Республики от 7 апреля 2014 года // Мастерская конституционного дизайна [Электронный ресурс]. – URL: <https://worldconstitutions.ru/?p=1058> (дата обращения: 15.06.2022).
11. Постановление №2 Верховного Совета Донецкой Народной Республики от 15.05.2014 г. [Электронный ресурс]. – URL: http://dnrsovet.su/wp-content/uploads/2015/07/Postanovlenie_VS_DNR_2.pdf (дата обращения: 29.05.2017).
12. Постановление №3 Верховного Совета народных депутатов Донецкой Народной Республики от 16 мая 2014 года [Электронный ресурс]. – URL: https://dnrsovet.su/wp-content/uploads/2015/07/Postanovlenie_VS_DNR_3.pdf (дата обращения: 29.05.2017).
13. Матыцин Е.Г., Сальников В.И. «Революция Достоинства» и «Русская Весна»: сравнительный анализ: монография / Е.Г. Матыцин, В.И. Сальников. – Воронеж: Центрально-Черноземное книжное издательство, 2020.
14. Бедрицкий А.В., Бышок С.О., Кочетков А.В. Демократия под огнём. Выборы в народных республиках Донбасса / А.В. Бедрицкий, С.О. Бышок, А.В. Кочетков. – М.: Книжный мир, 2014.
15. ЦИК ДНР огласил итоговые цифры результатов выборов 2 ноября / Официальный сайт пресс-центра Правительства и Народного Совета ДНР [Электронный ресурс]. – URL: <http://dnr.today/news/cik-dnr-oglasil-itogovye-cifry-rezultatov-vyborov-2-noyabrya/> (дата обращения: 12.12.2014).

ЭКОЛОГИЧЕСКАЯ ПОВЕСТКА В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПАРЛАМЕНТСКИХ ПАРТИЙ РОССИИ

THE ECOLOGICAL AGENDA IN THE ACTIVITIES OF PARLIAMENTARY PARTIES IN RUSSIA

Аннотация. В статье рассматривается экологическая повестка как важный аспект деятельности парламентских партий в России. Особое внимание уделяется сравнительному анализу подходов различных партий к вопросам охраны окружающей среды. Исследование основано на анализе официальных материалов, законодательных инициатив и публичных заявлений представителей партий, что позволяет выявить ключевые тенденции в их экологической стратегии. Результаты работы подчеркивают необходимость более активного вовлечения парламентских структур в решение экологических проблем.

Ключевые слова: парламентские партии, партийные проекты, экологическая повестка, экологические проблемы, экология, экоактивизм.

Summary. The article considers the environmental agenda as an important aspect of the activities of parliamentary parties in Russia. Special attention is paid to the comparative analysis of the approaches of different parties to environmental issues. The study is based on an analysis of official materials, legislative initiatives and public statements by party representatives, which allows us to identify key trends in their environmental strategy. The results of the work emphasize the need for more active involvement of parliamentary structures in solving environmental problems.

Key-words: parliamentary parties, party projects, environmental agenda, environmental problems, ecology, eco-activism.

Промышленная деятельность человека оказывает значительное воздействие на окружающую среду и порождает серьезные экологические проблемы. Добыча природных ресурсов, выбросы загрязняющих веществ, использование ядовитых химикатов и другие аспекты производства приводят к загрязнению воды, почвы и воздуха, утрате биоразнообразия, изменению климата и другим негативным последствиям. К сожалению, данные проблемы усиливаются с каждым годом и их однозначного решения пока не существует.

С одной стороны, стоит учитывать тот факт, что на данный момент как власти, так и сами россияне больше обеспокоены проблемами геополитического и экономического характера. С другой, по оценкам экспертов, у населения Земли есть всего лишь несколько лет на то, чтобы изменить свои экологические привычки и предотвратить критическое повышение температуры планеты на более чем 1,5 °С от доиндустриального уровня [1]. Причем в России скорость изменения климата в 2,5 раза превышает общемировую, что обусловлено ее географическим положением. Это значит, что засуха, таяние льдов, лесные пожары и другие негативные последствия изменения климата коснутся нас быстрее, чем другие страны [2].

Президент Российской Федерации В.В. Путин на форуме в Валдае отметил значимость экологических проблем, которая возрастает с каждым годом [3]. Данное заявление главы государства подчеркивает тот факт, что

экологическая повестка в России не должна уходить на второй план даже на фоне важных политических событий.

Согласно опросам ВЦИОМ, если в период с 2020 по 2023 г. экологическую ситуацию россияне воспринимали как улучшающуюся на уровне страны (в 2020 г. высокую оценку ставили 21 %, в 2023 г. – 34 %) и на уровне региона (в 2020 г. – 36 %, в 2023 г. – 46 %), то в 2024 г. этот рост приостановился [4]. Также в 2024 г. опрошенные заметили мало позитивных изменений в данной сфере (на уровне страны это лишь 21 %, на уровне региона – 20 %). Чаще ситуация оценивается как стабильная (на уровне страны – 36 %, на уровне региона – 42 %) или ухудшающаяся (на уровне страны – 36 %, на уровне региона – 36 %). По оценке опрошенных, в первую очередь изменения в данной сфере должны инициировать региональные (33 %) и федеральные власти (32 %) [5].

В данном контексте особый интерес вызывают деятельность парламентских партий России, их проекты, программы и отдельные мероприятия, реализуемые в сфере экологии.

Так, в «Народной программе» Всероссийской политической партии «Единая Россия» теме экологии посвящен отдельный блок «Экология для жизни», в котором говорится, что «экологическое благополучие – это прежде всего здоровье народа и будущих поколений». Партия предлагает комплекс мер, направленных на улучшение экологической ситуации:

- создание современной системы экологического мониторинга;
- законодательное закрепление обязанности выплаты экологических штрафов;
- сокращение вредных выбросов в промышленных центрах;
- ликвидация несанкционированных свалок в границах городов;
- развитие сети экологически чистого общественного транспорта и др. [6].

Крупнейшим проектом политической партии «Единая Россия» в экологической сфере является федеральный проект «Чистая страна», в котором принимают участие 85 регионов России. Цель проекта заключается в объединении усилий партии, государственных структур, экспертов и общественных деятелей для эффективного решения экологических проблем [7].

Ключевые задачи проекта:

- Формирование системы общественного контроля за ликвидацией несанкционированных мест размещения отходов;
- Обеспечение условий для повторной переработки отходов;
- Создание современной инфраструктуры, обеспечивающей безопасное обращение с отходами I и II классов опасности, и ликвидация наиболее опасных объектов накопленного экологического вреда и др.

Проект включает в себя проведение мероприятий различных форматов: обустройство придворовых территорий, субботники, экологические акции, уроки для школьников и др. [7].

В программных документах Коммунистической партии Российской Федерации (КПРФ) тема экологии затронута лишь косвенно. Так, например, в

программе партии указано, что она рассматривает экологические движения как союзников в рамках социально-классовой и национально-освободительной борьбы, а об обеспечении экологической безопасности страны говорится лишь единожды в рамках блока «Программа минимум» [8].

Для КПРФ в целом не характерна проектная деятельность, поэтому мероприятия в сфере экологии носят скорее стихийный характер. Одним из немногих ярких примеров работы партии в сфере экологии является организация протестов против строительства автодороги в национальном парке «Лосиный остров» (г. Москва) и разработка законопроекта об отмене закона, позволяющего мэрии Москвы застраивать данный парк [9].

В последней версии программы Либерально-демократической партии России (ЛДПР) тема экологии не упоминается, однако мероприятия с экологической повесткой проводятся достаточно часто. Мероприятия имеют локальный характер, их частота и в целом наличие в том или ином регионе зависят от приоритетов региональных отделений. Чаще всего экологическую повестку можно встретить в работе партии в Архангельской, Калининградской, Костромской, Курской, Нижегородской, Новгородской, Тамбовской и Тюменской областях. Форматы работы также различные: организация сбора вторсырья, просветительские мероприятия, посадка деревьев, борьба с нелегальными свалками, разработка обращений в органы местной власти, акции, выставки и т.д. [10].

В июне 2024 г. ЛДПР объявила о запуске комплексной партийной программы по охране окружающей среды. Председатель партии Л. Э. Слуцкий заявил, что целью программы станет создание механизмов эффективного контроля за охраной окружающей среды, развитие возобновляемых источников энергии и поддержка экологически безопасных технологий [11].

В программе Социалистической политической партии «Справедливая Россия – Патриоты – За Правду» говорится, что «Экологическая безопасность – неотъемлемая часть социальной безопасности, требующая ответственности всего общества и предполагающая проявление справедливости к будущим поколениям». Партия выступает за принцип всеобщности экологического страхования. Среди важных предложений можно выделить следующие:

- модернизация системы государственной экологической экспертизы и государственного экологического контроля;
- создание министерства геологии;
- разработка и принятие экологического кодекса РФ;
- развитие системы глубокой утилизации мусорных отходов;
- стимулирование развития альтернативных источников энергии;
- формирование экологической культуры граждан;
- создание «зеленых рабочих мест» [12].

В 2017–2018 гг. партия реализовывала федеральный проект «ЭкоСреда», в рамках которого проводились мероприятия по благоустройству и озеленению территории, субботники, круглые столы, подготовка и направление депутатских запросов на региональном уровне, культурные мероприятия экологической направленности. Также депутаты партии в

регионах подготовили ряд законодательных инициатив, связанных в том числе с экологическим просвещением и обеспечением экологически безопасного обращения с отходами [13]. В настоящее время отдельного партийного проекта на данную тему у партии нет, но экологическая повестка присутствует в мероприятиях проекта «Молодежь Справедливой России».

В программе политической партии «Новые люди» вопросам экологии также уделяется достаточно большое внимание. Партия предлагает сделать экологию частью градостроительной политики, решить проблему бродячих животных, расчистить леса и восстановить охрану над ними, создать водоочистные сооружения в курортных городах и стимулировать экологичное поведение граждан [14].

Представители партии на местах создают региональные проекты, направленные на решение экологических проблем, например в Ульяновской области реализуется проект «ЭКОдозор» [15], в Ростовской области – проект «Эко люди» [16], в Курской области – проект «Бумажная лайка» [17] и др.

В г. Москве реализуется партийный проект «Эко-район», целью которого является помощь в налаживании отношений между жителями Москвы и органами власти для совместного решения экологических проблем, организация просветительских мероприятий, благоустройство и озеленение территорий. В рамках проекта было озеленено более 1000 дворов Москвы, проведено более 150 экологических акций, 20 эко-конференций, открыта образовательная программа для активистов по обучению выявлению потенциально опасных деревьев после ураганов и отправлено 183 обращения в соответствующие службы, а также организован грантовый конкурс, направленный на поддержку эко-инициатив [18].

В ноябре 2023 г. партией было основано общественное движение «Мы в ответе за них». На данный момент в нем принимают участие более 1000 активистов из 24 регионов России, которые оказывают поддержку питомникам, заповедникам и приютам для бездомных животных [19].

Таким образом, исследование экологической повестки в программных документах и проектах политических партий России позволяет выявить различные подходы к решению экологических проблем. Анализ представленных инициатив свидетельствует о растущем осознании важности экологической проблематики среди политической элиты. Однако, несмотря на заявленные намерения, эффективность и реализуемость некоторых инициатив вызывает сомнения. Так, например, стоит отметить тот факт, что в большинстве случаев партийные проекты либо не имеют четкого плана и сроков реализации, либо вовсе отсутствуют. Однако, именно они позволяют разработать комплексные и долгосрочные стратегии, учитывающие различные аспекты экологической политики и, в отличие от стихийных мероприятий, обеспечивают последовательность и целенаправленность действий. Также партиям следует наладить сотрудничество с гражданским обществом, научным сообществом и бизнес-сектором, что может способствовать не только обмену ресурсами и опытом, но и созданию более эффективных стратегий и механизмов реализации экологических инициатив.

Список литературы

1. Global Warming of 1.5 °C. URL: <https://www.ipcc.ch/sr15/> (дата обращения: 10.07.2024).
2. Ученые объяснили, почему климат России теплеет быстрее всех в мире. URL: <https://rg.ru/2020/01/12/reg-urfo/uchenye-obiasnili-pochemu-klimat-rossii-tepleet-bystree-vseh-v-mire.html> (дата обращения: 10.07.2024).
3. Заседание дискуссионного клуба «Валдай». URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/72444> (дата обращения: 10.07.2024).
4. Экологическая ситуация в России: мониторинг. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/ehkologicheskaja-situacija-v-rossii-monitoring-20230309> (дата обращения: 10.07.2024).
5. Экологическая ситуация в России: мониторинг. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/ehkologicheskaja-situacija-v-rossii-monitoring-2> (дата обращения: 10.07.2024)
6. Народная программа «Единой России». URL: <https://er.ru/party/program> (дата обращения: 10.07.2024).
7. Чистая страна. URL: <https://ecology.er.ru/> (дата обращения: 10.07.2024).
8. Программа партии. URL: <https://kprf.ru/party/program> (дата обращения: 10.07.2024).
9. Москва. Народная приемная КППФ в ВАО. Защитим Лосиный остров от застройки! URL: <https://kprf.ru/dep/gosduma/activities/224635.html> (дата обращения: 11.07.2024).
10. ЛДПР. Экология. URL: <https://ldpr.ru/tags/экология> (дата обращения: 11.07.2024).
11. ЛДПР дала старт формированию комплексной программы по охране окружающей среды в России. URL: <https://tumen.ldpr.ru/event/366813> (дата обращения: 11.07.2024).
12. Программа партии. Экология. URL: <https://spravedlivo.ru/4791010> (дата обращения: 12.07.2024).
13. Подведены итоги общепартийного федерального проекта «ЭкоСРедa». URL: <https://spravedlivo.ru/8877910> (дата обращения: 12.07.2024).
14. Программа партии. URL: https://newpeople.ru/program_newpeople (дата обращения: 12.07.2024).
15. ЭКОдозор73 URL: https://vk.com/eco_dozor73 (дата обращения: 12.07.2024).
16. Эко-люди. URL: <https://vk.com/econewpeople> (дата обращения: 12.07.2024).
17. Бумажная лайка URL: https://vk.com/bumajnaJa_laika (дата обращения: 12.07.2024).
18. Проект «Эко-район». URL: <https://newpeople.moscow/eko-rajon/> (дата обращения: 12.07.2024).
19. Новые люди провели всероссийский зоосубботник. URL: <https://newpeople.ru/News/novye-lyudi-proveli-vserossijskij-zoosubbotnik> (дата обращения: 12.07.2024).

СЕКЦИЯ 2. ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА РОССИИ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ, КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ И ИСТОРИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

Бабик А.О.
Babik A.O.

ЭВОЛЮЦИЯ АНГЛО-СОВЕТСКИХ ОТНОШЕНИЙ В КОНТЕКСТЕ ЛАТИНОАМЕРИКАНСКОЙ СЦЕНЫ: РОЛЬ МЕДИАЦИИ И УРЕГУЛИРОВАНИЯ КОНФЛИКТОВ

THE EVOLUTION OF ANGLO-SOVIET RELATIONS IN THE CONTEXT OF THE LATIN AMERICAN SCENE: THE ROLE OF MEDIATION AND CONFLICT RESOLUTION

Аннотация. Эволюция англо-советских отношений в контексте латиноамериканской сцены занимает важное место в истории международных отношений XX века. Латинская Америка становилась ареной не только региональных, но и глобальных конфликтов, в которых западные державы, такие как Великобритания, и Советский Союз стремились укрепить свои позиции и распространить влияние. В этой статье рассматривается, каким образом происходила медиация и урегулирование конфликтов в Латинской Америке в рамках англо-советского взаимодействия, а также влияние этих процессов на двусторонние отношения.

Ключевые слова: Аргентина, Россия, США, Великобритания, медиация.

Summary. The evolution of Anglo-Soviet relations in the context of the Latin American scene occupies an important place in the history of international relations of the 20th century. Latin America became a theater not only for regional but also global conflicts, in which Western powers like Great Britain and the Soviet Union sought to strengthen their positions and expand their influence. This article examines how mediation and conflict resolution occurred in Latin America within the framework of Anglo-Soviet interaction, as well as the impact of these processes on bilateral relations.

Key-words: Argentina, Russia, USA, Great Britain, mediation.

Спустя 42 года, после окончания ключевых эпизодов холодной войны и изменений на латиноамериканской политической арене, англо-советские отношения сохранили свою важную роль в международной дипломатии. Вопросы суверенитета и вмешательства великих держав в дела Латинской Америки стали отражением глобального противостояния между Западом и Востоком. Эти отношения, развивавшиеся на фоне многочисленных конфликтов, олицетворяли более широкую проблему международного урегулирования.

Ключевым элементом этих отношений была дипломатическая работа по урегулированию конфликтов и продвижению национальных интересов. В Латинской Америке обе стороны — Великобритания и Советский Союз — сталкивались с различными политическими и экономическими вызовами. Страны региона, такие как Чили, Куба и Никарагуа, становились ареной для противостояния двух блоков [1, p.30].

Особое внимание уделялось вопросу о суверенитете стран Латинской Америки. Столкнувшись с американской политикой вмешательства и

советской поддержкой революционных движений, региональные правящие элиты стремились найти способы защитить свою независимость. В 1960-е и 1970-е годы Латинская Америка переживала период революций и диктатур, что вызывало напряженность на международной арене. Однако, несмотря на разногласия, дипломатические отношения между Великобританией, Советским Союзом и ключевыми странами региона оставались активными, отражая стремление обеих сторон сохранить баланс сил [1, p.44].

Мало что произошло на пути переговоров в течение 130 лет после владения Британией Фолклендских островов с 1833 году. Мало что изменилось в основе дипломатических переговоров, поскольку позиции сторон по многим вопросам оставались неизменными. Советский Союз продолжал поддерживать революционные движения, тогда как Великобритания и её западные союзники придерживались курса на сохранение капиталистических и демократических режимов в регионе. Этот баланс интересов подкреплялся международными документами, такими как соглашения и резолюции ООН, призванные урегулировать конфликты и защитить суверенитет стран Латинской Америки.

Одним из самых серьёзных кризисов, в который оказались вовлечены обе державы в контексте Латинской Америки, стал Карибский кризис 1962 года. Великобритания, являясь союзником США в НАТО, поддержала американскую блокаду Кубы, в то время как Советский Союз пытался защитить своё стратегическое присутствие на острове. Тем не менее, несмотря на поддержку США, Великобритания стремилась сохранить минимальные дипломатические каналы с СССР, что стало важным фактором в последующем урегулировании конфликта [1, p.46].

После Карибского кризиса и других конфликтов в Латинской Америке англо-советские отношения претерпели изменения. Оба государства осознали необходимость создания устойчивых каналов коммуникации и использования медиации для предотвращения эскалации конфликтов. Латинская Америка стала своеобразным полем для отработки новых дипломатических механизмов, таких как использование международных организаций для медиации и обсуждения конфликтов. Англо-советское взаимодействие оказало долгосрочное влияние на развитие политической культуры и дипломатии стран Латинской Америки. Многие государства региона начали активнее участвовать в международных процессах урегулирования конфликтов и выстраивания отношений с обоими мировыми блоками, что впоследствии привело к созданию более самостоятельной региональной дипломатии.

Важнейшим этапом в англо-советских отношениях стало заключение договоренностей в конце 1980-х и начале 1990-х годов. Одним из ключевых документов, регламентирующих их сотрудничество в Латинской Америке, стало "Соглашение об основах отношений", принятое в 1998 году. Этот документ стал важным этапом в урегулировании международных конфликтов и укреплении дипломатических связей между сторонами, а также сформировал основу для дальнейшего взаимодействия по вопросам региональной безопасности и экономического сотрудничества [1, p.52].

Хотя в течение длительного времени переговоры между сторонами по ключевым вопросам оставались застопоренными, политическая ситуация в регионе и мире постепенно менялась. Англо-советские отношения, несмотря на идеологические разногласия, играли важную роль в медиации и урегулировании конфликтов в Латинской Америке, что способствовало созданию устойчивых каналов для дипломатического диалога и решения проблем суверенитета.

В 1964 году аргентинские лоббисты, использовавшие в качестве боеприпасов резолюцию Организации Объединенных Наций 1960 года, обязались «положить конец всему колониализму во всех его формах» [2, с.26].

Лоббистам удалось убедить Генеральную Ассамблею Организации Объединенных Наций призвать Великобританию и Аргентину «незамедлительно приступить к переговорам с целью поиска мирного решения проблемы, но с учетом интересов населения Фолклендских островов» [2, с.27].

Привело это к тому, что принятие резолюции Организации Объединенных Наций № 2065 в декабре 1965 года, которая привлекла международное внимание к вопросу о суверенитете и заставила Британию, которая присвоила острова в качестве одной из своих колоний, начать серьезные переговоры с Аргентиной.

В июле 1966 года в Лондоне состоялась серия секретных встреч между представителями британского министерства иностранных дел и должностными лицами из посольства Аргентины. В основе обсуждений лежало понимание того, что суверенитет в конечном итоге будет передан Аргентине и что основное препятствие заключается в защите прав и образа жизни островитян [2, с.29].

Эти переговоры продолжались до сентября 1967 года, когда их возглавлял аргентинский Министр иностранных дел Никанор Коста Мендес, и его британский коллега Джордж Браун. Браун не сообщил ни жителям островов, ни парламенту о секретных переговорах, потому что он хотел подождать, пока он представит им предложение, которое будет привлекательным для всех заинтересованных сторон. Когда слово о переговорах было пущено в народ, часть лоббистов отправили письма сторонникам в Лондоне, выражая обеспокоенность тем, что переговоры могут уничтожить желание фолклендского народа остаться под британским правлением [3, с.48].

Влияние в лобби в Фолклендском парламенте стало очевидным в марте 1968 года. Лорд Чалфонт, министр иностранных дел, ответственный за переговоры с Аргентиной, столкнулся с рядом сложных вопросов, заданных членами Палаты лордов относительно содержания переговоров с Аргентиной. Они пытались подтвердить свои подозрения, что переговоры ведутся с Аргентиной, что может привести к британским уступкам в вопросе суверенитета [3, с.50].

Министр иностранных дел Майкл Стюарт, ныне преемник Джорджа Брауна, подвергся аналогичному, но более изнурительному допросу в Палате

общин, неохотно признал, что «желания жителей острова являются абсолютным условием для любого урегулирования».

В начале 1970-х годов Министерство иностранных дел Великобритании активно использовало медиацию как инструмент для урегулирования конфликтов и укрепления отношений между заинтересованными сторонами [3, с.51].

Значительную роль в этом процессе сыграл Дэвид Скотт, новый заместитель министра зависимых территорий, который был полон решимости заключить соглашение, способное улучшить экономические связи между Великобританией и Аргентиной, а также способствовать взаимодействию с населением Фолклендских островов. При этом Дэвид Скотт избегал прямого затрагивания ключевой проблемы — суверенитета островов, что подчеркивало важность дипломатического подхода в условиях конфликта [4, с.80].

Одним из шагов по укреплению экономических и социальных связей стало предложение об открытии воздушного сообщения между Фолклендскими островами и Аргентиной. Этот ход представлял собой важный элемент медиации, поскольку позволял улучшить доступ к материке для жителей островов без необходимости зависеть от невыгодных морских рейсов. Данная инициатива, помимо экономических выгод, открывала возможности для использования аргентинской инфраструктуры в области образования и здравоохранения, что также способствовало ослаблению напряженности.

Дэвид Скотт, действуя как медиатор, сумел убедить фолклендцев принять его предложение, неоднократно заверяя, что соглашение не повлияет на суверенитет островов. Подписание соглашения в июле 1971 года стало результатом успешной медиации, поскольку оно позволило наладить воздушное сообщение с Буэнос-Айресом. Более того, был намечен план по строительству взлетно-посадочной полосы для авиационных перевозок, которую должна была предоставить Аргентина. Это стало важным шагом в процессе урегулирования конфликта и укрепления доверия между сторонами [5, с.204-213].

Однако процесс медиации часто сталкивается с трудностями, связанными с выполнением соглашений. В 1974 году были подписаны дополнительные соглашения, которые разрешали Аргентине построить топливные баки для поддержки авиасообщения. Это вызвало беспокойство у населения Фолклендских островов. Присутствие аргентинских военных для управления топливными баками было воспринято как усиление позиций Аргентины на островах, что спровоцировало рост тревоги.

Задержка в строительстве постоянного аэродрома также усилила недовольство островитян, которые чувствовали себя обманутыми из-за отсутствия обещанного стабильного воздушного сообщения. Эта ситуация иллюстрирует сложность процесса урегулирования конфликтов, где внешние силы должны балансировать между интересами конфликтующих сторон, находя компромиссы и не допуская эскалации напряженности [6, с.111].

Медиация конфликтов между англо-советскими интересами в Латинской Америке нередко осуществлялась через международные организации, такие как ООН и Организация американских государств (ОАГ). ООН, особенно в период активного развертывания миротворческих миссий, старалась минимизировать конфликты, где были вовлечены два сверхдержавных блока. В ряде случаев дипломатические усилия Великобритании и СССР были направлены на минимизацию прямого военного конфликта.

Таким образом, медиация в конфликте вокруг Фолклендских островов показала, как важен дипломатический диалог и умение находить взаимоприемлемые решения. Несмотря на возникающие сложности, такие усилия позволили временно снизить уровень напряженности и открыть пути для дальнейшего урегулирования конфликта.

Список литературы

1. Leonardo A.Z. Malvinas: The Argentine perspective of the Falkland's conflict / A.Z. Leonardo. – London: Create Space, 2010. – 60 p.
2. Бабик А.О. Народная дипломатия в условиях фолклендского кризиса / А.О. Бабик // Вестник Донецкого национального университета. Серия Б: Гуманитарные науки. – 2018. – № 10 (16). – С. 26–31.
3. Лаурисика Х.О. Уроки неудачи: Фолклендский / Мальвинский конфликт / Х.О. Лаурисика // Сетон Холл Журнал дипломатии и международных отношений. – 2000. – С. 79–95.
4. Лейвер Р.К. Дело Фолклендских / Мальвинских островов: Поиск выход из тупика в англо-аргентинском споре относительно суверенитета над островами / Р.К. Лейвер. – Гаага: Нейхоф Паблишерс, 2001. – 120 с.
5. Спицин А.Г. Фолклендская война: 30 лет спустя / А.Г. Спицин // Вестник Московского государственного лингвистического университета. – 2013. – 24 (684). – С. 204–213
6. Ямашкин П.П. Новый шаг к сближению двух народов / П.П. Ямашкин // Издательство «Наука». – 1984. – №10. – С. 111–115.

Дибас О.А., Милокост Л.С.
Dibas O.A., Milokost L.S.

РОЛЬ РОССИЙСКОЙ ДИПЛОМАТИИ В ОПРЕДЕЛЕНИИ СТАТУСА «ЯДЕРНОГО НАСЛЕДСТВА СССР»: РОССИЙСКО-УКРАИНСКИЙ ПЕРЕГОВОРНЫЙ ПРОЦЕСС 1992-1994 ГГ.

THE ROLE OF RUSSIAN DIPLOMACY IN DETERMINING THE STATUS OF THE «NUCLEAR LEGACY OF THE USSR»: THE RUSSIAN- UKRAINIAN NEGOTIATION PROCESS 1992-1994

Аннотация. В статье рассматриваются механизмы защиты российскими дипломатами приоритетных интересов Российской Федерации в процессе обеспечения ядерной безопасности на постсоветском пространстве. Рассмотрены подходы российской и украинской стороны к вопросу контроля за «ядерным наследством СССР», а также механизмы решения спорных/ конфликтных вопросов в двусторонних российско-украинских отношениях в 1992-1994 гг.

Ключевые слова: российская дипломатия, «ядерное наследство», конфликт интересов, позиция сторон, переговорный процесс

Summary The article examines the mechanisms of protection by Russian diplomats of the priority interests of the Russian Federation in the process of ensuring nuclear safety in the post-Soviet space. The approaches of the Russian and Ukrainian sides to the issue of control over the "nuclear legacy of the USSR", as well as mechanisms for resolving controversial/conflict issues in bilateral Russian-Ukrainian relations in 1992-1994 are considered.

Key-words: Russian diplomacy, «nuclear legacy», conflict of interests, position of the parties, negotiation process

XX век был ознаменован значительными технологическими изменениями, которые коренным образом отразились на жизни рядовых граждан, однако некоторые достижения НТР двойного назначения активизировали и новые угрозы и вызовы, которые возникли перед человечеством. Одним из подобных вызовов является обеспечение ядерной безопасности, которая включает как ограничение количество государств, имеющих доступ к ядерным технологиям, так и ряд ограничений по использованию и хранению элементов, имеющих ядерный заряд.

Переговоры по ограничению ядерного потенциала во второй половине XX века носили достаточно продолжительный характер, а главными участниками переговоров в условиях «холодной войны» выступали СССР и США. Однако реалии исторического процесса и постепенный демонтаж социалистического блока, а в последующем и демонтаж СССР привели к возникновению вопроса владения ядерным потенциалом между бывшими республиками СССР: Российской Федерацией, Украиной, Белоруссией и Казахстаном. К 1994 году были уже урегулированные данные вопросы, при этом наиболее сложным оказалось разрешение противоречий о владении ядерным потенциалом между Российской Федерацией и Украиной, которая использовала данный вопрос для давления на российскую сторону при определении иных спорных вопросов.

После событий Евромайдана и свержения Виктора Януковича с поста Президента Украины тема «ядерного наследства» вернулась в обсуждение в украинском политическом пространстве, а в феврале 2022 Владимир Зеленский сделал заявление о возможности выхода Украины из Будапештского соглашения по нераспространению ядерного оружия [1].

Данное заявление говорило о практическом нивелировании достигнутых между договоренностей Россией и Украиной в 1992-1994 гг. На данном этапе в российском научном и образовательном пространстве достаточно ограниченно представлена информация о действиях российской делегации, направленных на разрешение «ядерного вопроса» в связи с чем может сложиться ложное представление о легкости решения данного вопроса в российско-украинском переговорном процессе. По прошествии более 30 лет с момента начала переговорного процесса считается устоявшимся решение о признании Российской Федерации в качестве правопреемницы СССР, наделенной контролем за ядерным потенциалом СССР, однако на рубеже 1992-1994 гг. шли достаточно длительные и сложные переговоры по данному вопросу.

Исследователи выделяют ряд возможностей по определению статуса ядерного потенциала бывших советских республик, среди которых:

- все суверенные правопреемники Союза объявляют себя безъядерными государствами, а ядерный комплекс ликвидируется;

- часть правопреемников Союза становится ядерными государствами и между ними производится раздел ядерного комплекса;

- все суверенные правопреемники Союза, кроме одного, имеют безъядерный статус, а один правопреемник владеет ядерным комплексом и обеспечивает безопасность остальных республик (или их части) в рамках специального военно-политического договора;

- все суверенные правопреемники Союза имеют ядерный статус, но они в целом (или их часть) владеют и управляют ядерным комплексом через специальную наднациональную (общесоюзную) структуру [2, с. 346-347].

Целью нашего исследования является анализ деятельности российской делегации, направленной на определение статуса «ядерного наследства СССР» и достижение интересов России в данном вопросе.

31 июля 1991 года буквально за несколько месяцев до демонтажа Советского Союза СССР и США подписали Договор о сокращении стратегических наступательных вооружений, однако договор остался не ратифицированным.

Однако после прекращения существования СССР поднялся вопрос о ратификации данного договора со стороны России, Белоруссии, Казахстана, Украины и США. И если на момент 1990-1991 гг. в Декларации, провозглашавшей государственную суверенитет Украины от 16.07.1990 г. было сказано, что «Украина торжественно провозглашает о своем намерении стать в будущем нейтральным государством, которое не принимает участия в военных блоках и придерживается трех неядерных принципов: не принимать, не производить и не приобретать ядерного оружия» [3, с.39], то впоследствии украинское руководство предпринимало определенные усилия для возможности не исполнения заявленного.

При освещении данной темы стоит уточнить, что стартовые позиции участников переговорного процесса (а именно Украины) изменялись в ходе самого переговорного процесса. 23 мая 1992 года пять государств – Россия, США, Украина, Казахстан и Белоруссия подписали Лиссабонский протокол, который должен был урегулировать вопросы ратификации СНВ-1. В письменном заявлении украинской стороны в связи с подписанием Лиссабонского протокола было сказано: «бремя обладания ядерным оружием бывшего СССР с прямого согласия Украины и всех других государств-правопреемников бывшего СССР было оставлено только за Российской Федерацией» [3, с.42].

Однако данная позиция претерпевала определенных изменений вслед за изменением принципов внешней политики самой Украины. Уже 11 декабря 1992 года МИД Украины разослал всем посольствам, аккредитованным в Киеве, Меморандум по вопросам ядерной политики Украины в котором заявлялось о украинском : «праве собственности на все компоненты ядерных

боеголовок, ... дислоцированных на ее территории», что существенно влияло на изменение статуса Украины как безъядерного государства.

Необходимость ратификации Украиной договоров СНВ-1 и ДНЯО стала одной из ключевых тем встречи Б.Н. Ельцина и Л.М. Кравчука 15 января 1993 года. Результатом встречи стало поручение президента правительствам незамедлительно начать переговоры по урегулированию всех сложных вопросов, связанных с реализацией Договора СНВ-1 и Лиссабонского протокола [3, с.47].

Главой российской делегации был назначен Ю.Н. Дубинин, перед которым стояла задача добиться вывоза всех боезарядов стратегического ядерного оружия, находящегося на территории Украины на территорию России для дальнейшей утилизации.

При этом украинская делегация отошла от заявленных в Декларации о государственном суверенитете принципов и озвучила претензию о провозглашении «права собственности» Украины на «ядерные боезаряды» [3, с. 50].

Глава российской делегации отмечает, что основные усилия украинской стороны были направлены на переформатирование правового поля внутри собственного государства, а именно на отрицание государственно-правовой значимости Декларации о государственном суверенитете [3, с.60].

Двусторонние переговоры велись не только на уровне делегаций, но и глав правительств. Так в решении ядерных противоречий между Россией и Украиной значимую роль играли встречи В.С. Черномырдина и Л.Д. Кучмы, которые активизировали переговорный процесс. В рамках которого был снят вопрос о праве собственности Украины на ядерное оружие

Однако, в ходе последовавшей в последствии встречи президентов в Массандре 3 сентября 1993 года вышли на поверхность внутренние противоречия в самой Украине, которые не давали возможность Президенту и Правительству обеспечивать свои обязательства в полном объеме. Ратификация Украиной Договора СНВ-1 были и названы «надругательством над важным международным документов», так как включали оговорки к Договору СНВ-1 и даже отклонение ст.5 Лиссабонского протокола [3, с. 71].

Только после прихода к власти Л.Д. Кучмы и усилившегося давления на Украину со стороны США и России были достигнуты договоренности о ратификации Украиной Договора СНВ-1 и ДНЯО, а также определение ее в качестве не ядерного государства. Вопросы украинских претензий на «ядерное наследство» СССР были окончательно сняты после присоединения 5 декабря 1994 г. Украины к Договору о нераспространении ядерного оружия в качестве государства, «не обладающего ядерным оружием».

Российской делегацией были достигнуты изначальные цели переговорного процесса и закреплен статус Российской Федерации в качестве единственного государства на постсоветском пространстве, обладающего ядерным статусом.

Анализ воспоминаний Ю.В. Дубинина свидетельствует о сложности и противоречивости переговорного процесса, который усложнялся тем, что

страны постсоветского пространства находились на стадии формирования государственности, выработки правовых норм, регламентирующей их деятельность. Также постепенно шел процесс формирования политической системы и системы органов государственной власти, шел процесс формирования и уточнения полномочий новых формирующихся министерств и ведомств, которые в ряде случаев выступали против решений собственного правительства и президента, отстаивая собственную отличную от официальной позицию.

Частично на переговорный процесс между Россией и Украиной оказывали влияние военные круги, что проявилось практически в саботировании договоренностей правительства.

Также усложняли переговорный процесс действия Верховной Рады Украины, которая не только вносила изменения и дополнения в международные договоры, что является недопустимым в международной практике.

Данные действия Украины усложняли международную ситуацию, оголяя все больше вопрос о необходимости решения вопросов о ядерном статусе государств, а также ответственности государств перед международным сообществом по вопросам обеспечения экологической безопасности и сохранности ядерного потенциала.

Решение вопроса «ядерного наследства» было не только вопросом престижа и безопасности на постсоветском пространстве, данная проблема была предметом волнений и ряда стран Европы и США, как подписанта Договора ОСВ-1.

Стоит отметить, что даже в условиях постсоветской действительности возникли проблемы по определению ядерного статуса лишь с Украиной, элиты которой претендовали на статус державы, оказывающей влияние на общеевропейскую повестку, пытаясь повысить свою значимость и получить наибольшую финансовую выгоду за счет манипулирования вопросами ядерной безопасности.

Список литературы

1. Владимир Зеленский сделал заявление о возможности выхода Украины из Будапештского соглашения по нераспространению ядерного оружия // 1 канал: новости [Электронный ресурс]. – URL: https://www.1tv.ru/news/2022-02-20/421423-vladimir_zelenskiy_sdelal_zayavlenie_o_vozmozhnosti_vyhoda_ukrainy_iz_budapeshtskog_o_soglasheniya_po_nerasprostraneniyu_yadernogo_oruzhiya (дата обращения: 01.08.2024)
2. На благо России. К 75-летию академика РАН Ю.А. Трутнева / Под ред. Р.И. Илькаева. – Саранск Тип. «Красн. Окт.», 2002. – 476 с.
3. Дубинин Ю.В. Дипломатический марафон : зап. участника рос.-укр. переговоров в 1992–1999 годах / Ю.В. Дубинин. – Москва : АвиаРус-XXI, 2005. – 350 с.

ГОРОДА КАК АГЕНТЫ: АНАЛИЗ ФАКТОРОВ СТАНОВЛЕНИЯ В КАЧЕСТВЕ ВСПОМОГАТЕЛЬНОГО РЕСУРСА ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ РФ

CITIES AS AGENTS: ANALYSIS OF FACTORS TO BE ADDITIONAL RESOURCE FOR THE RUSSIAN FOREIGN POLICY

Аннотация. В докладе представлен анализ изучения факторов, которые повлияли на становление городов и представителей муниципального уровня власти в качестве особого ресурса во внешней политике России. Ввиду сложности и неоднородности самой системы внешней политики государства к её исполнению возможно подключение негосударственных и субнациональных акторов. Такими акторами выступают мэры, сотрудники органов муниципальной власти. На примере России были выделены две основные группы подобных факторов: внутренние и внешние.

Ключевые слова: город, парадипломатия, внешняя политика, Россия, народная дипломатия.

Abstract. The article presents an analysis of the study of factors that influenced the formation of cities and representatives of the municipal level of government as a special resource in Russia's foreign policy. Due to the complexity and heterogeneity of the state's foreign policy system, non-state and subnational actors may be involved as state providers. Such actors are mayors and employees of municipal authorities. Analysis is based on evidences from Russia, which has two groups of factors that have influenced cities to become state agents. They are internal and external group factors.

Keywords: city, paradiplomacy, foreign policy, Russia, public diplomacy.

Внешняя политика национального государства представляет собой сложную машинерию. Помимо главного и профильного министерства сосуществуют параллельные, вспомогательные ведомства, которые вносят свой вклад в планирование, разработку, реализацию внешнеполитических программ [1]. Нередко участниками или агентами способны выступать также негосударственные, парадипломатические структуры, как в случае с представителями торговой сферы, сотрудниками культурных и гуманитарных организаций, научных сообществ и т.д.

Вместе с ними особое место занимают субнациональные акторы, которые представлены субъектами федерации, городами и местными администрациями. На своём уровне они включаются в международную деятельность, что также отражает особенности публичной дипломатии всей страны. Города, точнее их администрации и мэры, являются видимыми субъектами международной политики: установление побратимских и партнёрских связей в гуманитарной сфере сопровождается бизнес-миссиями и встречами между представителями городской власти и зарубежных, международных компаний. В городах проходят фестивали, организуются тематические выставки и конференции, которые нередко становятся местом встречи для первых лиц государства, региональных и международных организаций. Например, помимо Москвы, международные тематические

форумы и выставки проводятся в Санкт-Петербурге (Петербургский международный экономический форум), Екатеринбурге (Иннопром), Владивостоке (Восточный экономический форум). Эти города уже зарекомендовали себя в качестве важных площадок для синергии интересов федерального правительства, региональной и муниципальной власти, бизнес-групп, общественников и научного сообщества.

Города стали не только местом, через которое государство реализует свои интересы, но также и соучастником по достижению подобных целей. Сегодня зачастую прибегают к термину «народной дипломатии», что по-своему отражает близость международных контактов на низовом уровне и интересы государства по их развитию. По-своему это сказалось на опыте и внешнеполитической практике РФ, которая относительно городской дипломатии выстроила особую модель контроля и управления, что позволило встроить города и их власти в общенациональную систему. Тем не менее сам процесс не был одномоментным и проходил параллельно развитию современной политической истории России после распада Советского Союза и установления новой политической системы управления. На весь этот процесс повлияли несколько групп факторов, которые можно обозначить как внешние и внутренние.

Среди внутренних факторов стоит отметить сам процесс политической трансформации во внутренней политике страны. По мнению А.В. Кынева подобный процесс проходил в несколько этапов, также он был связан с конкуренцией между региональной и федеральной властью [2]. В рамках такой «борьбы» роль местной власти и отдельных мэров городов придавала соревновательность федерализму России, что отразилось в проявлении сложных взаимоотношений между федеральной властью, региональной властью и властью на городском уровне. Пик подобных конкурентных взаимоотношений пришёлся на середину и вторую половину 2000-х гг., однако в последствие с рядом реформ в муниципальной системе управления (МСУ) главы городов потеряли свою автономию от региональной власти и стали во многом зависеть от губернаторов с их администрациями. Нередко процессы встраивания муниципального уровня в административно-управленческую модель региона сопровождались уголовными делами в отношении мэров и служащих органов муниципальной власти [2, с.471].

Другим значимым фактором во внутренней политике стали отношения между самими городами, главами администраций и местных поселений. Начиная с 1990-х гг. становление МСУ в России сопровождалось расширением горизонтальных связей между городами, появлениями региональных, всероссийских ассоциаций, которые консолидировали интересы представителей муниципального уровня власти. Подобные ассоциации выступили площадками для обмена мнениями, опытом в решении локальных проблем. Через отдельные форумы и конференции на таких ассоциациях также присутствовали представители органов региональной и федеральной власти, до которых не только доносилась информация о текущих событиях, но и происходил обмен мнений по отдельным и значимым вопросам.

Так, региональный пример ассоциации «Города Урала» с 1997 года [3] объединил органы местного самоуправления как Уральского федерального округа, так и Сибирского федерального округа.

Среди внешних факторов также стоит отметить несколько наиболее значимые. Во-первых, это распространение эффектов глобализации, которые особенно раскрылись на постсоветском пространстве. Появление множества новых национальных государств на месте СССР открыло для внерегиональных акторов возможность проводить собственные политики. Здесь также стоит отметить влияние и успехи в развитии интеграционных процессов Европейского союза (ЕС) с его системой субсидиарности и включения в модель многоуровневого управления региональную и городскую власть [4]. ЕС стремился выносить опыт за пределы своей классической географии, проводя подобную «образовательную» политику по отношению к близлежащим государствам. Как результат, появление дополнительных программ развития территорий вовлекали регионы и города ЕС, а также территории на внешних границах объединения – ярким примером этого стало развитие программы ИНТЕРРЕГ и трансграничного сотрудничества с поселениями, городами и регионами северо-западной части России, попытки построения субрегионов в Восточной Европе на территориях России, Украины и Белоруссии.

Во-вторых, реакция РФ стала значимым фактором на подобные изменения и влияние из соседних регионов. Как результат, страна сделала акцент на развитие собственных интеграционных объединений и трансрегиональных проектов. На национальном уровне это также сопровождалось развитием нормативно-правовой базы для деятельности приграничных территорий [5, с. 181-182], что в последствии нередко воспроизводилось в региональных организациях на постсоветском пространстве, как в случае с Межпарламентской Ассамблеей СНГ. Всё это стимулировало городские власти включаться в сетевую по характеру форму сотрудничества как с другими городами, так и с представительствами региональных и международных организаций. Так, Г.О. Яровой и М.А. Подольский к 2014 году состав-членов Международной ассоциации «Породненные города» (МАПГ) только на постсоветском пространстве достигло 315 городов и поселений [6, 39].

Подводя итог, мы можем сделать несколько важных выводов. Во-первых, российские города стали значимым ресурсом во внешней политике России и как пространства, и как вспомогательные агенты. Во-вторых, на такое их положение повлияли две группы факторов, которые можно обозначить в качестве факторов внешнего и внутреннего типа.

Список литературы

1. Beasley R., Kaarbo J., Lantis J., Snarr M. Foreign policy in comparative perspective. – London: SAGE Publications, Inc., 2013. – doi.org/10.4135/9781544308470
2. Кынев А.В. Кто и как управляет регионами России. Система управления и административная устойчивость власти российских / А.В. Кынев. – Москва: Б.С.Г. – Пресс, 2024.

3. Ассоциация муниципальных образований «Города Урала». Официальный сайт [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.amogu.ru/> (дата обращения: 09.08.2024).
4. Hooghe L. eds. Cohesion policy and European integration. Building multi-level governance, Oxford: Clarendon Press, 1996.
5. Рустамова Л.Р. Внешние связи приграничных российских регионов / Л.Р. Рустамова // Вестник МГИМО-Университета. – 2022. – №15(1). – С. 177–206. – doi.org/10.24833/2071-8160-2022-1-82-177-206
6. Яровой Г.О., Подольский М.А. Побратимство как инструмент социокультурного и экономического развития городов: сравнение «континентальной» и «морской» школ / Г.О. Яровой, М.А. Подольский // Studia Humanitatis Borealis / Северные гуманитарные исследования. – 2014. – № 2. – С. 38–45.

Кравец Ю.А.
Kravets Y.A.

БЛЕСТЯЩИЙ УСПЕХ СОВЕТСКОЙ ДИПЛОМАТИИ В УРЕГУЛИРОВАНИИ КАШМИРСКОГО КОНФЛИКТА 1965-1966 гг.

THE BRILLIANT SUCCESS OF SOVIET DIPLOMACY IN THE SETTLEMENT OF THE KASHMIR CONFLICT OF 1965-1966.

Аннотация. В статье анализируется встреча представителей высшего руководства Индии и Пакистана при участии СССР, завершившая 2-ю индо-пакистанскую войну. Показана блестящая роль советской дипломатии в разрешении Кашмирского конфликта в 1965 – 1966 гг.

Ключевые слова: Индия, Пакистан, СССР, Ташкент, Кашмир, переговоры, декларация, соглашение, конфликт, дипломатия.

Annotation. The article analyzes the meeting of representatives of the top leadership of India and Pakistan with the participation of the USSR, which ended the 2nd Indo-Pakistani war. The brilliant role of Soviet diplomacy in resolving the Kashmir conflict in 1965 – 1966 is shown.

Key words: India, Pakistan, USSR, Tashkent, Kashmir, negotiations, declaration, agreement, conflict, diplomacy.

Ташкентская декларация – соглашение о прекращении военных действий между Индией и Пакистаном, была подписана на территории СССР при посредничестве советской дипломатии и лично главы Совета министров Алексея Косыгина. Документ называют одним из ярких примеров дипломатической роли Советского Союза в мировой политике, однако, заключенный благодаря ему мир продержался недолго. Соглашение об урегулировании между Индией и Пакистаном, вступившими в крупнейший после Второй мировой войны конфликт из-за территориальных споров, было подписано в столице тогдашней Узбекской ССР Ташкенте 10 января 1966 года.

Территория Узбекистана, известного своими великолепными историческими памятниками в Самарканде и Бухаре, была предложена советской стороной для подписания соглашения не случайно. Она была удобна с точки зрения логистики. Узбекистан находится близко и к Индии, и к Пакистану, главам государств не надо было покидать регион, и поэтому они могли чувствовать себя максимально комфортно. СССР создал переговорную площадку, предоставив лидерам возможность для общения. К моменту начала

переговоров конфликт между Индией и Пакистаном серьезно угрожал стабильности в регионе.

Он начался из-за территориальных претензий: Пакистан пытался поднять восстание в индийском штате Кашмир, львиную долю жителей которого составляли мусульмане. Восстание удалось подавить, однако произошедшее способствовало началу крупномасштабных военных действий. Индийские силы продемонстрировали эффективность в нескольких танковых сражениях, несмотря на имевшуюся у Пакистана американскую технику. Кашмир выступает камнем преткновения Пакистана и Индии с далеких времен, после распада Британской империи и передела индийских территорий. И всякий раз, конфликтующие стороны, задействовали для разрешения этой проблемы военную силу. Первое серьезное вооруженное столкновение Индии с Пакистаном в 1947-м году стало причиной разделения территории спорного княжества: север достался Пакистану, юг же закрепился за Индией. В кашмирском конфликте не снижали градус противостояния и не срабатывал ни один из традиционных механизмов: ни многосторонние переговоры, ни посредничество Австралии и Великобритании, ни вмешательство сил ООН. Накаленная ситуация выросла в новую войну на спорном граничном участке в 1965-м. В разворачивании активных боевых действий не было заинтересовано ни одно государство мира [1, с. 200].

Конфликт между двумя крупными региональными державами грозил перерасти в гораздо более масштабный – с участием других государств. Свои угрозы в адрес Индии высказывал тогдашний союзник Пакистана Китай, обвинивший Дели в агрессии. Это не на шутку встревожило СССР и США, которые опасались китайского вмешательства в конфликт. При этом особого влияния на руководство КНР американские власти не имели, а СССР и вовсе был с китайцами во враждебных отношениях. Великие державы решили использовать свое влияние в Совете Безопасности ООН, чтобы прекратить огонь. После принятия соответствующей резолюции Совбеза в сентябре 1965 года, обе стороны подчинились ей. К этому времени и Индия, и Пакистан понесли значительные потери, которые насчитывали несколько тысяч человек убитыми и ранеными. Однако конфликт мог возобновиться в любой момент, и, понимая необходимость разработки более прочного соглашения, свою помощь в урегулировании предложил СССР в лице тогдашнего председателя Совета министров Алексея Косыгина [2].

Стороной, замахнувшейся на, казалось бы, безнадежное начинание в деле прекращения этой войны, стал Советский Союз, заявивший о желании выступить первым посредником в урегулировании конфликта. Изначально Индия и Пакистан ответили Москве отказом, что подчеркивало всю сложность взятого на себя обязательства. Но уже спустя две недели СССР предложил провести Ташкентскую конференцию, прошедшую без ООН, китайцев, американцев и иных «заинтересованных сторон». В январе 1966-го Пакистан и Индия подписали Ташкентскую декларацию о прекращении боевых действий. Посредником в достижении долгожданного перемирия выступала советская дипломатия и лично Алексей Косыгин, глава Совета министров.

Несмотря на то, что фактическим главой государства был Леонид Ильич Брежнев, в то время, его позиции не были очень сильными: он еще не совмещал пост главы КПСС с должностью руководителя советского парламента — Верховного Совета. Брежнев на тот момент был совсем неопытным и не слишком уверенным руководителем Страной правила тройка в лице Брежнева, председателя Президиума Верховного Совета Николая Подгорного и главы Совмина Косыгина. По воспоминаниям современников, Косыгин сыграл важнейшую роль в индо-пакистанском урегулировании, так как пользовался доверием обеих сторон. Имело значение и то обстоятельство, что пакистанский президент Мухаммед Айюб Хан, хотя и вел свою страну в фарватере американской политики, был заинтересован в улучшении связей с СССР [3].

Главный же фактор, который сыграл положительную роль в начале переговорного процесса, заключался в том, что и советские, и американские власти были одинаково заинтересованы в разрешении конфликта. США не хотели вставать на сторону Пакистана, так как поддерживали хорошие отношения и с Индией. Ситуацией воспользовался только что пришедший к власти в СССР Л. Брежнев. Но это была не нейтральная инициатива «ради мира». В СССР хотели вывести Индию и Пакистан из-под влияния Запада. Для переговоров в Ташкент — тогда, один из красивейших городов Союза — прибыли Мухаммед Айюб Хан и премьер-министр Индии Лал Бахадур Шастри. Оба лидера были довольно сильными и искушенными политиками. Кадровый военный Айюб Хан пришел к власти благодаря военному перевороту, а затем легитимизировал свое нахождение во главе государства с помощью референдума. Шастри, второй лидер независимой Индии после Джавахарлала Неру, занимал различные посты в руководстве правящей партии Индийский национальный конгресс.

Переговоры шли непросто — стороны обменивались взаимными обвинениями, возлагая друг на друга ответственность за начало конфликта. Однако дипломатические усилия были потрачены не напрасно: Индия и Пакистан подписали Ташкентскую декларацию, обязывающую их прекратить боевые действия, отвести вооруженные силы на позиции, которые они занимали до конфликта, возобновить дипотношения. Это была победа здравого смысла и дипломатическая победа СССР. Наконец, главное дело, ради которого все собрались, увенчалось успехом: был составлен и подписан совместный документ — Ташкентская декларация. Это была подлинная победа советской дипломатии. И главную роль в ней сыграл Алексей Николаевич Косыгин. Итоги ташкентской встречи стали одновременно победой здравого смысла и дипломатическим успехом СССР. Однако закончились переговоры трагедией. В ночь, после подписания декларации, индийский руководитель умер от сердечного приступа. Ему стало плохо после переговоров, и попытки ведущих кардиологов Узбекской ССР по спасению политика окончились безрезультатно. На Западе фигурировала версия о том, что в смерти Шастри виноват СССР. Подписание Договора увенчалось грандиозным застольем, а наутро зарубежные СМИ сообщили сенсационную новость о том, что на

ташкентском правительственном банкете отравлен Лал Бахадур Шастри, а подозреваемые арестованы. Однако, как показала токсикологическая экспертиза, Шастри скончался от четвертого по счету инфаркта. Произошедшее с премьером Индии до сих пор покрыто покровом тайны. КГБ даже подозревал в его отравлении поваров, однако впоследствии эти подозрения были сняты. Была организована траурная церемония. Кроме Косыгина и представителей индийской делегации гроб Шастри, покрытый индийским национальным флагом, нес пакистанский глава Аюб-хан. Последний вместе с председателем Совмина СССР отправились на похоронные мероприятия в Индию. Одна из улиц узбекской столицы названа в честь Шастри [4].

Несмотря на трагический случай, Ташкентская декларация подавалась как успех советской дипломатии в деле урегулирования международных конфликтов. Правда, в Индии реакция на ее подписание была противоречивой. Соглашение одобрили Индийский национальный конгресс и Компартия, однако оппозиционные силы считали, что заключение мира деморализует страну. Ташкентская декларация не привела к разрешению кризиса. Мир между двумя странами продержался всего шесть лет. В 1971 году между Пакистаном и Индией вспыхнул новый военный конфликт, в результате чего от Пакистана откололась восточная часть, на территории которой впоследствии было провозглашено государство Бангладеш. Новое перемирие между сторонами было подписано в декабре 1971 года. Отношения между Индией и Пакистаном до сих пор остаются напряженными, а штат Кашмир по-прежнему является предметом приграничных конфликтов, которые происходят постоянно.

В 2000 году новый президент России Владимир Путин пытался свести для переговоров по нормализации отношений пакистанского президента Первеза Мушаррафа и индийского премьера Атала Бехари Ваджпаи, но эта попытка не удалась. Впрочем, Россия прилагала не слишком активные усилия, и на первый план вышла американская дипломатия. Из Ташкентской декларации трудно извлечь уроки для разрешения современных конфликтов, однако тогда советской дипломатии удалось сделать то, что не удалось сделать позже. СССР проявил активность и, пытаясь создать комфортные условия, смог стать посредником в кризисе. Это успех, у которого было мало шансов быть повторенным [5].

Таким образом, Ташкентский договор справедливо считается блестящим достижением советских дипломатов на самом высоком международном уровне. Взаимоотношения Индии и Пакистана и на сегодняшний день остаются традиционно напряженными, а регион Кашмир выступает причиной принципиальных приграничных столкновений. По мнению мировых экспертов, из заключенного в Ташкенте договора трудно извлечь значительные уроки для разрешения сегодняшнего конфликта. Неоспоримым фактом остается один момент: советская дипломатия достигла того, что позже пока не удавалось никому.

Список литературы

1. История стран Азии и Африки в новейшее время / Под. ред. М.Ф. Юрьева. В 2 ч. – Ч 2. – М.: Изд-во Московского ун-та, 1976. – 254 с.
2. Почему никто, кроме СССР не смог примирить Индию и Пакистан [Электронный документ]. – Режим доступа: <https://kulturologia.ru/blogs/090319/42456/>
3. Как СССР примирил индию и Пакистан [Электронный документ]. – Режим доступа: www.fishki.net
4. Кашмирский вопрос и позиция СССР в 1947 – 1971 гг. [Электронный документ]. – Режим доступа: <https://moluch.ru/archive/202/49533/>
5. Индо-Пакистанские переговоры в Ташкенте в 1966 г. [Электронный документ]. – Режим доступа: https://dinfo.ru/article/indo-pakistanskije_peregovori_v_tashkente_1966_goda

Муртузалиев С.И., Солодовников А.Г.,
Murtuzaliev S.I., Solodovnikov A.G.

ВОЗМОЖНОСТИ МЕДИАЦИИ ПРИ УРЕГУЛИРОВАНИИ КОНФЛИКТОВ В УСЛОВИЯХ ТРАНСФОРМАЦИИ СУЩЕСТВУЮЩЕГО МИРОПОРЯДКА

POSSIBILITIES OF MEDIATION IN CONFLICT SETTLEMENT IN THE CONDITIONS OF TRANSFORMATION OF THE EXISTING WORLD ORDER

Аннотация. В статье рассматриваются актуальные проблемы трансформации мирового порядка, связанные с переформатированием центров силы и изменением тенденций международного взаимодействия. С учётом существующих сценарных подходов авторами анализируются возможные перспективы внедрения инструментов медиации в ходе урегулирования конфликтов.

Ключевые слова: международные отношения, акторы мировой политики, трансформация мирового порядка, центры силы, медиация при урегулировании конфликтов.

Summary: The article discusses the current problems of the transformation of the world order related to the reformatting of centers of power and changing trends in international cooperation. Considering the existing scenario approaches, the authors analyze the possible prospects for the introduction of mediation tools in the course of conflict resolution.

Key-words: international relations, actors of world politics, transformation of the world order, centers of power, mediation in conflict resolution.

Тематика трансформации мирового порядка уже на протяжении многих лет вызывает живые споры как среди рядовых обывателей, так и в среде профессиональных исследователей. Большинство авторов придерживаются мнения, что ключевым событием XX века, повлекшим лавинообразный демонтаж ялтинско-постсдамской системы, является распад Советского Союза. Сформировавшаяся в «post-cold war» период американоцентричная система международных отношений фактически оформила претензии США на глобальное лидерство. Их вовлеченность (прямо либо опосредованно) практически во все наиболее значимые кризисы не только глобального, но и регионального, а иногда и локального характера, подчёркивало устойчивое

намерение США втолкнуть практически все страны мирового сообщества в сферу своего влияния.

Теоретическое обоснование неизбежности этих процессов легко находим в работах ряда учёных того периода. К ним можем отнести и американского футуролога Ф. Фукуяму и ряд других ученых – неоконсерваторов), которые красочно обосновали привлекательность однополярного Pax Americana [5; 7; 8]. Однако серия кризисов международного масштаба показали, что говорить о «конце истории» ещё рано. Претендующие на абсолютное доминирование США показали свою несостоятельность в самостоятельном решении глобальных вызовов. Да и внутренние конфликты, многие из которых стали результатом продвижения технологий, которые США использовали для форматирования под свои интересы политического пространства отдельных государств и целых регионов, показали что в «цитадели благополучия» не всё так однозначно.

Первые тревожные сигналы проявились еще в 2005 году. Тогда, в период эскалации напряженности в оккупированном Ираке, США осознали невозможность стабилизации ситуации своими силами. Они обратились к ООН и другим международным институтам с предложением принять участие в восстановлении этой разрушенной ими страны в том числе через участие в реализации своего проекта «Большой Ближний Восток». Неприятие подобного подхода лидерами ряда ведущих государств мирового сообщества того времени ознаменовало начало разбалансировки американоцентричной мировой системы – однополярного мира [2, с. 37].

Современный этап развития мировой политики характеризуется разрушением не только системы Pax Americana, но и всего западноцентричного мира в целом. Свой вклад в этот процесс внесли, в том числе, кризисы XXI века, оказавшие значительное влияние на трансформацию мирового порядка. Мировой финансовый кризис 2008-2009 годов, который начался с ипотечного кризиса в США и быстро распространился по всему миру, вызвал рецессию в экономике многих стран. Кризис привёл к снижению темпов роста мировой экономики, увеличению безработицы и бедности, а также к усилению роли государства в регулировании финансовых рынков. Он показал преимущества плановой экономики с активным участием государства над свободными саморегулируемыми рынками.

Пандемия коронавируса оказала огромное влияние на мировую экономику, политику и общество. Спровоцировав введение карантинных мер, которые замедлили экономическую активность и вызвали рост безработицы во многих странах, она усилила неравенство между странами и внутри них, поскольку некоторые страны смогли лучше справиться с кризисом благодаря более развитой системе здравоохранения и экономическому потенциалу. А также более скоординированной работе государственных органов, хотя временами это сопровождалось ограничением свобод граждан.

Геополитические конфликты XXI века, такие как война в Сирии, конфликт на востоке Украины и напряжённость между Китаем и Тайванем, привели к

росту напряжённости в международных отношениях, усилению военных расходов и изменению баланса сил в мире.

Эти и другие кризисы оказали глубокое влияние на мировой порядок, изменив баланс сил между государствами, усилив роль международных организаций и вызвав необходимость поиска новых путей сотрудничества и решения глобальных проблем. Они также способствовали развитию новых технологий, таких как искусственный интеллект, блокчейн и интернет вещей, которые могут стать инструментами для создания более устойчивого и справедливого мирового порядка в будущем при обдуманном и контролируемом их развитии и внедрении. В противном случае, подобные «новации» могут перерасти в потенциальные угрозы для всего человечества [6].

Рассматривая возможные модели конфигурации международной системы в условиях трансформации, В.Г. Барановский указывает, что происходящие изменения следует рассматривать не только в негативном ключе, но и как неизбежное продолжающееся формирование новой международно-политической системы, которая замещает классическую биполярность [1, с. 72]. Следует согласиться и с его тезисом о возрастающей роли негосударственных акторов в глобальной политике, поскольку активизируется их вовлечение в решение проблем, возникающих на международной арене [1, с. 75].

Конечно, негосударственные образования не становятся заменой государствам в качестве главных акторов на мировой арене, несмотря на прогнозы, которые звучали до относительно недавнего времени. Однако их количество растёт, и сферы их деятельности расширяется. Везде, где возникает необходимость в трансграничном взаимодействии будь то материальное производство, организация финансовых потоков, этнокультурные или экологические инициативы, а также правозащитная или криминальная деятельность – наблюдается всё более активное участие разнообразных негосударственных структур.

В контексте нашего исследования можно сделать вывод о растущей роли именно таких негосударственных образований в урегулировании конфликтов, в том числе с использованием инструментов медиации. В контексте анализа опыта урегулирования конфликтов становится всё более очевидным, что применение силовых методов представляет собой временное и дорогостоящее решение. В связи с этим в последнее время активно обсуждается вопрос о поиске альтернативных, более цивилизованных и менее затратных способов урегулирования споров.

Одним из таких подходов является метод медиации. Медиация представляет собой процесс переговоров с участием посредника, который помогает конфликтующим сторонам найти мирное решение проблемы. В качестве третьей стороны могут быть задействованы группы профессионалов, государства (например, США и Россия в войне в Югославии), межгосударственные образования (например, участие ООН в урегулировании ситуации вокруг Кашмира в конце XX века, территорию которого Индия и Пакистан считают своей), либо негосударственные образования.

Медиация представляет собой добровольный процесс, который находится под контролем самих сторон. Посредник не наделён властными полномочиями и не принимает никаких решений (что отличает его от суда либо арбитража) – все решения остаются за сторонами конфликта. Посредник также не имеет права судить или давать оценку. В противном случае он перестаёт быть посредником и становится ещё одной стороной конфликта. Однако у посредника есть широкий спектр методических средств и техник, которые он может использовать для организации переговоров между участниками конфликта [4, с. 92]. Основная задача медиатора заключается в том, чтобы помочь сторонам прийти к согласию и реализовать позицию «выиграл – выиграл».

В условиях острого конфликтного противостояния, когда каждый шаг противоборствующих сторон находится под пристальным вниманием общественности, а негативное завершение переговорного процесса может повлечь репутационные издержки, именно медиация может выступить в качестве эффективного альтернативного метода урегулирования спора [3, с.58].

Полагаем, что медиация уместна как для урегулирования конфликта в целом, так и для достижения каких-то ситуационных тактических задач. Например, решение гуманитарных вопросов в ходе продолжающегося конфликта, обмен пленными, обеспечение безопасности мирного населения.

Медиация, как метод урегулирования конфликтов, уже достаточно давно известен в международном частном праве и доказал свою эффективность. Считаем, что его потенциал в рамках международного публичного права ещё предстоит раскрыть. В этом процессе не следует ограничиваться масштабированием существующих методов, делая поправку на уровень решаемых задач и статус спорящих. В международных отношениях, в условиях трансформации международного порядка, медиация требует более глубокой проработки, популяризации, совершенствования инструментария и разработки надлежащего юридического базиса.

Список литературы

1. Барановский В.Г. Трансформация глобального миропорядка: динамика системных изменений / В.Г. Барановский // Полис. Политические исследования. – 2017. № 3. – С. 71–91.
2. Бочарников И.В., Овсянникова О.А. Кризис и трансформации современной миросистемы / И.В. Бочарников, О.А. Овсянникова // Большая Евразия: развитие, безопасность, сотрудничество. – 2020. – №3-2. – С. 37–41.
3. Голубев Д.С. О структурно-динамических факторах результативности международного посредничества в интернационализированных конфликтах / Д.С. Голубев // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – 2015. – №3-1. – С. 56–60.
4. Зайцева Л.И. Медиация как альтернативный способ разрешения споров в международном публичном праве / Л.И. Зайцева // Известия БГУ. – 2013. №5. – С. 89–96.
5. Фукуяма Ф. Конец истории? / Ф. Фукуяма // Вопросы философии. – М., 1990. – № 3. – С. 84–118.
6. Dan Hendrycks, Mantas Mazeika, Thomas Woodside An Overview of Catastrophic AI Risks. – 9 Okt 2023. – 55 p.

7. Held D. Liberalism, Marxism and Democracy // Theory and Society. 1993. – Vol. 22, N 2. – P. 249–281.
8. Keohane R.O. After Hegemony: Cooperation and Discord in the World Political Economy. – Princeton: Princeton University Press, 1984.

Пожидаев Е.А.
Pozhidaev E.A.

КОНТИНЕНТАЛИЗМ В КОНЦЕПЦИЯХ ЕВРОПЕЙСКОЙ И РУССКОЙ ГЕОПОЛИТИКИ

CONTINENTALISM IN THE CONCEPTS OF EUROPEAN AND RUSSIAN GEOPOLITICS

Аннотация. Статья посвящена краткому анализу эволюции концепций континентализма, начиная с европейских классических авторов геополитики и русской геополитической школы, связанной с евразийством, до новых евразийцев постсоветской России. Сравниваются основные постулаты континентального подхода в геополитике европейских и русских авторов с точки зрения их прагматичности и целеполагания. Автор приходит к выводам об актуальности континентальной модели в развитии современной России, в борьбе с гегемонизмом западной талассократии.

Ключевые слова: Континентализм, атлантизм, евразийство, «континентальный блок», неоевразийство, «новая биполярность».

Summary. The article is devoted to a brief analysis of the evolution of the concepts of continentalism, starting with the European classical authors of geopolitics and the Russian geopolitical school associated with Eurasianism, to the new Eurasians of post-Soviet Russia. The main postulates of the continental approach in geopolitics of European and Russian authors are compared in terms of their pragmatism and goal-setting. The author comes to conclusions about the relevance of the continental model in the development of modern Russia, in the fight against the hegemony of the Western thalassocracy.

Key-words: Continentalism, Atlanticism, Eurasianism, "continental bloc", neo-Eurasianism, "new bipolarity".

Континентализм как научная концепция, модель, дискурс присущ геополитике практически изначально. Основоположники классической геополитики и другие разработали такие специфические научные категории как «необходимое жизненное пространство», «хартленд», «закон территориальной экспансии», «концепция континентального государства», «идея блока континентальных государств». Однако континентальный подход более характерен для европейских исследователей и заключается в том, что историческое развитие различных народов уникальным образом взаимосвязано с собственной территорией, так же как с формированием общества, нации, культуры. Англо-американские же геополитики рассматривали пространство фактически обособленно, вне культурных и национальных факторов [1, с. 21-22]. В результате, многие важные пропагандистские постулаты атлантистов, такие как идеи о едином пространстве, культурной тождественности и т. п., долгое время не встречали полного понимания на европейском «континенте».

Российские авторы конца XIX в. – пер. пол. XX в. не только обогатили данный подход, но и создали отечественную научную школу, не уступающую

по своему значению западным. Речь идёт, прежде всего, о представителях так называемого евразийского течения. Примечательно, что у многих из них идеи континентализма так или иначе проявляются, являясь не просто следствием фундаментальной дихотомии «Суша – Море», но обретая самостоятельное идейное звучание и конкретику в различных моделях как внутреннего развития России, так и международных отношений.

Очевидный диссонанс европейского континентального подхода и доктрины атлантистов [2, с. 13-55], направленной на установление господства номоса «Моря», обуславливает противоречивость современной западной геополитики в целом. Подобная противоречивость, перегруженность идеологией во многом дискредитирует и сами идеи континентализма как прагматичного подхода. Однако континентализм гипотетически предоставляет возможности формирования некоей доктрины политической консолидации материкового пространства на основе суверенных государств, безусловно, обладающих субъектностью [3, с. 110]. С другой стороны, англосаксонское морское господство, реально сформировавшееся в период Нового и Новейшего времени не означает ещё обоснованности, и окончательной реализации идеи глобального доминирования.

Итак, одним из важнейших условий формирования консолидированного «большого пространства» является прочная взаимосвязь теоретических построений с реальным «пространственным порядком» [4, с. 259], с конкретным историческим моментом, как «существенного для любой исторической эпохи основополагающего процесса распределения пространства» [там же, с. 65]. При этом, континентализм не предполагает глобального доминирования номоса «Земли». Подобные исторические попытки эпохи того же Нового и Новейшего времени были краткосрочными и не увенчались успехом. Исходя из этого возникают выводы о том, что для конкретной страны понятие континентализма не подходит, оно слишком широкое. Такие параметры в границах привычного государства-нации редки или вообще невозможны. Само же по себе континентальное положение уязвимо, чревато множеством проблем: это всего лишь контур, обозначающий возможности [5, с. 28].

В то же время, современными исследователями с интересом рассматриваются идеи «структурного усложнения как показателя динамики социума». В качестве методологической основы привлекаются идеи Р. Челлена о «естественных границах», обретение коих державой связано с внешней динамикой; Ф. Ратцеля о «жизненном пространстве», целостности, которая к тому же обладает «чувством пространства», т. е. ощущением того, что эта целостность ему необходима; К. Хаусхофера о «границах» как сложном политико-географическом феномене, связанным с историческими ландшафтами и задающий внешние параметры социуму [6, с. 141-144]. Таким образом, континентализм неразрывно связан с рассмотрением государства как сложного феномена, динамика которого зависит от противоборства «морского» и «сухопутного» геополитического влияния.

Итак, недостатки европейского и, прежде всего, германского континентализма в геополитическом анализе связаны в основном с практическими неувязками, что ярко выражается сегодня в противоречивости идей интеграции Европы и их реализации. Одна из основных идей об общей «континентальной судьбе Европы» до сих пор лишена конкретного смысла. Доминирование атлантизма на европейском континентальном пространстве делает проблемы европейской интеграции в принципе нерешаемыми. Игнорирование и попытки «отмены» России как неотъемлемого элемента общеевропейского историко-географического пространства ещё больше усугубляют ситуацию.

Идеи континентальности в русских геополитических исследованиях получила развитие у евразийцев, чьи идеи складываются в оригинальную геополитическую модель мира, основанную на базовом постулате П. Савицкого – «география как судьба» [7, с. 17]. Другой геополитический принцип, сформулированный П. Савицким, «Евразия цельна» [там же, с. 41] означает, что Россия – не Европа и не Азия, но «Ойкумена». Русская Ойкумена — это основной континентальный массив Старого Света, где русский мир императивно выступает объединительной и примирительной исторической силой. Русская культура, возникшая на основе синтеза культуры Востока и культуры Запада, определяет двустороннюю равнонаправленность геополитики России одновременно к Востоку и Западу. Таким образом, один из столпов евразийства приходит к выводу о том, что судьба России – быть континентальной державой, отрицать это бессмысленно. Напротив, необходимо научиться пользоваться всеми преимуществами данного положения.

Немаловажной вехой в развитии как западной так и русской геополитики выступает концепция «континентального блока», разработанная в начале XX века. Широко известны работы К. Хаусхофера «Восточноевразийский блок будущего» и «Континентальный блок», в которых предполагается интеграция ряда европейских и азиатских держав, включая Россию, на основе экономического сотрудничества с целью противодействия экспансии и «тактике анаконды» со стороны Британии и её союзников. К. Хаусхофер считал, что именно отсутствие континентального союза привело к тому, что немцы и русские стали своего рода инструментами политики англосаксонских государств и потерпели поражение в Первой мировой войне [8, с. 121].

Из-за связи немецких учёных с нацизмом в 1930-40-е годы геополитика в её германском варианте надолго оказалась дискредитированной. Однако идеи создания «континентального блока» не стоит отождествлять исключительно с подданными «Третьего рейха». Современные российские исследователи обнаруживают аналогичные идеи у российских авторов М. Ф. фон Таубе и Ю. С. Карцова, которые даже несколько опередили немецкого классика геополитики [9, 10]. М. Ф. фон Таубе «с точки зрения силы материкового начала» считает искусственными «пангерманизм и панроманизм». Руководить интеграцией на пространстве Евразии, создавать здесь континентальный блок,

«материковую державу» предстоит России. Россия у него не ведомая, как у К. Хаусхофера, а ведущая держава. Ю. С. Карцов, как и К. Хаусхофер, считал, что в основе континентального блока лежит не только необходимость борьбы с талассократией, но и взаимодополнение ресурсов и экономических интересов континентальных держав. Ожидая от Германии инициативы в этом предприятии, русский дипломат указывал на ключевую роль России. Только к русско-германскому союзу прочие континентальные державы, волей-неволей, должны будут присоединиться... Цель этой конфедерации – уничтожение английской морской гегемонии и провозглашение принципов международного равновесия и равноправия всех держав на море» [11, с. 188]. Таким образом, очевидно, что основная идея фон Таубе, Карцова и Хаусхофера – необходимость объединения континентальных держав в борьбе против доминирования держав морских и поныне остаётся абсолютно актуальной и объективно геополитически обусловленной.

Современные неоевразийцы – во многом последователи русской геополитической школы, являются сторонниками необходимости досконального исследования континенталистских проектов, признания стратегической важности Европы для геополитической законченности и полноценности евразийского «Большого пространства». Так, по мнению А. Г. Дугина «континентализм как геополитическое направление приобретает значение именно в той мере, в какой оно способно не просто объяснить геополитически логику происходящих исторических событий, но выработать связный футурологический проект, способный противостоять проектам Запада... Неоевразийство не может, оставаясь самим собой, признать торжество универсализма западного типа, т. е. атлантистской, талассократической системы ценностей как доминирующей повсеместно» [12, с. 91-93]. Центральной проблемой в данном случае выступает однополярность – господство атлантизма в любом его виде нивелирует историческую роль Евразии как «Хартланда».

Главной геополитической задачей Запада на данном этапе является недопущение самой возможности формирования геополитического блока континентального масштаба, сопоставимого по тем или иным параметрам с номосом «Моря». Неоевразийство, опираясь на концепцию "географической оси истории", прямо противостоит Западу. Настоящая геополитическая субъектность Евразии возможна лишь с формированием новой биполярности, утверждает А. Г. Дугин. «Только новая биполярность сможет впоследствии открыть путь такой многополярности, которая выходила бы за рамки талассократической либерал-демократической системы, т. е. истинной многополярности мира, где каждый народ и каждый геополитический блок смог бы выбирать собственную систему ценностей, имеет шанс осуществиться только после освобождения от глобальной атлантистской доминации через новое планетарное противостояние» [там же, с. 94-95].

Государственно-патриотическая геополитическая парадигма развития России, изначально противостоящая прозападной либерально-глобалистской

альтернативе в значительной степени основана на понимании актуальности уникальной судьбы континентальной страны-цивилизации.

Список литературы

1. Василенко И.А. Геополитика современного мира : учеб. пособие / И.А. Василенко. – М.: Проспект, 2016. – 321 с.
2. Мид У.Р. Власть, террор, мир и война. Большая стратегия Америки в обществе риска / У.Р. Мид. – М. : Прогресс-традиция, 2006. – 208 с.
3. Дугин А.Г. Международные отношения. Парадигмы, теории, социология / А.Г. Дугин. – М. : Академический проект, 2013. – 349 с.
4. Шмитт К. Номос Земли в праве народов *jus publicum euroraeum* / К. Шмитт. – СПб. : Владимир Даль, 2008. – 670 с.
5. Ратцель Ф. Человечество как жизненное явление на земле / Ф. Ратцель. – М. : ЛИБРОКОМ, 2011. – 58 с.
6. Шувалов В.И. «Рациональное в нерациональном»: идеи континентализма первой половины XX в. в контексте теории исторического процесса / В.И. Шувалов // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. – 2023. – № 3 (67). – С. 139-149.
7. Савицкий П.Н. Континент Евразия / П.Н. Савицкий. – М.: Аграф, 1997. – 464 с.
8. Рукавицын П.М. Концепция континентального блока Карла Хаусхофера / П.М. Рукавицын // Обозреватель – Observer. 2008. – № 10. – С. 113–122.
9. Рябцев В.Н. М.Ф. фон Таубе и его геополитические прозрения / В.Н. Рябцев // Научная мысль Кавказа. – 2014. – № 1. – С. 140–147.
10. Абдуразаков Р.А. Русская версия континентального блока в геополитической мысли начала XX века / Р.А. Абдуразаков // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – 2015. – № 10 (60): в 3-х ч. Ч. III. – С. 13–16.
11. Карцов Ю.С. В чём заключаются внешние задачи России (теория внешней политики вообще и в применении к России) / подг. текста, публ. и коммент. А.Ю. Репникова // Философская культура. – СПб., 2009. – № 4. – С. 170–195.
12. Дугин А.Г. Основы геополитики. Геополитическое будущее России. Мыслить пространством. Книга 1. Основы геополитики / А.Г. Дугин. – М. : «АРКТОГЕЯ-центр», 2000. – 928 с.

Фролова Ю.Н.
Frolova Y.N.

ПРОБЛЕМАТИКА РЕГИОНАЛИЗМА: ВЛИЯНИЕ НА МИРОПОРЯДОК

THE PROBLEMS OF REGIONALISM: THE IMPACT ON THE WORLD ORDER

Аннотация. В статье рассматривается проблема развития макро- и микрорегионов мира. В качестве примера микрорегиона предлагается случай Гренландии в контексте интереса мировых держав к Арктике, а проблематика макрорегионов иллюстрируется на примере проекта «Большой Евразии». Формулируются выводы о значимости этих процессов как для миропорядка в целом, так и для Российской Федерации.

Ключевые слова: регионализм, автономизм, Арктика, Большая Евразия, миропорядок.

Summary. The article studies the issue of the development of macro- and micro-regions in the world. As an example of a microregion, the case of Greenland is considered in the context of the interest of great powers in the Arctic, and the problems of macroregions are illustrated by the example of the Greater Eurasia project. Conclusions are drawn about the importance of these processes both for the world order and for the Russian Federation.

Key-words: regionalism, autonomism, the Arctic, the Greater Eurasia.

В соответствии с указанной в п. 21 Стратегии НТР РФ необходимостью «обеспечить готовность страны к большим вызовам, еще не проявившимся и не получившим широкого общественного признания, предусмотреть своевременную оценку риска» [1] стоит отметить, что одними из значимых вызовов мировому порядку являются процессы переосмысления политического пространства, среди которых регионализация всех форм, сепаратизм, сецессионизм, ирредентизм, автономизм и многие другие. В связи с существующей турбулентностью мировых процессов и изменением контуров миропорядка в целом, указанные процессы могут создавать принципиально новые субъектности международных отношений. Такие явления распространены в различных регионах мира, в том числе и в граничащих с РФ и на сегодняшний день формируют ряд вызовов как для РФ в частности, так и для международной стабильности в целом. РФ – один из гарантов международной стабильности, что отражено как в ее роли постоянного члена Совета Безопасности ООН, так и в направлениях деятельности, сформулированных в ряде основополагающих документов (Стратегия национальной безопасности РФ, Концепция внешней политики РФ, Стратегия НТР РФ и др.). Поэтому она безусловно заинтересована в стратегической стабильности евразийского региона и изучении его политической динамики. Своевременное выявление вызовов на евразийском пространстве способствует как поддержанию национальной безопасности РФ, так и повышению ее роли в обеспечении «устойчивости системы международных отношений на основе безусловного соблюдения норм международного права», как утверждается в п.97 Стратегии национальной безопасности РФ [2].

Методологические основы данного текста представлены концепциями автономизма Ф.А. Попова [3], регионализма (Панов П.В., Кузнецов Д.А., Михайленко Е.Б. и др.), которые отражают логику формирования макрорегионов наднационального характера и микрорегионов субнационального характера. Автономизм в работах Ф.А. Попова имеет сходство с одной из форм регионализма в работах П.В. Панова как движения «которое стремится к политическому конструированию региона, обретению им политической субъектности и включению его в политический процесс» [4, с. 105], однако регионализм более точно формулируется не через требование автономии, а через требование субъектности. Помимо этого, сегодня в научной литературе регионализм часто рассматривается не как рост субъектности субрегионов, а как процесс создания наднациональных макрорегионов (Сергунин А.А., Юртаев В.И., Лагутина М.Л. и др.), что, может вести к теоретической путанице, так как формы влияния процессов

наднационального и субнациональных регионализмов весьма различны. В связи с этим предлагается разделить термины, и процессы, связанные с субнациональным регионализмом внутри государств, называть автономизмом, а процессы создания крупных макрорегионов – регионализмом.

В качестве автономистского кейса рассмотрим случай Гренландии. Этот регион исторически отличался устойчивым сепаратистским движением, но значимость сепаратистской тематики вернулась в повестку дня в связи с ростом влияния Арктики в мировой политике. Прослеживаются инициативы отдельных государств по интенсификации связей непосредственно с Гренландией как с самостоятельным актором. Так, начиная с 2000-х годов Китайская Народная Республика наращивает связи с островом, делая ставку на экономическое и научное сотрудничество [5], что вписывается в логику их основной инициативы «Пояс и путь». По имеющимся данным, китайская сторона ежегодно отправляет своих рабочих на рыбопереработку в Гренландии, проводит культурные обмены и разрабатывает совместные промышленные проекты [5, с. 124]. США также демонстрируют рост своих геополитических интересов в Арктике: об этом заявлено в Национальной стратегии США для Арктического региона 2022 года [6]. Кроме того, американские политические лидеры регулярно заявляют о желании приобрести Гренландию. Важно отметить, что именно автономизм создает благодатную почву для развития фактического вмешательства иностранных акторов в дела субрегиона и использования его в своих интересах. Для РФ Арктический регион и происходящие вокруг него процессы представляют собой одно из ключевых региональных направлений внешней политики, о чем свидетельствует особое место, отданное теме Арктике в новой Концепции внешней политики, принятой 31 марта 2023 года. Тезис о «нейтрализации курса недружественных государств на милитаризацию региона и ограничение возможностей России для реализации ее суверенных прав в Арктической зоне РФ» [7, п.50] свидетельствуют о необходимости пристального внимания к подобным процессам в автономных образованиях.

Иные процессы наблюдаются в макрорегионах, и здесь обратимся к интеграционному проекту «Большой Евразии». Идея Большого Евразийского партнерства поддерживалась лидерами самых разных стран. Ключевым должно было стать сопряжение интеграционных процессов на всем пространстве Евразии: идея до недавнего времени включала в себя и Европейский Союз. В 2011 году президент Белоруссии заявил об «интеграции интеграций» [8] с целью сближения ЕС и ЕАЭС для формирования единого пространства. Тема «Большой Евразии» была актуализирована президентом РФ в ходе Санкт-Петербургского экономического форума в 2016 году: «Мы с нашими партнерами считаем, что Евразийский экономический союз может стать одним из центров формирования более широкого интеграционного контура.... Предлагаем подумать о создании Большого Евразийского партнерства с участием Евразийского экономического союза, а также стран, с которыми у нас уже сложились тесные отношения: Китай, Индия, Пакистан, Иран. И, конечно, имею в виду наших партнеров по СНГ, других

заинтересованных государств и объединений» [9]. До 2022 года структурно предполагалось соединение ЕАЭС, ШОС, АСЕАН, ЕС. С 2022 года проект «Большой Евразии» трансформировался: «В пользу создания Большого Евразийского партнерства высказались также члены БРИКС – Китай и Индия, а также ряд других стран. Интерес к этой инициативе проявляет и Шанхайская организация сотрудничества, Ассоциация государств Юго-восточной Азии и другие организации» [10]. Основные цели и структура объединения были также обозначены в выступлении президента РФ: «Большая Евразия – это без преувеличения большой цивилизационный проект, и его главная идея заключается в создании общего пространства равноправного сотрудничества для региональных организаций. Большое Евразийское партнерство призвано изменить политическую и экономическую архитектуру, стать гарантом стабильности и процветания на всем континенте – и конечно, при учете многообразия моделей развития, культур и традиций всех народов» [11]. На сегодняшний день мы видим потенциал сопряжения интеграционных процессов в рамках ЕАЭС и китайского проекта «Пояс и путь», где предполагается создание трех трансевразийских экономических регионов: до Балтийского моря, до Средиземного моря, до Индийского Океана. Обращаясь к тезисам Стратегии национальной безопасности РФ, стоит отметить, что проект «Большой Евразии» представляется перспективным инструментом обеспечения стратегической стабильности всего евразийского пространства. В этом ключе неудивительно, что Большое Евразийское партнерство представляется как один из ключевых инструментов обеспечения мира и стабильности в новой Концепции внешней политики РФ 2023 года: оно упомянуто в качестве инструмента международного развития и сотрудничества [7, п. 39], наряду с такими признанными «гигантами» мира интеграции как ЕЭАС, СНГ, ШОС, БРИКС. Большое Евразийское партнерство предполагается строить [7, п.54] с опорой на ЕЭАС, ШОС, АСЕАН, «сопряжение планов развития ЕАЭС и китайской инициативы «Один пояс – один путь» при сохранении возможности участия в этом партнерстве всех заинтересованных государств и многосторонних объединений Евразийского континента и, как следствие, формирование сети партнерских организаций в Евразии». И, своего рода, оптимистичным финалом в этой связи видится тезис, связанный с политикой европейских государств, особенно в текущей ситуации [7, п.61]: «Осознание государствами Европы безальтернативности мирного сосуществования и взаимовыгодного равноправного сотрудничества с Россией, повышение уровня их внешнеполитической самостоятельности и переход к политике добрососедства с Российской Федерацией благоприятно скажутся на безопасности и благополучии Европейского региона, помогут европейским государствам занять достойное место в Большом Евразийском партнерстве и многополярном мире». Проект «Большой Евразии» представляет собой конструирование крупного политического пространства, которое позволит разрешить проблемы появления экстремальных явлений социальной реальности.

Указанные процессы при своей схожести (в обоих случаях речь идет о создании «региона») представляются весьма неоднозначными с точки зрения влияния на мировой порядок: так, субнациональный автономизм формирует угрозы для суверенных государств мира, так как внутригосударственные регионы могут формировать новую субъектность в ущерб суверенной неприкосновенности. Вариации последствий для миропорядка таких процессов весьма широки: активное воздействие на внутреннюю стабильность суверенных государств; проведение собственной внешнеполитической линии во взаимодействии с другими акторами международных отношений; формирование площадки развития конфронтации и/или вмешательства внешних акторов по ключевым вопросам мировой политики (как в примере с Арктикой); усложнение структуры акторов мировой политики, прежде всего, негосударственных, что может вызвать дестабилизирующий эффект для мировой системы из-за, в том числе, непонимания, каким образом выстраивать взаимодействие и внешнюю политику с учетом этих тенденций. Что касается наднационального регионализма, то, с одной стороны, мы видим пример Европейского Союза, который продемонстрировал сложность политической интеграции и боязнь многих государств потерять свой суверенитет, что было очевидно в попытках принятия единой Конституции и особенно обострилось в период коронавируса, а также на фоне процедуры Брексита. Представляется, что одна из ключевых причин лежит в системных проблемах объединения: наличии «копенгагенских критериев», принципе эксклюзивности и фактическом требовании унификации всех государств-участников. С другой стороны, совсем иначе выглядит проект «Большой Евразии»: перспективное равноправное сотрудничество, основанное на идеях взаимоуважения, сохранении собственной уникальности. Принципиальное отличие проекта «Большой Евразии» видится в принципах его создания: добрососедство, инклюзия, сотрудничество разнообразных государств с уважением их внутренних традиций, культуры и политического устройства. В рамках дальнейшего развития проекта перспективным видится отход от классической модели интеграции, которую прошел ЕС, с акцентом на экономику, и переход к многоступенчатому процессу интеграции во всех сферах возможного взаимодействия акторов, в том числе в сфере культурного и гуманитарного сотрудничества. И здесь научное сообщество может быть полезным в выработке подобных моделей.

Список литературы

1. Стратегия Научно-технологического развития РФ 2024 г. // Официальные цифровые ресурсы Президента России [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.kremlin.ru/acts/news/73579> (дата обращения: 16.08.2024)
2. Стратегия национальной безопасности РФ 2021 г. // Официальные цифровые ресурсы Президента России [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/47046> (дата обращения: 16.08.2024)
3. Попов Ф.А. География сепсессионизма / Ф.А. Попов. – М. : Новый хронограф, 2021.

4. Панов П.В. Многоликий регионализм / П.В. Панов // Вестник Пермского университета. Политология. – 2020, 1(14). – С. 102–115. – DOI 10.17072/2218-1067-2020-1-102-115. EDN GGUBXG.
5. Криворотов А.К. Гренландия и Дания: арктический сепеционизм в силовом поле мировой политики / А.К. Криворотов // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. – 2021, 1(14). – С. 118–134. – DOI: 10.23932/2542-0240-2021-14-1-6
6. Национальная стратегия США в Арктическом регионе // An official website of the United States Government [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.state.gov/translations/russian/информационный-бюллетень-националь/> (дата обращения: 16.08.2024)
7. Концепция внешней политики РФ 2023 г. // Министерство иностранных дел Российской Федерации [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.mid.ru/ru/detail-material-page/1860586/> (дата обращения: 16.08.2024)
8. А. Лукашенко поддержал В. Путина в вопросе интеграции со странами бывшего СССР // РБК [Электронный ресурс]. – URL: https://www.rbc.ru/spb_sz/18/10/2011/55929a8c9a794719538c2c56 (дата обращения: 05.04.2024)
9. Путин призвал создать большое Евразийское партнерство // ТАСС [Электронный ресурс]. – URL: <https://tass.ru/ekonomika/3376295> (дата обращения: 05.04.2024)
10. Большая Евразия станет центром, который многих заинтересует, заявил Путин // РИА-новости [Электронный ресурс]. – URL: <https://ria.ru/20220526/evraziya-1790846611.html> (дата обращения: 05.04.2024)
11. Путин заявил, что большое евразийское партнерство может стать цивилизационным проектом // ТАСС [Электронный ресурс]. – URL: <https://tass.ru/ekonomika/14737439> (дата обращения: 05.04.2024)

СЕКЦИЯ 3. СТРАНЫ И РЕГИОНЫ ВО ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКЕ РОССИИ

Бахтоярова В.П.
Bahtoyarova V.P.

РОССИЯ И СТРАНЫ ВОСТОЧНОЙ И ЮГО-ВОСТОЧНОЙ АЗИИ В УСЛОВИЯХ ТРАНСФОРМАЦИИ СОВРЕМЕННОГО МИРОВОГО ПРОСТРАНСТВА

RUSSIA AND THE COUNTRIES OF EAST AND SOUTHEAST ASIA IN THE CONTEXT OF THE TRANSFORMATION OF THE MODERN WORLD SPACE

Аннотация. Статья посвящена изучению особенностей взаимодействия России и стран Восточной Юго-Восточной Азии в современных реалиях. В качестве основных условий автор выделяет санкционную политику в отношении России, общемировую инфляцию, вызванную Специальной военной операцией, проводимой на Украине и трансформацию региональных блоков, происходящую под влиянием экономической политики Соединенных Штатов Америки и Китая. Автор отмечает, что современная дипломатия делает акцент на выстраивании регулярного многостороннего взаимодействия с ведущими региональными лидерами для создания экономического партнёрского диалога. Автор делает вывод, что, несмотря на происходящую трансформацию общемировых и российских тенденций ведения политики, наблюдается стагнация и кризис во взаимоотношениях между Россией и государствами региона Юго-Восточной Азии.

Ключевые слова: Восточная Азия, Юго-Восточная Азия, государственная политика, сотрудничество, регионализм.

Summary. The article is devoted to the study of the peculiarities of interaction between Russia and the countries of Eastern Southeast Asia in modern realities. As the main conditions, the author highlights the sanctions policy against Russia, global inflation caused by a special military operation conducted in Ukraine and the transformation of regional blocs under the influence of the economic policies of the United States of America and China. The author notes that modern diplomacy focuses on building regular multilateral cooperation with leading regional leaders to create an economic partnership dialogue. The author concludes that, despite the ongoing transformation of global and Russian policy trends, there is stagnation and crisis in relations between Russia and the states of the Southeast Asian region.

Key-words: East Asia, Southeast Asia, public policy, cooperation, regionalism.

Государственная политика Российской Федерации в контексте региональных и международных взаимоотношений уделяет особое значение выстраиванию регулярных многосторонних диалогов со странами Африканского региона, Восточной Азии и Латинской Америки по вопросам безопасности, культуры и истории, в связи с международной политической ситуацией, возникшей в Украине и в мире. Данный аспект важен для обеспечения национальных интересов России внутри региона и за его пределами, и создания противовеса западному альянсу и санкционной политике в отношении российского государства.

Для того, чтобы заручиться поддержкой и обрести устойчивые партнерские связи с региональными, мировыми центрами и блоками Россия

разрабатывает комплекс механизмов вовлечения в свое пространство данных субъектов. В рамках этих мероприятий были созданы и проводятся альтернативные олимпийским играм игры «Дружба-24», конференции и форумы экономического направления в Санкт-Петербурге (Санкт-Петербургский экономический форум), заседания БРИКС и, состоявшийся в 2024 году Всемирный фестиваль молодёжи, в котором приняли участие представители около 100 стран мира.

Целесообразность использования механизмов государственной политики в отношении данных акторов, с целью выработки целостной стратегии взаимоотношений, должна быть обусловлена экономическим потенциалом, мотивами и перспективами участия для них и Российской Федерации. Важен постоянный мониторинг количественных и качественных данных, по интересующим нас вопросам, для выявления ключевых особенностей и перспектив интеграционных процессов на азиатском пространстве [1, с. 90-92].

Целью данной работы является изучение особенностей взаимодействия России и стран Восточной Юго-Восточной Азии в современных изменяющихся условиях.

Несмотря на достаточно противоречивые и неустойчивые отношения между Россией и такими азиатскими странами как Филиппины, Мьянма, Сингапур необходимо понимать, что данный субъект мировой политики будет оказывать достаточно значимое влияние на мировое геополитическое пространство как на современном этапе, так и в будущем.

В Российской Федерации в данный период времени разработана стратегия приоритетных направлений внешнеполитических и внешнеэкономических отношений, в которую включены азиатский, африканский и тихоокеанский регионы.

Геостратегия России в отношении Азии реализуется на основе сбалансированной внешней политики в отношении стран данного региона. В 1996 году страны АСЕАН включили Россию в число базовых партнеров по диалогу. Данный прецедент был создан для того, чтобы перераспределить влияние крупных держав (Китая и Соединённых Штатов Америки) на страны Восточной и Юго-Восточной Азии.

Россия, в качестве партнера по диалогу, была выбрана странами АСЕАН в связи с проповедуемой сходной моделью интеграции «открытого регионализма». Данная модель предполагает, что акторы, взаимодействуя друг с другом, на этапе длительных взаимоотношений, будут усиливать кооперацию на фоне общей тенденции глобализации. Кэнъити Омаэ, японский практик в области стратегического менеджмента, доработал предложенную модель и выдвинул концепцию «region-states», в которой акторы являются самодостаточными комплексами, непосредственно взаимодействующими между собой, что является основой «мира без границ», где информационные потоки и субъекты перемещаются в пространстве без препятствий.

Данная модель дает время для выправлений политических и экономических «перекосов» разноуровневых экономик. Примером может являться модель сотрудничества Сингапура и КНР. Важно понимать, что

недопустимо применять ту или иную модель сотрудничества без исправлений и дополнений, без привязки к конкретным взаимоотношениям (модель Сингапур-КНР нельзя применить к КНР-Россия) [2].

Азиатская политика России на данном временном этапе находится на стадии трансформации, в связи с изменяющимися приоритетами в международной дипломатии, бизнесе и политике. Она, на сегодняшний день, не имеет окончательно проработанной модели, в связи с отсутствием понимания конечных целей, а также с плохо регулируемой, подвижной стратегией развития в данном регионе.

Для Российской Федерации Восточная и Юго-Восточная Азия являются одними из самых приоритетных регионов, в связи с проводимой Специальной военной операцией на Украине и, в результате, последовавших санкций со стороны Европейских государств.

За последние несколько лет в Восточной Азии возросло влияние КНР, Японии и России на принципы формирования регионального порядка. Деятельность данных акторов повлияла на расстановку сил в регионе. Именно эти страны, а также США стали оказывать влияние на политические, культурные и экономические процессы. На современном этапе появился термин «стратегических треугольников», который можно применить к следующим региональным центрам: Россия-Китай-США, Китай-Япония-США.

Для выработки взвешенных решений по формированию многовекторного регионального порядка России необходимо – изучить и понять основополагающие принципы механизмов работы региональных процессов и сущности их взаимодействия в Юго-Восточной Азии. Акцент на усилении геополитического противостояния или соперничества со странами региона и мира путем наращивания военного потенциала негативно скажется на экономическом аспекте взаимодействия во всем регионе, что можно увидеть и статистически проанализировать, исходя из уровня мировой инфляции.

России необходимо обеспечить приток инвестиций в регионы Дальнего Востока и Сибири, а также увеличить объемы торговли и нарастить коммуникационные связи с крупнейшими экономиками Восточной и Юго-Восточной Азии. Для того, чтобы стать одним из ведущих лидеров региональной интеграции, России необходимо сконцентрировать свои усилия на задачах внутреннего экономического развития, что, в свою очередь, будет являться основой для взаимодействия с внешними акторами политических процессов [3].

Существуют объективные причины (интеграционные и геополитические), тормозящие активное включение России в региональные процессы: географическая отдаленность региона Юго-Восточной Азии от России, малая конкурентоспособность российской экономики в данном пространстве и отсутствие опыта делового взаимодействия с местным бизнесом. Также, одной из важнейших причин можно считать слабую обоюдную информированность.

Одной из наиболее заинтересованных и готовых к сотрудничеству стран является Вьетнам, с которым разработан ряд инициативных проектов и соглашений, направленных на создание зоны свободной торговли. На сегодняшний день, несмотря на санкционный кризис, который на данном этапе переживает Россия, ведётся диалог с Сингапуром и Камбоджей о возможном сотрудничестве в экономической сфере и развиваются отношения с Таиландом и Индонезией. Расширению сотрудничества с Таиландом благоприятствовала смена власти в данной стране в мае 2014 года. США ввели мораторий на поставки вооружения, в связи с государственным переворотом, и это вызвало необходимость поиска новых рынков для закупки ресурсов и продукции. Таким образом, Россия оказалась в сфере интересов Таиланда.

Политическим преимуществом России является принцип невмешательства государства во внутренние дела стран Юго-Восточной Азии. Россия является наиболее привлекательным партнером для малых государств, которые стремятся к поддержанию сбалансированной региональной безопасности и стремятся отделиться от покровительства западных государств, Соединенных Штатов Америки и Китая. Активное участие Российской Федерации в региональных вопросах в будущем может стать фактором, препятствующим гегемонии США и Китая в ЮВА.

Россия не воспринимается Соединенными Штатами Америки в качестве конкурента, способного воздействовать на расклад сил и безопасность в регионе. Аналитики Юго-Восточной Азии ставят под сомнение возможность Российской Федерации инвестировать оптимальные ресурсы для укрепления своих позиций в регионе, в связи с тем, что прямые российские инвестиции приходится, в большей мере, на две страны ЮВА: Вьетнам и Таиланд [4]. Поэтому, для обеспечения стабильности в регионе страны ЮВА включают в свои региональные отношения Японию, Республику Корею и Индию, с которыми происходит активное взаимодействие в экономической и политической сфере.

Несмотря на достаточно активные действия России, направленные на сближение со странами ЮВА, необходимо отметить, что на сегодняшний день нерешённой является задача выработки целостной проработанной стратегии взаимодействия с государствами данного региона, что обусловлено формально проводимой политикой ряда стран, которая не приносит России и её партнерам устойчивых положительных результатов. Таким образом, без трансформации механизмов работы со странами Восточной и Юго-Восточной Азии, в дальнейшем, можно будет наблюдать тенденцию к ослаблению роли Российской Федерации на данном геополитическом направлении.

Список литературы

1. Шангараев Р.Н. Роль России между Азией и Европой / Р.Н. Шангараев, А.Ш. Ногмова // Каспийский регион: политика, экономика, культура. – 2016. – № 2(47). – С. 88–95.
2. Зыков А.А., Шинковский М.Ю. Россия в системе трансграничного сотрудничества АТР: поиск пути / А.А. Зыков, М.Ю. Шинковский // РСМ [Электронный ресурс]. – 2009. – №4. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rossiya-v-sisteme-transgranichnogo-sotrudnichestva-atr-poisk-puti> (дата обращения: 12.08.2024).

3. Мищенко Я.В. Процессы интеграции и дезинтеграции в Азиатско-Тихоокеанском регионе: задачи и перспективы для России / Я.В. Мищенко // Век глобализации [Электронный ресурс]. – 2022. – №1 (41). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/protsessy-integratsii-i-dezintegratsii-v-aziatsko-tihookeanskom-regione-zadachi-i-perspektivy-dlya-rossii> (дата обращения: 12.08.2024).
4. Cheang C. Russia's Pivot to the East: Putin's Broadening Move // RSIS Commentary. – No 190. November 15, 2018 – URL: <https://www.rsis.edu.sg/rsis-publication/rsis/russias-pivot-to-the-east-putins-broadening-move> (дата обращения 12.08.2024)

Загородний В.В.
Zagorodniy V.V.

ОСОБЕННОСТИ ВЫСТРАИВАНИЯ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ РОССИИ С ГОСУДАРСТВАМИ КОРЕЙСКОГО ПОЛУОСТРОВА

PECULIARITIES OF BUILDING RUSSIA'S FOREIGN POLICY WITH THE STATES OF THE KOREAN PENINSULA

Аннотация. Россия является одной из четырёх великих держав, чьи жизненные интересы напрямую связаны с положением на Корейском полуострове. От внешнеполитической стратегии и подходов в отношении ключевых мирополитических проблем региона – северокорейской ядерной проблемы, межкорейского диалога и проблемы объединения Кореи – будет зависеть региональная стабильность и безопасность, мир и процветание в Северо-Восточной Азии.

Ключевые слова: Азиатско-Тихоокеанский регион, внешняя политика России, КНДР, Республика Корея.

Summary. Russia is one of the four great powers whose vital interests are directly linked to the situation on the Korean peninsula. Regional stability and security, peace and prosperity in Northeast Asia will depend on the foreign policy strategy and approaches to the key global political problems of the region – the North Korean nuclear issue, inter-Korean dialogue and the problem of Korean unification.

Key-words: Asia-Pacific region, foreign policy of Russia, Democratic People's Republic of Korea, Republic of Korea.

Динамично растущий, многоплановый потенциал Северо-Восточной Азии является объектом внимания Российской Федерации, среди которого следует выделить территорию Корейского полуострова. Специфика внимания к полуострову обусловлена несколькими факторами: территориальное соседство по суше и морю; не завершённый военный конфликт; фактическое наличие ядерной программы не мирного характера (развитие ядерного оружия в Корейской Народно-Демократической Республике (КНДР), нахождение ядерного оружия США на территории Республики Корея (РК) до 90-х годов XX в. и новые инициативы администрации действующего президента РК по размещению на постоянной основе авианосных ударных групп с ядерным оружием и атомных субмарин в водах рядом с Корейским полуостровом); вхождение в военно-политические формирования под эгидой США; конкуренция в сфере атомной энергетики «на экспорт» со стороны РК и иные.

Традиционно полуостров с конца XIX в. входил в сферу интересов нескольких государств, среди которых была и Россия. Изначально интересы России отталкивались от внешнеторговых связей, параллельно с развитием

российско-китайских торговых отношений, а в последующем и внешней торговли напрямую с Кореей [1, с. 358]. Подписание договора от 26 февраля 1876 г. между Кореей и Японией внесло свои коррективы, но не в полной мере ограничило взаимодействие с корейским государством. Развитие двусторонней торговли, выход из-под опеки со стороны Китая, навязывание взаимодействия с японским государством, попытка сформировать свою собственную внешнюю политику, направление дипломатических миссий в развивающийся страны поставило перед корейским государством новые перспективы по развитию собственной государственности, но также это повлияло на миграцию корейцев в государства, которые были на тот момент наиболее перспективными — США и Россия.

Японская оккупация Корейского полуострова внесла свои коррективы в формирование независимого государства. Вторая мировая и последующая Корейская война 1950-53 годов разделила государство по 38-й параллели, каждое из которых сформировало свою внешнюю политику и дипломатию, отталкиваясь от союзов с США и Россией, став источником угрозы не только для АТР, но и для ведущих государств. Корейский полуостров приобрёл свою специфику — источник потенциальной конфронтации и перманентная угроза военного конфликта.

С распадом Советского Союза современные корейские государства выстраивают свою дипломатию, исходя из собственных интересов. Особенно это касается КНДР, как замечает Забровская Л.В., в 90-е годы КНДР осталась без разносторонней помощи СССР. Её руководству на практике пришлось опробовать теорию «опоры на собственные силы» или, другими словами, идеи чучхе в экономике. В то же время КНДР увеличила расходы на оборону государства, что легло дополнительной нагрузкой на ослабленную экономику [2, с. 86]. В декабре 1996 года внешнеполитические ведомства РФ и КНДР обменялись нотами, в которых констатировалось, что Договор 1961 года «потерял своё значение» и «фактически не выполняется».

Что же до Республики Корея, то она так и осталась в русле американской внешней политики, что повлекло сначала отсутствие фактических сношений, но после начала «перестройки» и «разрядки», тогда же и сам СССР повернул в сторону США. Тогда экономический потенциал Южной Кореи, развитие в стране высоких технологий вызвали интерес, РК же была заинтересована в природных ресурсах СССР. После 1986 года страны стали налаживать взаимодействие в торговле, культуре и спорте. В 1988 году в Республике Корея появились советские торговые представительства, что повлияло на отношения с КНДР. В июне 1990 года в Сан-Франциско (США) встретились президенты М.С. Горбачёв и Ро Дэ У. Они договорились об установлении дипломатических отношений – соответствующий договор был подписан 30 сентября 1990 года.

Отдельно следует выделить особенность внешней политики России в отношении Корейского полуострова в 90-е годы – несбалансированность внешнеполитической линии Российской Федерации фактически привела к коллапсу в отношениях с КНДР. Ядерный кризис 1994 г. и процесс его

урегулирования прошёл практически без участия России, но важно отметить, что нашим государством была принята позиция по «ядерному замирению» КНДР и поддержанию политики о нераспространении ядерного оружия (ДНЯО).

Российско-южнокорейские военные сношения также стали «особенностью» политики Москвы на полуострове, как указывает А. Санджиев, в ноябре 1992 г. в Сеуле на уровне министров обороны прошли первые переговоры. В мае 1995 г. был выработан и принят документ о принципах военно-технического взаимодействия между военными ведомствами и достигнута договорённость о претворении его в жизнь в 1995-2000 гг. Подобные намерения нашли отражение в Меморандуме о взаимопонимании, который в качестве программы долговременных действий стороны подписали во время визита в Москву в 1996 г. министра обороны Ким Дон Чжина. Особо следует отметить договорённость президентов продолжать военно-техническое сотрудничество, которая нашла свое отражение в Российско-корейской совместной декларации от 22 сентября 2004 г. (г. Москва) [3, с. 53]

Несмотря на смену интересов на Корейском полуострове Российской Федерацией была предложена инициатива по развитию трехстороннего сотрудничества между РФ, РК и КНДР. В 1998 г. правительство Дальнего Востока предложило так называемое «триединое взаимовыгодное сотрудничество в области сельского хозяйства». В 2000-е годы предложения РФ начинают носить характер крупномасштабного трансграничного сотрудничества, преодолевающего физическое пространство трёх стран [4]. Развитие отношений с РК открывало перспективы торгово-экономического взаимодействия по развитию сотрудничества в топливно-энергетической сфере, транспортном комплексе, авиакосмической промышленности, а также в таких областях, как освоение природных ресурсов, высокие технологии, связь, рыболовство и военно-техническое сотрудничество, что в последствии станет основой концепции сотрудничества «Девять мостов» (по девяти ключевым отраслям инвестиционного взаимодействия) между российской и корейской сторонами.

В этот же период РК занимает ведущее место в интеграционных процессах Азии и расширяет сферу своих интересов по миру. Развитие экономики, выгодное географическое положение, первые плоды «халлю», позволили Президенту РК Ли Мён Баку сформировать дипломатическую инициативу «Новая азиатская инициатива». Республика Корея выступает за решение таких проблем в регионе, как безопасность, экономическое сотрудничество, экология и пр.. И если ранее внешнеполитическое ведомство ориентировалось на четыре основных направления: исторические — КНР и Японию и стратегических — США и Россию, то с началом развития в середине 2000-х заметно увеличился штат МИД РК, количество дипмиссий, место и роль государства не только в Азии.

За период с 2010 по 2019 гг. товарооборот между РК и РФ увеличился в 1,4 раза. Следует отметить положительное сальдо торгового баланса в пользу

России, при этом КНДР развивается на базе традиционной идеологии – политики сонгун, опираясь на собственные сырьевые и энергетические ресурсы, где ключевая стратегия – выживание. Власти КНДР понимают, что в случае кризисных ситуаций, как это было и ранее, Республика Корея предусматривает вариант падения режима и, в случае благоприятных условий, постарается поглотить Север. Подобное положение всё больше отдаляет северокорейское государство от России, учитывая что последняя преследует в первую очередь – приграничную стабильность. Следует согласиться с выводами, сформулированными в совместной работе К.В. Асмолова и Л.В. Захаровой «Отношения России с КНДР в XXI веке: итоги двадцатилетия», где указаны приоритеты и задачи на Корейском полуострове: в российских границах Москве не выгодны ни военный конфликт, ни гуманитарная катастрофа, ни «ещё большая Республика Корея»; Россия стремится сохранять статус-кво, по возможности (без ущерба для себя) способствуя экономическому развитию Северной Кореи; по ядерному вопросу КНДР Москву волнует не ракетно-ядерный потенциал Пхеньяна, а его возможные последствия применения; соблюдение Москвой своих международных обязательств, отказ от которых может негативно отразиться на позициях страны на мировой арене и в других регионах (к этой группе приоритетов относится участие России в ядерном урегулировании и соблюдение санкций СБ ООН); защита российских экономических интересов в регионе, которых на данном этапе немного, так как у большинства экономических проектов есть политическая подоплёка [5]. Такая внешнеполитическая позиция РФ в отношении КНДР вполне устраивала Сеул.

В 2020 году исполнилось 20 лет со дня подписания Договора о дружбе, добрососедстве и сотрудничестве между Российской Федерацией и КНДР и 30-летие установления двусторонних дипломатических отношений между Российской Федерацией и Корейской Республикой. При этом оба государства выстраивают отношения с Россией на свободных от идеологии и, основанных на принципах прагматизма и взаимовыгоды, южнокорейская сторона проводя свою политику ориентируется на внешнеполитический курс США. Такие отношения позволили взаимодействовать с корейскими государствами после 2014 года, несмотря на санкции. Само же признание Крыма российским было только со стороны КНДР, в 2017 году был издан атлас мира, где Крым обозначен российской территорией (дэ-факто).

События же 2022 года максимально выявили особенности внешнеполитических приоритетов обоих государств: КНДР поддержала Россию (что привело к подписанию двустороннего Договора о всеобъемлющем стратегическом партнёрстве между Россией и КНДР, предусматривающем оказание помощи в случае агрессии), РК же, присоединилась к санкциям и начала осуществлять «гуманитарную помощь» и предоставлять ряд военных товаров украинскому правительству, но не поставлять вооружения. Однако, как указывают новостные источники, ссылаясь на издание Washington Post, Южная Корея стала более крупным

поставщиком артиллерийских боеприпасов калибром 155-мм для Украины, чем все европейские страны вместе взятые [6].

Не видя в России стратегического партнёра, поддерживая внешнеполитический курс США, нынешний Президент РК Юн Сок Ёль позволил себе высказать следующую позицию: «Северная Корея – очевидная угроза для международного сообщества. Я надеюсь, что Россия разумно примет решение, какая из сторон – Юг или Север – более важна и необходима для её собственных интересов <...> военное сотрудничество между Россией и Северной Кореей несёт явную угрозу и является серьёзным вызовом миру и безопасности на Корейском полуострове и в Европе». Представитель Кремля Д.С. Песков подчеркнул, что Москва считает необходимым выстраивать отношения как с Пхеньяном, так и с Сеулом, но следует заметить, что со времён новейшей истории России РК не позволяла себе подобных реплик.

Исходя из сложившейся специфики российско-корейских отношений, учитывая национальные интересы России пересмотреть основы внешней политики с государствами Корейского полуострова, с учётом раздела V Региональные направления внешней политики Российской Федерации Указа Президента РФ от 31 марта 2023 г. № 229 «Об утверждении Концепции внешней политики Российской Федерации», так же дополнить пункт «Азиатско-Тихоокеанский регион», исходя из подписанного Договора о всеобъемлющем стратегическом партнёрстве между Россией и КНДР. Следует учитывать уровень реального взаимодействия между государствами, а не только декларируемые намерения; отношения с РК выстраивались с позиции экономической целесообразности, долгосрочности и наличия развитой инфраструктуры; создания условий для привлечения корейцев в сфере науки и образования; с учётом, что каденция Презента РК (как основного актора во внешней политике) и его Правительства ограничена одним сроком, без права переизбрания; объявление «Доктрины объединения» от 15 августа 2024 года и о смене политики КНДР в отношении Южной Кореи (позиция КНДР: отношения между Севером и Югом больше не являются внутринациональными, однородными отношениями, а представляют собой отношения двух враждебных государств, двух воюющих государств, находящихся в состоянии войны).

Список литературы

1. Шкунов В.Н. Торговые связи российской империи и Кореи в XVIII-XIX вв. / В.Н. Шкунов // Известия Самарского научного центра РАН [Электронный ресурс]. – 2015. – №3-2. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/torgovye-svyazi-rossiyskoy-imperii-i-korei-v-xviii-xix-vv> (дата обращения: 16.08.2024).
2. Забровская Л.В. КНДР и политика России (1994—1998 гг.). Анализ основных источников / Л.В. Забровская // Россия и АТР [Электронный ресурс]. – 1998. – №3. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kndr-i-politika-rossii-1994-1998-gg-analiz-osnovnyh-istochnikov> (дата обращения: 16.08.2024).
3. Санжиев А. Военно-техническое сотрудничество России и Республики Корея / А. Санжиев // Мировая экономика и международные отношения. – 2005. – № 8. – С. 52–54.
4. Хонг В. Трехстороннее сотрудничество РФ, РК И КНДР сквозь призму политики и экономики. взгляд из Республики Корея / В. Хонг // Вестник Санкт-Петербургского

- университета. Международные отношения [Электронный ресурс]. – 2020. – №2. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/trehstoronnee-sotrudnichestvo-rf-rk-i-kndr-skvoz-prizmu-politiki-i-ekonomiki-vzglyad-iz-respubliki-koreya> (дата обращения: 10.08.2024).
5. Асмолов К.В., Захарова Л.В. Отношения России с КНДР в XXI веке: итоги двадцатилетия / К.В. Асмолов, Л.В. Захарова // Вестник РУДН. Серия: Международные отношения [Электронный ресурс]. – 2020. – №3. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/otnosheniya-rossii-s-kndr-v-xxi-veke-itogi-dvadsatiletiya> (дата обращения: 18.08.2024).
6. В Сеуле заявили, что оказывают Украине только гуманитарную помощь // РИА новости [Электронный ресурс]. – URL: <https://ria.ru/20231205/koreya-1913807550.html>

Игнатьева Л.Н.
Ignatyeva L.N.

ПОЛИТИКА РЕПАТРИАЦИИ СООТЕЧЕСТВЕННИКОВ НА ПРИМЕРЕ РОССИИ И КАЗАХСТАНА

POLICY OF REPATRIATION OF COMPATRIOTS ON THE EXAMPLE OF RUSSIA AND KAZAKHSTAN

Аннотация. Проблема этносов, вольно или невольно, оставшихся за пределами своей исторической родины периодически возникала на протяжении XX века. С этой проблемой после распада Советского Союза столкнулись Россия и Казахстан. Каждая из стран пошла своим путем. Если Казахстан изначально пошел по пути этнической репатриации, то Россия сделала упор на соотечественников, определяя идентичность общностью языка и культуры.

Ключевые слова. Репатриант, соотечественники, историческая родина, эмиграция, иммиграция, миграционная политика.

Abstract. The problem of ethnic groups, willingly or unwillingly, remaining outside their historical homelands has arisen periodically throughout the twentieth century. Russia and Kazakhstan faced this problem after the collapse of the Soviet Union. Each of the countries went its own way. While Kazakhstan initially followed the path of ethnic repatriation, Russia emphasised compatriots, defining identity by the commonality of language and culture.

Key words: Repatriation, compatriots, historical homeland, emigration, immigration, migration policy.

Развал Советского Союза помимо геополитических последствий, привел к тому, что миллионы граждан большой страны остались за пределами своей исторической родины. Правительства постсоветских государств рано или поздно должны были озадачиться возвращением соотечественников.

Казахстан один из первых начал проводить политику этнической репатриации. Хотя конкретной программы по репатриации этнических казахов фактически не существовало, но все нормативно правовые акты, касающиеся демографических процессов, в той или иной степени затрагивали данную проблему.

Казахстан, находясь ещё в составе СССР, начинает процесс репатриации этнических казахов. Постановление Кабинета Министров Казахской ССР от 18 ноября 1991 г. «О порядке и условиях переселения в Казахскую ССР лиц коренной национальности, изъявивших желание работать в сельской местности, из других республик и зарубежных стран». [1] В нем говорилось о

переселении в республику лиц коренной национальности. Впервые было дано определение понятию репатрианты в 1992 году в Законе «Об иммиграции». Под ними понимались «лица, вынужденно покинувшие республику в периоды репрессий, насильственной коллективизации, в результате антигуманных политических акций, массового голода и теперь возвращающихся в свою страну, а также для их потомков» (ст. 6 Закона «Об иммиграции»). [2] Закон подразумевал в качестве репатриантов исключительно этнических казахов.

Катастрофическую ситуацию с эмиграцией, которая сложилась в стране в 1990-е годы пытались решить исключительно за счет репатриации казахского населения из-за рубежа. Для этого была разработана в 1996 г. «Государственная программа поддержки казахской диаспоры». Правовой статус репатриантов (оралманов) был закреплен в Законе «О миграции населения» (1997). По нему репатриантом (оралманом) признавалось «лицо коренной национальности, изгнанное за пределы исторической родины и лишенное гражданства в силу актов массовых политических репрессий, незаконной реквизиции, насильственной коллективизации, и иных антигуманных действий, добровольно переселяющихся в Республику Казахстан с целью постоянного проживания, а также его потомки». [3] Закон предусматривал правовые и экономические аспекты процесса переселения казахов в республику. А в 1998 г. в продолжении мероприятий по возвращению этнических казахов принимается «Концепция репатриации этнических казахов на историческую родину». [4] В 1990-е годы основной вектор государственной миграционной политики был направлен на возвращение в страну исключительно казахов, фактически оставив без внимания процесс эмиграции европейских этносов. И до определенного времени не замечая проблему неравного замещения эмигрантов иммигрантами.

Начиная с 2000 г. в «Концепции государственной демографической политики Республики Казахстан» [5] и в «Программе демографического развития Республики Казахстан на 2001-2005 годы» (2001 г.) [6] стали отражаться моменты связанные не только с возвращением оралманов, но и ставилась задача сокращения эмиграции. В этих документах рассматривалась иммиграция оралманов, их обустройство, адаптация, но не учитывались экономические потребности регионов в рабочей силе. Репатрианты по своему усмотрению выбирали район вселения (чаще всего южные регионы с благоприятным климатом). Единственное ограничение для оралманов заключалось в том, что по Закону «О миграции населения» предусматривались ежегодные квоты для вселения.

С 2007 г. после принятия «Концепции миграционной политики Республики Казахстан на 2007-2015 годы» [7] правительство переходит не только к квотированию въезда оралманов, но и учету их квалификации, образования и профессионального опыта. Это было вызвано тем, что республика в результате эмиграции квалифицированных специалистов, не получая равного замещения. Для реализации задач, поставленных в «Концепции миграционной политики РК на 2007-2015 годы» Правительством

в 2008 г. принимается программа «Нуралы кош» [8] на 2009 – 2011 годы, которая уже предусматривала привлечение этнических казахов не для простого замещения эмигрировавшего европейского населения, а для решения экономических задач. По Программе увеличивалась ежегодная квота вселения и определялись регионы размещения оралманов. Но из-за финансовых проблем Программа была свернута в 2012 году.

В новом Законе «О миграции населения» (2011 г.) [9] была в целом продолжена тенденция на привлечение в республику преимущественно этнических казахов, определяя их статус, решая вопросы размещения, материального обеспечения, трудоустройства и адаптации. В дальнейшем принимались документы, в которых конкретно указывались регионы вселения репатриантов. В них указывались регионы в наибольшей степени пострадавшие от эмиграции европейских этносов – это северо-восточные и центральные области республики. [9]

В «Концепции миграционной политики на 2017-2022 годы» (2017 г.) [10] были зафиксированы проблемы, проводимой в республике миграционной политике. Признавалось, что репатрианты плохо адаптируются в казахстанском обществе по причине социокультурных различий и языкового барьера. Также сложная ситуация складывалась из-за неравномерного распределения репатриантов по территории страны. Иммигранты чаще всего переселялись в трудоизбыточные южные регионы, тем самым усугубляя социально-экономическую ситуацию в регионе. Низкая квалификация оралманов тоже создавала трудности с трудоустройством переселенцев, хотя для них специально резервировались рабочие места в регионах, предназначенных для переселения. В Концепции предлагалось исправить эти проблемы, а также предлагалось привлекать в Казахстан, кроме этнических казахов, высококвалифицированных специалистов независимо от этнической принадлежности. Почти за тридцать лет в республику из России, Китая, Монголии, Узбекистана и других государств переехало чуть более 1 млн оралманов (кандасов).

Что касается России, то она проблемой соотечественников озаботилась гораздо позднее, чем соседний Казахстан. В 1999 г. был принят Закон «О государственной политике Российской Федерации в отношении соотечественников за рубежом». [11] В нем давалось определение понятию соотечественники. Они определялись как «лица, родившиеся в одном государстве, проживающие в нем и обладающие признаками общности языка, истории, культурного наследия, традиций и обычаев, а также потомки указанных лиц по прямой нисходящей линии. К ним относятся лица, состоявшие в гражданстве СССР, проживающие в государствах, входивших в состав СССР, получившие гражданство этих государств или ставшие лицами без гражданства; выходцы (эмигранты) из Российского государства, Российской республики, РСФСР, СССР и Российской Федерации, имевшие соответствующую гражданскую принадлежность и ставшие гражданами иностранного государства или лицами без гражданства». [11] В Законе не шла речь о репатриации соотечественников, внимание уделялось лишь их

поддержке за рубежом. Лишь в ст. 13.1 говорилось о содействии добровольному переселению соотечественников в РФ. Без описания самой процедуры переселения.

В 2006 г. Указом Президента РФ была утверждена «Государственная программа по оказанию содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом». [12] Основными целями Программы являются: стимулирование и организация процесса добровольного переселения соотечественников в Россию, содействие социально-экономическому развитию регионов и решение демографических проблем, в первую очередь на территориях приоритетного заселения за счет привлечения переселенцев на постоянное место жительства. [12] Программа предусматривает механизм переселения от получения статуса участника Программы до переезда в Россию и получения компенсационных выплат. В ней определялись уполномоченные органы за пределами РФ, оказывающие содействие переселению, регионы Российской Федерации, участвующие в Программе, материальная поддержка соотечественников, переселяющихся в РФ. В 2023 г. Президентом был подписан Указ об институте репатриации. [13] В нём определение репатрианта практически совпадает с определением соотечественник. При этом упрощается процедура переселения. Репатриант может выбрать любой регион, даже тот, который не включен в Программу переселения. Но выплат на федеральном уровне при переселении для репатриантов не предусмотрено. Их могут предусматривать местные органы власти. Всего по Государственной Программе в Россию переселилось чуть больше 1 млн человек. В основном из Казахстана, Армении, Таджикистана и других постсоветских республик.

Если сравнивать политику репатриации, проводимую Россией и Казахстаном, то Казахстан изначально был нацелен на переселение этнических казахов, а Россия сделала упор на добровольное переселение соотечественников без указания этнической принадлежности. Казахстан первоначально не регулировал потоки этнических иммигрантов, лишь осознав проблему неконтролируемого переселения (кроме ежегодных квот), правительство начинает определять регионы вселения исходя из экономической необходимости. Россия же сразу устанавливает районы вселения соотечественников в зависимости от экономической и демографической ситуации (ситуация меняется с 2024 г.). В отличие от России, которая озаботилась переселением соотечественников только в 2006 г., Казахстан законодательно начинает оформлять процесс репатриации с 1991 г. (еще со времен СССР). Проблема Казахстана заключается в том, что оралманы (кандасы) по языку и культурно оказались чужды местному населению, низким оказался их уровень образования и квалификации, что не позволило заместить массовую эмиграцию специалистов в 1990-е годы. Россия в этом плане оказалась в относительно благоприятной ситуации, так как иммигрантами в основном становились соотечественники близкие по культуре, языку и имеющие достаточно высокий уровень образования и

квалификации. Хотя в России при реализации Программы тоже не обошлось без проблем.

Список литературы

1. О порядке и условиях переселения в Казахскую ССР лиц коренной национальности, изъявивших желание работать в сельской местности, из других республик и зарубежных стран. Постановление Кабинета Министров Казахской ССР от 18 ноября 1991 г. // Информационно-правовая система нормативных правовых актов Республики Казахстан [Электронный ресурс]. – URL: https://adilet.zan.kz/rus/docs/P910000711_
2. Об иммиграции. Закон Республики Казахстан от 26 июня 1992 г. // Информационно-правовая система нормативных правовых актов Республики Казахстан [Электронный ресурс]. – URL: https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z920003300_
3. Закон Республики Казахстан «О миграции населения» от 13 декабря 1997 г. // Информационно-правовая система нормативных правовых актов Республики Казахстан [Электронный ресурс]. – URL: https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z970000204_/history
4. Концепция репатриации этнических казахов на историческую родину. Постановление Правительства Республики Казахстан от 16 сентября 1998 // Информационно-правовая система нормативных правовых актов Республики Казахстан [Электронный ресурс]. – URL: https://adilet.zan.kz/rus/docs/P980000900_
5. Постановление Правительства Республики Казахстан «О концепции государственной демографической политики Республики Казахстан». От 17 августа 2000 г. // Информационно-правовая система нормативных правовых актов Республики Казахстан [Электронный ресурс]. – URL: https://adilet.zan.kz/rus/docs/P000001272_
6. «Программа демографического развития Республики Казахстан на 2001 – 2005 годы». 30 октября 2001 г. – Казахстанская правда. – 8 ноября 2001 г.
7. «Концепция миграционной политики Республики Казахстан на 2007-2015 годы». Указ Президента РК от 28 августа 2007 г. // Информационно-правовая система нормативных правовых актов Республики Казахстан [Электронный ресурс]. – URL: https://adilet.zan.kz/rus/docs/U070000399_
8. Постановление Правительства Республики Казахстан от 2 декабря 2008 г. Об утверждении Программы «Нуралы кош» на 2009-2011 годы. // Юрист [Электронный ресурс]. – URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30369720&doc_id2=30365313#pos=18;-96&pos2=4;-98
9. Закон Республики Казахстан «О миграции населения» от 22 июля 2011 г. // Информационно-правовая система нормативных правовых актов Республики Казахстан [Электронный ресурс]. – URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z1100000477>
10. Постановление Правительства Республики Казахстан «Об утверждении Концепции миграционной политики Республики Казахстан на 2017 – 2021 года и Плана мероприятий по реализации Концепции миграционной политики РК на 2017– 2021 годы». от 29 сентября 2017. // Информационно-правовая система нормативных правовых актов Республики Казахстан [Электронный ресурс]. – URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/P1700000602>
11. Закон РФ «О государственной политике Российской Федерации в отношении соотечественников за рубежом». https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_23178/
12. Указ Президента Российской Федерации от 22.06.2006 г. № 637 О мерах по оказанию содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом // Официальные сетевые ресурсы Президента России [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/23937>
13. Указ Президента РФ «О внесении изменений в государственную программу по оказанию содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию

соотечественников, проживающих за рубежом, утвержденную Указом Президента Российской Федерации от 22 июня 2006 г. № 637» // КонтурНорматив [Электронный ресурс]. – URL: <https://normativ.kontur.ru/document?moduleId=1100&documentId=45569>

Комлякова Ю.Ю.
Komlyakova J.U.

ПОЛИТИКА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ ПО ВОПРОСУ ФОРМИРОВАНИЯ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ ЗОНЫ СВОБОДНОЙ ОТ ЯДЕРНОГО ОРУЖИЯ

THE RUSSIAN FEDERATION POLICY ON THE ISSUE OF THE FORMATION OF A NUCLEAR-WEAPON-FREE ZONE IN CENTRAL ASIA

Аннотация. В конце XX века в связи с глобальными геополитическими трансформациями существенно изменилось и отношение к ядерному оружию. Если изначально наличие ядерного потенциала больше воспринималось как фактор сдерживания, которым обладали исключительно крупнейшие и наиболее могущественные государства мира, то с распадом Советского Союза архитектура безопасности по этому вопросу изменилась. Россия будучи правопреемницей советского ядерного арсенала и ввиду необходимости обеспечения региональной безопасности в изменившихся реалиях принимала непосредственно участие в решении ядерного наследия на территории государств, некогда входивших в состав СССР, и, в частности, в регионе Центральной Азии.

Ключевые слова. Российская Федерация, Центральная Азия, ядерное наследие, зона свободная от ядерного оружия.

Summary. At the end of the 20th century, due to global geopolitical transformations, the attitude towards nuclear weapons changed significantly. If initially the presence of nuclear potential was perceived more as a deterrent factor, which was possessed exclusively by the largest and most powerful states of the world, then with the collapse of the Soviet Union, the security architecture on this issue changed. Russia, being the successor of the Soviet nuclear arsenal and in view of the need to ensure regional security in the changed realities, took a direct part in resolving the nuclear legacy in the territory of the states that were once part of the USSR, and, in particular, in the Central Asian region.

Keywords. Russian Federation, Central Asia, nuclear legacy, nuclear-weapon-free zone.

Идея создания безъядерной зоны в условиях постбиполярной системы берет свое начало еще в 90-х гг. XX века, когда в 1992 году на 47-й сессии Генеральной ассамблеи ООН когда Монголия заявила о своем безъядерном статусе. На следующей сессии в сентябре 1993 года подобная инициатива была предложена и Узбекистаном. 27 февраля 1997 года была принята Алмаатинская декларация [1] в которой лидеры центральноазиатских стран одобрили создание безъядерной зоны. Подписание этого документа стало началом формальных межгосударственных консультаций по этому вопросу.

Для государств Центральной Азии намерение создать безъядерную зону было обусловлено нестабильностью и региональной борьбой за власть. И хотя государства Центральной Азии обладали высоким потенциалом

энергетических ресурсов, все проекты были остановлены из-за проблем безопасности и опасений по поводу незаконного оборота ядерного оружия [2].

Таким образом, создание Центральноазиатской зоны свободной от ядерного оружия (ЦАЗСЯО) должно было сформировать региональную безопасность, которая позволила бы государствам осуществлять иностранные инвестиции в регионе. Эта концепция оказалась и в фокусе внимания России. Эксперты «осознавали, что вопрос создания зоны используется государствами региона как инструмент и арена политической борьбы за влияние в регионе и привлечение внимания мирового сообщества» [3].

В конце 1990-х годов позиция России по вопросу ЦАЗСЯО неоднократно менялась из-за трансформации международной повестки дня. Так после подписания в 1997 году Алмаатинской декларации Россия высказалась в поддержку этого документа, полагая, что он не будет имплементирован [4]. Однако эта позиция изменилась после того, как Россия стала более серьезно относиться к ядерному оружию, влияющему на ее позиции с точки зрения национальной безопасности после бомбардировок НАТО в Косово. Ради собственной безопасности Россия стремилась к гибкости в развертывании ядерного оружия и в частном порядке пыталась отговорить своих союзников в Центральной Азии от продолжения этой повестки дня. Сообщается, что на конференции по рассмотрению действия ДНЯО «российский дипломат в частном порядке заявил: «Мы возражаем против участия Казахстана в Центральноазиатской безъядерной зоне» [5]. Эта позиция изменилась в следующем году в ходе Московской конференции по ядерной безопасности. Тогдашний заместитель министра иностранных дел И. Иванов, и директор Департамента безопасности и разоружения Министерства обороны России С. Кисляк высказались в поддержку ЦАЗСЯО, поскольку она не только соответствовала политике России в области нераспространения и разоружения, но и обеспечивала дополнительную ядерную безопасность России по сравнению с Западом. В то время уже сформировались опасения относительно возможного расширения НАТО на Восток, что серьезно нарушило бы геополитический баланс в регионе.

Несмотря на поддержку России, а также Китая, имело место сильное противодействие по отношению к ЦАЗСЯО со стороны Соединенных Штатов, Великобритании и Франции. Это было связано в первую очередь со статьей 12 Договора, которая гласит: «Настоящий Договор не затрагивает прав и обязательств Сторон по другим международным договорам, которые они могли заключить до даты вступления в силу настоящего Договора» [6]. Несмотря на то, что это стандартная формулировка для договоров, она вызвала решительное противодействие из-за опасений, что Россия в соответствии со статьей 4 Договора о коллективной безопасности (ДКБ) разместит ядерное оружие в Центральной Азии. Хотя ДКБ и является предметом спора в этом отношении, он помог в развитии режима нераспространения. В 1990-х годах Казахстан был против идеи отказа от своих 1040 единиц ядерного оружия и приобретения статуса государства, не обладающего ядерным оружием, в рамках Договора о нераспространении ядерного оружия (ДНЯО),

аргументируя это тем, что он провел испытания ядерного оружия в г. Семипалатинске в сроки, необходимые для того, чтобы стать законным государством, обладающим ядерным оружием [7]. Только после получения гарантий безопасности от России и ее региональных соседей Казахстан согласился отказаться от своего ядерного оружия и присоединиться к ДНЯО в качестве государства, не обладающего ядерным оружием. Статья 12 в ЦАЗСЯО является обязательной для центральноазиатских республик, поскольку им нужны гарантии того, что они могут призвать своих союзников по ОДКБ на помощь и защиту в случае нападения или угрозы. Эта статья также важна для России, поскольку она сохраняет ее влияние в регионе и оказывает уравновешивающее воздействие на НАТО, тем самым в определенной степени укрепляя геополитическую сферу.

Главным приоритетом России в отношении ЦАЗСЯО являлось стремление сохранить власть в регионе, обеспечив безопасность ОДКБ, а также желание укрепить региональную безопасность.

В результате напряженных и длительных переговоров, проходивших при активном содействии ООН, Международного агентства по атомной энергии (МАГАТЭ) и ядерных держав, министры иностранных дел пяти государств Центральной Азии подписали Договор о зоне, свободной от ядерного оружия. в Центральной Азии в казахстанском городе Семипалатинске (ныне Семей) 8 сентября 2006 года. Документ вступил в силу 21 марта 2009 года после его ратификации всеми государствами-членами ЗСЯО. Согласно договору, государства-члены обязались запретить исследования, разработки, производство, накопление, приобретение, владение, хранение, распространение и использование ядерного оружия или других ядерных взрывных устройств на своей территории. В то же время договор не ограничивает право сторон использовать атомную энергию в мирных целях.

На данный момент Казахстан является мировым лидером в области нераспространения оружия массового уничтожения. Также, после длительного процесса согласования, начавшегося в 2006 г., когда Фонд «Инициатива по сокращению ядерной угрозы» впервые озвучил подобную идею, Казахстан в 2015 году разместил на территории АО «Ульбинский металлургический завод» в г.Усть-Каменогорск банк топлива из низкообогащенного урана Международного агентства по атомной энергии.

Центральная Азия окружена как официальными так и неофициальными ядерными государствами, к которым относятся Россия, Китай, Пакистан и Индия. Наличие ЗСЯО в этой области значительно влияет на дальнейшее развитие ядерного оборота и терроризма.

В то же время Казахстан активно развивает ядерные технологии в мирных целях: он является крупнейшим в мире производителем урана, продолжает развивать возможности ядерного топливного цикла (за исключением обогащения урана и переработки отработавшего топлива) и планирует внедрить ядерную энергетику.

Этот знаковый, первый в Северном полушарии договор о ЗСЯО доказывает, что меры по нераспространению и разоружению все еще

находятся на пути к прогрессу. Как бывшие обладатели ядерного оружия и испытательных полигонов, республики Центральной Азии внесли большой вклад в глобальную безопасность. К 2008 году каждая из пяти республик подписала и ратифицировала ЦАЗСЯО, тем самым обозначив позитивный шаг в достижении ядерного разоружения и нераспространения

Список литературы

1. Алма-атинская Декларация от 28 февраля 1997 г. // Текущий архив Министерства природных ресурсов и охраны окружающей среды Республики Казахстан.
2. Safranchuk I. The Russian Position on the Creation of a Nuclear Weapons-Free Zone in Central Asia // PIR Center 1998. URL: www.pircenter.org/media/content/files/10/13668688240.pdf (дата обращения 20.07.2024).
3. Там же.
4. Parrish S., William P. Central Asian States Establish Nuclear-Weapon-Free-Zone Despite US Opposition // James Martin Center for Nonproliferation Studies, CNS, 5 Sept. 2006. – URL: www.nonproliferation.org/central-asian-states-establish-nuclear-weapon-free-zone-despite-us-opposition/ (дата обращения 21.07.2024).
5. Safranchuk, I. Указ. соч.
6. Central Asian Nuclear-Weapon-Free Zone Treaty // United Nations Platform for Nuclear-Weapon-Free Zones URL: <https://www.un.org/nwzf/> (дата обращения 18.07.2024).
7. Ibragimova, G. Central Asian Nuclear Weapon Free Zone: Greater Security for the Region? // RIAC, 24 July 2015 URL: russiancouncil.ru/en/analytics-and-comments/analytics/central-asian-nuclear-weapon-free-zone-greater-security-for-/ (дата обращения 22.07.2024).

Кузнецова Е.В.
Kuznetsova Ye.V.

ЧЕХИЯ И СЛОВАКИЯ ВО ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКЕ РОССИИ

THE CZECH REPUBLIC AND SLOVAKIA IN RUSSIA'S FOREIGN POLICY

Аннотация. В условиях трансформации мирового порядка важным представляется изучение взаимоотношений Российской Федерации с рядом европейских стран, которые сегодня подвергаются влиянию третьих стран и несамостоятельны в выборе своего внешнеполитического курса. Сравнив два славянских государства Чехию и Словакию, были проанализированы их взаимоотношения с Россией после 2014 года и определены возможные шаги по дальнейшему взаимодействию в современных непростых условиях.

Ключевые слова: Чехия, Словакия, Россия, взаимоотношения, проблемы, перспективы

Summary. In the conditions of the transformation of the world order, it is important to study the relations of the Russian Federation with a number of European countries, which today are influenced by third countries and are not independent in choosing their foreign policy course. Comparing the two Slavic states of the Czech Republic and Slovakia, their relations with Russia after 2014 were analyzed and possible steps for further interaction in modern difficult conditions were identified.

Key-words: Czech Republic, Slovakia, Russia, relations, problems, prospects

Во внешнеполитической концепции РФ, утвержденной в 2023 году, среди региональных направлений не указаны европейские страны, что объясняется

их недружественной позицией по отношению к нашему государству. Однако, внимание странам Европы, прежде всего, славянским, следует уделять. Поэтому, как указано, что необходима новая модель сосуществования с европейскими государствами, которая позволит «обеспечить безопасное, суверенное и поступательное развитие России, ее союзников и партнеров, прочный мир в европейской части Евразии, в том числе с учетом потенциала многосторонних форматов, включая Организацию по безопасности и сотрудничеству в Европе» [1]. При этом определяется, что осложняющим нормализацию отношений фактором является стратегический курс, прежде всего, Соединенных Штатов, которые ослабляют и подрывают конкурентоспособность европейских стран, ограничивая их суверенитет.

Безусловно, азиатское и африканское направления важны для Российской Федерации, но географическая близость и культурно-исторические связи с Европой являются предпосылками продолжения взаимоотношений в будущем. Задача России способствовать пересмотру мирового порядка и построению многополярного мира. Проанализировать, как РФ выстраивать свои отношения, в данном случае с Чехией и Словакией, сравнить их внешнеполитические курсы и как уменьшить влияние третьих стран, стало **целью** данной работы. Проведение самостоятельной политики будет способствовать экономической целесообразности межгосударственных отношений и расширению культурных связей с целью реализации своих национальных интересов.

Для формирования своего внешнеполитического курса в Европе России следовало бы обратить внимание на центральноевропейские инициативы. Выбор центральноевропейской принадлежности привел к созданию Вышеградской четверки (Чехия, Польша, Венгрия и Словакия), в которой сейчас наблюдается раскол из-за позиций по украинскому конфликту. Среди возможных перспектив выделяют следующее: в Польше замечен интерес к Люблинской тройке (Польша, Литва, Украина), а Словакия и Венгрия могли бы сформировать Дунайскую четверку [2] с Сербией и Австрией, что станет основой европейского объединения, способного выстраивать прагматичные отношения с Российской Федерацией. Если не получаются дружественные, союзнические отношения, то целесообразно выстраивать прагматичное, но без влияния третьих стран, сотрудничество. России нужны адекватные партнеры, которые думают о своих национальных интересах, а не об интересах гегемона в ущерб самим себе.

Определяется задача Вашингтона и Лондона – снизить влияние ФРГ и Франции на европейские страны посредством усиления Чехии и Польши. И здесь помощь франко-германскому тандему могла бы оказать Москва. Интерес к Чехии вызван и ее соседством с Австрией, в которой антироссийские настроения не так сильны. А возможная связка Берлин – Вена – Будапешт могла бы усилить свое положение в Европе, во многом зависимой от США. Государствам европейского региона необходимо «осознание безальтернативности мирного сосуществования и взаимовыгодного равноправного сотрудничества с Россией, повышение уровня их

внешнеполитической самостоятельности и переход к политике добрососедства с Российской Федерацией» [1].

После разделения Чехословакии Россия признала и установила 1 января 1993 г. дипломатические отношения с новыми странами. В период перед распадом Чехословакии две её части наиболее сблизилась по социально-экономическим, демографическим показателям, уровню образования, процессам урбанизации и т.д., но «чехословацкое» общество так и не сформировалось [3, с. 5]. Два государства по-разному начали выстраивать свою внешнюю политику: Чехия выбрала евроатлантическую направленность, Словакия, помня и о своих славянских корнях, ориентировалась не только на западные, но и восточные, страны. И, действительно, отношения с Россией поддерживались в период премьерства Владимира Мечиара на должном уровне. Правительство Мечиара поддерживало позицию РФ в отношении Белоруссии и Сербии, но вместе с этим никогда не отказывалось от прозападного курса. После 1998 года, когда премьер-министром стал Микулаш Дзуринда, внешняя политика Словакии резко начала меняться в одну сторону – США и НАТО. Были пересмотрены соглашения с РФ, а во время бомбардировок Югославии НАТО был предоставлен воздушный коридор через Словакию.

Словакия снова стала уделять внимание России в 2006 года с приходом правительства Роберта Фицо. Прежде всего, это стало заметно в экономической сфере. Кроме этого, политика Фицо имела культурно-символическое измерение, придавая значение славянской идентичности. Глава МИД Мирослав Лайчак в 2009 г. не исключал участия России в «Восточном партнерстве». После 2014 г. наступило определенное охлаждение, а президенты А.Киска и З.Чапутова не поддерживали лавирование правительства и парламента между европейским и российским курсами. В то же время опрос Pew Research Center в 2019 г. показал, что 60% словаков позитивно воспринимали Россию и Путина [4, с. 147], но это не помешало властям в 2021 г. признать «террористическим режим Путина». Весной 2022 г. Словакия объявила персонами нон-грата и выслала из страны трех российских дипломатов.

В августе 2014 г. премьер-министр Р.Фицо выступал за наложение вето на антироссийские санкции, наносящие экономический ущерб Словакии. Конфликт на Украине он определял как часть геополитической конкуренции между Россией и США [5, с. 70]. В 2015 г. Фицо был в Москве по случаю 70-й годовщины победы над фашизмом, где указал, что «общественности необходимо предоставлять больше информации о тех исторических событиях» [6]. Он призывает к мирному урегулированию украинского кризиса, хотя выделение финансовых средств не блокировал. 15 мая 2024 года на Фицо было совершено покушение из-за взглядов на решение конфликта в Украине и пророссийскую позицию.

Новый президент Словакии Петер Пеллегрини также выступает за мирное разрешение вооруженного конфликта в Украине. В октябре 2023 г. Словакия объявила о восстановлении отношений с РФ, когда премьер-

министром вновь стал Роберт Фицо. 20 января 2024 г. словацкое министерство культуры возобновило культурный обмен с Россией и Беларусью. Но оппозиционные силы собирают людей на митинги против министров культуры и юстиции, как это было 12 августа 2024 года.

2 марта 2024 г. на встрече глав МИД в Анталье на Дипломатическом форуме Словакией была выражена готовность к восстановлению международного сотрудничества в культурно-гуманитарной и военно-мемориальной сферах. Приведем некоторые примеры сотрудничества в первом полугодии 2024 года. Так, 9 февраля 2024 г. прошел в г.Кошица фестиваль-конкурс «Русское слово», 25 апреля 2024 г. «Русская книга в Словакии», в мае конференция российских соотечественников в Словакии, празднование Дня святых Кирилла и Мефодия, Дня России в Словакии, ряд историко-мемориальных акций, встречи послов и министра иностранных дел РФ С.Лаврова со словацкими коллегами.

Что касается Чехии, то ее взаимодействие с Россией, несмотря на выбранный западный вектор, имел и периоды более «теплых» отношений. Так, в Чехии в 2003 году президентом стал Вацлав Клаус, при котором взаимоотношения с Россией улучшились. В период В.Клауса – Д.Медведева межгосударственные отношения вышли на динамично положительный уровень. Став в 2013 году президентом, Милош Земан пытался сохранять отношения и после 2014 года, признавая, что исторически Крым принадлежал России и подчеркивая значимую роль советских солдат в военные годы. Он несколько раз встречался с В.Путиным, намереваясь оживить торгово-экономические отношения. М.Земан не поддерживал антироссийские санкции, понимая, что их введение несет большой урон для ЕС, но всегда выступал против военной эскалации с обеих сторон в разрешении украинского кризиса. Санкции также не поддерживал министр промышленности и торговли Ян Младак (2004-2017 гг.), премьер-министр Богуслав Слоботка (2014-2017 гг.) выступал за выборочные санкции, министр финансов (2014-2017 гг.) и затем премьер-министр (2017-2021 гг.) Андрей Бабиш открыто не поддерживал Москву, но и избегал крайне резких высказываний в ее адрес. Нынешнее чешское руководство Петр Павел и Петр Фиала настроены антироссийски, что проявляется не только в поставках Украине разных видов вооружения, но и поддержке курса на дальнейшую эскалацию конфликта. Вместе с этим, общественные настроения другие. Согласно проведенного опроса чешского издания Deník N и исследовательской компании Ipsos, около 50 % жителей Чехии и Словакии выступают только за гуманитарную помощь Украине, а также 21,7% чехов и 24,5% словаков считают, что никак не должны поддерживать [7]. Кроме этого, опрос показал большие различия между избирателями правительства и оппозиции в Чехии.

В оборонной стратегии Чехии Россия представлена как угроза для страны и противник с ядерным оружием. В Чехии заблокированы российские телеканалы, проводятся музыкальные фестивали белорусских националистов, т.е. по всем направлениям проводится русофобская политика. Но подчеркнем, что эта политика возникла не резко. Чехи давали согласие на бомбардировки

Югославии или участие в оккупации Ирака с подачи США, что не мешает сейчас обвинять Россию в военной агрессии. В последние годы обострились и такие проблемы, как шпионские скандалы, высылка российских дипломатов за связи со спецслужбами и обвинения в организации взрывов складов с боеприпасами во Врбетице, ситуация с Czech Airlines, снос памятников, размещение американских ПРО и т.д. В 2021 г. Росатом был отстранен от участия в тендере по строительству нового энергоблока АЭС «Дукованы». В мае 2021 г. Чехия вместе с США была внесена в список недружественных стран. Отметим, что и Словакия вместе со всеми странами ЕС, входит в этот список.

После начала СВО ужесточились антироссийские санкции, сократились закупки российского сырья, а также поставки Украине вооружения и приток беженцев, что привело к падению уровня жизни рядовых словаков и чехов и почти двукратному росту инфляции и в Словакии, и в Чехии [8, с. 167]. После присоединения к антироссийским санкциям и в условиях дальнейших негативных последствий для Европы, у стабильной Чехии вырос государственный долг в I квартале 2024 года и ее экономические показатели ухудшились [9]. Кроме сырьевых товаров, из России поступала продукция машиностроения, из Чехии – высокотехнологичная промышленная продукция; в Словакию – природный газ, из Словакии – автомобили. Поставки российской нефти играют определенную роль во взаимоотношениях. В декабре 2023 г. и Чехия, и Словакия обратились к ЕС по поводу продления исключения из санкций и сохранения объемов поставок. Для Словакии в большей степени импорт нефти из России влияет на экономику страны, его сокращение приведет к росту инфляции и повышению цен на топливо. На словацкой АЭС энергоблоки используют российские реакторы, поэтому и топливо российское. Не стал альтернативой магистральный нефтепровод Братислава – Швехат.

Как видим, Чехия проводит более русофобскую политику, но ранее идеи славянского единства в Чехии обозначали роль России как защитницы притесняемых народов и инструмента реализации чешских интересов. В 1934 г. де-юре Чехословакия признала СССР в период усиления нацистской Германии, в условиях возможного пересмотра ее статуса как независимого государства. И роль СССР в послевоенном восстановлении Чехии была воспринята населением позитивно. С такого ракурса чешско-российские отношения обосновывает М.В.Ведерников как сложившиеся ранее формы сотрудничества, устоявшиеся паттерны восприятия как на высоком политическом уровне, так и среди простого населения, несмотря на наличие противоречий, верх возьмут прагматические отношения [10, с. 25]. Помимо этого, 35% чехов считают чешскую культуру очень близкой остальным славянским культурам и скорее близкой еще 57%, независимо от социально-демографических параметров, образования и политической ориентации, что является неоспоримым фактом, [11, с. 44].

В то же время есть мнения, что антироссийская риторика чехов связана с разным пониманием славянства и языковое родство. У русских упор на

православие, а чехи связаны с католическим и протестантским миром и большинство атеисты. Отказавшись от идеи «славянского родства», которое стало для обеих стран «кривым зеркалом», можно налаживать российско-чешские отношения [12]. Однако, на наш взгляд, отказавшись от указаний извне, страна поймет, как выстраивать свою внешнюю и внутреннюю политику, что действительно считать свободой и независимостью. Можно согласиться, что атеизм чехов в определенной степени отдаляет ее от России. Например, если Посол России в Словакии в феврале 2024 года встречался с Представителем Православной Церкви Чешских земель и Словакии при Патриархе Московском и всея Руси, то в августе этого года в Чехии настоятель подворья РПЦ в Карловых Варах, признанный нежелательной персоной и угрозой для безопасности, должен покинуть страну в течение месяца.

С сожалением приходится констатировать тот факт, что разорваны или приостановлены связи породненных городов трех стран как одной из форм международного сотрудничества. Активное развитие таких взаимосвязей пришлось на годы Холодной войны, и тогда было понимание, чтобы люди лучше узнавали о том, что происходит в стране и имели разные альтернативные взгляды на происходящее (часто отличающиеся от официально заявленных), необходимо взаимодействие на уровне населения. В Концепции внешней политики РФ указывается, что с целью повышения взаимопонимания между государствами наша страна намерена уделять приоритетное внимание «развитию механизмов общественной дипломатии с участием конструктивно настроенных по отношению к России представителей и институтов гражданского общества, а также политологов, представителей экспертного и научного сообщества, молодежи, волонтерского, поискового и других общественных движений» [1]. Это необходимо, чтобы искоренять заполитизированный характер выстраивания межгосударственных отношений официальными властями некоторых стран, а также изменять политику двойных стандартов в международном сотрудничестве.

В современных условиях остро встают вопросы сохранения и поддержания традиционных семейных ценностей, борьбы с ЛГБТ-пропагандой, укрепления культурных традиций и религиозных связей. Важную роль в распространении знаний о традиционных российских духовно-нравственных ценностях, культуре и исторической памяти могут сыграть межмуниципальные и межрегиональные взаимоотношения, прежде всего, славянских государств. Например, 14 августа 2024 года в интервью РИА Новости вице-премьер Сербии Александр Вулин заявил, что люди на Западе видят в России «ценности, которые поддерживают, хотят жить со своим Богом, нацией и семьей. А им навязывают общество, в котором этого нет» [13]. Важной является борьба с фальсификацией истории, которая сейчас активно насаждается в европейских странах, особенно среди молодежи. России следует уделять внимание недопущению пересмотра, прежде всего, итогов Второй мировой войны, события которой получают антисоветскую окраску со стороны третьих стран.

В заключение отметим, что исчезновение центральноевропейской проблематики из внешнеполитической доктрины РФ не должно восприниматься как разрыв отношений. И, несмотря на видимую второстепенность отношений для России, сейчас роль Словакии может быть пересмотрена в контексте налаживания связей с европейскими странами и формирования новых моделей взаимоотношений с ними в условиях многополярности. Стареющие нации Запада теряют свою внешнеполитическую самостоятельность, а объединенные вокруг России славяне могли бы стать важной силой в многополярном мире. Выстраивание прагматичных отношений с европейскими странами, поддерживающими укрепление традиционных семейных ценностей и культурных традиций, должно оставаться во внешнеполитической повестке России.

Список литературы

1. Концепция внешней политики Российской Федерации (утверждена Президентом Российской Федерации В.В. Путиным 31 марта 2023 г.) // Сайт Министерства иностранных дел РФ [Электронный ресурс]. – URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/official_documents/1860586/ (дата обращения: 18.08.2024)
2. Густерин П. Перспективы «Вышеградской четверки» // Сетевое издание «Военное обозрение». 5 декабря 2023 г. [Электронный ресурс]. – URL: <https://topwar.ru/231465-perspektivu-vyshegradskoj-chetverki.html> (дата обращения: 18.08.2024)
3. Щербакова Ю.А. Чехи и словаки: Вместе и врозь (Опыт новой государственности): Аналит. обзор / Ю.А. Щербакова // РАН. ИНИОН. Центр науч.-информ. исслед. глобал. и регион. пробл., Отд. Вост. Европы. Отв. ред. Игрицкий Ю.И. – М., 2006. – 48 с.
4. Денисенко В.А., Мальчушкин Н.А. Политико-экономическое сотрудничество России и Словацкой Республики: возможные сценарии развития / В.А. Денисенко, Н.А. Мальчушкин // Управленческое консультирование. – 2020. – № 8. – С. 145–156.
5. Марушьяк Ю. Словакия и Россия: между национальными интересами и идентичностью / Ю. Марушьяк // Современная Европа. – 2017. – № 7. – С. 66–77.
6. Петров В. Путин поблагодарил премьера Словакии за участие в торжествах 9 мая / В. Петров // Интернет-портал «Российской газеты». 02 июня 2015 г. [Электронный ресурс]. – URL: <https://rg.ru/2015/06/02/vstrecha-site-anons.html> (дата обращения: 18.08.2024)
7. Tvrdón Jan. Podpora Ukrajine neklesá, strach z dopadů války ano. Průzkum ukázal velké rozdíly mezi voliči vlády a opozice. 26. dubna 2023. [Электронный ресурс]. – URL: <https://denikn.cz/1127206/podpora-ukrajine-neklesa-strach-z-dopadu-valky-ano-pruzkum-ukazal-velke-rozdily-mezi-volici-vlady-a-opozice/?ref=list> (дата обращения: 18.08.2024)
8. Госдолг Чехии вырос до рекордных \$136 млрд // Информационное агентство ТАСС. 19 апреля 2024 г. [Электронный ресурс]. – URL: <https://tass.ru/ekonomika/20600135> (дата обращения: 18.08.2024)
9. Трухачев В.В. Россия в программах и заявлениях политических партий Словакии и Чехии (2014–2024 гг.) / В.В. Трухачев // Актуальные проблемы Европы. – 2024. – № 2 (122). – С. 166–184.
10. Ведерников М. Чешско-российские отношения: модели двусторонних связей / М. Ведерников // Современная Европа. – 2019. – № 7. – С. 17–26.
11. Коровицына Н.В. Восприятие чешским народом национальной истории / Н.В. Коровицына // Современная Европа. – 2018. – № 7. – С. 35–46.

12. Трухачев В.В «Кривое зеркало славянства» мешает отношениям России и Чехии / В.В. Трухачев // Деловая газета «Взгляд». 23 января 2023 г. [Электронный ресурс]. – URL: <https://vz.ru/opinions/2023/1/23/1196069.html> (дата обращения: 18.08.2024)
13. В Сербии объяснили популярность Путина в Западной Европе. Сетевое издание РИА Новости. 14 августа 2024 г. [Электронный ресурс]. – URL: <https://ria.ru/20240818/rakety-1966831257.html> (дата обращения: 18.08.2024)

Литвин Л.А.
Litvin L.A.

РОЛЬ МИРОТВОРЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В УРЕГУЛИРОВАНИИ КОНФЛИКТОВ

THE ROLE OF THE RUSSIAN FEDERATION'S PEACEKEEPING ACTIVITIES IN THE SETTLEMENT OF INTERNATIONAL CONFLICTS

Аннотация. В статье анализируется сущность и значение такого понятия как миротворчество. Обозначено, что Россия являлась активным инициатором и участником многих миротворческих миссий. Рассмотрены основные миротворческие операции с участием РФ. Перечислены количество миротворческого контингента РФ на разных территориях в 2024 г.

Ключевые слова: конфликт, миротворчество, миротворческая миссия.

Annotation. The article analyzes the essence and meaning of such a concept as peacemaking. It is indicated that Russia has been an active initiator and participant in many peacekeeping missions. The main peacekeeping operations with the participation of the Russian Federation are considered. The number of the Russian peacekeeping contingent in different territories in 2024 is listed.

Keywords: conflict, peacemaking, peacekeeping mission.

В конфликтологии понятие конфликтного управления обозначает воздействие на конфликтную динамику в целях окончания социального конфликта. Субъектами конфликтного управления могут быть участники конфликта, а также третья сторона. Понятие миротворчества применяется в обыденном и специальном смыслах. В обыденном смысле слово «миротворчество» – собирательное понятие. В русском повседневном языке оно обозначает активность людей, создающих мирные отношения и в обычной жизни, и в условиях, отличающихся повышенным уровнем напряженности в отношениях между его участниками. Миротворцы содействуют прекращению чужого конфликта. Они руководствуются добрыми намерениями и воспринимают свою деятельность как правое дело.

Аналогичное широкое значение имеет английское слово peacemaking (миротворчество): процесс, нацеленный на политическое прекращение конфликта de facto на уровне легитимной власти или лидеров. Миротворчество, как правило, ориентировано на достижение взаимоприемлемого мирного решения спора. Однако оно может также преследовать цель изменения отношений главных соперников. Термином «миротворчество» обозначается также совокупность стратегий, нацеленных на мирное урегулирование и разрешение конфликта, вмешательство (посредством переговоров или посредничества) акторов высшего уровня после начала открытого конфликта, на-

правленное на достижение соглашения об окончании вооруженного конфликта [1].

В узком конфликтологическом смысле термин «миротворчество» (peace-making) обозначает систему международного конфликтного управления. В «Энциклопедии Мира» А.С. Капто предлагает узкое, т.е. специализированное, определение: «Миروتворчество – целенаправленная деятельность субъектов международных отношений (ООН, региональных межгосударственных структур, отдельных государств, гуманитарных организаций), направленная на поддержание или восстановление международного мира и безопасности» [3]. В узком смысле термин «миротворчество» не применим к правительственному управлению конфликтом на территории своего государства. Не является миротворчеством деятельность правительства по поддержанию и восстановлению правопорядка в своем государстве и защите его территориальной целостности. Вместе с миротворцами в осуществлении миротворческих стратегий могут участвовать местные правительства и неправительственные организации, а также конфликтные стороны, поддерживающие мирные договоренности. В этом случае миротворчество выступает механизмом конфликтного управления.

Различные формы миротворчества характеризуются понятиями миротворческой операции, миротворческой стратегии и миротворческой миссии. Миротворческая операция – регулируемая международным политическим мандатом ООН или региональных объединений организованная деятельность субъектов международного права по управлению международным и внутригосударственным конфликтами. Миротворческие операции могут включать политико-дипломатические, правовые, военные, гуманитарные и иные средства, применяемые по отдельности или в совокупности. Можно миротворчество понимать формой политики, разновидностью скоординированной политики государств и международных организаций в управлении конфликтом. В таком контексте речь идет о миротворческой стратегии, т.е. применении в миротворческой операции скоординированной программы действия строго ограниченного (международно-правовым образом) круга субъектов. Миротворческая стратегия включает цели, принципы, правила, ресурсы, планируемый период осуществления и критерий эффективности. Наконец, понятие миротворческой миссии подчеркивает наделение мировым сообществом правами и обязанностями субъекта миротворческой операции.

Миротворческая деятельность имеет три фазы: доконфликтное миротворчество, миротворчество в процессе конфликтной ситуации и постконфликтное миростроительство. Первая фаза включает в себя превентивные меры, то есть весь набор средств, кроме военных, – дипломатию, политику, экономические меры. Затем проходит вторая, наиболее активная фаза – примирение двух сторон. После того как достигнуты соглашения, проводится миротворческая операция: либо операция по поддержанию мира, либо, если сторонам не удалось договориться, операция по принуждению к миру. После вооруженного конфликта наступает третья фаза –

постконфликтное миростроительство. В рамках этой фазы принимаются меры по восстановлению государственного порядка, работы полиции и государственных органов. Операция по поддержанию мира может проводиться с согласия двух или хотя бы одной из сторон, а операция по принуждению к миру – это уже силовая акция, которая проводится только по решению Совета Безопасности ООН и подразумевает использование тяжелого вооружения [1].

В Российской Федерации у общественности нет единого понимания миротворчества. СМИ также уделяют этому вопросу мало внимания. При этом Россия являлась активным инициатором и участником многих миротворческих миссий. Среди них следующие.

Хорватия (1992-1995 гг.). Война в Хорватии в начале 1990-х годов стала первым для России опытом участия в миротворческих миссиях. Стремление хорватов выйти из состава Югославии вызвало негативную реакцию местных сербов, объявивших о создании своего собственного непризнанного государства — Республики Сербская Краина. Миротворческие силы ООН, включавшие 900 российских солдат, должны были обеспечить защиту местного населения до нахождения сторонами консенсуса.

Абхазия и Южная Осетия (1994-2008 гг.). Стремление двух автономных регионов Грузии – Абхазии и Южной Осетии – к политической самостоятельности проявилось еще в конце 1980-х годов. После распада СССР оно вылилось в открытое вооруженное столкновение с грузинской армией. После того, как сторонам в 1992 и 1993 годах удалось договориться о прекращении огня, в зоны конфликта были введены российские миротворческие силы. В августе началась так называемая «пятидневная война» между Грузией и Россией. В октябре того же года российские миротворцы были выведены из регионов и заменены на пограничников и части регулярной российской армии.

Приднестровье (1992 г.-н.в.). Накопившиеся противоречия, в конечном итоге, вылились в вооруженные столкновения весной-летом 1992 года. При участии России удалось достигнуть прекращения огня. Для поддержания мира в зоне вооруженного конфликта были созданы Совместные Миротворческие Силы, включавшие российских, молдавских и приднестровских военнослужащих. Окончательно разрешить конфликт не удастся и по сей день.

Таджикистан (1994-2000 гг.). Разразившаяся в 1992 году в Таджикистане гражданская война грозила обернуться большими проблемами для всего центральноазиатского региона – оппозиционные правительству силы были поддержаны исламскими радикалами из соседнего Афганистана. Их группы стали регулярно прорываться через таджикско-афганскую границу, охраняемую в том числе и российскими пограничниками. По просьбе президента Таджикистана в страну вошли Коллективные миротворческие силы под эгидой СНГ. Они взяли под охрану важнейшие стратегические объекты страны, усилили оборону границ и с началом мирного процесса обеспечили возвращение на родину тысяч беженцев.

Босния и Герцеговина (1996-2003 гг.). Республика Босния и Герцеговина в составе социалистической Югославии всегда отличалась богатым этническим разнообразием. В ходе разразившейся Боснийской войны погибло около ста тысяч человек, что делает этот конфликт самым кровопролитным в Европе после Второй мировой. Российские миротворцы численностью до 1500 человек находились в Боснии и Герцеговине с 1996 по 2003 год. Они действовали в составе многонациональных миротворческих сил IFOR/SFOR и обеспечивали выполнение Дейтонских соглашений 1995 года, положивших конец жестокому противостоянию [2].

Косово (1999-2003 гг.). 12 июня 1999 года расквартированные в Боснии российские десантные части совершили марш-бросок в Приштину, где заняли стратегически важный аэропорт «Слатина», опередив подошедшие туда вскоре войска британцев. Несмотря на возникший между Россией и НАТО конфликт, российские миротворцы (около 3600 человек) находились в Косово до 2003 года.

Сьерра-Леоне (2000-2005 гг.). В течение 11 лет с 1991 по 2002 год в западноафриканской стране Сьерра-Леоне шла гражданская война между центральным правительством и Объединенным революционным фронтом, унесшая жизни от 50 до 300 тысяч мирного населения и закончившаяся созданием коалиционного правительства. На завершающем этапе конфликта в страну были введены миротворческие войска ООН, следившие за выполнением сторонами условий прекращения огня. От России в Сьерра-Леоне была направлена группа ударных вертолетов Ми-24 и около ста человек технического персонала.

Судан (2005-2012 гг.). После обретения независимости в 1956 году Судан на протяжении полувека (с небольшим перерывом) жил в состоянии гражданской войны между арабским мусульманским севером и неарабским христианским югом. В 2005 году сторонам удалось сесть за стол переговоров и прекратить кровопролитие, после чего в страну были направлены миротворческие силы ООН.

Россию в Судане представляли сотрудники МВД, группа из 4 вертолетов Ми-8 и 120 человек личного состава. Вскоре после международного признания Южного Судана как независимого государства миротворцы были выведены из региона.

Чад и ЦАР (2008-2010 гг.). С 2008 по 2010 год российская авиационная группа (4 вертолета Ми-8) участвовала в миротворческой миссии в Чаде и Центральноафриканской Республике, которые в результате действий местных вооруженных группировок оказались на грани гуманитарной катастрофы. Российские миротворцы выполняли задачи по транспортировке грузов и персонала ООН, проведению эвакуаций, поисково-спасательных и наблюдательных полетов, а также оказывали помощь беженцам.

Нагорный Карабах (2020). Один из самых жестоких и продолжительных конфликтов на постсоветском пространстве, конфронтация Армении и Азербайджана за контроль над Нагорным Карабахом, обострился с новой силой в сентябре 2020 года. В 2024 году территория Нагорного Карабаха

вошла в состав Азербайджана. Соответственно миротворческие силы были выведены [2].

На 31 января 2024 г. Россия направила в 7 миссий (из 11) 83 миротворца: военные наблюдатели – 25 (из 1176 – 2,12 %) полицейские – 42, офицеры штаба – 16 (из 1611 – 0,99 %), заняв 58 место (из 117) по количеству поставляемых контингентов, и 11 место по количеству военных наблюдателей (военных экспертов ООН в командировке), потеряв место в первой десятке.

Россия увеличила количество женщин-миротворцев до 20 (на семь миротворцев). 117 стран направляют миротворцев в 11 миротворческих и в 11 политических миссий [3; 5].

География размещения российских миротворцев ООН следующая: Западная Сахара (МООНРЗС) – 12 военных наблюдателей, в том числе 4 женщины; ЦАР (МИНУСКА) – 9 миротворцев: 7 офицеров штаба, наблюдатели – 2; Конго (МООНСДРК) – 21 миротворец: 6 наблюдателей и 4 офицера штаба, полицейские – 11 (2 женщины); Кипр (ВСООНК) – 9 миротворцев: офицеры штаба – 4 (2 женщины), полицейские – 5 (4 женщины); Анклав Абьей (ЮНИСФА) – 1 полицейский; Южный Судан (МООНЮС) – 28 миротворца: 2 наблюдателя, 1 офицер штаба, полицейские – 25 (7 женщин); Ближний Восток (ОНВУП) – 3 наблюдателя (1 женщина).

Приведем общее количество личного состава в миротворческих силах ООН.

На 31 января 2024 года: всего миротворцев – 64513 (6541 женщины – 9,4%): полицейские – 6541, военные наблюдатели – 1176, офицеры штаба – 1611, военнослужащие контингентов – 56185.

На 31 января 2024 года потери в миссиях (с 1948 г.) составили 4337 миротворцев. Потери России в 19 миссиях ООН – 52 миротворца. Последние трагические случаи не учтены.

Министерство обороны РФ направило в 6 миротворческих миссий 41 офицера: Западная Сахара – 12, ЦАР – 9, Конго – 10, Кипр – 4, Южный Судан – 3, ОНВУП – 3. МВД направило 42 полицейских в четыре миссии: Конго – 11, Кипр – 5, Южный Судан – 28, анклав Абьей – 1.

Женщины-миротворцы (20) находятся в четырех миссиях: Западная Сахара – 4, Конго -2, Кипр – 6, Южный Судан – 7, ОНВУП – 1 [3; 5].

Таким образом, вклад миротворцев Российской Федерации в рамках предотвращения вооруженных конфликтов и сдерживании агрессии противоборствующих объединений неоспоримо высок. Об этом позволяет судить объем и результат выполняемых задач. 25 ноября Вооруженные силы РФ и все россияне отмечают день российского военного миротворца. Нововведение не только обращает внимание на политические проблемы в ряде стран, но и призывает каждого, кто имеет возможность, стать инструментом по поддержанию мирной обстановки и предотвращению бессмысленных военизированных разногласий, переходящих в полноценные войны.

Список литературы

1. Гридина М.Д. Миростроительство как отдельный вид деятельности ООН / М.Д. Гридина // Молодой ученый. – 2022. – № 48 (443). – С. 236–237.
2. Егоров Б. Где и когда Россия выступала миротворцем [Электронный ресурс] / Борис Егоров. – URL: <https://dzen.ru/a/X7JHUI0ZkyvhASMh> (дата обращения: 08.08.2024).
3. Исаенко А. РФ в миротворческих операциях ООН теряет статус-кво [Электронный ресурс] / А. Исаенко // Межрегиональная общественная организация ветеранов миротворческих миссий ООН. Официальный сайт [Электронный ресурс]. – URL: http://unpeacekeeper.ru/news/rf_v_mirotvorcheskikh_operacijakh_oon_terjaet_status_kvo/2024-04-05-568 (дата обращения: 05.08.2024).
4. Капто А.С. Энциклопедия мира : [в 2 т.] / А.С. Капто ; Российская акад. наук, Ин-т социально-политических исслед., Каф. ЮНЕСКО по социальным и гуманитарным наукам. – 4-е изд., перераб. и доп. – М. : Академия, 2013. Т. 1. – 2013. – 669 с.
5. Миротворческая деятельность и вопрос статуса России // Российский Совет по международным делам. Аналитика и комментарии [Электронный ресурс]. – URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/interview/mirotvorcheskaya-deyatelnost-i-vopros-statusa-rossii/> (дата обращения: 05.08.2024).

Любина Д.Е., Саблина М.А.
Lyubina D.E., Sablina M.A.

ЦЕНТРАЛЬНАЯ АЗИЯ В КОНТЕКСТЕ РОССИЙСКИХ ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКИХ ИНТЕРЕСОВ

CENTRAL ASIA IN THE CONTEXT OF RUSSIAN FOREIGN POLICY INTERESTS

Аннотация. В условиях меняющегося мирового порядка и изменения векторов внешнеполитического курса Российской Федерации необходимо рассмотреть новые реалии региональных интересов России. Мы часто и много говорим о «повороте России на Восток». В условиях турбулентности мировой политики и поиске Россией новых надежных партнеров стоит рассмотреть и страны ближнего зарубежья, в первую очередь Центральную Азию,

Этот регион исторически связан с Россией как политическими, так и экономическими связями. Наследие, оставшееся от Советского Союза, все еще может рассматриваться как база для более интенсивного взаимодействия на основе общих интересов. Именно в такой формулировке, молодые суверенные государства Центральной Азии готовы рассматривать Россию как равноправного партнера, а не как «старшего брата». На этой позиции и должны строиться наши взаимоотношения с государствами центральноазиатского региона.

Ключевые слова: Регион, политика, интересы, сценарии, внерегиональные акторы, развитие, партнерство

Summary. In the context of a changing world order and changing vectors of the Russian Federation's foreign policy, it is necessary to consider the new realities of Russia's regional interests. We often talk a lot about the "turn of Russia to the East." In the context of the turbulence of world politics and Russia's search for new reliable partners, it is worth considering the countries of the near abroad, primarily Central Asia.,

This region has historically been linked to Russia by both political and economic ties. The legacy left over from the Soviet Union can still be considered as a base for building partnerships based on common interests. It is in this formulation that the young sovereign states of Central Asia are ready to consider Russia as an equal partner, and not as an "elder brother". Our relations with the States of the Central Asian region should be based on this position.

Key-words: Region, politics, interests, scenarios, non-regional actors, development, partnership

Центральная Азия является одним из ключевых регионов на восточном направлении обеспечения безопасности и реализации российских внешнеполитических интересов. «От стабильности в этой части света зависит национальная безопасность России. Новые и старые угрозы безопасности центрально-азиатским странам явным образом отражаются и на России, которая больше всех других государств озабочена их устранением» [1]. После исчезновения СССР начались и по настоящее время, в результате возникновения территориальных и политических разногласий, возникает необходимость поиска высокоэффективной интеграционной схемы взаимодействия [2, с.27]. Государства Центральной Азии представляют собой не только пять суверенных государств, но и географически относятся к российской геополитической концепции «Большой Евразии». Эта концепция не только очерчивает географические границы зоны внешнеполитических интересов Российской Федерации, но и является российским вариантом концепции развития для центральноазиатского региона, в дополнение к китайской инициативе «Пояса и пути» и в противовес европейской инициативе «Глобальные ворота» и стратегии США по увеличению присутствия в данном регионе.

Чем же является концепция «Большой Евразии» в целом и что она может предложить для государств центральноазиатского региона?

- «Большая Евразия» — это концепция, задающая интеллектуальную рамку для взаимодействия государств континента [3];

- создание интегрированной системы международного сотрудничества в рамках евразийского континента на основании формирования высокоэффективных трансматериковых коммуникаций способных организовать экономико-политическое взаимодействие отдельных регионов России с прилегающими территориальными единицами [4]

- система макрорегионального сотрудничества, основанного на исторически и цивилизованно сложившихся интересах, посредством различных социально-экономико-политических проектов, которые характеризуются высокой степенью эффективности сотрудничества между Китаем и Россией [5];

- интеграционная модель, обусловленная необходимостью объединения усилий для возникающих противоречий, которые возникли на постсоветском пространстве и требуют дальнейшего разрешения путем цивилизованных мер, формирование транспортных коридоров [6].

Таким образом, евразийское пространство можно рассматривать с различных точек зрения, и исследователи по-разному определяют его географические границы [5, 6]. Зачастую пространство государств СНГ в рамках обсуждаемой концепции выделяют как «Малую Евразию» [7], где сосуществуют государства, объединенные общностью исторического развития и связей, а именно Россия, Беларусь, Украина, Казахстан, Киргизия,

Таджикистан, Узбекистан, Туркменистан, Армения, Азербайджан, Грузия и Молдавия. В состав Малой Евразии включают также Абхазию и Южную Осетию.

Следует резюмировать, что использование и реализация концепции «Большая Евразия» дает России возможность (принимая во внимание ее срединное геополитическое положение) обосновать правомерность своей стратегической линии на акцентировке центростремительных тенденций в развитии политико-экономических связей стран евразийского континента.

Центральная Азия во внешней политике России — это средоточие различных концепций, проектов и объединений. С одной стороны, это сердцевинная составляющая (на ряду с Россией) концепции «Большой Евразии». С другой стороны, центральноазиатский регион — это логистический «хаб» в сопряжении проекта «Пояса и пути» и ЕАЭС. Такие страны Центральной Азии как Республика Казахстан и Кыргызская Республика являются членами Евразийского Экономического Союза, а Республика Узбекистан с 2020 года является наблюдателем при ЕАЭС. Республика Казахстан, Кыргызская Республика и Республика Таджикистан являются членами ОДКБ. Россия, Китай, Казахстан, Киргизия, Таджикистан и Узбекистан стали основателями Шанхайской организации сотрудничества. Учитывая переплетение интересов крупных внерегиональных акторов в регионе и самих государств региона выстраивание плодотворного сотрудничества посредством различных форматов жизненно необходимо для обеспечения национальной безопасности России и продвижения ее внешнеполитических интересов.

В рамках Концепции внешней политики Российской Федерации 2023 года согласно п. 39.7 и 39.8 Россия намерена уделять приоритетное внимание поощрению отвечающих ее интересам «процессов региональной и межрегиональной экономической интеграции, прежде всего в рамках ... ЕАЭС, СНГ, ШОС ... а также в целях формирования Большого Евразийского партнерства» и «использованию уникального географического положения и транзитного потенциала России для развития национальной экономики, укрепления транспортной и инфраструктурной взаимосвязанности в Евразии» [8]. В части региональных направлений внешней политики данные тезисы углубляются и конкретизируются (п. 49.4 и 49.5): приоритетами становится укрепление «системы взаимовыгодного всеобъемлющего многостороннего сотрудничества, основанной на сопряжении потенциалов СНГ и ЕАЭС, а также развитие дополнительных многосторонних форматов, включая механизм взаимодействия между Россией и государствами Центрально-Азиатского региона, а также формирование в долгосрочной перспективе интегрированного экономического и политического пространства в Евразии» [8]. Все эти изменения, в том числе и изменение риторики Концепции внешней политики, говорит о том, что Россия уходит от концепции евроатлантизма при реализации которой «главной задачей российской дипломатии считалось выстраивание таких отношений, которые бы продемонстрировали страну как более надежного и демократического партнера, разделяющего либеральные

взгляды на экономику» [1]. На смену евроатлантизму приходит концепция евразийства делая «акцент не на постоянных друзьях, а на постоянных интересах государства» [1].

В связи с этим постулатом представляется важным взглянуть на центральноазиатский регион с точки зрения российских национальных интересов.

Сильные стороны региона:

- уверенный рост демографии;
- потенциальный рынок сбыта;
- устойчивый рост экономики за счет региональных лидеров Казахстана и Узбекистана;

- привлечение внешних инвестиций;

- поддержание нейтрального статуса во внешней политике.

Слабые стороны:

- экологические и водные проблемы;
- наличие стран с низким уровнем населения (Таджикистан, Кыргызстан, Туркменистан 10,3 млн., 6,8 млн., 6,6 млн. соответственно против 19,8 млн. в Казахстане и 35,7 млн. в Узбекистане) [9].

- соперничество за региональное лидерство между Казахстаном и Узбекистаном;

- наличие территориальных и межэтнических конфликтов;

- высокая эмиграция

- нестабильность региональной подсистемы.

Возможности:

- варианты различных форм сотрудничества с ЕАЭС;

- использование в основном форматов двустороннего сотрудничества;

- включение региона в сферу влияния России через совершенствование миграционной политики и развитие гуманитарного сотрудничества.

Угрозы:

- соперничество в регионе глобальных акторов;

- экономическая экспансия Китая в странах региона.

Исследователи Центра евразийских исследований ТГУ предлагают 4 сценария развития отношений в регионе Центральной Азии. Авторы данных сценариев рассматривают эволюцию политики внерегиональных акторов в регионе, влияние межэтнических конфликтов, военного присутствия России в регионе, а также отношений ведущих стран региона с Россией [10].

Проанализировав предлагаемые сценарии Центра евразийских исследований ТГУ и основываясь на рассмотрении приведенных выше факторов, можно спрогнозировать несколько сценариев развития сотрудничества России с государствами Центральной Азии:

Первый сценарий («позитивный») представляет собой активизацию стабилизирующей роли Российской Федерации в регионе. С одной стороны, это означает увеличение гуманитарного присутствия России в регионе путем развития образовательного сотрудничества, повышение роли и значения русского языка, внесение корректив в миграционное законодательство с

целью решения ныне существующих сложностей. С другой стороны, развитие по позитивному сценарию предполагает формирование новой внутривосточной российской повестки по отношению к региону Центральной Азии. В данном сценарии основной вектор двустороннего сотрудничества будет направлен в сторону Казахстана и Узбекистана, как двух наиболее экономически развитых государств региона. Центрирующие силы в регионе будут направлены в сторону России, а не Китая. В этом сценарии возможно решение Узбекистана полноценно присоединиться к ЕАЭС.

Второй сценарий («новые акторы») предполагает возможность формирования новой региональной подсистемы на основе отложенной идеи Центрально-Азиатского союза и развития внутренних интеграционных процессов между странами. В данном варианте страны региона будут планировать выстраивать отношения с внерегиональными игроками с учетом интереса стран объединения. Данный сценарий позволит коллегиально решить водный вопрос и другие экологические проблемы.

Третий сценарий («инерционный») определяется сохранением существующего статуса-кво. Российско-центральноазиатские отношения будут выстраиваться преимущественно на двусторонней основе. Членство в объединениях останется без изменений. Внешним акторам в регионе придется учитывать интересы каждого из центральноазиатских государств, что в целом сохранит баланс сил в регионе.

Не смотря на предлагаемые сценарии, присутствие России в Центральной Азии является безусловным внешнеполитическим приоритетом, а сохранение высокой активности в регионе соответствует российским интересам как евразийской державы.

Список литературы

1. Цели и интересы России в Центральной Азии: настоящее и будущее, 2014-03-06 // АНО Центр стратегических оценок и прогнозов [Электронный ресурс]. – URL: <https://csef.ru/ru/politica-i-geopolitica/direction-topics/czeli-i-interesy-rossii-v-czentralnoj-azii-nastoyashhee-i-budushhee-5188> (дата обращения: 09.08.2024).
2. Любина Д.Е. Расширение партнерских связей ЕАЭС в Большой Евразии в контексте национальных интересов РФ: дис. ... канд. полит. наук: 5.5.4. – СПбГУ, Санкт-Петербург, 2024 – 168.
3. Караганов С.А. Россия – возвращение домой (вместо предисловия) / С.А. Караганов // Вопросы географии (148): Россия в формирующейся Большой Евразии. Под ред. Котлякова В.М., Шупера В.А. – М.: Издательский дом, «Кодекс», 2019. – С. 9–15.
4. Вардомский Л.Б. Между Европой и Азией: о некоторых региональных особенностях участия России в формирующейся Большой Евразии / Л.Б. Вардомский. – С. 144–166.
5. Суслов Д.В., Пятачкова А.С. Большая Евразия: концептуализация и место во внешней политике России / Д.В. Суслов, А.С. Пятачкова // Проблемы географии / Русское географическое общество. – М. Издается с 1946 года // Т. 148. Россия в формирующейся Большой Евразии / В.М. Котляков, В.А. Супер. – М.: Издательский дом «Кодекс», 2019. – С. 16–53.
6. Безруков Л.А. Евразийская континентальная интеграция в экономико-географическом измерении / Л.А. Безруков // Вопросы географии. Россия в формирующейся Большой Евразии. – 2019. – Сб. 148. – С. 228–262.

7. Кофнер Ю. Большая Евразия. География и геополитика Большой Евразии, 10 Мая 2018 / Ю. Кофнер // РСМД [Электронный ресурс]. – URL: <http://russiancouncil.ru/blogs/GreaterEurasia/34159/> (дата обращения: 19.07.2022).
8. Концепция внешней политики Российской Федерации, 2023 год // МИД РФ [Электронный ресурс]. – URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/official_documents/1860586/ (дата обращения: 09.08.2024).
9. Численность населения стран мира [Электронный ресурс]. – URL: worldpopulationreview.com/countries/
10. Россия – Центральная Азия: тенденции и перспективы взаимодействия, 2022 – 2024 гг. Аналитический доклад № 2 30 декабря 2023 г. // Центр евразийских исследований ТГУ [Электронный ресурс]. – URL: <https://eurasian-studies.tsu.ru/analitika/publikacii/rossiia-tcentral-naia-aziia-tendentcii-i-perspektivy-vzaimodeistviia-2022-2024-gg/> (дата обращения: 09.08.2024).

Мальшева Е.Б.
Malysheva E.B.

ЛАТИНСКАЯ АМЕРИКА ВО ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКОЙ СТРАТЕГИИ РОССИИ

LATIN AMERICA IN RUSSIA'S FOREIGN POLICY STRATEGY

Аннотация. Основы проводимой внешней политики России в контексте латиноамериканского региона определялись в Концепциях государства 2000, 2008, 2013, 2023 годов. На начальном этапе развития стратегического проектирования в 2000 году Концепция внешней политики определяла в качестве приоритетных направлений экспорт в Латинскую Америку отечественной наукоемких промышленных товаров; развитие военно-технического взаимодействия; установление и развития сотрудничества в рамках международных организаций а так же усиление политического и экономического диалога. В рамках ключевых российских внешнеполитических документов Латинская Америка была и продолжает оставаться одним из приоритетных регионов для сотрудничества. В этой связи необходимо понимать основные направления уже реализуемого сотрудничества и перспективы его расширения.

Ключевые слова: регион, развитие, приоритетные направления, сотрудничество, расширение, взаимодействие

Annotation. The foundations of Russia's foreign policy in the context of the Latin American region were defined in the Concepts of the state of 2000, 2008, 2013, and 2023. At the initial stage of the development of strategic design in 2000, the Foreign Policy Concept identified as priorities the export of domestic high-tech industrial goods to Latin America; the development of military-technical cooperation; the establishment and development of cooperation within international organizations as well as strengthening political and economic dialogue [1]. Within the framework of key Russian foreign policy documents, Latin America has been and continues to be one of the priority regions for cooperation. In this regard, it is necessary to understand the main directions of the already implemented cooperation and the prospects for its expansion.

Key words: region, development, priority areas, cooperation, expansion, interaction

В рамках Концепции 2008 Россия реализовывала свои национальные интересы в области энергетики и инфраструктуры [2]. Концепция 2013 года содержала в себе помимо политического и экономического взаимодействия

гуманитарное сотрудничество, совместную работу по выявлению ответов на мировые угрозы [3].

В 2023 году в ходе официального визита Председателя Государственной думы Володина В.В. на Кубу были сформированы рабочие группы для дальнейшего стратегического сотрудничества по направлениям: финансы, инвестиции, туризм, энергетика и др. [4]. В условиях санкций открывается новая область для развития финансового рынка: определенные банки Кубы, Бразилии, Венесуэлы и Боливии создали корреспондентские счета, чтобы продолжать взаимное сотрудничество с банками России.

Россия продолжает вести линию прагматичного и деидеологизированного сотрудничества с латиноамериканским регионом, с целью усиления политической сплоченности. Так, для достижения поставленной цели укрепить межпарламентский диалог в 2019 году, был проведен форум с участием представителей Парламента МЕКРОСУР и ПАРЛАСЕН. В ходе данного форума сторонам удалось подписать Соглашение о взаимодействии между Федеральным Собранием России и ПАРЛАСЕН. В целях развития связи с региональными интеграционными объединениями Россия приобрела статус наблюдателя в ЛАИ, АКГ и ЦАИС [5]. В том числе актуализировались вопросы о возможном возобновлении двухстороннего диалога между Россией и СЕЛАК.

Отдельно следует выделить сотрудничество в рамках АТЭС, государствами-членами которого являются Россия, Мексика, Перу, а также Чили. В 2012 году странами-участницами был проведен саммит, в рамках которого отмечено их стремление усилить позиции в азиатско-тихоокеанском регионе, что позволит повысить оборот внешней торговли [6].

Вопрос установления безвизового режима активно прорабатывается министерством иностранных дел, так, в 2013 году Лавров С.В. подписал соглашение с представителем внешнеполитического ведомства Парагвая [7].

Дипломатическое сотрудничество в данном направлении положительно сказывается на процессе гуманитарного сближения, так как влияет на увеличение туристических потоков. Однако, относительная простота посещения стран может привести к увеличению деятельности трансграничных структур криминальной направленности. В качестве примера можно привести факт изъятия партии наркотических средств с общим весом 139 кг на таможенном посту Балтийской таможни в Санкт-Петербурге, которая была упакована в короба для перевозки эквадорских фруктов [8].

В 2023 году главой государства России была утверждена новая концепция внешней политики страны, в которой взаимодействие с Латинской Америкой является одним из ключевых направлений [9]. Концепция выступила базисом для определения приоритетных направлений, обсуждаемых парламентариями двух стран в ходе круглого стола. Так, одним из таких направлений были выделены: биологическая безопасность, а также деятельность направленная на противодействие вмешательству в суверенные направления государств. Исходя из итогов круглого стола был предложен выход на формат двухсторонних меморандумов в рамках вопроса биологической безопасности,

а также формирование нового пути взаимодействия в рамках комиссии в сфере биологической безопасности.

Сотрудничество России и Латинской Америки в военно-технической области является одним из значимых направлений, в силу уникального воздействия государства на мировую среду посредством данного инструмента. С целью укрепления своего положения в латиноамериканском регионе, а также поддержания конкурирующего уровня с Европой, Китаем, США, Россия активно участвует в выставках латиноамериканского региона, примером можно привести выставку авиационных оборонных систем в Бразилии, выставку военной и космической техники в Чили и других странах [10, С.67].

Военно-техническое сотрудничество можно определить в качестве интегративного инструмента продвижения политико-экономических интересов России, развитие данной сферы имеет важное значение в вопросе развития технологического потенциала государства. Обуславливается это тем, что покупка военной техники у государства-производителя, открывает новые возможности, например, обучение специалистов, постпродажное обслуживание (приобретение боеприпасов, комплектующих и т.д.).

Основным партнёром России в Латинском регионе в начале двадцать первого века стала Венесуэла, согласно данным Стокгольмского международного института объем российского экспорта в период с 2012-2016 г. составил 74% [10, С.69]. В 2014 году стороны затронули вопрос о строительстве на территории Венесуэлы сервисного центра по обслуживанию военной техники и завода по производству отечественных автоматов [11].

На сегодняшний день многие программы по модернизации вооруженных сил латиноамериканского региона с участием России фактически приостановлены. Обуславливается это в первую очередь возникновением «черного лебедя» – пандемии, а также сменой политического цикла региона. Так, в период левого поворота, усиления интеграционного механизма взаимодействия по военным каналам, Латинская Америка с большим интересом осуществляла модернизацию, определяя ее в качестве одного из наиболее значимых элементов государственной системы [12, С. 310].

В свою очередь правые правительства региона наоборот перешли к режиму экономии средств казны, что привело к финансированию вооруженных сил на основе остаточного принципа. Видится, что появление внешних факторов действительно влияет на темпы развития военно-технического сотрудничества, но тем не менее как показала практика, возникающие трудности в большинстве своем носят временный характер, в силу чего следует ожидать возобновления активных поставок военной продукции в латиноамериканский регион.

Аргументируя позицию приведем ситуацию 2017 году, когда Венесуэла переживала трудную социально-экономическую обстановку, что несомненно повлияло на партнерство стран. В период 2017 года наблюдалось некое замедление, но тем не менее главы государств продолжали осуществлять официальные визиты в рамках вопросов ВТС [12, С. 313]. В том числе несмотря на произошедшее замедление, работа по возведению завода

осуществлялось совместно с венесуэльскими представителями в обозначенных темпах. В 2017 году Россия впервые поставила за границу (Венесуэлу) мобильный сервисный комплекс для технического обслуживания военной техники.

Укрепление позиции России на мировом рынке посредством сотрудничества со странами Латинской Америки позволяет подтвердить репутацию технологически и экономически развитого государства, независимого на международной арене и сильного в военном отношении.

Некая нерушимость взаимодействия России и Латинской Америки обуславливается как было отмечено ранее, совпадением геополитических интересов, в первую очередь недопущения некоего диктата со стороны США, формированием полицентричности современного мирового порядка. Как отмечают многие теоретики, несмотря на спад в торгово-экономических отношениях, именно период новой холодной войны можно считать этапом сближения российско-латиноамериканских отношений [13].

В действительности такая позиция региона напрямую продиктована их собственным интересом, при этом учитывая геополитическую ситуацию и экономическую конъюнктуру видится, что Россия рассматривает Латинскую Америку в качестве стратегического партнера (союзника) в западном полушарии и одного из возможных направлений сбыта продукции, в том числе военной техники.

При этом важно отметить, что Россия имеет сильных геополитических соперников в латиноамериканском регионе, например, Китай. В целях укрепления собственной позиции Китай в отличие от Европейского Союза за основу взял более результативную тактику: предоставление латиноамериканскому региону прямых и портфельных инвестиций, выделяя значительные объемы средств для развития и модернизации предприятий.

Список литературы

1. Концепция внешней политики Российской Федерации (утв. 28.06.2000) // Российская газета. 11.07.2000. – № 13.
2. Концепция внешней политики Российской Федерации (утв. 12.02. 2008 г. N Пр-1440) // КонсультантПлюс [Электронный ресурс]. – URL: <https://tass.rurj38hfns-i-opk/shudt7t328hddnf866789> (дата обращения: 10.06.2024).
3. Концепция внешней политики Российской Федерации (утв. Президентом РФ 12.02.2013) // КонсультантПлюс [Электронный ресурс]. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_142236/?ysclid=luivezu581910801485 (дата обращения: 10.06.2024).
4. Официальный сайт Государственной Думы Российской Федерации [Электронный ресурс]. – URL: <http://duma.gov.ru/news/3280182/> (дата обращения: 03.07.2024).
5. Официальный сайт Министерства иностранных Российской Федерации [Электронный ресурс]. – URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/vnesnepoliticskoe-dos-e/dvustoronnie-otnosenij-rossii-latinskoj-ameriki-i-karibskogo (дата обращения: 10.06.2024).
6. Костюшин Г.М. Особенности интеграционных процессов в азиатско-тихоокеанском регионе / Г.М. Костюшин // Международные отношения. – 2017. – №6. – С. 302.
7. Распоряжение Правительства РФ от 5 июня 2013 г. № 907-р «О подписании Соглашения между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Парагвай

- об условиях отказа от визовых формальностей при взаимных поездках граждан Российской Федерации и граждан Республики Парагвай» // Гарант [Электронный ресурс]. – URL: <https://base.garant.ru/70392314/?ysclid=luivmvi7yi128256796> (дата обращения: 11.02.2024).
8. Официальный сайт Северо-Западного Таможенного управления [Электронный ресурс]. – URL: <https://sztu.customs.gov.ru/news/document/359394> (дата обращения: 18.06.2024).
 9. Указ Президента РФ от 31 марта 2023 г. № 229 «Об утверждении Концепции внешней политики Российской Федерации» // Гарант [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/406543869/?ysclid=luivqbw4sj927065525> (дата обращения: 11.02.2024).
 10. Малашенко Т.И. Военно-техническое сотрудничество России в Латинской Америке: Венесуэла / Т.И. Малашенко // ЭСГИ. – 2019. – №3 (23). – С. 67.
 11. Официальный сайт Министерства иностранных Российской Федерации [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.mid.ru/tv/id=1974790&lang=ru&ysclid=luewfeifjiwhbf=2u97186001> (дата обращения: 17.02.2024).
 12. Давыдов В.М. Стратегическое партнерство в контексте российско-латиноамериканских отношений / В.М. Давыдов // Вестник Российской академии наук. – 2016. – Т. 86 № 4. – С. 310.
 13. Bilateral trade between Latin America and the Caribbean and Russian Federation // Trade Map. Trade statistics for international business development. [сайт]. URL: <https://www.trademap.org/Bilateral> (date of access: 18.02.2024).

Ночвина Б.А.
Nochvina B.A.

АЛЬТЕРНАТИВА ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКОЙ ДОКТРИНЫ ФРГ В ПРОГРАММНЫХ ДОКУМЕНТАХ ПАРТИИ «ЛЕВЫЕ»

AN ALTERNATIVE TO THE FOREIGN POLICY DOCTRINE OF GERMANY IN THE PROGRAM DOCUMENTS OF THE LEFT PARTY

Аннотация. В данной статье рассматривается эволюция леволиберальной концепции в ФРГ и ее влияние на формирование современной внешней политики Германии. Автор предпринимает попытку оценки насколько антивоенная стратегия, предложенная «новыми левыми», может стать фундаментом для создания альтернативной системы коллективной безопасности в ЕС. В статье представлен анализ программных документов леволиберальных сил ФРГ начала XXI в.

Ключевые слова: демократический социализм, внешняя политика, антимиитаризм, «новые левые», популизм

Summary. This article examines the evolution of the left-liberal concept in Germany and its influence on the formation of modern German foreign policy. The author attempts to assess how the anti-war strategy proposed by the "new left" can become the foundation for creating an alternative system of collective security in the EU. The article presents an analysis of the program documents of the left-liberal forces of Germany at the beginning of the XXI century.

Key-words: democratic socialism, foreign policy, anti-militarism, "new left", populism

Партия «Linke» была образована в 2007 г. как протестная партия существующей правительственной коалиции, в основе ее стало объединение Партии Демократического социализма и левой фракции СДПГ во главе с О. Лафонтемом.

В своих программных документах ПДС, первым председателем которой стал Грегор Гизи, критиковала социал-демократов за реформы «Хартц-4» и курс на идеологическое сближение с неолейбористами в разработке новой концепции социальной политики; другим пунктом разногласий с СДПГ стала внешняя политика ФРГ времен канцлерства Г. Шредера.

Внешнеполитическая доктрина «красно-зеленой коалиции» 1998-2001 г. (Г.Шредер- Й.Фишер) декларируя пацифизм, «внимание к международному праву и правам человека, готовность к диалогу, отказ от применения силы и выработка доверия» [1, s.74], в реальности следовала главному программному тезису – отстаивать национальные интересы ФРГ «в традициях Вилли Брандта и Гельмута Шмидта». [1, s 72]. «Новая восточная политика» Г.Шредера ставила своей целью расширение влияния ФРГ на всем постсоциалистическом пространстве путем дальнейшей евроинтеграции и атлантической солидарности, партнерство с Россией предполагалось также через структуры ЕС и НАТО. Долгие дебаты в Бундестаге по вопросу выработки «нормальной» (т.е. защищающей национальные интересы Германии как самостоятельного и сильного государства) внешней стратегии постобъединенной ФРГ закончились коалиционным соглашением СДПГ и «Зеленых». Германия поддержала легитимность военной операции НАТО против Югославии: участие ВВС ФРГ в бомбардировках Белграда, размещение контингента Бундесвера в Косово, Боснии-Герцеговине под эгидой НАТО.

На фоне изменения социал-демократической концепции внешней политики, Партия демократического социализма выступила с резкой критикой действий федерального правительства. Фактически ПДС стала единственной партией антивоенной оппозиции. Лидеры партии Г. Гизи, Л. Биски требовали выхода ФРГ из НАТО, запрета использования сил Бундесвера в военных операциях на территории иностранных государств, закрепление нейтрального статуса постобъединенной Германии на мировой арене. Изначально выступая с крайне радикальных позиций в отношении внешнеполитической стратегии ФРГ: сокращение военных расходов на 30% и перенаправление данных средства на эффективное завершение экономической интеграции «осси» и «весси», полный отказ от ядерного оружия и ядерной энергетики, создание новой системы европейской и коллективной безопасности путем реформирования ООН и т.д.; в дальнейшей стремясь уйти от статуса региональной партии и повысить свое влияние на федеральном уровне, ПДС эволюционирует как левоцентристская партия.

Предвыборная программа 2002 г. партии ПДС определяла внешнеполитическую концепцию левых сил следующим образом: «мы выступаем против использования борьбы с терроризмом в качестве предлога для продвижения стратегических и экономических интересов, как это делает НАТО и администрация США. Мы хотим, чтобы военный альянс НАТО был распущен и заменен структурами коллективной безопасности в рамках ООН и ее региональных организаций, таких как ОБСЕ. Мы немедленно выступаем за то, чтобы Федеральное представительство прекратило свое участие в новой стратегической концепции НАТО, отказалось от поддержки нынешней

программы создания и перевооружения НАТО и настаивало на отмене ядерных доктрин нанесения первого удара. Мы не согласимся на новые раунды расширения альянса» [2, s 114].

Уже в начале своего восхождения в партийную систему ФРГ Партия демократического социализма отличалась эклектичностью своей программы. Первый председатель партии Г.Гизи был сторонником самоутверждения восточных немцев, защиты социально-экономических интересов Восточной Германии и в то же время поддерживал прекрасные контакты с западногерманским истеблишментом по многим ключевым вопросам внутренней политики. Во время Югославского кризиса он обвинил НАТО в войне, противоречащей международному праву, и в 1999 году отправился в Белград, чтобы встретиться со Слободаном Милошевичем. Сегодня настаивая на улучшении отношений с РФ, Гизи принципиально не отвергает НАТО и больше придерживается умеренного курса.

Программа 2011 г. стала новым поворотом стратегии «Левых». С одной стороны, левые продолжали придерживаться антивоенной риторики в вопросах оборонной политики и внешней стратегии ФРГ. «Вместо вооружения, милитаристских зарубежных инициатив и партнерства ЕС-НАТО нужно обращение к мирной внешней политике и политике безопасности...ЛЕВЫЕ за разоружение и контроль над вооружениями, требуют строгого запрета на экспорт оружия и перестройки вооруженных сил на строгой основе оборонительного потенциала. ЕС и Германия должны отказаться от выбора атомного оружия, все атомное оружие, размещенное в Германии, должно быть вывезено и полностью уничтожено. ЛЕВЫЕ выступают против милитаризации ЕС.ЛЕВЫЕ отвергают перестройку бундесвера в армию, способную вести войну по всему миру». [3, s. 52]

С другой, внутри партии победу одержала фракция «реалистов» или «тайных социал-демократов» во главе Б. Рамелов и К. Киппинг. Для «реалистов» важным было укрепить позиции «Левых» как левоцентристской и левоглобалистской партии, обычной практикой для фракции «реалистов» стало заключение компромиссных соглашений с партией «Зеленые» и даже с блоком ХДС/ХСС, что не могло отразиться на развитии внешнеполитических взглядов «новых левых».

Острая внутривнутриполитическая борьба, которая развернулась в партии после ухода с поста председателя О. Лафонтена, закончилась расколом. Осенью 2023 г. левоконсервативной фракцией партии «Левые» был создан «Союз Сары Вагенкнехт», данное обстоятельство серьезно ослабило позиции левых сил на предстоящих выборах в Бундестаг. Учитывая высокий уровень политической конкуренции, в том числе и в восточно-немецких землях, со стороны АдГ, ХДС/ХСС, вряд ли в обозримом будущем левоцентристский блок будет определять внешнюю политику ФРГ.

Украинский кризис показал степень альтернативности внешнеполитической стратегии партии «Левые». Первоначально партия стала единственной федеральной партией, которая объективно оценивала ситуацию на Украине после 2014 г., отвергая попытки других политических сил всю

ответственность за кризис переложить на Россию. Однако начало РФ СВО убедительно доказало, что стратегия на сближение с Россией в выработке новой концепции европейской безопасности в программе партии не более чем иллюзия. «Мы осуждаем военную агрессию России против Украины, которая является преступлением по международному гуманитарному праву. Немедленными шагами по прекращению войны должны стать возвращение за стол переговоров, прекращение огня и вывод всех российских войск с территории Украины. Мы выступаем за мирные переговоры. Мы выступаем за введение санкций против российского военно-промышленного комплекса». [4, s.4]

Главной целью внешнеполитической стратегии партии «Левые» является не допустить милитаристское возрождение Германии. Лидеры партии отмечают: «Мы должны решительно противостоять стремительной и радикальной милитаризации нашего общества. В личных беседах я замечаю, как сильно действуют на людей милитаристские посулы. Я поговорил с двумя молодыми женщинами, которым впервые разрешили проголосовать на выборах в ЕС. Одна из них сказала мне, что мы не должны сокращать Бундесвер». [5]

Добиться этого, по мнению «Левых» можно только путем евроинтеграции, т.е. реформировать систему европейской коллективной безопасности. «Вместо милитаризации ЕС Европе нужна политическая повестка дня в области мира, безопасности и разоружения». [4, s.5].

Призыв к миру – «Манифест» С. Вагенкнехт в целом содержит те же требования, призывая немцев обеспечивать свою национальную безопасность, а не способствовать разжиганию ядерной катастрофы, вступив в военное противостояние с Россией. «Мы, граждане Германии, не можем напрямую воздействовать на Америку и Россию или на наших европейских соседей. Но мы можем и должны взять на себя ответственность перед нашим правительством и канцлером и напомнить ему о его клятве: „Отвратить вред от немецкого народа“. Мы призываем федерального канцлера остановить эскалацию поставок оружия. Сейчас!» [6].

Сара Вагенкнехт как и ее бывшие однопартийцы осуждает действия России – «Украинское население, подвергшееся жестокому нападению со стороны России, нуждается в нашей солидарности». [6].

В целом, отметим, что оценивать степень альтернативности внешнеполитической стратегии партии «Левые» по отношению к действиям современного федерального правительства сложно, т.к. будучи протестной партией с одной стороны, «Левые» стремятся получить максимальную поддержку избирателей на предстоящих федеральных выборах. В связи с чем, в их программных документах присутствует популистская риторика. С другой стороны, в случае получения достаточного большинства голосов, партия должна будет обеспечить себе потенциального партнера по коалиции. Насколько возможен политический альянс с СДПГ, партией «Зеленые» или АдГ? Ведь даже при удачном для «Левых» заключении правительственной

коалиции, вряд ли партия будет определять внешнеполитическую стратегию страны.

Список литературы

1. Arbeit, Innovation und Gerechtigkeit. SPD-Programm für die Bundestagswahl 1998 Hamburg, 1998. 79 S. URL: <https://docs.yandex.ru/docs/view?tm=1722967476&tld=ru&lang=en&name=a98-04467.pdf&text> (дата обращения: 6.08.2024)
2. Es geht auch anders: Nur Gerechtigkeit sichert Zukunft! Programm der PDS zur Bundestagswahl 2002. URL: https://docs.yandex.ru/docs/view?tm=1722968052&tld=ru&lang=de&name=41221_2002.pdf&text (дата обращения: 6.08.2024)
3. Programm der Partei die Linke. – Erfurt, 2011. – 58 S. URL: https://docs.yandex.ru/docs/view?tm=1722967798&tld=ru&lang=de&name=programm_der_partei_die_linke_erfurt2011.pdf&text (дата обращения: 6.08.2024)
4. 2024-Manifesto-English-European-Left.pdf. 28 s. URL: <https://docs.yandex.ru/docs/view?tm=1722968216&tld=ru&lang=en&name=2024-Manifesto-English-European-Left.pdf&text> (дата обращения: 6.08.2024)
5. Das war eine eklatante Fehleinschätzung// Die Junge Welt, Montag, 29. Juli 2024, Nr. 174. URL: <https://www.jungewelt.de/artikel/478132.die-linkspartei-nach-der-eu-wahl-das-war-eine-eklatante-fehleinschätzung.html>
6. Wagenknecht und Schwarzer starten Petition: Manifest für Frieden. URL: <https://journalistenwatch.com/2023/02/11/wagenknecht-und-schwarzer-startet-petition-manifest-fuer-frieden/> (дата обращения: 6.08.2024)

Онопко О.В.

Онопко О.В.

ОРГАНИЗАЦИОННАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ РОССИЙСКОГО НАПРАВЛЕНИЯ УКРАИНСКОЙ ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ В 1991–2021 ГГ.

ORGANIZATIONAL TRANSFORMATION OF THE RUSSIAN DIRECTION OF UKRAINIAN FOREIGN POLICY EXPERTISE IN 1991–2021

Аннотация. Автором проанализированы изменения структуры части системы украинской внешнеполитической экспертизы, занимающейся изучением России. Сделан вывод, что, несмотря на многочисленные трансформации российское направление украинской внешнеполитической экспертизы остаётся хорошо развитым и востребованным. Оно представляет собой сегмент «эпистемного сообщества» в сфере международных отношений и внешней политики, а его члены активно формируют секьюритизированные геополитические представления и обосновывают необходимость враждебной внешней политики Украины в отношении России.

Ключевые слова: внешнеполитическая экспертиза, внешняя политика Украины, российско-украинские отношения.

Annotation. The author has analyzed changes in the structure of the part of the Ukrainian foreign policy expertise system that studies Russia. It is concluded that, despite numerous transformations, the Russian direction of Ukrainian foreign policy expertise remains well developed and in demand. It is a segment of the “epistemic community” in the area of international relations and foreign policy, and its members actively form securitized geopolitical images and justify the need for a hostile foreign policy of Ukraine towards Russia.

Key-words: foreign policy expertise, foreign policy of Ukraine, Russia-Ukraine relations.

После государственного переворота на Украине в 2014 г. её отношения с Россией изменились коренным образом: на смену партнёрству пришла «гибридная война», в ведении которой стороны активно обвиняли друг друга. С тех пор начало полномасштабного вооружённого конфликта между государствами стало лишь вопросом времени. От осознания неизбежности такого варианта развития событий зависел не только успех стран в будущем противостоянии, но и в целом эффективность их внешней политики. В этих условиях важной задачей для той части украинского экспертного сообщества, которая специализируется на вопросах международных отношений, было предоставить своим властям такие оценки и рекомендации, которые помогли бы лучше подготовиться к будущему столкновению: выявить проблемы и уязвимые места современной России, извлечь максимум из текущего взаимодействия с ней, заручиться поддержкой союзников, укрепить собственную национальную безопасность, нарастить военный потенциал. Возросло значение российского направления украинской внешнеполитической экспертизы. Его изучение и поиск возможностей для влияния в интересах России представляется актуальным для отечественной политической науки и практики.

В этих целях автор предлагает обратиться к теории «эпистемных сообществ» П.М. Хааса [1]. Соединение её отдельных положений с положениями теорий критической геополитики Дж. О’Тоала [2] и секьюритизации Б. Бузана и О. Уэвера [3] позволяет эффективно применить получившийся синтетический теоретико-методологический подход для изучения влияния экспертного фактора на внешнюю политику государств – т.е. исследовать «эпистемные сообщества», существующие на национальном уровне.

За более чем 30 лет существования Украины в стране сложилась масштабная сеть экспертов и экспертных структур в сфере внешней политики и международных отношений, имеющая все основные признаки «эпистемного сообщества». Входящие в неё лица и институты объединены общими геополитическими представлениями (в т.ч. секьюритизированными), нормативными и принципиальными убеждениями об идеальной внешней политике Украины, националистической идеологией, практиками воздействия на государственные органы. Отдельным компонентом этого сообщества является та его часть, которая занимается исследованиями России, её внешней и внутренней политики, военной политики и политики безопасности.

В период президентства Л. Кучмы (1994–2005 гг.) ключевыми центрами российского направления украинской внешнеполитической экспертизы были Институт мировой экономики и международных отношений (ИМЭМО) и Институт России (ИР) НАН Украины. Последний занимался не только изучением российской истории и политики, но и более широкого спектра социогуманитарных вопросов – по сути, фундаментальными страноведческими исследованиями. В 1997 г. он был ликвидирован, а вместо

него через месяц после подписания Договора о дружбе, сотрудничестве и партнёрстве между Российской Федерацией и Украиной была сформирована другая специализированная экспертная организация Национальный институт украинско-российских отношений (НИУРО) при Совете национальной безопасности и обороны Украины (СНБО) [4]. Её деятельность была направлена не столько на ведение фундаментальных научных исследований, сколько прикладных, связанных с актуальным состоянием отношений между странами. В частности, к задачам Института относилось «сравнительное прогнозирование геополитического развития Российской Федерации и Украины; ведение ситуационного мониторинга наружной и внутренней политики Российской Федерации и выработка рекомендаций по корректировке стратегического курса и текущих внешнеполитических инициатив Украины; сравнительный анализ тенденций социально-политического, экономического, научно-технического, военного, военно-технического, гуманитарного развития и Российской Федерации» [5] и др. Как отметил в своём интервью газете «День» руководивший тогда Институтом академик С. Пирожков (сейчас – вице-президент Президиума НАН Украины), «поскольку конфронтационные модели уже уходят в прошлое, украинско-российские отношения будут всё продуктивнее развиваться в сфере экономики. Именно она станет стержнем, определяющим решение политических, военных и других проблем. Вторым приоритетом я считал бы гуманитарные отношения... Главное внимание будет уделено формированию равноправных связей в тех областях, в которых мы еще не достигли единого партнёрского уровня» [6]. По всей видимости, в связи с ростом уровня конфликтности в отношениях между Украиной и Россией и активизацией сотрудничества первой с НАТО, уже в 2001 г. НИУРО был реформирован в Национальный институт проблем международной безопасности (НИПМБ). Он продолжил работать при СНБО [7] и сохранил российскую проблематику в числе основных направлений своей работы. Издававшиеся ИР НАН Украины, НИУРО и НИПМБ научные работы, аналитические доклады и отчёты, а также другие продукты внешнеполитической экспертизы были преимущественно сдержанными в оценках российской внешней политики и практически не касались внутривнутриполитических вопросов. Главным образом они были направлены на обеспечение поддержания партнёрских и бесконфликтных отношений с Россией, поддержание статус-кво.

В президентство В. Ющенко (2005–2010 гг.) и НИПМБ, и для других украинских научных и академических структур, частных компаний и некоммерческих аналитических центров, занимавшихся международно-политическими исследованиями, вопросы российско-украинских отношений постепенно начали отходить на второй план. В этот период основной акцент делался на изучении европейской и евроатлантической интеграции Украины, анализе отношений с западными государствами в первую очередь с США, Францией, Германией, Польшей, Швецией и др. При этом отдельные исследования по российской проблематике время от времени проводились в НИПМБ, Институте проблем национальной безопасности (ИПНБ),

Национальном институте стратегических исследований (НИСИ), Киевском институте международных отношений, Институте всемирной истории и ИМЭМО НАН Украины, Севастопольском национальном техническом университете (сейчас – Севастопольский государственный университет), Центре Разумкова, Центре исследований армии, конверсии и разоружения, в некоторых других организациях. Центральной проблемой был поиск путей к созданию таких отношений между Россией и Украиной, которые бы позволяли последней извлекать максимум выгоды, не нанося ущерб реализации её главных внешнеполитических курсов – европейского и евроатлантического.

Значительный урон организационный украинской внешнеполитической экспертизе, в т.ч. и её российскому направлению, был нанесён в период президентства В. Януковича (2010-2014 гг.). Был ликвидирован целый ряд государственных исследовательских структур, в частности, находившихся в составе НАН Украины, а также ИПНБ и НИПМБ [8]. Это, а также в целом скептическое отношение правящего режима к необходимости привлечения экспертного сообщества в процесс выработки, принятия и реализации внешнеполитических решений в итоге привело к тому, что в 2014 г., когда произошло воссоединение Крыма с Россией и начался вооружённый конфликт на Донбассе, у Украины не было организаций, достаточно погружённых в российскую проблематику и способных предоставлять по ней властям страны компетентные оценки и рекомендации.

Положение дел начало постепенно меняться с приходом к власти президента П. Порошенко. В частности, в 2015 г. по его указу, в составе НИСИ был создан Центр исследований проблем Российской Федерации [9]. В открытом доступе информации о его деятельности практически нет. Именно в это время на основании работ НИСИ украинские эксперты сформулировали своё главное геополитическое представление о российско-украинских отношениях как о части т.н. «мировой гибридной войны» [10]. В последствии оно легло в основу официальных нарративов, распространяемых властями Украины, а противостояние с Россией стало центральным сюжетом украинского экспертного геополитического дискурса. Одновременно изучение нашей страны было активизирована практически во всех ведущих экспертных структурах, занимавшихся вопросами внешней политики и международных отношений. В него включились Фонд «Демократические инициативы», Совет внешней политики «Украинская призма», Международный центр перспективных исследований, Школа политической аналитики Национального университета Киево-Могилянская академия, Центр региональной безопасности Сумского государственного университета и др. Появились и новые специализированные организации, в частности, неправительственный Центр исследований России, который так и не смог стать лидером российского направления украинской внешнеполитической экспертизы, а его публичная активность угасла к 2023 г.

При В. Зеленском украинская внешнеполитическая экспертиза продолжила сохранять исключительный интерес к России. Окончательно сформировался устойчивый пул экспертных структур, чьи оценки и

рекомендации по противодействию нашей стране учитываются украинскими властями и в последствии находят отражение в доктринальных документах. При этом так и не появился институт, который мог бы стать главным центром исследований нашей страны, подкрепив такой свой статус необходимым научным потенциалом и каналами влияния на украинские власти по вопросам внешней политики. Тем не менее в настоящее время российское направление внешнеполитической экспертизы на Украине хорошо развито и в своей аналитической и научной деятельности охватывает практически все вопросы, связанные с политикой нашей страны. В своей работе оно решает следующие основные задачи:

- ведёт фундаментальные исследования внешней и военной политики России, политики безопасности России. Особое внимание уделяется политической системе нашей страны с целью поиска её уязвимостей и путей дестабилизации внутривнутриполитической обстановки. Украинские эксперты и экспертные структуры периодически публикуют свои научные работы по вопросам, связанным с функционированием российских политических институтов, проведением выборов, активностью политических партий, общественных движений и групп интересов. Ведётся научный анализ политической культуры российского общества, особенностей политического поведения граждан нашей страны, их протестного потенциала;

- ведёт прикладные политические исследования и анализ текущих политических событий в России и их влияния на внешнюю политику, конфликт с Украиной;

- обеспечивает прогнозирование развития российско-украинских отношений с учётом как фундаментальных факторов, так и постоянно меняющейся международно-политической действительности;

- предоставляет экспертные оценки и рекомендации президенту Украины, СНБО, МИД, руководству вооружённых и спецслужб по вопросам российско-украинских отношений;

- консультирует западные политические институты, в частности правительства ведущих европейских государств по вопросам российско-украинских отношений и возможностей внешнего влияния на них.

Ведя вышеуказанную работу, украинские экспертные структуры, занимающиеся изучением России, формируют у всего внешнеполитического экспертного сообщества Украины, а также у политической элиты страны общий набор нормативных и принципиальных геополитических представлений о нашем государстве. Они секьюритизируют его образ, тем самым используют свой авторитет и привилегированный статус в национальном геополитическом дискурсе для обоснования необходимости проведения враждебной по отношению к нему внешней политики.

За время существования украинского государства российское направление его внешнеполитической экспертизы претерпело значительные организационные изменения. Начавшись с крупных профильных институтов в составе НАН, оно в настоящее время представляет собой сеть как государственных, так и неправительственных научных и аналитических

центров, для которых российская политика является лишь одной из сфер интересов. Несмотря на это, на Украине ведутся как фундаментальные, так и прикладные исследования по российской проблематике. Ими охвачены все сферы политической жизни России, а оценки и рекомендации украинских экспертных структур востребованы, и властями Украины, и зарубежными акторами.

Список литературы

1. Haas P.M. 1992. Introduction: Epistemic Communities and International Policy Coordination. *International Organization*. 46 (1): 1–35.
2. Tuathail G.Ó., Agnew J. Geopolitics and discourse // *Political Geography*. 1992. № 11(2). P. 190–204.
3. *Security: A New Framework for Analysis* / Buzan B.G., Wæver O., de Wilde J.H. London; Boulder, 1998.
4. Про Національний інститут українсько-російських відносин. Указ Президента України від 23.06.1997 № 573/97 // Офіційний вебпортал парламенту України [Електронний ресурс]. – Режим доступа: <https://zakon.rada.gov.ua/laws/show/573/97#Text> (дата обращения: 01.08.2024)
5. Питання Національного інституту проблем міжнародної безпеки. Указ від 29.07.1997 № 719/97 // Питання Національного інституту проблем міжнародної безпеки | LIGA:ZAKON [Електронний ресурс]. – Режим доступа: https://ips.ligazakon.net/document/view/u719_97?an=2&ed=2000_08_01 (дата обращения: 01.08.2024)
6. Сергій Пирожков: "Через українсько-російську економічну конфронтацію зазнають утрат обидві сторони" [Електронний ресурс]. – <https://m.day.kyiv.ua/ru/node/321276> (дата обращения: 01.08.2024)
7. Про Національний інститут проблем міжнародної безпеки. Указ Президента України від 16.03.2001 № 173/2001 // Офіційний вебпортал парламенту України [Електронний ресурс]. – Режим доступа: <https://zakon.rada.gov.ua/laws/show/173/2001#Text> (дата обращения: 01.08.2024)
8. УКАЗ ПРЕЗИДЕНТА УКРАЇНИ №471/2010 // Офіційне інтернет-представництво Президента України [Електронний ресурс]. – Режим доступа: <https://www.president.gov.ua/documents/4712010-10387> (дата обращения: 01.08.2024)
9. Указ Президента України от 21.10.2015 №605/2015 «Про Центр досліджень проблем Російської Федерації». [Електронний ресурс]. – Режим доступа: <https://zakon.rada.gov.ua/laws/show/605/2015#Text> (дата обращения: 06.05.2021).
10. Горбулін В.П. Світова гібридна війна: український фронт. Київ: НІСД, 2017. 496 с.

Разумный В.В.
Razumnyi V.V.

РОССИЙСКО-ИРАНСКИЕ ОТНОШЕНИЯ В УСЛОВИЯХ ТРАНСФОРМАЦИИ СОВРЕМЕННОГО МИРОПОРЯДКА

RUSSIAN-IRANIAN RELATIONS IN THE CONTEXT OF THE TRANSFORMATION OF THE MODERN WORLD ORDER

Аннотация. В условиях трансформации современного миропорядка наблюдается устойчивая тенденция укрепления российско-иранских связей. Акцентируется внимание на развитие экономического сотрудничества между двумя странами. Россия и Иран выражают

общую позицию по различным внешнеполитическим вопросам. Развитие российско-иранских отношений будет способствовать укреплению региональной безопасности.

Ключевые слова: Российская Федерация, миропорядок, Иран, сотрудничество.

Summary. In the context of the transformation of the modern world order, there is a steady tendency to strengthen Russian-Iranian ties. Attention is focused on the development of economic cooperation between the two countries. The two countries express a common position on various foreign policy issues. The development of Russian-Iranian relations will contribute to strengthening regional security.

Key-words: Russian Federation, world order, Iran, cooperation

Отношения между Россией и Ираном имеют многовековую историю. Весь этот период характеризовался относительной стабильностью отношений, в котором только дважды в XIX веке происходили военные конфликты. В 1920 году Персия (с 1935 года официально Иран) была одной из первых стран, которая заключила дипломатические отношения с советской Россией. В годы Второй мировой войны именно в столице Ирана состоялась встреча лидеров государств антигитлеровской коалиции. В период Холодной войны Иран, фактически, был превращен в бастион США на Ближнем и Среднем Востоке. Но, исламская революция, произошедшая в 1978-1979 гг. смела проамериканский шахский режим и устранила ориентацию на страны Запада во внешнеполитических вопросах. Исторические реалии международных отношений начала XXI века способствовали углублению российско-иранских связей. Поэтому, на наш взгляд, данная тема имеет особую актуальность и заслуживает внимания со стороны исследователей.

Цель данной статьи состоит в рассмотрении российско-иранских отношений в условиях трансформации современного миропорядка.

В первой четверти XXI века российско-иранский политический диалог основывался на совпадении или близости позиций двух стран по значительной части вопросов мировой и региональной повестки дня. В частности это касалось проблем построения многополярного миропорядка, основанного на соблюдении международного права, укрепления роли ООН в международных делах и противодействия новым вызовам и угрозам.

В условиях беспрецедентного давления со стороны США и стран коллективного Запада Российская Федерация и Исламская Республика Иран начали процесс сближения по различным внешнеполитическим и экономическим вопросам. Эта тенденция имеет устойчивый рост в условиях трансформации современного миропорядка. Сближение этих двух стран проходит в рамках курса «Поворот на Восток», когда стали активнее укрепляться связи и сотрудничество с государствами, которые не поддаются доминированию США [6].

О возрастающей тенденции сближения России и Ирана говорят факты взаимных визитов лидеров двух стран. Так, Президент Российской Федерации В. В. Путин посещал с официальным визитом Иран в 2007, 2015, 2017, и 2018 годах. Президент Ирана Хасан Рухани посещал Российскую Федерацию в 2014 и 2015 годах. 27-28 марта 2017 года состоялся очередной официальный визит Хасан Роухани в Россию. В ходе визита состоялись

переговоры с президентом Российской Федерации, в ходе которых были подписаны 15 документов, в том числе в правовой области, сфере электроэнергетики, строительства, туризма, спорта.

Различные исследователи подчеркивают тот факт, что важным вкладом в укрепление договорно-правовой базы российско-иранских отношений стало подписание в марте 2001 года президентами России и Ирана договора об основах взаимоотношений и принципах сотрудничества между Россией и Ираном [1]. Российско-иранский политический диалог основывается на совпадении или близости позиций двух стран по большинству вопросов мировой и региональной политики, в частности – построению многополярного миропорядка, основанного на международном праве, укреплению роли ООН в международных делах, противодействию новым вызовам и угрозам

По мнению специалистов, весьма успешным будет сотрудничество Москвы и Тегерана в области топливной промышленности и энергетики. Союз России и Ирана в области энергоресурсов позволит двум странам сосредоточить в своих руках почти 40% мировых запасов газа и 15% запасов нефти, что увеличит вес обоих игроков на мировой арене [4]. Развивая эту область сотрудничества, можно приступить к реализации планов и у следующей области – геологоразведки (нефтегазовой, в первую очередь). Российская сторона обладает необходимыми технологиями, которые могут увеличить коэффициент добычи энергоресурсов из уже имеющихся месторождений и оказать помощь в разведке и поиске новых месторождений, которые, вероятно, имеются на иранской земле.

Говоря о российско-иранском сотрудничестве, следует сказать, что самый большой объем товарооборота между Российской Федерацией и Ираном был в 2011 году, то есть накануне принятия международных санкций, он тогда составил 3,75 миллиарда [3]. Тогда многие эксперты высказывали мнение, что в скором времени будет увеличен прежний товарооборот, но из-за воздействия международных санкций, он пошел на резкий спад. После того как иранские банки были отключены от SWIFT в 2012 году, конечно, товарооборот с Россией заметно снизился до 1,2 миллиарда. В последнее время возрастают цифры товарооборота, они небольшие, но имеют тенденцию к возрастанию [3].

Поддерживая экономику Ирана, Российская Федерация предоставляла кредиты этой ближневосточной стране. В 2013 году российское руководство предоставило Ирану кредит на сумму 5 млрд. долл. [3].

Сотрудничество между Россией и Ираном имеет положительную динамику на региональном уровне. Необходимо подчеркнуть тот факт, что, благодаря морским коммуникациям через акваторию Каспийского моря, Астраханская область лидирует в вопросе экономических связей с Ираном. В Астраханской области работает более 120 иранских компаний [2, с.89]. В самой Астрахани стали строиться предприятия по совместному выпуску продукции. В результате уже в 2021 году взаимный товарооборот превысил 4 миллиарда долларов, а в 2022 году, тоже было сказано, он составил 4,6 миллиарда долларов.

Говоря о российско-иранском сотрудничестве, необходимо указать на успехи в области атомной энергетики. По мнению специалистов, именно эта

область отлично подходит для налаживания тесных контактов, беря во внимание тот факт, что руководство Исламской Республики Иран (ИРИ) приняло план по увеличению производства мегаватт электроэнергии за счет атомных станций. Россия к тому же имеет опыт сотрудничества с Ираном в области атомной энергетики. Так, в 2012 году была достроена и введена в эксплуатацию АЭС «Бушер», проект которой был полностью реализован российскими специалистами [8]. Имея технологии и специалистов, Россия укрепляет союз с Ираном путем использования таких рычагов. Менее приоритетными, но отнюдь не второстепенными можно назвать следующие отрасли: железнодорожное строительство, здравоохранение, сельскохозяйственное сотрудничество на разных уровнях (от малого бизнеса до государственного уровня), сотрудничество в сфере освоения космоса и ВПК. Иран, находящийся под западными санкциями, которые были вызваны его ядерной программой, заинтересован в инфраструктурной поддержке России так же, как и Россия сейчас заинтересована в поддержке ИРИ.

Кроме того, необходимо подчеркнуть тот факт, что Иран традиционно производит качественную фармацевтику. Российский рынок испытывает серьезную потребность в иранских фармацевтических товарах. Возможно, что иранский автопром, также будет занимать позиции на российском автомобильном рынке. Есть проекты не только по продаже, но и по организации сборочных линий в России [2, с. 91].

Иран может быть выгодным партнером России не только в качестве конечного экономического агента, но и в роли транзитной территории, через которую будет проходить российская продукция на внешние рынки (например, в Южную Азию). В рамках российско-иранского логистического коридора «Север–Юг» планируется сократить доставку грузов в Индию на 14 тысяч километров и примерно 40 дней по сравнению со средиземноморским маршрутом. В данный момент наиболее активные проекты: дноуглубление канала Волга–Дон; расширение астраханского порта Солянка; строительство мультимодальных терминалов на иранской стороне Каспия; развитие железных дорог до нового иранского порта Чабахар, который дает выход в Индийский океан, минуя Ормузский пролив. По некоторым оценкам такой проект может превосходить по значимости Северный Морской путь и быть сравнимым с открытием Суэцкого канала.

В условиях трансформации современного миропорядка важно сотрудничество между Москвой и Ираном в вопросах внешней политики и региональной безопасности. Следует сказать, что взаимодействие с Ираном является важным направлением внешней политики России, нацеленной на укрепление, стабильность и безопасность в Закавказье, в Центральной Азии и на Ближнем и Среднем Востоке. Как уже выше указывалось, между Россией и Ираном поддерживаются постоянные контакты на высшем уровне. В июле 2022 года президент России совершил рабочий визит в Иран. В Тегеране состоялся трехсторонний саммит по сирийскому урегулированию. Состоялась также двухсторонняя встреча президента Владимира Путина с президентом Ирана Ибрахимом Раиси.

Иран и Россия усилили по мере радикализации сирийского кризиса свою политико-дипломатическую, экономическую и военно-политическую помощь Сирийской Арабской Республике. При этом Россия, наряду с Ираном, действовала в Сирии в соответствии с официальной просьбой законного правительства Сирийской Арабской Республики. Иран и ливанское движение «Хезболла» оказывали Сирии значительную поддержку в борьбе против радикальной вооруженной оппозиции.

Россия, в свою очередь, поддерживает позицию Ирана о недопустимости иностранного военного присутствия на Ближнем и Среднем Востоке и о важности создания в этом регионе архитектуры коллективной безопасности, а также осуждает политику угроз и шантажа в отношении Исламской Республики Иран.

Совпадающие оценки военно-политических угроз, исходящих от США и Запада в целом, готовность дать им надлежащий отпор стимулируют поддержание постоянных политических консультаций и развитие военно-технического сотрудничества между Россией и Ираном.

Таким образом, на фоне близости геополитического положения двух стран очевидным становится необходимость вывода двусторонних отношений на новый уровень, который соответствовал бы их внешнеполитическим интересам. Провозглашение уровня «стратегического партнерства» между двумя акторами является ключевым, а главное закономерным шагом в развитии российско-иранских отношений. Складывающиеся геополитические реалии современного мира создают объективные предпосылки для сближения Москвы и Тегерана. Активизация и увеличение масштабов сотрудничества между двумя странами в военно-политической, торгово-экономической, научно-технической и других областях имеют цель нейтрализации последствий военных угроз и санкционного давления коллективного Запада. Сближение двух стран не позволит США и их союзникам изолировать Россию и Иран и снизить их влияние на формирование нового миропорядка.

Список литературы

1. Филин Н.А., Раванди-Фадаи Л.М., Бурова А.Н. Российско-иранские отношения на современном этапе / Н.А. Филин, Л.М. Раванди-Фадаи, А.Н. Бурова // Вестник Российского университета дружбы народов. Международные отношения. – 2016. – Т. 16. №4. – С. 677–682.
2. Российско-иранское сотрудничество в меняющемся мире. Материалы международной конференции «Российско-иранское сотрудничество в меняющемся мире» (Москва, 25 апреля 2023 г.). Институт диаспоры и интеграции (Институт стран СНГ). – М., 2024. – 160 с.
3. Скрябин А., Скрябина А.С. Развитие российско-иранских отношений: состояние и перспективы / А. Скрябин, А.С. Скрябина // Россия в глобальном мире. – 2023. – Т. 26. – Вып. 2. – С. 16–32.
4. Тимофеев И.Н. Пиррова победа? Опыт санкционной войны против Ирана. 20.04.2018/ И.Н. Тимофеев // Российский совет по международным делам. РСМД. [Электронный ресурс]. – URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/pirrova-pobeda-opyt-sanktsionnoyvoyny-protiv-irana/> (дата обращения: 14.07.2023)

5. Марьясов А. Российско-иранские отношения в новых геополитических условиях / А. Марьясов [Электронный ресурс]. – URL: <https://ru.valdaiclub.com/a/highlights/rossiysko-iranskie-otnosheniya-v-novykh-usloviyakh/?ysclid=m0fss3habf576083663>. (дата обращения: 15.07.2024)
6. Бордачев Т.В. Поворот России на Восток: между выбором и необходимостью. 02.09.2022 / Т.В. Бордачев // Российский совет по международным делам. РСМД [Электронный ресурс]. – URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/comments/povorot-rossii-na-vostokmezhdv-vyborom-i-neobkhdimostyu/> (дата обращения: 12.07.2023).
7. Межгосударственные отношения России и Ирана // РИА. Новости [Электронный ресурс]. – URL: <https://ria.ru/20231207/diplomatiya-1914146049.html> (дата обращения 10.05.2024)
8. Российско-иранские отношения. Проблемы и перспективы / Под ред. Е.В. Дунаевой, В.И. Сажина. – М.: ИВ РАН, 2015 – 260 с.

СЕКЦИЯ 4. КОММУНИКАЦИОННЫЕ И ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ РОССИЙСКОЙ ПОЛИТИКИ

Багликова М.С., Хомякова О.Я.
Baglikova M.S., Khomyakova O.Y.

ТЕЛЕГРАМ КАК ИНСТРУМЕНТ ИНТЕРНЕТ – КОММУНИКАЦИИ ПАРТИИ «ЕДИНАЯ РОССИЯ» В НОВЫХ РЕГИОНАХ РФ

TELEGRAM AS AN INTERNET COMMUNICATION TOOL OF THE UNITED RUSSIA PARTY IN THE NEW REGIONS OF THE RUSSIAN FEDERATION

Аннотация. В данной работе рассматривается мессенджер Telegram в качестве инструмента интернет – коммуникации партии «Единая Россия» на территории новых регионов РФ. Подробно анализируется контент телеграм – каналов региональных отделений партии, их содержание, регулярность публикаций, способы взаимодействия с аудиторией в ДНР, ЛНР, Запорожской и Херсонской областях. В результате авторами сформулированы пожелания, позволяющие повысить эффективность интернет-коммуникации региональных отделений «ЕР» посредством мессенджера Telegram.

Ключевые слова: интернет-коммуникация, контент, мессенджер, Telegram, телеграм-канал.

Summary. In this paper, the Telegram messenger is considered as a tool for Internet communication of the United Russia party in the territory of the new regions of the Russian Federation. The content of the telegram channels of the regional branches of the party, their content, the regularity of publications, and ways of interacting with the audience in the DPR, LPR, Zaporizhia and Kherson regions are analyzed in detail. As a result, the authors formulated suggestions to improve the efficiency of Internet communication of the regional offices of UR through the Telegram messenger.

Key-words: Internet communication, content, messenger, Telegram, telegram channel.

В сентябре 2022 года в состав России вошли 4 новых субъекта – ДНР, ЛНР, Запорожская и Херсонская области. Несмотря на сложную военно-политическую ситуацию, эти регионы быстро присоединились ко всему многообразию политических процессов, в том числе и к процессам партийного развития. И, уже к концу 2022 года в ДНР, ЛНР, Запорожской и Херсонской областях открылись региональные отделения ведущей и крупнейшей партии страны – «Единой России». На сегодняшний день, партия уже полноценно функционирует, сформировав после выборов 2023 г. региональные и муниципальные органы власти. Одним из основных каналов коммуникации партии «Единая Россия» в ДНР, ЛНР, Запорожской и Херсонской областях, является Интернет, в частности, социальные сети и мессенджеры, которые являются связующим звеном между партией и жителями регионов в условиях непрекращающихся обстрелов со стороны Украины. На сегодняшний день, информационно-новостная и коммуникативная деятельность «Единой России» сосредотачивается, непосредственно, в социальных сетях: «ВКонтакте», «Одноклассники», мессенджере Telegram, на платформе

«Яндекс Дзен» и видеохостинге Rutube. Наиболее популярным среди вышеперечисленных является телеграм – канал партии.

Целью является сравнительный анализ контента, его содержания, вида и формата взаимодействия с аудиторией телеграм – каналов «Единая Россия» в новых регионах как инструмента политической коммуникации партии.

Донецкое региональное отделение «Единой России» открылось 21 октября 2022 года [1]. В партийное руководство вошли представители команды главы республики, Народного совета ДНР, молодежных и патриотических объединений, культуры, медицины и науки, бизнеса, общественного движения «Донецкая Республика». За короткий срок членами партии стали более 56 000 жителей ДНР [1]. Возглавил региональное отделение «Единой России» глава региона Д. Пушилини. Официальный телеграм – канал «Единая Россия ДНР», был создан 8 февраля 2023 года. На сегодняшний день его совокупная аудитория составляет около 23 000 человек, и с каждым днем количество пользователей продолжает расти [2]. В среднем, на него, ежедневно, подписывается около 20 новых пользователей. Более чем за год его существования было опубликовано около 12 000 постов, каждый день в нем публикуется до 20 новостных сообщений разной тематической направленности [2]. При этом средний охват одной публикации составляет около 5 500 просмотров [2]. Посты имеют преимущественно информационно-новостной и познавательный-ознакомительный характер. Текстовый материал публикаций преподносится просто и лаконично и подкрепляется соответствующим фото или видеоматериалом.

Условно, весь контент подразделяется на различные блоки, и под каждым постом публикуется тематический хэштег: #ЕРДНР, #ЕдинаяРоссия, #ЕРпомогает, #СВОихнебросаем, #НароднаяПрограммаЕР, #партпроектыЕР, #Замир, #НашаИстория, #полезно, #Семья, #ЯвРоссии т.д. При этом, наибольшей популярностью пользуется хэштег #ЕРДНР, под ним отмечено около 2 500 публикаций и хэштег #ЕдинаяРоссия – 2 100 публикаций [2]. На сегодняшний день, ключевое внимание в канале уделяется следующим аспектам: партийной деятельности в республике и реализации региональных программ, СВО, волонтерской и гуманитарной деятельности, правовой и социальной проблематике в регионе, культурным и образовательным мероприятиям, реформам в различных сферах региональной политики, жилищно-коммунальным вопросам, работе республиканской общественной приемной ЕР [2]. Соответственно, тематическое разнообразие постов затрагивает все сферы жизнедеятельности ДНР, освещая процессы в образовании, культуре, здравоохранении и медицине, социальной политике и прочее. Помимо региональных новостей, телеграм – канал освещает и федеральные проекты, программы, процессы и события. Основным форматом взаимодействия с аудиторией выступают комментарии, а также чат, с помощью которого, жители региона могут обратиться за помощью, напрямую в штаб партии. Таким образом, изучив содержание телеграм – канала «ЕР ДНР» можем констатировать наличие в нем актуального и разнообразного контента как регионального, так и федерального уровня, дополненного

визуальным сопровождением, удобную структурную организацию постов с помощью хэштегов и тематических блоков, открытый формат взаимодействия с аудиторией, с помощью чата и комментариев, привлекающих новых подписчиков, обеспечивая тем самым его популярность.

Региональное отделение Единой России в ЛНР также открылось 21 октября 2022 года [1]. В региональный политсовет «Единой России» вошли глава Республики Л. Пасечник, представители администрации региона и Народного Совета, молодёжных и ветеранских объединений, профсоюзов, общественного движения «Мир Луганщине», научного сообщества, культуры, спорта и здравоохранения. Заявление о вступление в партию подали более 22 000 жителей республики [1]. 22 ноября был создан и официальный телеграм – канал партии в регионе [3], однако популярным его назвать достаточно сложно. На данный момент его аудитория составляет примерно 3 450 человек. В среднем, в день на него подписывается около 5-7 новых пользователей [3]. Почти за 2 года существования канала было опубликовано более 12 000 постов, в среднем, публикуется до 10 сообщений в день. Текстовый материал публикаций дополняют фото и видеоматериалы соответствующего содержания. Средний охват одной публикации составляет около 1 500 просмотров [3]. Структуру канала составляют активные хэштеги разной тематической направленности: #ЕР81, #ЕдинаяРоссия, #НароднаяпрограммаЕР, #СилаРоссии, #ЗаПобеду. Наибольшей популярностью пользуются хэштеги #ЕР81 – 3 500 отметок и #ЕдинаяРоссия – 3 280 отметок [3]. Таким образом, изучив содержание телеграм – канала «ЕР ЛНР» можем констатировать ограниченное количество тематической направленности, состоящей в основном из новостей региона, посвященных проведению гуманитарных и волонтерских акций, реконструкции и восстановлению социальных объектов, проведению исторически значимых мероприятий и марафонов спортивного, культурного и образовательного характера. При этом, практически не освещается новостная повестка федерального уровня, мало внимания уделяется острым и актуальным вопросам, стоящим на повестке дня в республике, включая правовую и социальную проблематику, жилищно-коммунального хозяйства и прочим аспектам переходного периода. Основными форматами взаимодействия с аудиторией выступают комментарии и чат [3].

Региональное отделение Единой России в Запорожской области открылось 3 ноября 2022 года [1]. В состав регионального политсовета вошли глава Запорожской области Е. Балицкий, представители администрации региона, общественности и социальной сферы. При этом, сам официальный телеграм – канал был создан раньше, чем региональное отделение партии, 23 октября 2022 г. [4]. На данный момент, его совокупная аудитория составляет 4 079 подписчиков, ежедневно на канал подписывается около 7 новых пользователей [4]. Средний охват одной публикации составляет 1 584 просмотра. Почти за 2 года существования канала было опубликовано около 10 000 постов. В день, в среднем, публикуется не более 7 постов разного содержания [4]. В телеграм – канале полностью отсутствуют хэштеги и

блоковое распределение постов по тематике, что несколько затрудняет поиск конкретных публикаций. Текстовый материал постов подкрепляется, в основном, фотографиями и изображениями, значительно реже – публикуются видеоролики. Освещение партийной деятельности фокусируется на процессе восстановления и ремонте социально значимой инфраструктуры в регионе, работе общественной региональной приемной ЕР, празднование мероприятий образовательного, культурного и исторического характера, спортивных турниров и соревнований, гуманитарных и волонтерских акций [4]. Из всех форматов взаимодействия с аудиторией существующих в мессенджере Telegram, «Единая Россия Запорожская область» использует самый простой, в виде эмодзи – реакции, позволяющий получить быструю обратную связь от подписчиков без отправки сообщений. Таким образом, изучив содержание телеграм – канала запорожского отделения «ЕР» можем констатировать его схожесть по тематической направленности, по охвату аудитории, динамике и росту подписчиков с каналом регионального отделения «ЕР ЛНР». Отличие состоит лишь в формате взаимодействия, которое сводится к самой простой форме реакций подписчиков.

20 декабря 2022 года «Единая Россия» создала региональное отделение в Херсонской области [1]. Его секретарём был избран координатор гуманитарной миссии партии в регионе, заместитель руководителя фракции «Единой России» в Госдуме И. Кастюкевич. В состав регионального политсовета Херсонского отделения «Единой России» вошли глава региона В. Сальдо, представители общественности, социальной сферы, администрации региона, участники гуманитарной миссии партии [1]. Телеграм – канал «Единая Россия Херсонская область» был создан 19 марта 2023 года [5]. На сегодняшний день, его аудитория составляет всего 1 830 пользователей. За полтора года ведения канала было опубликовано всего 4 515 постов, в среднем, в день публикуется не более 3 сообщений разного содержания. Средний охват одной публикации достигает примерно 1 000 просмотров [5]. Посты имеют преимущественно информационно-новостной характер с визуальным сопровождением. Структуру канала составляют хэштеги, среди которых самыми популярными являются #ЕР84 – 690 отметок, #ЕдинаяРоссия – 661 отметка [5]. В новостных публикациях освещается партийная деятельность в регионе в виде реализации партийных проектов в разных сферах региональной политики, волонтерские и гуманитарные инициативы, мероприятия и акций памятного характера, спортивные турниры, восстановление разрушенных и строительство новых объектов, работа общественной приемной ЕР. Основным форматом взаимодействия выступают комментарии, также обратиться к представителям партии можно с помощью чата [5]. Таким образом, изучив содержание телеграм – канала херсонского отделения «ЕР» можем констатировать приблизительно схожую тематическую направленность с телеграм – каналами в ЛНР и в Запорожской области, форму обратной связи характерной для официальных каналов региональных отделений ДНР и ЛНР. Существенным отличием телеграм – канала «ЕР Херсонская область» от каналов «ЕР» в новых регионах является

наименьший прирост подписчиков. Эта динамика, может быть обусловлена минимальным количеством постов, публикуемых в день, что, в свою очередь, не только не привлекает новых пользователей, но и, увеличивает количество отписок.

Подытоживая, можем констатировать, что в новых российских регионах телеграм – каналы «ЕР» являются одним из инструментов политической коммуникации партии. Однако, эффективность этой интернет – коммуникации в региональных отделениях разная. На нее влияет и стратегия продвижения канала, включающая в себя информативность и уникальность контента, степень охвата и количество осуществленных репостов, показатель вовлеченности, и конечно же, оперативность в коммуникации с пользователями. Из проанализированных телеграм – каналов «ЕР» в новых субъектах, наиболее эффективным является «ЕР ДНР», канал который развивается, ежедневно увеличивая свою аудиторию, выделяясь среди официальных каналов других партий в регионе. Телеграм – каналы «ЕР» в ЛНР, Запорожской и Херсонской областях в целом более схожи друг с другом как по контенту и его наполняемости, так и степени охвата и динамике роста аудитории. И хотя, эти каналы и выполняют информационную роль, освещая те или иные аспекты партийной деятельности «ЕР» в регионе, используя интерактивные формы, но должного интереса и вовлеченности аудитории они не вызывают, оставаясь достаточно малочисленными по охвату. Для поддержания, привлечения и преумножения подписчиков, им необходимо пересмотреть стратегию развития каналов, расширив его контент, добавив ему уникальности, наполнив его актуальными вопросами развития и жизнедеятельности региона используя больше интерактивности во взаимодействии с аудиторией (опросы, голосований и пр.), тем самым повышая эффективность своей политической телеграм – коммуникации с избирателями.

Список литературы

1. Официальный сайт партии «Единая Россия» [Электронный ресурс]. – URL: <https://er.ru/> (дата обращения: 01.08.2024)
2. Официальный телеграм-канал «ЕР ДНР» [Электронный ресурс]. – URL: https://t.me/er_donetsk (дата обращения: 01.08.2024)
3. Официальный телеграм-канал «ЕР ЛНР» [Электронный ресурс]. – URL: https://t.me/er_lnr (дата обращения: 01.08.2024)
4. Официальный телеграм-канал «ЕР Запорожская область» [Электронный ресурс]. – URL: https://t.me/er_185 (дата обращения: 01.08.2024)
5. Официальный телеграм-канал «ЕР Херсонская область» [Электронный ресурс]. – URL: https://t.me/er_kherson (дата обращения: 01.08.2024)

ОСОБЕННОСТИ МЕДИАПОТРЕБЛЕНИЯ СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ МОЛОДЕЖИ: ПОЛИТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ⁴

FEATURES OF MEDIA CONSUMPTION BY MODERN RUSSIAN YOUTH: POLITICAL ASPECTS

Аннотация. В статье представлены результаты анализа таких особенностей и тенденций медиапотребления российской молодежи, как индивидуализация потребляемого контента; приоритет онлайн-форм распространения информации; дискретность, ситуативность, ритуализация и событийная зависимость новостного потребления; устойчивое распространение фэббинга и фонового медиапотребления; увеличение масштабов цифрового эскапизма; мультиэкранное общение, многозадачность и др.

Ключевые слова: молодежь, медиапотребление, медиапрактики, Интернет, политическая социализация, новые медиа, медиаграмотность

Summary. The article highlights the features and trends of media consumption by Russian youth, i.e. personalization of consumed content, priority of online forms of information dissemination, “situationality” and ritualization of news consumption, an increase in the scale of digital escapism, multi-screen communication, etc.

Key words: youth, media consumption, media practices, Internet, political socialization, new media, media literacy

В отечественной науке проблемам медиапотребления молодежи традиционно уделяется достаточно много внимания. Однако не так часто в центре внимания ученых оказываются различные аспекты политического измерения распространенных среди молодых людей медиапрактик. В этой связи целью проведенного исследования стал анализ влияния, оказываемого медиапотреблением современной молодежи на характер ее политической социализации.

Эмпирическую базу анализа составили результаты проводившихся в 2022-2024 гг. ВЦИОМом, Фондом «Общественное мнение» и «Левада-центром» (признан в России иностранным агентом) опросов, в которых затрагивались отдельные имеющие отношение к медиапотреблению молодежи моменты [1; 2; 3]. Кроме того, отдельные сюжеты, не охваченные федеральными социологическими службами, выяснялись нами посредством самостоятельно проведенных онлайн-анкетирований и фокус-групповых интервью (в ноябре 2022 и 2023 гг. сотрудниками кафедры политических наук Саратовского государственного университета им. Н.Г. Чернышевского были опрошены, соответственно, 2018 и 862 респондента в возрасте от 14 до 35 лет).

Анализ уже имеющихся наработок отечественных ученых, а также результатов посвященных данной тематике социологических опросов и самостоятельно проведенных нами фокус-групповых интервью позволил

⁴ Статья подготовлена в рамках научного исследования № 224020500225-6 «Влияние медиапрактик на политическое сознание российской молодежи: особенности, тенденции, возможности коррекции», осуществляемого за счет средств бюджетов бюджетной системы Российской Федерации.

выделить следующие отличительные черты медиапотребления современной российской молодежи:

1. Молодые люди отдают абсолютное предпочтение новым медиа. Обладая достаточно высоким уровнем технологической грамотности, они очень уверенно чувствуют себя в обращении с различными гаджетами, посредством которых получают всю необходимую им информацию. Причем одновременно в их распоряжении могут находиться сразу несколько технических устройств с выходом в Интернет. Очевидно, что традиционные средства массовой информации уже не способны удовлетворить разнообразные медиазапросы «цифровой молодежи» и обладают для нее едва ли не меньшим авторитетом, чем новые.

2. Медиапотребление молодежи приобретает индивидуализированный характер, а получаемый ею контент становится все более персонализированным. Имея доступ к очень большому количеству информационных ресурсов, пользователи получают возможность самостоятельно формировать новостные ленты «под себя» – с учетом собственных интересов, пристрастий, запросов и предпочтений.

Нужно отметить, что в ходе проводившихся нами фокус-групповых интервью мы просили молодых людей назвать медийные ресурсы, которые они используют чаще других. И действительно, наборы предпочитаемых респондентами источников пересекались крайне редко: из 78 участников фокус-групп лишь у трех совпало более одного из названных источников. Иными словами, конфигурация используемых ресурсов, а, следовательно, и содержание потребляемой информации о происходящем у каждого молодого человека на самом деле получаются практически уникальными.

3. Во многом иррациональный и отчасти ритуализированный характер потребления новостей. Молодые люди зачастую обращаются к медийным ресурсам не потому, что испытывают потребность в какой-либо информации, а потому, что это стало для них привычкой – например, начинать или заканчивать свой день просмотром лент социальных сетей, коротать таким образом время в транспорте, ожидать своей очереди и т.д. Подобные действия стали частью повседневной реальности современного молодого человека. Появился даже относительно новый термин «фаббинг», суть которого можно свести к навязчивой привычке отвлекаться на гаджеты.

4. Тематическое разнообразие и в некоторой степени хаотичность медийных предпочтений «цифрового» поколения. Исследователи отмечают у молодежи «наличие интереса к целому спектру отличных друг от друга тем (политика, искусство, музыка и кино, экономика, происшествия и т.д.), причем при отсутствии явно доминирующей темы» [4, с. 12], преобладание нелинейных (осуществляемых по запросу) типов контента и разнообразие практик видеопотребления в плане используемых технологий, сервисов и форм просмотров [5, с. 102-103]. При этом, как показали результаты наших собственных замеров, далеко не всегда молодые люди способны внятно объяснить причины обращения к конкретному источнику информации. В этом смысле трудно не согласиться с С.В. Володенковым и его коллегами,

считающими многополярность, противоречивость и хаотичность характерными чертами потребления информации в цифровом пространстве [6, с. 35].

5. Достаточно тесно с предыдущей связана еще одна особенность молодежного медиапотребления – ситуативная и событийная обусловленность обращения к конкретному контенту. Как совершенно справедливо отмечают Д.Ю. Кульчицкая и Г.С. Филаткина, «Довольно часто респонденты не ищут новости намеренно, а знакомятся с ними, читая и потребляя другую информацию. Например, такое может произойти, когда человек заходит на стартовую страницу поисковой системы и случайно натывается на заинтересовавший его заголовок. Ситуативное потребление новостного контента может встречаться и во время просмотра новостной ленты в соцсетях» [7, с. 6].

6. Для весомой части молодежи характерна приверженность к привычным для себя источникам информации и нежелание расширять спектр используемых медийных ресурсов. Как результат, формируемые у молодых людей взгляды и отношения к происходящему и к отдельным персонам во многом являются производной от тех нарративов, которые транслируются в предпочитаемых ими источниках.

7. Наконец, еще одной особенностью медиапотребления молодежи считаем присущий некоторой ее части прагматичный, отчасти даже потребительский подход к новостному контенту: просматривая какую-либо информацию, молодой человек, как правило, стремится удовлетворить один из собственных интересов (это может быть предстоящее приобретение чего-либо, желание узнать что-то, пообщаться с кем-то и т.д.). Разумеется, бывают ситуации, когда человек находится в Сети и при этом не преследует никакой конкретной цели, однако в большинстве случаев он все же четко понимает, что ему нужно в данный момент.

Очевидно, что наблюдаемая сегодня постепенная утрата монополии новостных агрегаторов повышает степень самостоятельности молодежи в выборе потребляемого ею контента. Каждый начинает формировать собственную медийную диету, формируя вокруг себя информационный кокон, препятствующий проникновению в него «чуждых» его обитателю идей, ценностей и взглядов. Люди фактически оказываются в разных информационных реалиях, что вполне может стать новым основанием дифференциации социума. Медиасоциализация, таким образом, рискует приобрести новое для себя свойство – способность к потенциальной дезинтеграции общества (прежде всего – по политическим основаниям).

Можно ли каким-то образом купировать эти негативные эффекты медиасоциализации? На наш взгляд, такая возможность имеется, однако для ее реализации требуется принятие системных мер со стороны государства.

Прежде всего, необходимо повышать общий уровень медийной грамотности и политической культуры молодежи. В идеале, конечно, эту задачу целесообразно решать через систему среднего, средне-специального и высшего образования. Тем более что в нашей стране уже есть примеры

успешного внедрения в учебные планы дисциплин медиаобразовательной направленности и даже открытия образовательных программ соответствующего профиля. Однако опыт показывает, что рассчитывать на массовое тиражирование подобных практик в настоящий момент достаточно трудно. Поэтому более реалистичными нам представляются перспективы реализации ряда менее масштабных проектов.

Так, например, очевидно, что «достучаться» до молодежи возможно лишь в том пространстве, в котором присутствует абсолютно большая ее часть, – в новых, а не традиционных медиа. Использование для этого телевизионных и радио-эфиров, печатных площадей газет и журналов, по большому счету, окажется бесполезным в силу невостребованности данных форматов у молодых людей.

Ориентированные на повышение медиакомпетенций молодежи материалы необходимо тиражировать в максимально доступной, визуализированной и привлекательной для нее форме. О том, какие способы манипулирования общественным сознанием чаще всего используются, как распознавать фейки и проверять достоверность информации, пользователи Сети должны узнавать посредством привычных для них форматов – коротких видео, картинок, карточек, гипертекстовых ссылок, мемов и т.д. При этом язык изложения подобного контента должен быть понятным не только специалистам, но и «среднестатистическому» молодому человеку.

Явно нелишним было бы и распространение в популярных у молодежи социальных сетях и мессенджерах специализированного программного обеспечения и сервисов, обладающих фактчекинговым функционалом. Разумеется, использование данных ресурсов должно быть бесплатным. В противном случае глубина их внедрения в повседневные медиапрактики «цифрового» поколения окажется минимальной.

Помимо усилий по повышению медийной грамотности, достаточно важным видится и продолжение борьбы с распространителями недостоверной информации. В данном случае мы имеем в виду как законотворческую, так и правоприменительную деятельность: мало просто повышать информационный «иммунитет» молодежи, важно также бороться с «вирусами», которые пытаются его подорвать.

Убеждены, что в конечном итоге упомянутые меры будут способствовать повышению эффективности социализации молодого поколения, в том числе – в политическом измерении этого процесса: при условии их комплексной реализации присущие молодежи практики медиапотребления в гораздо меньшей степени смогут провоцировать рост протестных настроений и углубление раскола российского общества по идейно-политическим основаниям.

Список литературы

1. Новости, достойные доверия [Электронный ресурс]. – URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/novosti-dostoinye-doverija> (дата обращения: 15.08.2024).
2. Новостная информация и телевидение [Электронный ресурс]. – URL: <https://fom.ru/SMI-i-internet/14984> (дата обращения: 15.08.2024).

3. Восприятие новостной информации среди россиян [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.levada.ru/2022/08/16/vospriyatie-novostnoj-informatsii-sredi-rossiyan-otnoshenie-k-presledovaniyu-v-internete/> (дата обращения: 15.08.2024).
4. Каминченко Д.И. Медиапотребление современной студенческой молодежи: политический аспект / Д.И. Каминченко // Медиаскоп. 2022. – № 3–4.
5. Володенков С.В., Белоконев С.Ю., Сулова А.А. Особенности структуры информационного потребления современной российской молодежи: на материалах исследования среди студентов-политологов Финансового университета / С.В. Володенков, С.Ю. Белоконев, А.А. Сулова // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. – 2021. – Т. 23, № 1. – С. 31–46. DOI: 10.22363/2313-1438-2021-23-1-31-46
6. Кульчицкая Д.Ю., Филаткина Г.С. Фоновое медиапотребление как часть медиапрактик российской «цифровой молодежи» / Д.Ю. Кульчицкая, Г.М. Филаткина // Медиаскоп. 2021. – № 1. – URL: <http://www.mediascope.ru/2680> (дата обращения: 17.06.2024). DOI: 10.30547/mediascope.1.2021.2

Краснопёров А. Ю.
Krasnoperov A. Yu.

ПЕРСОНАЛЬНЫЕ ТЕЛЕГРАМ-КАНАЛЫ ПОЛИТИЧЕСКИХ ДЕЯТЕЛЕЙ В ТОМСКОЙ ОБЛАСТИ В МЕЖВЫБОРНЫЙ ПЕРИОД

PERSONAL TELEGRAM CHANNELS OF POLITICAL FIGURES IN TOMSK OBLAST IN THE INTER-ELECTION PERIOD

Аннотация: В статье приводятся статистические показатели персональных телеграм-каналов публичных политических деятелей Томской области. Проводится сравнительный анализ, выделяются группы по характеру внешней сетевой медиаактивности. Делается вывод о двух медийных политических центрах и о ситуации, потенциально способствующей политическому диалогу.

Ключевые слова: медиа, телеграм-канал, политический деятель, Томская область, политическая коммуникация, сетевая коммуникация.

Summary: The article presents statistical indicators of personal Telegram channels of public political figures of Tomsk region. The comparative analysis is carried out, the groups are separated by the type of external network media activity. The author comes to the conclusion about two media-political centers and about a situation potentially conducive to political dialogue.

Keywords: media, telegram channel, political figure, Tomsk Oblast, political communication, network communication.

В работе представлены результаты исследования политической медиасферы Томской области сквозь призму персональных телеграм-каналов. В 2024 году Телеграм обогнал VK по количеству пользователей из России (72,7 % против 71,1 % соответственно, расчет в доле всех интернет-пользователей в возрасте старше 16 лет), уступая только WhatsApp (74,5 %) [1]. Избирательные кампании последних лет отличались высокой долей коммуникации через телеграм-каналы. Цель исследования заключалась в проверке и актуализации роли персональных телеграм-каналов региональных политических деятелей в межвыборный период. Исследование дополняет ранее проведенный анализ органов власти, показавший низкий уровень использования Телеграмма для коммуникации с населением [2].

В выборку включены все политические деятели Томской области, чья позиция предполагает высокий уровень публичности, а также находится в прямой или косвенной зависимости от мнения избирателей. Всего – 64 человека, а именно: Губернатор, все его заместители, депутаты Законодательной Думы Томской области (ЗДТО), Сенаторы СФ ФС РФ, депутаты ГД ФС РФ, проживающие в Томской области или избранные по соответствующему округу, а также все уполномоченные по защите прав и председатель Избирательной комиссии Томской области (ИКТО).

Из 64 человек персональный телеграм-канал имеется у 31 политического деятеля из выборки (48 %). Число подписчиков варьируется от 4 до 35519 человек (среднее – 1609). При этом абсолютным лидером в этом отношении оказывается канал Губернатора области, являющийся скорее статистическим исключением. Медианное значение, более точно отражающее типичный телеграм-канал – 238 человек. Наиболее низкие значения демонстрируют каналы депутатов ЗДТО.

Средний охват одной публикации замерялся как в абсолютных значениях (среднее значение – 1353 человека, медиана – 432), так и в процентах от числа подписчиков (среднее значение – 102 %, медиана – 68 %) в диапазоне от 8 до 20002 человек и от 0 до 692 % соответственно. Как лучшие, так и худшие значения по этому параметру наблюдаются у депутатов ЗДТО.

Однако индекс вовлеченности (ER) на этом фоне остается достаточно низким: в среднем около 5 %, медиана – 4 %. Лучшие показатели (выше среднего) – у трех депутатов ЗДТО, сенатора и заместителя Губернатора.

В большом количестве случаев (14) было выявлено закрытие комментариев, поэтому читатели не могут оставлять развернутую обратную связь. А там, где комментарии открыты, их средний показатель не превышает 3 на публикацию. Опять же, исключением из правила стал канал Губернатора со средним количеством комментариев к каждой записи – 73.

Так же было проанализировано число внешних связей канала по категориям: (1) входящие упоминания (количество телеграм-каналов, ссылающихся на выбранный), (2) количество входящих ссылок в виде репостов или упоминаний, (3) исходящие упоминания (количество каналов, на которые ссылается выбранный), (4) количество исходящих ссылок в виде репостов и упоминаний. Вместе это позволяет оценить включенность в публичную сферу и место в сетевой структуре коммуникации. На основе сочетания указанных параметров политические деятели были разделены на группы: ньюсмейкеры (имеют выраженный перевес входящих упоминаний над исходящими), комментаторы (имеют выраженный перевес исходящих упоминаний над входящими), эксперт (имеет высокий уровень как входящих, так и исходящих упоминаний), невидимка (крайне малое число входящих и исходящих упоминаний). За ориентир взяты значения в 10 каналов, что составляет примерно 5 % от общего числа новостных и политических телеграм-каналов Томской области, а сравнительный перевес должен составлять не менее 1,5 раз по обоим входящим или исходящим критериям (с

погрешность менее 0,1 %). Показатели удалось рассчитать для 24 телеграм-каналов.

Больше всего в выборке оказалось экспертов (13), которые плотно встроены в региональную сетевую коммуникацию, находят и комментируют новостную повестку, а также сами выступают ценным источником информации для других телеграм-каналов. В этой группе 3 заместителя Губернатора, 1 сенатор, 7 депутатов ЗДТО и 2 депутата ГД ФС РФ.

На втором месте оказываются ньюсмейкеры (6), они создают новости, которые затем ретранслируются вовне. В этой группе Губернатор, сенатор, 3 депутата ЗДТО и 1 депутат ГД ФС РФ.

На третьем месте – невидимки (3), которые слабо встроены во внешнюю коммуникацию и работают только со своей аудиторией. Все каналы этой группы имеют мало подписчиков и редко публикуют сообщения. В их числе только депутаты ЗДТО.

Завершают список комментаторы (2), которые активно обсуждают внешние новости, ссылаются на сторонние источники, но их собственное мнение больше востребовано внутри канала, чем вовне. В этой группе только заместители Губернатора.

Таким образом, мы получили целостную картину использования Телеграма томскими региональными политиками. Следует заметить, что все представленные в исследовании телеграм-каналы развиты слабы и имеют небольшой охват, если сопоставить его с населением области. Подписчиков меньше, чем условных избирателей, необходимых для победы на выборах. Более того, каналы политических деятелей значительно проигрывают по многим показателям иным телеграм-каналам политической направленности регионального уровня. Для сравнения, пять крупнейших политических телеграм-каналов, каждый из которых имеет большую аудиторию, чем любой политический деятель из нашей выборки, демонстрируют следующие показатели: численность от 4514 до 19272 (среднее – 9826), охват одной публикации от 3641 до 7390 или от 35,3 % до 125,9 % (среднее – 5088, 67 %), индекс вовлеченности – в среднем 3 %. Все каналы характеризуются высокой внешней активностью как входящей, так и исходящей. Тем не менее, среди них можно выделить разные типы: 2 ньюсмейкера, 2 эксперта и 1 комментатор. При этом данные каналы склонны критически оценивать действия официальных властей. Получается, что «общественники» создают более мощный информационный фон и имеют больший потенциал влиять на общественное мнение. Единственным исключением из описанной картины выступает канал Губернатора, который является самым крупным политическим каналом в Томской области и пятым каналом, если считать по всем категориям. За этим исключением, в общем и целом, потенциал коммуникации в Телеграмм оказывается нереализованным, по крайней мере в межвыборный период.

При этом индекс вовлеченности персональных страниц политических деятелей зачастую оказывается выше, чем у новостных политических каналов, что говорит о более плотной работе со своей аудиторией. Но эта

вовлеченность обычно выражается пассивно – посредством реакций. В то время как новостные каналы отличаются большим количеством комментариев на публикацию (там, где комментарии открыты). Опять же, исключением является телеграм-канал Губернатора.

Итак, несмотря на выраженную тенденцию иметь личный телеграм-канал для связей с общественностью, в т.ч. потенциальными избирателями, среди публичных политических деятелей, медийная активность и, как следствие, показатели таких каналов, остаются на невысоком уровне по сравнению с политическими медиа на той же платформе. В Томской области складываются два центра сетевого притяжения: страница Губернатора области и крупнейшие новостные каналы. Каждый центр дополнен периферией из близких по направленности, содержанию и общему посылу каналов. В сумме создается ситуация двухполюсности региональной медиасферы в Телеграм. При этом такая полярность не означает изолированность, так как наблюдается взаимоцитирование и комментирование. На наш взгляд, такой расклад способствует полноценному политическому диалогу, когда ни одна из сторон не контролирует повестку и при этом границы потенциальных инфопузурей оказываются размытыми, так что шансы столкнуться с альтернативной точкой зрения для рядового читателя повышаются.

Список литературы

1. Kemp S. Digital 2024: The Russian Federation // Datareportal [Электронный ресурс]. – URL: <https://datareportal.com/reports/digital-2024-russian-federation> (дата обращения: 25.07.2024)
2. Краснопёров А.Ю. Муниципальные органы власти как субъект массовой сетевой коммуникации в информационную эпоху / А.Ю. Краснопёров // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. – 2023. – № 74. – С. 224–233.

Михайловская О.Г.
Mikhailovskaia O.G.

ИНФОРМАЦИОННАЯ ВОЙНА ПРОТИВ РОССИИ: НОВЫЕ АСПЕКТЫ СТАРОЙ ПРОБЛЕМЫ

THE INFORMATION WAR AGAINST RUSSIA: NEW ASPECTS OF AN OLD PROBLEM

Аннотация. Битвы могут быть выиграны на поле сражения, но окончательное поражение или победа решается в умах людей. Информационные войны сопровождали человечество на всех этапах его развития, начиная с религиозных и идеологических конфликтов древности, где борьба за умы была столь же важна, как и за территории. В современном мире информационные войны приобрели новые формы, став мощным инструментом влияния на общественное мнение и политические процессы.

Ключевые слова: информационная война, информационное пространство, гибридная война, эпистемологическая война, информационная среда, кибербезопасность, информационный суверенитет.

Summary. Battles can be won on the battlefield, but the final defeat or victory is decided in the minds of the people. Information wars accompanied humanity at all stages of its development, starting with the religious and ideological conflicts of antiquity, where the struggle for minds was as important as for territories. In the modern world, information wars have acquired new forms, becoming a powerful tool for influencing public opinion and political processes.

Key-words: information warfare, information space, hybrid warfare, epistemological warfare, information environment, cybersecurity, information sovereignty.

Одним из ключевых аспектов трансформации современного политического процесса является возрастание сложности механизмов принятия решений. В этом контексте информация, ранее воспринимаемая преимущественно как вспомогательный ресурс в стратегическом управлении, приобретает центральное значение. Она трансформируется в стратегический фактор, способный оказывать решающее воздействие на исходы политических и военных конфликтов, формируя новые параметры и условия для осуществления власти и управления. Это обусловлено рядом факторов. Во-первых, глобализация информационных потоков, вызванная развитием интернета, социальных сетей и цифровых технологий, создала новые вызовы для национальной безопасности и суверенитета. Информационные атаки, распространяемые мгновенно и глобально, могут оказывать значительное влияние на общественное мнение, политические решения и международные отношения.

Во-вторых, характер современных конфликтов всё чаще смещается в информационное пространство. Информационная война становится ключевым элементом гибридных войн, где применяются как военные, так и невоенные средства давления на противника. Россия, находясь в центре этих процессов, сталкивается с необходимостью анализа и понимания новых аспектов информационной войны.

Третий важный аспект – это эволюция технологий манипуляции и пропаганды. Современные технологии, такие как искусственный интеллект, Big Data и deepfake, значительно повышают эффективность манипуляции общественным сознанием, делая информационные атаки более сложными для выявления. Изучение этих новых аспектов информационной войны становится необходимым для разработки соответствующих мер противодействия.

Усиливающееся внешнее давление на Россию со стороны западных стран, проявляющееся в виде санкций, дипломатической изоляции и информационных кампаний по дискредитации российской политики и культуры, делает исследование этой темы ещё более актуальным. В условиях подобного давления критически важно разработать стратегии защиты информационного пространства страны.

Необходимость формирования информационного суверенитета требует от России активного развития собственных информационных ресурсов, укрепления кибербезопасности и повышения уровня медиаграмотности населения. Это, в свою очередь, требует глубокого анализа как старых, так и новых аспектов информационной войны.

Изучением данной проблемы занимаются исследователи различных отраслей науки, но само понятие «информационная война» является публицистическим, в научной литературе его заменяют на более точные формулировки, такие как информационные или психологические операции. Это связано с тем, что сама война предполагает вооруженные действия, которые происходят в ходе конфликта, тогда как операции могут проводиться и в мирное время, интересными, с нашей точки зрения, являются работы по данному аспекту профессора Г. Почепцова.

В 1990-е годы исследования, направленные на разработку сценариев гипотетических войн, достигли нового уровня сложности. Американские военные аналитики, стремясь прогнозировать характер будущих конфликтов на десятилетия вперед, столкнулись с существенными трудностями, связанными с прогнозом эволюции технологий. Эти вызовы привели к смещению аналитического фокуса на изменения в человеческих возможностях. В результате, центральным вопросом стало исследование трансформации сознания солдата и его противника в условиях войн, характеризующихся новыми технологическими и стратегическими реалиями.

В 1995 году Дж. Стейн опубликовал исследование под названием «Информационная война», в котором акцентировал внимание на том, что информационная война связана с концепциями и эпистемологией [1]. Он уточняет, что главная цель информационной войны заключается в воздействии на человеческое сознание, особенно на тех, кто принимает решения о войне и мире, а также тех, кто определяет, где, когда и как использовать стратегические ресурсы и возможности [2].

Стратегия развития общества и переход его в информационную стадию развития достаточно подробно описана Э. Тоффлером в работе «Война и антивоенная», что доказывает – переход к информационной войне не является случайностью, а отражает стратегию развития человечества [3]. И мы видим, как описанные методы ведения эпистемологической войны реализуются против России: дезинформация – обвинения в зверствах, гиперболизация ставок, демонизация и дегуманизация оппонента, поляризация, божественные санкции, мета-пропаганда, культурная инфильтрация, селективное использование данных, кибероперации.

Так, с началом специальной военной операции на Украине зафиксирована масштабная кампания в социальных сетях, направленная на распространение антироссийских настроений и дискредитацию действий российских властей и вооруженных сил. Наблюдалась активность ботов, которые распространяли ложные сведения о якобы масштабных протестах против СВО внутри России, которые на самом деле были либо преувеличены, либо полностью сфабрикованы. Также публиковались поддельные видеоматериалы и фотографии, якобы демонстрирующие разрушения и жертвы среди мирного населения, за которые обвиняли российскую армию. Эта активность была заметна в международных социальных сетях, таких как Twitter и Facebook. Боты использовали хэштеги вроде #RussiaFails или #StopRussia, чтобы сделать

свои сообщения более заметными и создать иллюзию, что весь мир осуждает действия России и т.п.

Поэтому, сегодня, становится важным создание оригинальных стратегий и тактик, а не просто копирование методов, используемых в военных конфликтах или политических столкновениях. В условиях затяжного конфликта, в который постепенно вовлекается всё больше государств, акцент смещается не только на поднятие морального духа военных, но и на работу с людьми в своей стране. Когда американцы пришли к пониманию того, что они входят в длительную войну, их интерес направлен на «операции влияния» на умы. В ходе такой работы ключевым объектом анализа военных экспертов становятся условия, которые делают войну этически оправданной, «справедливой», потому что в современных государствах войны на уничтожение не воспринимаются обществом. Соответственно, делегитимизация войны как метода становится актуальной не только в контексте «цветных революций», но и в военных операциях.

Кроме того, мы видим, как активно используется технология «подмены понятий», для подобной работы в интернет-пространстве работают специалисты, задачей которых является его коррекция, в случае развития ситуации не по плану. Политические психологи оказывают поддержку не только политикам в ходе предвыборной борьбы, но и военным, опираясь на результаты когнитивных исследований, которые активно проводятся западными специалистами. Так, мы видим их работу с президентом Украины и солдатами ВСУ.

Россией сегодня предпринимаются определенные шаги по защите интересов в информационной сфере и обеспечению информационной безопасности, так Президентом Российской Федерации были подписаны указы от 1 мая 2022 г. № 250 «О дополнительных мерах по обеспечению информационной безопасности Российской Федерации» и от 30 марта 2022 г. № 166 «О мерах по обеспечению технологической независимости и безопасности критической информационной инфраструктуры Российской Федерации» [4]. В России завершается создание технической системы противодействия DDoS-атакам, она обеспечит непрерывный мониторинг информационных ресурсов. Начальник аналитического отдела Национальной ассоциации международной информационной безопасности С.В. Коротков, рассказал, что в России нашли способ рассекретить владельцев анонимных Telegram-каналов путем использования специальной нейросети [5]. Работа, безусловно, ведется, но информационная война против России, являясь продолжением давно существующей практики, приобрела новые аспекты в условиях современных технологий и глобализации. В ходе СВО эти аспекты проявились особенно ярко, включая использование кибератак, ботов, дезинформации и пропаганды для дискредитации России на международной арене и внутри страны. Новизна проблемы заключается в масштабе и технологической изощренности методов, что требует от России разработки эффективных стратегий противодействия и защиты информационного пространства. В условиях усиленной информационной агрессии важна не

только оборона, но и активное формирование собственного нарратива, который бы адекватно отражал реальность и способствовал укреплению внутреннего единства и международного понимания позиций России.

Список литературы

1. Дугин А.Г. Антикейменос. Эпистемологические войны. Боги чумы. Великое пробуждение / А.Г. Дугин. – М., 2022.
2. Сулейманова Ш.С., Назарова Е.А. Информационные войны: история и современность / Ш.С. Сулейманова, Е.А. Назарова. – М., 2017.
3. Toffler A. and H. War and anti-war. Survival at the dawn of the 21st century. – London, 1993.
4. Сайт Президент России [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/47796> (дата обращения: 15.08.2024).
5. Коротков С.В. О новом этапе информационной войны Запада / С.В. Коротков [Электронный ресурс]. – URL: <https://csef.ru/oborona-i-bezopasnost/265/o-novom-etape-informacionnoj-vojny-zapada-9685> (дата обращения: 15.08.2024).

Фатьянова И.В., Бондаренко М.Р.
Fatianova I.V., Bondarenko M.R.

ДИСГАРМОНИЯ АМЕРИКАНСКОГО ПОЛИТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА XXI ВЕКА НА ПРИМЕРЕ ПОЛИТИЧЕСКИХ ЭВФЕМИЗМОВ⁵

DISHARMONY OF THE TWENTY-FIRST CENTURY AMERICAN POLITICAL DISCOURSE AS EXEMPLIFIED BY POLITICAL EUPHEMISMS

Аннотация. Данная работа заключается в определении и описании дисгармонии американского политического дискурса XXI века на примере политических эвфемизмов. Исследована риторика президентов США, изучено употребление эвфемизмов для создания определенных образов с целью воздействия на общественное мнение или акцентирование своих политических позиций.

Ключевые слова: американский политический дискурс, дисгармония, эвфемизм, коммуникативное пространство.

Summary. The article deals with defining and describing the disharmony of the XXI-st century American political discourse on the example of political euphemisms. The rhetoric of the US presidents is studied and the use of euphemisms to create certain images, to influence public opinion or to emphasise their political views is identified.

Key words: political discourse, disharmony, euphemism, communicative space.

Мировые перемены в политической и экономической сферах общества обусловили значительные изменения в функционировании английского языка. Политический дискурс играет важнейшую роль в формировании общественного сознания, представляя собой инструмент манипулирования массами и выражение доминирования или дискриминации. Выявление и

⁵ Исследование проводилось по теме государственного задания «Декодирование и интерпретация аксиологической семантики в славянских, германских, романских и кавказских лингвокультурах» (№ госрегистрации 124012400351-9).

описание методов и приемов такого воздействия становятся все более важными в политической лингвистике.

В политическом дискурсе отражаются социальные, политические и культурные особенности его участников, что помогает выявить основные концепции, на которых строится представление о мире и сотрудничестве в данном сообществе.

Характер политического дискурса определяется использованием разнообразных приемов и средств манипулирования и давления, направленных на формирование определенных мнений и установок у адресата.

Политический дискурс представляет собой сложное коммуникативное явление, направленное на борьбу за власть. Он включает в себя текст, как вербализованный результат речи, контекст в виде ситуативного и социокультурного окружения, а также специфические языковые средства, соответствующие целям и задачам политического дискурса.

При обсуждении возможностей манипуляции общественным сознанием в данном виде дискурса, часто используются категории, такие как коммуникативная стратегия, коммуникативная тактика и коммуникативный прием.

Речь политика представляет собой особо структурированный текст, созданный с определенной целью решения коммуникативных задач. Политический текст, обращенный к широкой аудитории, затрагивает актуальные проблемы. Его главной особенностью является функция волеизъявления, где все языковые средства подчинены одной цели – убеждению. Несмотря на то, что оценочный характер присущ всем языковым средствам, политический текст использует определенные грамматические конструкции и экспрессивную лексику для формирования мнения в нужном для адресанта ключе.

Воздействие политического текста реализуется через функционально-стилистические приемы, структурированные в соответствии с личностью и целями. Одним из значимых приемов в американском политическом дискурсе XXI века является использование эвфемизмов. Их целью является избежание конфликтов, скрытие правды и неприятных аспектов реальности путем искажения истины.

В сфере политической лингвистики вопросы, связанные с исследованием эвфемизмов, приобретают все больший интерес [1; 2; 3]. Это объясняется особенностями политического дискурса, где прямое выражение мыслей ограничено из соображений целесообразности, внутривластной дисциплины, политических установок, а также соблюдения моральных, этических, культурных, социальных и др. норм.

С точки зрения политического дискурса процесс эвфемизации становится важным условием для соблюдения политкорректности в речи. Под политкорректностью понимается избегание использования выражений, которые могут быть восприняты адресатом как оскорбительные.

В политической коммуникации применение эвфемизмов также способствует завоеванию поддержки избирателей. Парадоксальным является

тот факт, что, с одной стороны, эвфемизмы помогают скрывать смысл, но, с другой стороны, они ярко выделяют негативный окрас скрытой информации.

В качестве источника языковых фактов нами были выбраны речи президентов США. Рассмотрим примеры из анализируемого материала (таблица 1).

Таблица 1. Цель использования эвфемизмов в речах президентов XXI ст.

Президент	Материал исследования	Пример	Контекст
Джо Байден	September 9, 2021: Remarks on Fighting the COVID-19 Pandemic	“Vaccination requirements” – ‘требования к вакцинации’	“Increase vaccinations among the unvaccinated with new vaccination requirements.”
		“Show a negative test” – ‘показать отрицательный тест’	“Ensure their workforces are fully vaccinated or show a negative test at least once a week.”
Дональд Трамп	October 26, 2020: Swearing-In Ceremony of the Honorable Amy Coney Barrett to the US Supreme Court	“Honored and humbled” – ‘с честью и достоинством’	“I stand here tonight truly honored and humbled.”
		“Made ever clearer” – ‘стать еще более очевидным’	“The confirmation process has made ever clearer to me one of the fundamental differences.”
Барак Обама	June 22, 2011: Remarks on the Afghanistan Pullout	“Fulfilling the commitment” – ‘исполнить обязательство’	“Tonight, I can tell you that we are fulfilling that commitment.”
		“Drawdown from a position of strength” – ‘проигрыш с позиции силы’	“We’re starting this drawdown from a position of strength.”
Джордж Уокер Буш	March 19, 2008: Remarks on the War on Terror	“Popular uprising” – ‘народное восстание’	“...Al Qaida’s brutality and started a popular uprising called the Anbar Awakening.”

Эвфемизмы – это мягкие, менее прямые выражения, которые используются для замедления реакции слушателя на болезненные или неприятные истины. Анализируя речи Джо Байдена, Дональда Трампа, Барака Обамы и Джорджа Уокера Буша можно выделить то, как эти лидеры использовали эвфемизмы для обсуждения сложных и злободневных тем.

Начнем с выступления Джо Байдена от 9 сентября 2021 года, где он говорил о борьбе с пандемией COVID-19:

"Increase vaccinations among the unvaccinated with new vaccination requirements."

Фраза *"Increase vaccinations among the unvaccinated with new vaccination requirements"* включает в себя эвфемизм *"vaccination requirements"* для того, чтобы более мягко выразить идею обязательных вакцинаций.

В данном контексте термин *"vaccination requirements"* означает, что предпринимаются шаги для введения новых требований к вакцинации, возможно, через законодательные акты или политику, чтобы повысить уровень вакцинации среди невакцинированных. Такой выбор формулировки может быть связан с попыткой избежать конфронтации или уменьшения возможного сопротивления со стороны тех, кто может отрицать вакцинацию.

"Ensure their workforces are fully vaccinated or show a negative test at least once a week."

В выше приведенном высказывании эвфемизм *"show a negative test"* используется для описания требования предоставления отрицательного теста на COVID-19 вместо прямого указания на необходимость проведения тестирования.

Использование фразы *"show a negative test"* создает впечатление, что процедура менее обременительна или более дружелюбна, чем просто «пройти тест». Итак, такой выбор формулировки направлен на снижение потенциального сопротивления или негодования со стороны тех, кто может воспринимать обязательное тестирование и вакцинацию как нарушение их личных свобод или приватности.

Д. Трамп в клятве перед судьей А. К. Барретт: (3) *"I stand here tonight truly honored and humbled."*, использует эвфемизм *"honored and humbled"* для выражения своего почтения, благодарности и признательности. В данном контексте эвфемизм помогает придать формальность и уважительность высказыванию.

Слова *"honored"* (почтенный, почётный) и *"humbled"* (смиранный, смирившийся) подчёркивают, что президент чувствует особое уважение и благодарность за предоставленную ему возможность высказаться, учитывая его статус и положение. Использование такой комбинации слов в данном контексте может также служить стратегией создания положительного восприятия о себе в глазах аудитории, придавая образ скромности и признательности говорящему.

(4) *"The confirmation process has made ever clearer to me one of the fundamental differences."*

Использование эвфемизма *"made ever clearer"* придает высказыванию более дипломатичный оттенок. Вместо того чтобы сказать просто «процесс подтверждения позволил мне понять», добавление *"ever clearer"* (еще яснее) подчеркивает, что понимание стало более явным или отчетливым, но при этом сохраняется уважительный и формальный тон. Это может быть использовано для подчёркивания важности полученного опыта и одновременно смягчения

возможной критики или напряженности в контексте различий, о которых идет речь.

Б. Обама в своем выступлении говорил о выводе войск из Афганистана:
“*Tonight, I can tell you that we are fulfilling that commitment.*”

Данная фраза выражает идею того, что на момент высказывания президент выполняет или осуществляет обещание (*commitment*). В данном случае, использование эвфемизма “*fulfilling the commitment*” (выполнять обещание) придает заявлению более позитивный и благородный оттенок. Эвфемизм здесь может использоваться для подчеркивания серьезности и ответственности в выполнении обязательств. Вместо более простой формулировки, такой как «делаем то, что пообещали», использование “*fulfilling the commitment*” может создать впечатление, что обязательства принимаются и выполняются с высоким уровнем ответственности и приверженности данному обещанию.

“*We’re starting this drawdown from a position of strength.*”

В данной фразе “*We’re starting this drawdown from a position of strength*” Б. Обама использует эвфемизм “*drawdown from a position of strength*” для выражения идеи, что начатое сокращение (*drawdown*) происходит из сильной позиции или положения.

Эвфемизм “*drawdown*” может относиться к сокращению численности военных войск или других ресурсов. Употребление этого термина может придать более технический, формальный характер сокращению, что, в свою очередь, может смягчить восприятие такого рода решений. Когда говорится о “*position of strength*” (позиция силы), это может подчеркнуть, что сокращение не связано с отсутствием ресурсов или возможностей, а, напротив, осуществляется с позиции мощи и уверенности в способности поддерживать стратегические цели. Это также может служить средством подчеркивания решительности и умения управлять событиями в сложных ситуациях.

Джордж Уокер Буш в своем выступлении от 19 марта 2008 года говорил о войне с терроризмом:

“*...Al Qaida’s brutality ... started a popular uprising called the Anbar Awakening*”

Президент использовал термин «народное восстание» (“*popular uprising*”), чтобы описать противостояние насилию Аль-Каиды. Этот эвфемизм помогает подчеркнуть силу и решимость местного населения в борьбе против экстремистов.

Проведя исследование официальных публичных выступлений президентов США в XXI в., приходим к выводу, что эвфемизмы играют важную роль в речи политических деятелей, позволяя им обсуждать сложные темы, сохраняя при этом уважительное отношение к аудитории. Эти выражения помогают создать более мягкое и дипломатичное впечатление, что важно в политической сфере. Изучив разнообразные категории эвфемизмов, мы пришли к заключению, что наиболее важной является их способность скрывать и вуалировать, создавая неясные формулировки. Этот прием

позволяет осуществлять манипулирование адресатом и, как следствие, вводит его в заблуждение, лишая возможности полноценно понять суть вопроса.

Список литературы

1. Николаева Н.Н. Функционально-прагматический потенциал эвфемизмов в англоязычном политическом дискурсе / Н.Н. Николаев // Политическая лингвистика. – 2018. – № 3 (69). – С. 55–63.
2. Фатьянова И.В. Языковая личность в контексте англо-американского политического дискурса 21 века (на материале публичных выступлений Дональда Трампа) / И.В. Фатьянова // Мир. Человек. Язык: сб. науч. тр. / Владим. гос. ун-т им. А.Г. и Н.Г. Столетовых ; Донец. нац. ун-т ; Рос. гос. пед. ун-т им. А.И. Герцена, Ин-т иностр. яз. ; Юж федер. ун-т, Ин-т филолог. журн. и межкультурн. Коммуникации. – Владимир: Изд-во ВлГУ, 2019. – С. 80–90.
3. Фатьянова И.В. Американский политический дискурс XX – начала XXI веков: автореф. дис. доктора филол. наук. Донецк, 2022. – 41 с.

СЕКЦИЯ 5. АКСИОЛОГИЧЕСКИЕ И СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ АСПЕКТЫ РОССИЙСКОЙ ПОЛИТИКИ

Внукова Л.Б.
Vnukova L.B.

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ОТНОШЕНИЯ СТУДЕНТОВ ЮГА РОССИИ К ОБРАЗАМ УКРАИНЫ И БУДУЩЕГО ДОНБАССА (НА МАТЕРИАЛАХ ОНЛАЙН-АНКЕТИРОВАНИЯ)⁶

COMPARATIVE ANALYSIS OF THE SOUTH RUSSIA STUDENTS' ATTITUDE TO THE IMAGES OF UKRAINE AND THE FUTURE OF DONBAS (BASED ON THE MATERIALS OF ONLINE SURVEY)

Аннотация. В тезисах анализируются данные онлайн-анкетирования об отношении студентов (содержательная и эмоциональная составляющие) к предложенным рисункам на тему «образ Украины» и «будущее Донбасса». Присутствует поляризация оценочных мнений, выраженных в комментариях к каждому рисунку. Спектр мнений – от патриотичных до осуждающих империализм, у большинства превалирует ценность мира («Мир Донбассу») и отрицательное отношение к войне.

Ключевые слова. Студенчество, молодежь, будущее Донбасса, отношение к Украине, онлайн-анкетирование.

Summary. The theses analyze the data of online survey regarding the attitude of students (meaningful and emotional components) to the proposed drawings on the theme "the image of Ukraine" and "the future of Donbas". There is a polarization of evaluative opinions expressed in the comments to each drawing. The opinions range from patriotic to condemning imperialism. The value of peace ("Peace to Donbas") and negative attitude towards war are prevailing.

Key-words: Students, youth, the future of Donbas, attitude to Ukraine, online survey.

Тема отношения к Украине и Донбассу, безусловно, является чувствительной в современный период. Российское общество после 2022 г. качественно поменяло свое состояние, произошли изменения во всех сферах, особенно это отразилось на идеологической повестке. Поэтому касательно тем социально-политической проблематики, общественных взглядов и настроений обязательно должен учитываться период и метод проведения исследований. Предлагаемый к рассмотрению материал составляют данные 2022-2023 гг. В первом опросе использовался проективный метод (рисунок), позволяющий имплицитно выявить отношение к эмоционально сенситивным темам. Подробнее про это можно почитать в публикации, посвященной анализу результатов исследования в целом [1]. Второй онлайн-опрос, помимо классических вопросов, собирал реакции в форме свободных нарративных ответов на избранные рисунки, отражающие весь спектр мнений. В статье «Отношение к историческим событиям и представления о месте и роли России в современном мире: на материале онлайн-анкетирования» [2] представлен анализ части вопросов анкеты 2023 г. на основе всех полученных данных. С

⁶ Публикация подготовлена в рамках Государственного задания ЮНЦ РАН, № госрегистрации 122020100350-2.

конца мая по начало июля 2023 г. на платформе «Анкетолог» был проведен анонимный опрос, наиболее крупную группу ответивших составили студенты Ростовской области. На представления респондентов могут оказывать значимое влияние возраст, регион проживания и род занятий. Для анализа в данной работе нами была выделена наиболее крупная группа студентов Юга России 132 человека (юношей – 58,3%, девушек – 41,6%), представители Донбасса не были включены в эту группу, так как в исследовании 2022 г. было выявлено значимое различие во взглядах [1]. В следующей работе планируется сравнить ответы жителей Донбасса с общим массивом данных.

Один из открытых вопросов в 2020 г. показал, что примерно половина опрошенных жителей Донбасса выразила желание войти в состав РФ, однако было получено некоторое количество ответов от желающих интегрироваться обратно в Украину или желающих любого мирного разрешения, при этом: «непринципиально в какой стране быть» [3]. Проектное исследование рисунка в 2022 г. также выявило, что в поле присутствуют разные оценочные позиции по отношению к Украине как среди студентов Донбасса, так и среди ростовских студентов. Таким образом, в опросах 2020, 2022 и 2023 гг. фиксируется амбивалентное отношение к Украине. В данной работе мы не ставим целью исследовать количественные характеристики и соотношение групп мнений в обществе, а сфокусируемся на спектре эмоциональных реакций и анализе комментариев, полученных от студентов в ответ на предлагаемые рисунки.

Задание было сформулировано следующим образом: «Предлагаем познакомиться с рисунками студентов на тему «Образ Украины». Почему вы остановились именно на этом изображении? С чем он у вас ассоциируется? Какие чувства и эмоции он у вас вызывает? Как в нескольких словах можно охарактеризовать Украину и/или украинцев?» Из 132 только семь отказов от ответа, и это говорит об открытости опрошенной аудитории. Задание предполагало возможность прокомментировать одно или несколько изображений, и были студенты, давшие отклик на все рисунки. Самый популярный рисунок №4, на втором месте №1 (представлены на рис.1), другие набрали примерно равное количество реакций.

Рис.1. Предложенные в опросе рисунки «Образ Украины» №4 и №1.

Комментарии можно сгруппировать по смыслу и, обобщив, выделить несколько тенденций. В целом реакции на рисунки могут быть поддерживающие, нейтральные и отвергающие, соответственно этому можно сделать опосредованный вывод об эмоциональном отношении к Украине и позиционированию к конфликту. Так, больше всего откликов (41) вызвал аллегоричный рисунок об украинской идентичности. Выраженное в комментариях отношение мы разделили на несколько групп. Во-первых, акцент на иронию, например: «Это уморительно»; «Хороший эмоциональный социальный мем-паттерн» и др. Во-вторых, одобрение и поддержка, выраженная, в том числе, как пренебрежительное отношение к украинскому. Например: «Очень хорошо характеризует непонимание граждан откуда они и навязанное восприятие мира». В-третьих, резкое осуждение рисунка: «Этот момент отражает негативное отношение некоторых русских людей к украинцам, представлять их свиньями бесчеловечно, и это очень негативно и опасно»; «Шутка смешная, ситуация не очень» и др. В-четвертых, неявный или нейтральный, описательный характер как констатация факта: «стереотип об украинцах». Таким образом, даже по откликам на один рисунок из предложенных восьми, проявился широкий спектр мнений – от сочувствия-поддержки или видения украинцев «заблудшими», до эмоционально негативного отклика и осуждения. Все комментарии разделились на четыре равные группы (по 10-11 в каждой), смысл которых помимо обозначенных крайностей можно обобщить как «осуждение», «нейтрально-описательный без эмоциональных реакций», «разделяющие иронию» и «согласие-поддержка». Анализ обратной связи к рисунку №1 показывает схожие тенденции, проявляя спектр мнений – от: «Мне не один рисунок не понравился, я вижу Украину в положительных тонах, а тут одна война» и «Вызывает смешанные эмоции, грусти и отчаяния, страна разваливается и теряет свою силу» – до: «Иностранное вмешательство во внутренние противоречия между братскими народами» или: «Ассоциация с использованием Украины для реализации геноцида славянских народов».

Тема отношения опрошенной молодежи к будущему Донбасса тесно связана с темой отношения к Украине – только четыре отказа из 132, что говорит о высокой степени открытости аудитории как и в предыдущем случае. Рисунок №1 (представлен на рис.2) собрал наибольшее количество реакций обратной связи (58), четыре рисунка №3, №5 (представлены на рис.3), №7, №8 (представлены на рис.4) набрали 30(±2) реакции. Если мы касаемся области социальной психологии, то понимаем, что вера и надежда на хорошее в норме характерны для большинства людей, также как и стремление к лучшему будущему. Поэтому закономерно, что наиболее распространенный комментарий к рисунку – «мир» и аналоги по смыслу. «Остановился на данном рисунке потому, что он больше всего передает положительные эмоции в абстрактной форме. Для меня этот рисунок символизирует мир, который когда-нибудь восторжествует над землями Донбасса, светлое будущее данного региона, но до которого еще так далеко»; «Этот рисунок вызывает у меня радостные эмоции. Я остановился на нём, так как он эстетически красив

и, на мой взгляд, имеет интересную философскую подоплёку. Изображение ассоциируется с единством человека и природы в мире, спокойствии и взаимопонимании».

Рис. 2. Предложенный в опросе Рисунок «Образ будущего Донбасса» №1.

Противоположные по эмоциональному посылу Рисунки №3 (рис.3) и №7 (рис.4) были нацелены на расширение спектра потенциальных мнений. Например, комментарии: «Страх, неопределенность, брошены родиной на произвол судьбы»; «Данный рисунок, на мой взгляд, лучше всего характеризует события, происходящие в Донбассе. Одна власть пришла туда, обещая жителям "золотые горы", но на деле новая власть лишь удовлетворяет свои корыстные интересы. Жители Донбасса же будут страдать при новой власти тех, кого они считали "своими"». Примеры комментариев к Рисунку №7 (рис.4): «Наиболее правдоподобно и без романтизации»; «Тоже вызывает эмоции. Страх, опасность. С одной стороны небрежный рисунок, но если присмотреться становится страшно»; «Рисунок ассоциируется с полем боя, тем, что сейчас происходит со многими городами Донбасса – разруха и отсутствие людей».

Рис. 3. Предложенные в опросе Рисунки «Образ будущего Донбасса» №3 и №5.

Рис. 4. Предложенные в опросе Рисунки «Образ будущего Донбасса» №7 и №8.

Большинство комментариев к Рисунку №8 (рис.4) даны в позитивном ключе, например: «Есть надежда, что так все и будет после завершения боевых действий, что все будет хорошо в составе РФ»; «Хочется верить, в светлое будущее»; «Единственный рисунок, где есть флаг России». Присутствуют и альтернативные эмоционально окрашенные ассоциации: «Тревожно, одиноко, словно закат России».

Рисунок №5 (рис.3) был выбран, чтобы подсветить отношение к теме имперского прошлого России. Часть комментариев отразила наличие имперских взглядов у ответивших: «Патриотично»; «Донбасс ответственен за судьбу России, охрана покоя большой Родины, процветание»; «Демонстрирует и индустриальную сущность Донбасса, и мирное, созидательное сосуществование в империи»; «На фото изображён флаг Российской империи, как символ Великой Русской нации» и др. Подробнее об имперских взглядах в сознании молодежи написано в коллективной монографии «Когнитивно-идеологические матрицы восприятия студентами Юга России современных социально-политических кризисов» [4]. Следует отметить, что ряд комментариев давал негативные коннотации понятию «империализм», что подтверждает ранее высказанный тезис о спектре мнений опрошенных студентов. Предшествующая публикация, посвященная анализу данных онлайн-анкетирования всех возрастных групп, выявила поляризацию мнений в обществе [2], поэтому следует учитывать, что возраст является важным фактором, влияющим на интерес к событиям, связанным с Украиной.

Если проанализировать обратную связь, выраженную студентами на рисунки будущее Донбасса и образ Украины, то можно выделить несколько дискурсивных позиций: у большинства превалирует ценность мира («Мир Донбассу») и отрицательное отношение к войне; значимое количество обозначили патриотичные позиции; часть опрошенных критически относится к пропаганде; некоторая часть разделяет имперские взгляды, другая негативно относится к «империализму», проскальзывает сочувствие Украине в отдельных высказываниях. Поляризация мнений присутствует в комментариях к каждому рисунку, зафиксированное отношение – позитивное и негативное, одобряющее и отрицающее – позволяет сделать вывод об

отсутствии единой позиции среди опрошенных. В дальнейшем предполагается исследовать более глубокий пласт ценностей и корневых убеждений, на которых базируется идеологическая поддержка той или иной позиции. Определение процентного распределения мнений в обществе в целом и среди молодежи в частности требует дополнительных исследований, поскольку динамика отношения к Украине среди студентов и среди других групп российской молодежи остроактуальна и на соотношение мнений, вероятнее всего, повлияло вторжение в Курскую область в августе 2024 г.

Список литературы

1. Внукова Л.Б. Образ России, Украины и Донбасса в опросах студентов Ростова-на-Дону, Донецка и Луганска: анализ результатов пилотного исследования 2022 г. / Л.Б. Внукова // Русский Донбасс: фронты и фронтиры: монография / Р.А. Пупыкин, С.П. Поцелуев, М.С. Константинов и др.; Южный федеральный университет. – Ростов-на-Дону; Таганрог: Издательство Южного федерального университета, 2022. – С. 294–333.
2. Внукова Л.Б. Отношение к историческим событиям и представления о месте и роли России в современном мире: на материале онлайн-анкетирования / Л.Б. Внукова // Социодинамика. – 2023. – № 11. – С. 126–139. DOI: 10.25136/2409-7144.2023.11.68825
3. Внукова Л.Б., Власкина Т.Ю. Самоидентификация жителей Донбасса в контексте социально-политических воззрений: социально-лингвистический аспект / Л.Б. Внукова, Т.Ю. Власкина // Вестник Томского государственного университета. – 2021. – № 463. – С. 73–86.
4. Когнитивно-идеологические матрицы восприятия студентами Юга России современных социально-политических кризисов : коллективная монография / М.С. Константинов, С.П. Поцелуев, Т.А. Подшибякина, П.Н. Лукичѳв, Л.Б. Внукова; Южный федеральный университет. – Ростов-на-Дону; Таганрог: Издательство Южного федерального университета, 2021.

Гогишвили Т.Т.
Gogishvili T.T.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ РЕСОЦИАЛИЗАЦИЯ В УСЛОВИЯХ РАСШИРЕНИЯ ПОЛИТИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА: ОБЗОР СОВРЕМЕННЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ⁷

POLITICAL RE-SOCIALIZATION IN CONDITIONS OF EXPANDING POLITICAL SPACE: A REVIEW OF MODERN RESEARCH

Аннотация: В статье представлены результаты обзора научных исследований процессов и результатов политической ресоциализации граждан в условиях расширения политического пространства РФ (на материалах Республики Крым, Луганской и Донецкой Народных Республик). Сделан вывод о достаточно высокой степени разработанности проблематики ресоциализации в контексте расширения политического пространства РФ, в особенности на примере реинтеграции республики Крым и Донецкой, Луганской Народных Республик и необходимости исследований, отражающих промежуточное состояние

⁷ Исследование выполнено в рамках исследовательского проекта «Стратегии и практики политической ресоциализации новых граждан в условиях расширения политического пространства РФ» (2024, конкурс Экспертного института социальных исследований в сфере общественно-политических наук, Министерства образования и науки РФ, Российской академии наук) в рамках государственного задания FZEN-2024-0013

актуальных трансформаций ценностных установок и представлений, моделей поведения и социально-политического участия, эмоционально-психологической и культурной адаптации граждан четырех новых регионов в пространство РФ.

Ключевые слова: политическая ресоциализация, политическое пространство, новые субъекты РФ

Summary: The article presents the results of a review of scientific research into the processes and results of the political resocialization of citizens in the context of the expansion of the political space of the Russian Federation (based on materials from the Republic of Crimea, Lugansk and Donetsk People's Republics). A conclusion is made about a fairly high degree of development of the problems of resocialization in the context of the expansion of the political space of the Russian Federation, especially on the example of the reintegration of the Republic of Crimea and the Donetsk and Lugansk People's Republics and the need for research reflecting the intermediate state of current transformations of value attitudes and ideas, patterns of behavior and socio-political participation, emotional, psychological and cultural adaptation of citizens of four new regions to the space of the Russian Federation.

Key words: political resocialization, political space, new subjects of the Russian Federation

Ресоциализация как противоречивый процесс включает в себя, с одной стороны, негативные проявления (дезорганизацию, распад усвоенной в ходе предыдущего этапа социализации системы ценностей, установок, паттернов поведения, социальных норм), с другой – позитивные аспекты (формирование новой ценностной модели, взглядов и убеждений, приобщение к социальным образцам, приобретение знаний и навыков), которые укоренились в условиях новой социальной реальности и кардинально отличаются от требований прежней системы [1].

Представления современных ученых о результатах политической ресоциализации имеют непротиворечивый характер. Так, главным результатом ресоциализации представители идентитарного подхода И. С. Семенов [2], В. А. Тишков [3], Л. М. Дробижева [4], А. В. Селезнева [5]) видят укрепление гражданской идентичности, а также формирование политической субъектности жителей России, в частности, новых граждан, нуждающихся в своевременной адаптации к социокультурным и политическим реалиям государства и выстраивании моделей политического поведения в контексте происходящих геополитических трансформаций.

М. Е. Попов результатом когнитивно-ценностной, нормативной, социально-культурной интеграции многонационального общества видит организацию рационального и бесконфликтного взаимодействия между этническими группами и социальными субъектами, существовавшими в условиях данной среды, вновь или впервые вошедшими в нее, что образует основу для укрепления общественной солидарности и гражданской идентичности [6].

Итогом процесса ресоциализации является формирование в принципиально новых условиях компетентного гражданина, осознающего ценность общественно-политического участия и необходимость формирования знаний о государстве и активной гражданской позиции, а также выстраивание единой ценностной основы, определяющей степень

консолидации общества, уровень гражданской идентичности и готовность противостоять вызовам и угрозам внешней среды.

Результаты ресоциализации жителей Крыма как региона, продемонстрировавшего опыт успешного воссоединения с РФ, нашли отражение в результатах опросов общественного мнения. Так, в 2015 году согласно данным ФОМ 84% жителей Крыма и 78% – Севастополя положительно высказались о промежуточном социально-экономическом состоянии в регионе в рамках реинтеграции, и более 60% опрошенных отметили улучшение ситуации в регионе [7]. Данная ситуация иллюстрирует положительное восприятие перемен и социально-экономических условий в системе адаптации к российским реалиям.

Содержательный анализ результатов ресоциализационных процессов невозможен без особого внимания к новым субъектам РФ, жители которых в настоящий момент проходят этап адаптации к новым реалиям и стадию ценностной, когнитивной, эмоционально-психологической перестройки, в результате чего внимание научного сообщества и государства сосредоточено на изучении трансформации взглядов, представлений и жизненных ориентиров новых граждан, в частности, их политической картины мира и осознания себя в качестве субъекта социально-политических отношений.

Согласно результатам исследования А. Ю. Домбровской и В. А. Лукушина, содержательный анализ информационного контента в социальных медиа ЛНР и ДНР продемонстрировал небольшие, но весьма значимые расхождения в карте ценностных ориентиров российского общества и регионального сообщества на фоне воссоединения республик с РФ. Так, особенности формирования региональной идентичности в новых субъектах содержат преобладание фундаментальных ценностей (безопасность, достаток, комфорт), что обусловлено посттравматическим опытом новых граждан и стремлением к созданию условий для обеспечения личной безопасности; приоритет ценности личной жизни и индивидуализма в сопоставлении с национальными идеями и общественными интересами; неполнота признания ценности сохранения статуса мировой державы; критическое восприятие актуального этапа развития регионов сквозь призму социально-экономических и бытовых проблем. Данные выводы могут послужить основой для дальнейшего глубинного изучения ресоциализационных процессов в новых регионах, а также опорным материалом для деятельности органов власти, включенных в обеспечение условий для успешной интеграции новых граждан РФ и формирование единого ценностно-информационного пространства [8].

В условиях масштабирования пространства РФ и установления диалога между регионами, все больший интерес обретает выявление и отслеживание динамики оценки взаимного восприятия населения Донбасса и жителей других субъектов России. В этой связи в 2015 году на фоне событий в Крыму Социологический центр «Особый статус» проводил опрос с выборкой 5900 респондентов, где 40% жителей ДНР высказали желание войти в состав Российской Федерации, а 18% отметили потребность в создании союзного

государства в лице РФ и ДНР, 17% выступили за независимость и лишь 11% – за возврат в состав Украины [9]. По данным исследования за 2018 год, проведенного в Донецке, 89,1% опрошенных хотели стать гражданами РФ и получить документ о гражданстве [10]. Согласно украинскому portalу «Зеркало недели», в 2019 году 64,3% жителей ДНР и ЛНР также желали воссоединения с Россией, а 18,5 – с Украиной [11]. Данные показатели подтвердились результатами опроса, проведенного в 2020 году западными исследователями, где интеграцию в РФ отмечало в большей мере молодое население Донбасса и этнические русские [12]. В 2022 году ВЦИОМ проводил телефонный опрос, в результате чего были опрошены 1600 человек. Выяснилось, что 73% поддерживают признание независимости двух республик, и меньшинство – 16% не поддерживают принятое Президентом РФ В. В. Путиным решение [13]. В результате все представленные как зарубежными, так и отечественными исследовательскими центрами данные отражают позитивное восприятие гражданами РФ воссоединения с ДНР и ЛНР, основываясь на принципе единства народов РФ и стремлении к консолидации в условиях нарастающих вызовов и угроз, что подчеркивает успешность процесса ресоциализации новых граждан РФ.

Таким образом, на основе проанализированных исследований можно сделать вывод о достаточно высокой степени разработанности проблематики ресоциализации в контексте расширения политического пространства РФ, в особенности на примере реинтеграции республики Крым и Донецкой, Луганской Народных Республик. Однако наблюдается недостаточность данных, отражающих промежуточное состояние актуальных трансформаций ценностных установок и представлений, моделей поведения и социально-политического участия, эмоционально-психологической и культурной адаптации граждан четырех новых регионов в пространство РФ, что представляется интересным для академического сообщества и двухуровневой системы органов власти. Подчеркнем, что изучение динамики ресоциализационных процессов в Херсонской и Запорожской областях остается неразвитым направлением. Объяснением этому могут быть активные боевые действия, ведущиеся в некоторых районах регионов, а также низкая доля исследовательской активности, что требует внимания академического сообщества.

Список литературы

1. Савина О.О., Баранова В.А. Современные подходы к идентичности в аспекте проблем ресоциализации / О.О. Савина, В.А. Баранова // *Личность в экстремальных условиях и кризисных ситуациях жизнедеятельности*. – 2019. – №. 8. – С. 107–112.
2. Семененко И.С. Гражданская идентичность / И.С. Семененко // *Идентичность: Личность, общество, политика : энциклопедическое издание* / отв. ред. И. С. Семененко ; ИМЭМО РАН. – Москва : Весь Мир, 2017. – С. 354–358.
3. Тишков В.А. Нация, национализм и нациестроительство / В.А. Тишков // *Россия в глобальной политике*. – 2021. – Т. 19. № 2. – С. 42–62.
4. Дробижева Л.М. Динамика гражданской идентичности и ее ресурс в позитивных интеграционных процессах российского общества / Л.М. Дробижева // *Мониторинг*

- общественного мнения: экономические и социальные перемены. – 2017. – № 4. – С. 7–22.
5. Селезнева А.В. Политические представления российских старшеклассников в контексте гражданского воспитания и формирования политической культуры / А.В. Селезнева // Ценности и смыслы. – 2012. – № 5 (21). – С. 112–121.
 6. Попов М.Е. Социокультурная интеграция / М.Е. Попова. – 2015. – № 2 (28). – С. 40–46.
 7. Большинство жителей Крыма довольны положением дел в регионе // РБК : официальный сайт [Электронный ресурс]. – 2015. – URL: <https://www.rbc.ru/rbcfreenews/5554476c9a794782b3182c54> (дата обращения: 02.08.2024).
 8. Домбровская А.Ю., Лукушин В.А. Цифровой контент социокультурной интеграции ЛНР и ДНР: результаты когнитивного картирования / А.Ю. Домбровская, В.А. Лукушин // Власть. – 2023. – Т. 31. № 5. – С. 38–45.
 9. Более 40% жителей ДНР высказались за присоединение к России — соцопрос // Донецкое агентство новостей : официальный сайт [Электронный ресурс] – URL: <http://dan-news.info/obschestvo/bolee-40-zhitelej-dnr-vyskazalis-za-prisoedinenie-k-rossii-socopros.html> (дата обращения: 05.08.2024).
 10. Опрос: сколько жителей ДНР хотят получить гражданство России // Русская весна: сетевое издание : официальный сайт [Электронный ресурс] – URL: <http://rusvesna.su/news/1547791128> (дата обращения: 03.08.2024).
 11. Мардан С. Результаты опроса жителей Донбасса повергли Киев в шок / С. Мардан // РИА-Новости : официальный сайт [Электронный ресурс] – URL: <https://ria.ru/20191112/1560806939.html> (дата обращения: 05.08.2024).
 12. O'Loughlin J., Sasse G., Toal G., Bakke K.M. A New Survey of the Ukraine-Russia Conflict Finds Deeply Divided Views in the Contested Donbas Region. Many in the Breakaway Territory See a Future with Russia // The Washington Post [Электронный ресурс]. URL: <https://www.washingtonpost.com/politics/2021/02/12/new-survey-ukraine-russia-conflict-finds-deeply-divided-views-contested-donbasregion/> (дата обращения: 05.08.2024).
 13. Признание Донбасса: данные первого опроса // ВЦИОМ : официальный сайт [Электронный ресурс]. – URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskiy-obzor/priznanie-donbassa-dannye-pervogo-oprosa> (дата обращения: 03.08.2024).

Дерюгин П. П., Бакулин А. В., Петрова Е. М.
Deriugin P. P., Bakulin A.V., Petrova E. M.

ЦЕННОСТНЫЕ ОРИЕНТАЦИИ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ В РОССИЙСКИХ РЕГИОНАХ: ПУТЬ К УСТОЙЧИВОМУ РАЗВИТИЮ И СОЦИАЛЬНОЙ ИНТЕГРАЦИИ В УСЛОВИЯХ ДОПОЛНЕННОЙ СОВРЕМЕННОСТИ⁸

VALUE ORIENTATIONS OF STUDENTS IN RUSSIAN REGIONS: THE PATH TO SUSTAINABLE DEVELOPMENT AND SOCIAL INTEGRATION IN THE CONTEXT OF AUGMENTED MODERNITY

Аннотация. В статье рассматриваются ценностные ориентации молодежи как ключевой фактор устойчивого развития регионов России в условиях перехода к дополненной современности. Подчеркивается, что успешная интеграция ценностей молодежи в стратегии регионального развития может способствовать социальному прогрессу и укреплению социальной солидарности.

⁸ При финансовой поддержке гранта РНФ № 24-18-00261 Социоструктурная модель перехода российского общества в режим дополненной современности.

Ключевые слова: Ценностные ориентации, дополненная современность, социальная интеграция, социокультурные изменения, терминальные и инструментальные ценности, солидарность

Summary. The article examines the value orientations of youth as a key factor in the sustainable development of Russian regions in the context of the transition to augmented modernity. It is emphasized that the successful integration of youth values into regional development strategies can contribute to social progress and strengthen social solidarity.

Key-words: Value orientations, augmented modernity, social integration, socio-cultural changes, terminal and instrumental values, solidarity

Введение

Современное российское общество находится на пороге значительных социокультурных изменений, вызванных переходом к дополненной современности. Этот процесс предполагает интеграцию цифровых технологий в повседневную жизнь и трансформацию форм социального взаимодействия [1, с. 54]. Важным аспектом этого перехода являются ценностные ориентации молодежи, которые оказывают значительное влияние на адаптацию и развитие регионов в условиях новых социокультурных реалий. В данной статье рассмотрим, как ценностные ориентации молодежи в разных регионах России способствуют устойчивому развитию и социальной интеграции, опираясь на теоретические концепции.

Теоретическое обоснование: концепция ценностных ориентаций

Ценностные ориентации (ЦО) играют ключевую роль в формировании и развитии личности. В социологической теории, разработанной В.А. Ядовым, ценностные ориентации рассматриваются как высший уровень диспозиционной иерархии, который определяет долгосрочные цели и идеалы личности [2, с. 67]. Ядов подчеркивает системный характер ЦО, утверждая, что общая направленность интересов личности формирует «целостную подструктуру» диспозиционной системы [3, с. 88]. Эта направленность организует систему ориентаций личности в социальной действительности и выполняет роль внутреннего ядра ценностно-ориентационной системы.

На основе исследований В.А. Ядова, можно выделить две ключевые составляющие ценностных ориентаций: терминальные и инструментальные ценности [4, с. 104]. Терминальные ценности представляют собой долгосрочные цели и идеалы, такие как мир, семья, и свобода. Эти ценности являются основой для формирования инструментальных ценностей, которые определяют нормы и стандарты поведения, необходимые для достижения терминальных целей [5, с. 136]. Например, честность и ответственность могут быть инструментальными ценностями, поддерживающими достижение жизненных идеалов.

Методика американского психолога Милтона Рокича, адаптированная Ядовым для советских реалий, позволила выявить иерархическую структуру ценностей. Согласно данным Рокича, терминальные ценности имеют большую устойчивость по сравнению с инструментальными ценностями, которые могут меняться под влиянием социальных условий [5, с. 136-137].

Эти теоретические подходы позволяют глубже понять природу ценностных ориентаций и их влияние на поведение и развитие личности в социуме. Применение концепции Ядова к изучению молодежи в различных российских регионах дает возможность увидеть, как ценностные ориентации способствуют социальному прогрессу и интеграции.

Так, переход к дополненной современности более заметен в крупных суперурбанизированных центрах, таких как Москва и Санкт-Петербург, где цифровые технологии и сетевые взаимодействия стали неотъемлемой частью жизни. Молодежь в этих городах адаптирована к использованию новых технологий, что возможно отражается в их ценностных ориентациях. В этих регионах молодежь активно использует цифровые платформы для обучения, профессионального развития и социальной активности [6, с. 305]. Однако, несмотря на высокую степень адаптации к цифровой среде, существует риск утраты традиционных ценностей и социальных связей, что может привести к социальной разобщенности и напряженности.

В индустриальных регионах России, таких как Татарстан и Свердловская область, переход к дополненной современности происходит медленнее [6, с. 305]. Здесь активное освоение новых технологий часто сопряжено с сохранением устойчивых социальных норм и профессиональных ориентиров. Молодежь в этих регионах, как правило, ориентирована на прагматизм, профессиональный рост и адаптацию к новым экономическим условиям. Эти ценности поддерживают развитие инновационных и предпринимательских инициатив, что способствует экономическому прогрессу регионов.

В агро-рекреационных регионах, таких как Краснодарский край и Крым, сохраняются традиционные социальные институты, такие как семейные связи и локальные сообщества. Эти институты играют ключевую роль в поддержании социальной солидарности. Однако традиционные ценности могут препятствовать адаптации молодежи к новым условиям дополненной современности, создавая разрыв между традиционными и современными ценностями. Это может затруднять социальную интеграцию и замедлять региональное развитие.

Таким образом, ценностные ориентации молодежи играют важную роль в обеспечении устойчивого социального и экономического развития регионов. В условиях дополненной современности, когда цифровые технологии и новые формы коммуникации оказывают значительное влияние на социальные процессы, важно учитывать, как ценности молодежи могут способствовать или препятствовать социальному прогрессу.

Социальная интеграция, основанная на общих ценностях, таких как справедливость, взаимопомощь, толерантность и уважение к правам человека, является важным условием для создания сплоченного и стабильного общества. Молодежь, разделяющая эти ценности, будет стремиться к активному участию в общественной жизни, что способствует укреплению социальной солидарности и предотвращению социальных конфликтов.

Вместе с тем, ценности, ориентированные на карьерный успех, материальное благополучие и личные достижения, могут способствовать экономическому развитию регионов, стимулируя предпринимательскую активность и инновационное развитие. Однако, если эти ценности не сбалансированы с социальными ценностями, они могут приводить к росту неравенства и социальной напряженности.

Примеры успешной интеграции ценностных ориентаций молодежи в стратегию развития регионов можно увидеть в таких проектах, как создание молодежных инициатив и волонтерских движений, направленных на решение социальных проблем. Эти проекты не только способствуют развитию регионов, но и формируют у молодежи чувство гражданской ответственности и солидарности, что является важным фактором для устойчивого развития.

Заключение

В условиях дополненной современности, когда цифровые технологии и глобализация оказывают влияние на все сферы жизни, ценностные ориентации студенческой молодежи становятся важным фактором устойчивого развития регионов России. Терминальные и инструментальные ценности, формируемые под воздействием семьи, образования и средств массовой информации, определяют не только личные цели и поведение молодых людей, но и их отношение к социальным и экономическим процессам.

Для успешного развития регионов России важно учитывать региональные различия в ценностных ориентациях молодежи и интегрировать эти ценности в стратегии социально-экономического развития. Исследование ценностных ориентаций и их влияние на социальные процессы представляет собой важное направление для дальнейших социологических исследований, которые помогут лучше понять механизмы социальной интеграции и устойчивого развития в условиях современных социокультурных изменений.

Список литературы

1. Иванов Д.В. Дополненная современность: эффекты постглобализации и поствиртуализации / Д.В. Иванов // Социологические исследования. – 2020. – № 5. – С. 44–55. – DOI 10.31857/S013216250009397-9
2. Саморегуляция и прогнозирование социального поведения личности : Диспозиционная концепция. 2-е расширенное изд. – М. : ЦСПиМ, 2013. – 376 с.
3. Лапин Н.И. Проблема ценностей в исследованиях В.А. Ядова и его коллег / Н.И. Лапин // Экономическая социология. – 2009. – №3. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problema-tsennostey-v-issledovaniyah-v-a-yadova-i-ego-kolleg> (дата обращения: 18.08.2024).
4. Кох И.А., Алексеева Л.А. Терминальные и инструментальные ценности в структуре профессионально-ценностных ориентаций студенческой молодежи / И.А. Кох, Л.А. Алексеева // Вопросы управления. – 2018. – №2 (32). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/terminalnye-i-instrumentalnye-tsennosti-v-strukture-professionalno-tsennostnyh-orientatsiy-studencheskoy-molodezhi> (дата обращения: 18.08.2024).

5. Смирнова М.В. Методика диагностики терминальных ценностей личности / М.В. Смирнова // Вестник Самарской гуманитарной академии. Серия: Психология. – 2011. – №2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/metodika-diaagnostiki-terminalnyh-tsennostey-lichnosti> (дата обращения: 18.08.2024).
6. Дорошенко С.В., Макарова М.Н. Оценка адаптации населения регионов России к цифровым технологиям / С.В. Дорошенко, М.Н. Макарова // Экономика региона. – 2022. №1. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/otsenka-adaptatsii-naseleniya-regionov-rossii-k-tsifrovym-tehnologiyam> (дата обращения: 18.08.2024).

Карпов А. Ю.
Karpov A. Y.

ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ: ПОНЯТИЕ И ВОЗМОЖНОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ В ИССЛЕДОВАНИЯХ ПОЛИТИКО- АДМИНИСТРАТИВНОЙ ЭЛИТЫ

HUMAN POTENTIAL: CONCEPT AND POSSIBILITIES OF USE IN STUDIES OF POLITICAL AND ADMINISTRATIVE ELITE

Аннотация: Статья посвящена обзору и систематизации подходов к анализу человеческого потенциала и человеческого капитала политико-административных элит в современном научном дискурсе. Автор дифференцирует понятия и ставит вопрос о возможности использования междисциплинарного подхода в процессе разработки концептуальной модели исследования человеческого капитала политико-административной элиты.

Summary: The article is devoted to the review and systematization of approaches to the analysis of human potential and human capital of political and administrative elites in modern scientific discourse. The author differentiates the concepts and raises the question of the possibility of using an interdisciplinary approach in the process of developing a conceptual model for studying the human capital of the political and administrative elite.

Ключевые слова: элита, политико-административная элита, человеческий потенциал, человеческий капитал

Keywords: elite, political and administrative elite, human potential, human capital

Постановка проблемы. В современном публичном дискурсе обозначен запрос российской власти о новых требованиях и новом качестве управления и управленцев в новых геополитических условиях и обстоятельствах. Этот запрос отвечает и запросу общества к управляющим, который демонстрируют опросы общественного мнения. В связи с этим важно понять, чем именно современная наука может ответить на социальный запрос общества? Есть ли в арсенале современного социально-гуманитарного знания инструменты осмысления эффективного управления в новой реальности?

Методология и методы. Цель данной статьи – дать систематический обзор исследований категорий «человеческий капитал» и «человеческий потенциал» политико-административных элит и показать возможности использования данных концептов в политической науке.

Представления о человеческом потенциале и капитале в социальных науках. Научный интерес к изучению категории «человеческий потенциал» стал очевидным в XX веке, теоретическую основу этих исследований составили труды А. Маслоу [1] и У. Джемса [2]. Измерение человеческого

потенциала сводилось к концепции «пиковых переживаний», предполагающих оптимальное состояние человека, при котором его потенциальные возможности укрепляются и активизируются. У. Джемс акцентировал внимание научного сообщества на поиске технологий совершенствования человеческого потенциала и методов его реализации [3].

О соотношении человеческого потенциала и человеческого капитала размышляли классики экономической науки (Т. Шульц [4], Г. Беккер [5], Л. Туроу [6]). Образование и практический опыт как факторы, определяющие эффективность человеческих ресурсов и перспективу экономического роста, рассматривали в работах Э. Долан и Дж. Линдсей [7], С. А. Курганский [8], Р. И. Капелюшников [9], а также А. И. Добрынин, С. А. Дятлов и Е. Д. Цыренова [10], которыми подчеркивается ценность интеллектуального потенциала в формировании человеческого капитала [11].

Теоретические разработки концептов «человеческого потенциала» и «человеческого капитала» в экономической науке заложили содержательные и концептуальные основы для использования этих категорий не только в современной экономике, но и за ее пределами, в широком междисциплинарном поле.

Понятия «человеческий потенциал» и «человеческий капитал» в современном научном дискурсе. На данный момент в научном дискурсе не представлено единого подхода к определению понятия «человеческий потенциал», разночтение дефиниций в экономической, социальной, политической и других науках создает широкое предметное поле для изучения.

По определению И.В. Соболевой [12], человеческий потенциал представляет собой совокупность накопленных запасов физического и духовного здоровья, уровня профессиональной компетенции, культурного развития, а также творческой, гражданской и экономической активности, что позволяет удовлетворять дифференцированные потребности социальных групп в различных сферах общественной жизни [13].

Т. И. Заславская утверждает, что человеческий потенциал включает профессиональные компетенции и «сыгранность» участников общественных отношений, формы гражданского участия и коллективный дух [14].

Следует согласиться с позицией В. В. Давыдова и А. Ю. Быстрицкой, подчеркивающих взаимодополняющее использование категорий «человеческий капитал» и «человеческий потенциал». Ученые определяют человеческий потенциал как фундамент социально-экономического развития, в то время как человеческий капитал является результатом воспроизводства социально-экономических благ и их использования [15].

Таким образом, анализ современного научного дискурса позволяет нам констатировать востребованность концептов «человеческий потенциал» и «человеческий» капитал для понимания эффективности функционирования всех компонентов социальной системы, в том числе, политической сферы; о определить человеческий потенциал как многообразие явных и скрытых человеческих свойств [параметров физического и духовного здоровья, профессиональной компетенции, социальной активности], необходимых для

удовлетворения социальных потребностей в различных сферах общественной жизни и определяющих динамику и направление социального развития, возможностей самореализации и актуализации способностей в социально-преобразовательной деятельности, как фундамент развития той или иной отрасли, а человеческий капитал как результат развития, а также факторы, способствующие потенциала и трансформации его в капитал.

Человеческий потенциал и капитал политической элиты. Исследованием человеческого капитала российской политической элиты занимались А. С. Быстрова [16], Я. А. Пляйс [17], Е. Б. Шестопап [18], А. В. Дука, О. В. Гаман-Голутвина, Д. Б. Тев [16], П. В. Панов [19], А. М. Старостин [20] и многие другие, внесшие значительный вклад в институционализацию и оформление социологического и политологического подходов к изучению элиты. В трудах Ю. В. Усовой [21] политическая элита рассматривается в контексте эффективности управленческой деятельности в случае соблюдения ряда критериев: способности к своевременным ответам на внешние угрозы и вызовы; мобилизации гражданских, информационных, экономических, духовных ресурсов для достижения целей; координации отдельных компонентов управленческой структуры при сохранении ее целостности; отражении в принятии политических решений общепризнанных ценностей; сочетании традиционных особенностей региональной элиты и установленных политических норм; представлении интересов населения и вовлечении граждан в политический процесс; гибкости и оперативности институциональной системы [21].

Ключевым фактором достижения успеха в социально-политическом развитии является воспроизводство кадрового потенциала и востребованность его профессиональных компетенций, развитие лидерских качеств, формирование системы нравственных ценностей в политическом процессе. По мнению А. И. Турчинова, человеческий потенциал элиты включает квалифицированных и «болеющих за интересы общества» представителей политико-административной системы, что является национальным достоянием и требует рационального подхода к управлению [22].

Е. Б. Шестопап связывает качество изменений в российской политической системе с развитием накопленного человеческого потенциала, к которому с позиции политической науки можно отнести совокупный политический опыт, уровень профильного образования и карьерные траектории, успешно пережитые кризисные периоды, тип политической социализации, обладание стратегическим мышлением и рефлексией [18].

А. П. Кочетков [23], О. В. Крыштановская [24], И. А. Андросенко [25] рассматривали влияние социально-политических трансформаций на усиление роли профессионализма и компетенций в системе государственного управления.

В настоящее время человеческий капитал является двигателем цифровизации, инструментом наращивания объемов производства, способом достижения стратегических целей и национальных приоритетов. Помимо указанных факторов, оптимизация человеческих ресурсов политико-

административной элиты становится существенным направлением в современной системе государственного управления Российской Федерации [26].

Влияние властных структур на общественную модернизацию предполагает использование инновационной активности, обеспечивающей, по мнению О. В. Гаман-Голутвиной, открытость к демократическим изменениям и возникновению новых форм социального взаимодействия. Автор вслед за Л. Харрисоном отмечает социокультурные черты, способствующие социальной динамике: образование, общественная солидарность, раскрытие человеческих способностей, труд и социальная активность, наличие социальных норм, а также принцип разделения властей и светский характер государства [27]. Так, персонифицированные качества политической элиты формируют ее человеческий капитал и оказывают влияние на инновационный потенциал управленческой системы.

Заключение. Многопрофильная структура человеческого потенциала и возможности его актуализации обуславливают проблему формирования единого методологического подхода к исследованию данной темы в пространстве современной науки. Социологический подход ограничивается выделением взаимосвязанных элементов потенциала и определению системы индикаторов оценивания, что создает достаточно пеструю структуру теоретических и методологических основ для изучения. Экономический подход базируется на человеческих ресурсах в процессе достижения устойчивого экономического развития, что сужает горизонты всестороннего изучения человеческого потенциала в среде формирования человеческого капитала. Политологический подход призван концентрироваться на человеческом потенциале управленческих структур, реализуемом в рамках политического процесса и выработке политико-административных решений в условиях социально-политических трансформаций. В этой связи встает правомерный вопрос о возможности использования междисциплинарного подхода в процессе разработки концептуальной модели исследования человеческого капитала политико-административной элиты с целью выработки практик и технологий его наращивания.

Список литературы

1. Маслоу А.Х. Мотивация и личность / пер. с англ. А.М. Татлыбаевой. – СПб.: Евразия, 1999. – 478 с.
2. James W. The Principles of Psychology. – New York: Dover Publications, 1950. – 720 p.
3. Селезнев П.С., Кашин Е.А. Мировые подходы к оценке человеческого потенциала / П.С. Селезнев, Е.А. Кашин // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. – 2021. Т. 11, № 5. – С. 35–39. – doi.org/10.26794/2226-7867-2021-11-5-35-39.
4. Schulz T. Capital Formation bi Edukathion // Journal of Politikal Economu. 1960. Vol. 68.
5. Беккер Г.С. Человеческое поведение: экономический подход / пер. с англ. под ред. Р.П. Капелюшников, М.И. Левина. – М.: ГУ-ВША, 2003. – 985 с.
6. Thurow L. Investment in Human Capital. Belmont: Wadsworth Pub. Co, 1970. 145 p.
7. Dolan E., Lindsay D. Market: Microeconomic Model. St. Petersburg, 1992. 477 p.

8. Курганский С.А. Структура человеческого капитала и его оценка на макроуровне / С.А.Курганский // Известия Иркутской государственной экономической академии. – 2011. – № 6. – С. 15–22.
9. Капелюшников Р.И. Сколько стоит человеческий капитал России? / Р.И. Капелюшников. – М.: Высшая школа экономики, 2012. – 76 с.
10. Добрынин А.И., Дятлов С.А., Цыренова Е.Д. Человеческий капитал в транзитивной экономике: формирование, оценка, эффективность использования / А.И. Добрынин, С.А. Дятлов, Е.Д. Цыренова. – СПб.: Наука, 1999. – 312 с.
11. Мокронос А.Г., Крутин Ю.В. Человеческий капитал или человеческий потенциал / А.Г. Мокронос, Ю.В. Крутин // Идеи и идеалы. – 2017. – № 2 [32]. – С. 80–89. – doi.org/10.17212/2075-0862-2017-2.2-80-89.
12. Соболева И.В. Человеческий потенциал российской экономики: проблемы сохранения и развития / И.В. Соболева. – М.: Наука, 2007. – 202 с.
13. Бабинцев В.П., Куркина М.П. Человеческий потенциал как научная категория / В.П. Бабинцев, М.П. Куркина // НОМОТНЕТКА: Философия. Социология. Право. – 2012. – № 8 [127]. – С. 223–229.
14. Заславская Т.И. Человеческий потенциал в современном трансформационном процессе / Т.И. Заславская // Общественные науки и современность. – 2005. – № 3. – С. 5–16.
15. Давыдов В.В., Быстрицкая А.Ю. Взаимосвязь понятий «человеческий потенциал» и «человеческий капитал» / В.В. Давыдов, А.Ю. Быстрицкая // Известия Юго-Западного государственного университета. – 2013. – № 2 [47]. – С. 78–81.
16. Быстрова А.С., Даугавет А.Б., Дука А.В., Колесник Н.В., Невский А.В., Тев Б.Д. Инфра-ресурсы региональных политических элит / А.С. Быстрова, А.Б. Даугавет, А.В. Дука, Н.В. Колесник, А.В. Невский, Б.Д. Тев // Южно-российский журнал социальных наук. – 2020. – Т. 21, № 2. – С. 6–25. – doi.org/10.31429/26190567-21-2-6-25.
17. Пляйс Я.А. Почему России нужна новая элита? / Я.А. Пляйс // Обозреватель. – 2015. – № 2. – С. 57–67.
18. Шестопап Е.Б. Субъективные параметры оценки российской политической элиты / Е.Б. Шестопап // Элитология России: современное состояние и перспективы развития. – 2013. – Т. 1. – С. 49–58.
19. Панов П.В. Политический порядок и проблема воспроизводства власти: институт преемника / В.П. Панов // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭК. – 2010. – Т. 6, № 3. – С. 19–33.
20. Старостин А.М. Эффективность деятельности административно-политических элит: критерии оценки и анализ состояния в современной России / А.М. Старостин. – Ростов-н/Д.: СКАГС, 2003. – 365 с.
21. Усова Ю.В. Административно-политические элиты современной России в региональном измерении / Ю.В. Усова // Вопросы элитологии. – 2020. – № 4. – С. 122–137. – DOI:10.46539/elit.v1i4.40.
22. Турчинов А.И. Кадровая политика и административно-политическая элита современной России / А.И. Турчинов // Элитология России: современное состояние и перспективы развития. – 2013. – Т. 1. – С. 68–76.
23. Кочетков А.П. Демократия и элиты / А.П. Кочетков. – М.: ПрофЭко, 2009. – 176 с.
24. Крыштановская О.В. Анатомия российской элиты / О.В. Крыштановская. – М.: Захаров, 2005. – 381 с.
25. Андросенко И.А. Формирование российской политической элиты как фактор эффективного государственного управления / И.А. Андросенко // Вестник государственного и муниципального управления. – 2016. – № 3 [22]. – С. 30–33. <https://doi.org/10.12737/22387>.
26. Силантьев А.В., Зеленина Э.А. Развитие человеческого капитала в условиях цифровизации экономики / А.В. Силантьев, Э.А. Зеленина // Baikal Research Journal. – 2022. – Т. 13, № 3. – С. 35. – doi.org/10.17150/2411-6262.2022.13[3].35.

27. Даугавет А.Б., Дука А.В., Тев Д.Б. Региональные властные группы: основные социально-структурные характеристики и инновационный потенциал / А.Б. Даугавет, А.В. Дука, Д.Б. Тев // Власть и элиты. – 2016. – Т. 3. – С. 121–186.

Ладыга Л.И.
Ladyga L.I.

РЕАЛИЗАЦИЯ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ РАЗВИТИЯ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА

THE REALIZATION OF HUMAN RIGHTS THROUGH THE PRISM OF THE DEVELOPMENT OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE

Аннотация. В статье анализируется использование технологий искусственного интеллекта и его влияние на реализацию прав человека. Обосновывается необходимость обязательной регламентации принципа недопустимости нарушения прав человека, при использовании искусственного интеллекта, сотрудничества органов государственной власти, международных организаций и гражданского общества в целом.

Ключевые слова: права человека, искусственный интеллект, цифровизация.

Summary. The article analyzes the use of artificial intelligence technologies and its impact on the realization of human rights. The necessity of mandatory regulation of the principle of inadmissibility of human rights violations when using artificial intelligence, cooperation of public authorities, international organizations and civil society in general is substantiated.

Key-words: human rights, artificial intelligence, digitalization.

Двадцать первый век – время инновационных технологий, открывающих новые возможности для развития всех сфер жизнедеятельности страны. Вопрос искусственного интеллекта, в недалеком прошлом казавшийся фантастическим, сегодня, в условиях стремительного развития технологий, становится повседневным.

Искусственный интеллект как уникальный результат технического прогресса, позволяет машинам учиться, использовать человеческий и собственный опыт, адаптироваться к новым условиям, выполнять разноплановые задачи, прогнозировать и моделировать события, оптимизировать ресурсы различного характера. Так называемый алгоритм – последовательность действий решения поставленной задачи, остается неизвестным.

Наряду с огромными перспективами, открывающимися человечеству с развитием и использованием искусственного интеллекта, существует высокая степень опасности для общества. Осознавая угрозы прогресса технологий искусственного интеллекта, отдельные ученые бьют тревогу, требуя установления строгого контроля за их внедрением. О возможных рисках открыто говорят и те, кто на этих технологиях зарабатывает. Так, в частности, генеральный директор Tesla Motors Илон Маск заявил, что искусственный интеллект «потенциально опасней ядерного оружия», а английский физик Стивен Хокинг прозвал искусственный интеллект «величайшей ошибкой человечества». Способность «интеллектуальных машин» к самовоспроизведению может привести к потере их контролируемости

человеком. Шведский ученый, профессор Оксфордского университета Ник Бостром утверждает, что в 2022 г. системы искусственного интеллекта будут мыслить, как человек на 10%, к 2040 г. на 50%, а к 2075 г. – процессы мышления невозможно будет отличить от человеческих [1].

Стремительное развитие технологий искусственного интеллекта вызвало научные дискуссии. Право на конфиденциальность и конфиденциальность персональных данных признано основополагающим правом человека. В связи с этим так актуально развитие и активное применением искусственного интеллекта. Наиболее простая форма искусственного интеллекта в работе юриста проявляется в моделях юридических актов (судебных решений, нотариальных актов, договоров). Юрист лишь выбирает вид юридического акта, соответствующего его делу. Такие формы искусственного интеллекта в работе юристов используются в разных государствах уже с конца 1990-х гг. Так, например, в Финляндии и Италии существуют электронные онлайн системы (Tuomas и Minerva), позволяющие судьям и прокурорам упростить работу в составлении отдельных правовых актов [2, с. 35]. Автоматизация судебных решений является примером использования искусственного интеллекта в работе судьи. Речь идет о составлении актов правосудия, порождающих высокую ответственность в случае ошибки. Система искусственного интеллекта предсказала результаты сотен дел в Европейском суде по правам человека, прогнозируя решение с точностью до 79%.

Российская Федерация также применяет мировой опыт в сфере публичного администрирования с внедрением технологий искусственного интеллекта. Определяющим планы государства на развитие технологий искусственного интеллекта, стал Указ Президента РФ от 10.10.2019 № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации», а также «Национальная стратегия развития искусственного интеллекта на период до 2030 года». В рамках указанной программы, определены принципы развития и использования технологий искусственного интеллекта (Раздел III). На первом месте, в числе принципов, обозначена «...защита прав и свобод человека: российским и международным законодательством прав и свобод человека, в том числе права на труд, и предоставление гражданам возможности получать знания и приобретать навыки для успешной адаптации к условиям цифровой экономики». Как раз соблюдение прав и свобод человека, по мнению экспертов и является одним из главных рисков использования технологий искусственного интеллекта [3; 4].

На сегодняшний день самой эффективной e-услугой признается сервис «Госуслуги», состоящий из двух составляющих единой информационной системы: 1. Единый государственный портал по предоставлению государственных услуг. 2. Хранилище электронных документов с данными физических лиц. Фактически, уже сейчас, указанный сервис полностью заменил центры предоставления административных услуг. Указанные подходы позволяют устранить коррупционную составляющую предоставления административных услуг государством.

В свою очередь данные мероприятия требуют наибольшей защиты частной информации. Реформа государственных услуг с цифровизацией страны требует киберзащиты личных данных. В контексте нарушения права на приватность, учитывают право на свободу выражения (ст. 19 Всеобщей декларации прав человека и ст. 10 Европейской конвенции по правам человека) и право мирных собраний (ст. 20 Всеобщей декларации прав человека и ст. 11. Европейской конвенции по правам человека) [5; 6]. Примером ограничения права на высказывание собственного мнения является временная / постоянная блокировка аккаунтов. Это происходит по причине того, что искусственный интеллект оценивает как угрозу, дискриминацию или издевательства. Анализ персональной информации позволяет технологиям определить предпочтения, психологические особенности каждого человека, реализуемого в получении навязчивой рекламы или предложений. Объективно доступ к личным данным может иметь негативные последствия для общества. Представим, если руководство таких компаний, как Apple, Meta начнут использовать искусственный интеллект для собственных нужд, мы окажемся в мире, где вся информация будет принадлежать доминирующим корпорациям, каждый будет им подвластен.

Таким образом состояние национального законодательства в сфере искусственного интеллекта находится на начальном этапе. При этом считаем важным обратить внимание на необходимость соблюдения принципов верховенства права, свобод и прав человека при регулировании отношений, связанных с искусственным интеллектом. Государство, в должной мере, не обеспечивает надлежащего контроля сохранности личной информации в сферах взаимодействия с искусственным интеллектом. Учитывая сказанное законотворческий процесс в сфере применением искусственного интеллекта должен строиться на основе максимального недопущения нарушения основных прав и свобод человека, права на приватность. С каждым новым годом развития научного прогресса в области искусственного интеллекта мы становимся все ближе к неизведанному, необъятному будущему.

Список литературы

1. Искусственный интеллект нам не угроза. [Электронный ресурс]. – URL: <https://habr.com/ru/articles/364419/>
2. Амбарцумян С.Г. Информационные технологии в праве: история, проблемы, перспективы / С.Г. Амбарцумян // Право и политика. – 2015. – №1 (181). – С.31-37.
3. Указ Президента РФ от 10.10.2019 №490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» вместе с «Национальной стратегий развития искусственного интеллекта на период до 2030 года». // Электронная правовая система «Консультант-Плюс».
4. Распоряжение Правительства РФ от 28.07.2017 № 1632-р «Об утверждении программы «Цифровая экономика Российской Федерации»» // Электронная правовая система «Консультант-Плюс» (Дата 20.11.2019).
5. Всеобщая декларация прав человека. [Электронный ресурс]. – URL: https://zakon.ru/laws/show/95_015?ang=ru#Text
6. Европейская конвенция прав человека. [Электронный ресурс]. – URL: https://www.echr.coe.int/documents/convention_ru.pdf

СОВЕТСКИЕ ЛИДЕРЫ В ОЦЕНКАХ РОССИЙСКОГО ПОКОЛЕНИЯ «ЗУМЕРОВ»: ПО МАТЕРИАЛАМ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

SOVIET LEADERS IN THE ASSESSMENT OF RUSSIAN «ZOOMER»' GENERATION: BASED ON THE MATERIALS OF A SOCIOLOGICAL STUDY

Аннотация. На основании результатов социологического опроса, проведенного в конце 2023 года, в статье дается анализ того, как представители российского поколения Z оценивают советских лидеров. Автор обсуждает этот вопрос с учетом базовых ценностей российского поколения «зумеров», а также в контексте его отношения к разным историческим эпохам СССР.

Ключевые слова: поколение Z, ценностная структура мировоззрения, Ленин, Сталин, Горбачев, Ельцин, Путин.

Summary. Based on the results of a sociological survey conducted at the end of 2023, the article provides an analysis of how representatives of the Russian Generation Z evaluate Soviet leaders. The author discusses this issue taking into account the basic values of the Russian generation of “zoomers”, as well as in the context of its relationship to different historical eras of the USSR.

Key-words: generation Z, value structure of worldview, Lenin, Stalin, Gorbachev, Yeltsin, Putin.

В конце 2023 года группой российских ученых из Южного федерального университета при участии коллег из Финансового университета при правительстве РФ, из Рязанской областной универсальной научной библиотеки им. Горького, а также из Луганского государственного университета им. В. Даля, было проведено социологическое обследование россиян на тему «Когнитивно-ценностная структура мировоззренческих моделей современного россиянина: поколенческие и региональные различия». В рамках этого исследования были опрошены четыре возрастные когорты по 400 респондентов в каждой, распределённых пропорционально на восемь российских регионов. Среди результатов этого исследования обращает на себя внимание состояние исторической памяти самых молодых российских граждан, относящихся к поколению Z, или «зумерам» (т. е. 18–24-летних, родившихся в 2000-х годах).

Проведенный опрос в существенной мере подтвердил уже отмеченный отечественными социологами эффект противоречивости исторического сознания россиян, когда не состыкуются друг с другом восприятия трех моментов: исторических эпох, символизирующих их политиков и значимых исторических событий [1, с. 96].

Ключевую роль в противоречивости исторического сознания играет ценностная структура мировоззрения. В этом смысле результаты упомянутого исследования характеризуют российское поколение Z как менее

чувствительное по сравнению со старшими поколениями к теме социальной несправедливости, зато отличающееся большей склонностью к индивидуализму и эгоизму. С утверждением «Нет ничего плохого в том, чтобы использовать других людей в своих целях» наибольший процент согласных – среди самых молодых. В сравнении с другими поколениями зумеры существенно больше ценят материальный достаток и интересную работу, зато меньше – хорошую, дружную семью. Они чуть больше, чем старшие поколения, озабочены экологическим благополучием, зато меньше – гражданским миром внутри страны. Представители поколения Z склонны в большей мере, чем другие поколения, испытывать неприязнь и отчуждение к конкурентам по работе. Зато среди этого поколения меньше склонности к антиамериканизму, чем среди более старших возрастных групп. Только менее 5 % зумеров признали в американцах «ненаших» (то есть тех, к кому они испытывают наибольшее чувство неприязни), и менее 10 % – увидели «ненаших» в европейцах. Среди поколения их «отцов» и «дедов» таковых оказалось в разы больше.

Эти общие характеристики базовых ценностей российского поколения Z помогают объяснить, почему, к примеру, зумеры не симпатизируют эпохе социализма, но благоволят И. В. Сталину. Или, почему они симпатизируют В. И. Ленину, но не в восторге от Октябрьской социалистической революции. Или, почему симпатии к В. В. Путину у большинства совпадают с высокой положительной оценкой и «путинской эпохи».

Ленин оказывается достаточно популярной исторической фигурой среди наших 18-24-летних респондентов – симпатии к основателю советского государства почти в три раза превышают антипатии, причем эти симпатии выше, чем в двух последующих возрастных когортах. Но что любопытно: у поколения Z положительное отношение к Ленину оказывается на одном уровне с его оценкой у поколения «дедов» (60+). В недавнем опросе ВЦИОМ выявился аналогичный факт: молодежь 18-24 лет проявила наибольший по сравнению с другими возрастными группами интерес к личности В.И. Ленина (14% vs. 3-9% в остальных возрастных когортах) [2].

Эти данные склоняют к выводу, что Ленин обрел для молодых россиян важное символическое значение, однако этот символ не связан для них напрямую с оценкой собственно «ленинской» эпохи – периода революционного перелома (1917-1929 гг.). В целом, уровень симпатий к данной эпохе оказался у наших респондентов на уровне статистической погрешности, поэтому симпатии к Ленину стоит, видимо, относить к великодержавному концепту России, который во многом разделяется и поколением Z. В этом контексте представляется идеологически адекватной правительственная политика не только сохранения, но и восстановления (на новых территориях, где они были разрушены украинскими властями) памятников В. И. Ленину.

Регулярные опросы Левада-Центра⁹ показывают существенный рост позитивных оценок россиянами не только Ленина, но и Сталина. Так, в августе 2023 года с уважением, симпатией или даже восхищением к Сталину относились 63 % опрошенных (в 2001 году таковых было 38 %) [3]. Опрос ВЦИОМ 2017 года, выяснявший отношение россиян к установлению в современной России памятных знаков Сталину, обнаружил 62 % респондентов, согласных с установлением монументов этому советскому деятелю. При этом «активнее других ‘за’ по всем вопросам высказывается молодежь, тогда как среди пожилых людей более четко проявляется позиция несогласия» [4]. Аналогичный факт выявляют в последние годы и опросы Левада-Центра. Они фиксируют резкий рост числа респондентов в возрасте 18-24 годов, поддерживающих установку памятника Сталину [5]. Правда, данные нашего опроса дают картину более сдержанных симпатий к Сталину по сравнению с Лениным, особенно среди самых молодых респондентов. Хотя среди них симпатии к Сталину незначительно превышают антипатии, общий процент этих симпатий (29,0 %) существенно меньше по сравнению с «перестроечным» поколением (родившимися со второй половины 60-х и до середины 80-х гг. XX в.) (37,8 %) и особенно «поколением застоя» (россиянами в возрасте 60+) (51 %). При этом среди симпатизантов Сталина из числа 18-24-летних только 5,7 % указывают сталинскую эпоху как исторический период, в наибольшей степени соответствующий их идеалу России.

Аналогичные парадоксы мы видим в оценках зумерами М.С. Горбачева и Б.Н. Ельцина в сравнении с оценкой их эпох. Так, наш опрос обнаружил, что у 18-24-летних заметно выше уровень симпатий к Горбачеву и Ельцину по сравнению с более старшими поколениями, хотя сам по себе этот уровень невысок. Последнему советскому генсеку симпатизирует 12,3 % опрошенных нами зумеров против 20,5 %, испытывающих к нему антипатию. Такой уровень антипатии к Горбачеву оказывается в три раза меньше уровня антипатии к нему среди «поколения застоя». Заметим, что оценка «архитектора перестройки» не совпадает у самых молодых респондентов с оценкой самой эпохи перестройки: всего 2,5 % среди них посчитали ее идеальной для России.

Отношение к Б. Н. Ельцину среди поколения Z очень схоже с отношением к Горбачеву: соотношение симпатий/антипатий у 18-24-летних россиян находится и здесь примерно в пропорции 1:2 (14,2 % против 24,3 %), тогда как у самого старшего российского поколения в пропорции 1:10. Как и в случае с Горбачевым, налицо несостыковка между оценкой эпохи и ее символического представителя: «России периода Б. Ельцина (1991-1999 гг.)» симпатизируют только 3,5 % представителей поколения Z. При этом в нашем опросе просматривается любопытная тенденция: у зумеров относительно других поколений оказывается самый высокий процент симпатий к России эпохи

⁹ АНО «Левада-Центр» внесена Минюстом в реестр некоммерческих организаций, выполняющих функции иностранного агента.

Путина (47, 3% против 33,8 у поколения 60+ и при средней величине 41,3 %), но при этом к самому Путину, напротив, самый низкий, хотя всё равно наивысший по сравнению с оценкой других политических деятелей России. В общем, не только фигура Путина, но и его эпоха оказываются среди наших 18-24-летних респондентов самыми популярными среди прочих эпох и политических деятелей России, причем с большим отрывом.

В целом, результаты опроса говорят в пользу того, что в российской политике памяти целесообразно не только сохранить, но даже усилить символическую презентацию всех исторических успехов советской России, а не только героев и символов Победы в Великой Отечественной войне (включая фигуру Сталина). При этом надо четче размежеваться со всеми, кто воевал против СССР в ВОВ как предателями, не делая скидку на их антикоммунизм (антибольшевизм): Власов, Краснов, Нжде, Шухевич, Бандера и т. п. – все эти фигуры должны в официальной политике памяти образовывать единый ряд идейно-политических врагов России. Антисоветское сейчас по факту есть синоним антирусского. Для актуальных военно-политических врагов России, причем не только на постсоветском и постсоциалистическом пространстве, нет «коммунизма вообще» – есть именно *русский* коммунизм и все прочие, им порождённые.

Список литературы

1. Горшков М.К., Шереги Ф.Э. Молодежь России в зеркале социологии. К итогам многолетних исследований / М.К. Горшков, Ф.Э. Шерги. – М.: ФНИСЦ РАН, 2020. – 688 с.
2. Путешествие по отечественной истории // Всероссийский центр изучения общественного мнения (ВЦИОМ). 27.03.2023 [Электронный ресурс]. – URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/puteshestvie-po-otechestvennoi-istorii> (дата обращения: 15.08.2024)
3. Отношение к Сталину // Левада-Центр. Аналитический Центр Юрия Левады. 15.08.2023. [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.levada.ru/2023/08/15/otnoshenie-k-stalinu/> (дата обращения: 15.08.2024)
4. Память о Сталине: за и против. Аналитический обзор // Всероссийский центр изучения общественного мнения (ВЦИОМ). 20.07.2017. [Электронный ресурс]. – URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/pamyat-o-staline-za-i-protiv> (дата обращения: 15.08.2024).
5. Сталин-Центр и памятник Сталину // Левада-Центр. Аналитический Центр Юрия Левады. 15.08.2023 [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.levada.ru/2021/08/04/stalin-tsentr-i-pamyatnik-stalinu/> (дата обращения: 15.08.2024).

МЕХАНИЗМЫ ФОРМИРОВАНИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ СОЦИАЛИЗАЦИИ МОЛОДЕЖИ: ВЫЗОВЫ СОВРЕМЕННОГО ЭТАПА РАЗВИТИЯ

MECHANISMS OF FORMATION OF POLITICAL SOCIALIZATION OF YOUTH: CHALLENGES OF THE CURRENT STAGE OF DEVELOPMENT

Аннотация. В статье рассматриваются механизмы формирования политической социализации молодежи, изучен опыт применения различных инструментов социализации, показано их кризисное состояние, сделан вывод об уязвимости либеральных парадигм работы с молодежью и необходимости коренного пересмотра всего процесса политической социализации в ответ на текущие угрозы.

Ключевые слова: политическая социализация и механизмы ее формирования, молодежь, угрозы, современный этап развития, Россия.

Summary. The mechanisms of formation of political socialization of youth are studied in the article. The experience of using various socialization tools is analyzed. The conclusion about the vulnerability of liberal paradigms of youth work and the need for a serious review of the entire process of political socialization was made.

Key-words: political socialization and mechanisms of its formation, youth, threats, the current stage of development, Russia.

Тема политической социализации молодежи, на первый взгляд, представляется одной из наиболее изученных в политическом поле российской науки. Так, например, запрос в электронную библиотеку elibrary.ru на тему «механизмы формирования политической социализации молодежи» выдает 34510 публикаций, в которых изучаются разнообразные аспекты затронутой темы. Для того, чтобы избежать повторений, заострим внимание на особенностях политической социализации молодежи сегодняшнего дня.

В широко известный перечень инструментов политической социализации входят такие институты, как семья, церковь, армия, СМИ и образование, при том, что практически все эти институты испытывают на современном этапе развития значительные проблемы, в некоторых случаях граничащие с полной утратой возможности выполнения своих социализирующих функций. Также к агентам социализации относят различные политические институты и органы власти, общественные организации, политические партии, общественных деятелей, представителей политической элиты и так далее [1, с. 33], однако заслуживающим отдельной дискуссии представляется вопрос о степени эффективности воздействия именно политических агентов на процесс социализации молодежи. Что касается традиционных механизмов социализации, то, как уже было заявлено выше, практически все они сталкиваются со значительными трудностями.

В качестве примера-подтверждения рассмотрим коротко основной институт социализации молодежи, одним из главных компонентов построения

долгосрочной политики, переживающий состояние близкое к коллапсу, это институт семьи.

Постепенное отступление от «материалистических» ценностей (когда упор делается прежде всего на экономической и физической безопасности) к ценностям «постматериальным» (когда на первый план выдвигаются самовыражение и качество жизни) [2, с. 7-8], привел к пересмотру роли семьи и института брака во всем мире. Многие функции, которые традиционно были распределены между супругами, детьми и предстателями старшего поколения, перестают работать, что сказывается на жизнеспособности института в целом и на демографических показателях стран в частности.

Общемировая статистика разводов (заметим, что, как и любая глобальная статистика, эта будет также иметь значительную погрешность) безжалостно констатирует, что с 1960 года по 2023 год уровень разводов вырос на 251,8 %, (с 1,01 до 2,03 на 1000 человек) в то время как общее количество заключаемых браков упало почти в два раза, с 8,06 на 1000 человек в 1960 до 4,86 также на 1000 человек в 2023 году [3]. Кросстемпоральный анализ ситуации в России показывает также удручающую динамику (см. таблицу 1).

Таблица 1. Количество браков и разводов в РФ, кросстемпоральный анализ за 10 лет¹⁰

Год	Количество браков (на 1000 человек населения)	Количество разводов (на 1000 человек населения)	Разводы (на 1000 браков)
2014	8,4	4,8	566
2019	6,3	3,6	576
2023	6,5	4,7	723

Вышеприведенные данные заслуживают отдельного анализа, упомянем лишь о том, что часто упоминаемый Указ Президента России от 9 ноября 2022 года № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» в пункте 5 провозглашает именно «крепкую семью» [4] базовой единицей построения политики.

Институт образования, в России включающий в себя несколько уровней, от детского садика до аспирантуры, также сейчас переживает болезненный процесс реформирования, пересмотра требуют многие парадигмы и среднего, и высшего образования, ведется целенаправленная, крайне сложная и долгосрочная работа по достижению образовательного суверенитета.

Церковь как институт, особенно христианская, также поражена системно, что выражается, например, как в разрешении в декабре 2023 года Папой Римским Франциском священникам благословлять однополые пары [5], так и

¹⁰ Составлено автором по <https://www.fedstat.ru/indicator/31268?ysclid=m0jpi2rcbx885774901> (дата обращения 28.08.2024).

в запрете властями целых поместных религиозных направлений, что, помимо прочего происходит сейчас на Украине [6].

Средства массовой коммуникации до недавнего времени оставались, на первый взгляд, относительно устойчивым институтом, самостоятельным и крайне актуальным для молодежи. Перефразируя известный афоризм, можно заявить: «Скажи мне, на кого ты подписан, и я скажу тебе, кто ты». Но 24 августа 2024 года французские власти задержали Павла Дурова, основателя мессенджера Telegram, предъявив ему сразу множество обвинений, от соучастия в террористической деятельности до нежелания сотрудничать с властями. Это действие молниеносно актуализировало дискуссию о свободе слова и общения, за которой скрывается гораздо более серьезный смысл о поиске гарантий безопасности в широком смысле этого слова.

Институт армии может считаться полноценным агентом социализации, например, в Израиле, где военная служба и для юношей, и для девушек обязательна и престижна, а также в России. Но в иных странах, например, в США, наблюдается кризис: нет желающих вступить в ряды вооруженных сил, а те новобранцы, которые приходят, ни физически, ни эмоционально-психологически (влияние ценностей постмодерна?) не в состоянии дорасти до приемлемого уровня военнослужащего [7].

Переходя к выводам, постулируем следующее:

1. господствующая во многих институтах социализации либеральная доктрина на практике показывает свою несостоятельность, что подтверждается данными кросстемпорального статистического анализа;

2. изменение подхода к социализации должно, прежде всего, начинаться с молодежи как с наиболее гибкой и креативной группы, которая будет в дальнейшем определять векторы развития страны;

3. дискуссионным представляется вопрос о наиболее эффективных механизмах политической социализации молодежи, государственная политика в этом отношении, безусловно, работает, однако для усвоения «старых»-«новых» традиционных ценностей должно быть приложено еще очень много усилий.

Список литературы

1. Сайганов Е.В. Политическая социализация молодежи: основные агенты и каналы формирования / Е.В. Сайганов // Известия Саратовского университета. Нов. сер. Сер. Социология. Политология. – 2013. – Т. 13, вып. 4. – С. 34–37.
2. Инглхарт Р. Постмодерн: меняющиеся ценности и изменяющиеся общества / Р. Инглхарт // Полис. Политические исследования. – 1997. – № 4. – С. 6–32.
3. Nguyen D. Divorce Rate by Country [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.unifiedlawyers.com.au/blog/global-divorce-rates-statistics/> (date of application 29.08.2024).
4. Указ Президента РФ от 9 ноября 2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» // Гарант [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/405579061/?ysclid=m0ibi09854439722366> (дата обращения 29.08.2024).

5. Папа Римский разрешил священникам благословлять однополые пары. URL: <https://www.rbc.ru/society/19/12/2023/6580cd3f9a794792e3690dc2?ysclid=m0ic5zzfs64423136> (дата обращения 29.08.2024).
6. Зеленский подписал позволяющий запретить УПЦ закон. URL: <https://www.rbc.ru/politics/24/08/2024/66c997529a7947df1df6ebcf?ysclid=m0icelny97342758551> (дата обращения 29.08.2024).
7. Every branch of the military is struggling to make its 2022 recruiting goals, officials say. URL: <https://www.nbcnews.com/news/military/every-branch-us-military-struggling-meet-2022-recruiting-goals-officia-rcna35078> (date of application 29.08.2024).

Черкашин К.В.
Cherkashyn K.V.

МОЛОДЁЖЬ ДОНБАССА В ЗЕРКАЛЕ СОЦИОЛОГИИ

DONBASS YOUTH IN THE MIRROR OF SOCIOLOGY

Аннотация. По итогам массовых опросов в Донбассе 2009-2022 гг. определяются социально-психологических особенностей и социально-политические приоритеты молодёжи, как специфической демографической группы. Описаны наиболее яркие характеристики, среди которых: оптимизм, атеизм, большая по сравнению со старшими возрастными группами подверженность агитации, большая критичность оценок происходящего, максимализм и т.д.

Ключевые слова: молодёжь, Донбасс, массовые опросы, социология.

Summary. Based on the results of mass surveys in Donbass in 2009-2022, the socio-psychological characteristics and socio-political priorities of young people as a specific demographic group are determined. The most striking characteristics are described, among which: optimism, atheism, greater exposure to agitation compared to older age groups, greater criticality of assessments of what is happening, maximalism, etc.

Key-words: youth, Donbass, mass polls, sociology.

Молодёжь как специфическая демографическая группа характеризуется рядом отличительных особенностей, выраженных социально-психологических черт. Эти особенности отражаются и в итогах массовых опросов. Автор статьи имел отношение к организации и проведению ряда таких опросов жителей Донбасса или отдельных его территорий с 1996 по 2023 годы. В основном это были анонимные уличные экспресс-опросы. В данной статье будут представлены некоторые наиболее выразительные особенности молодёжи Донбасса, нашедшие отражение в результатах этих опросов.

В июле 2009 года респондентам Донецка был задан вопрос «Считаете ли Вы себя счастливым человеком?» (уличный экспресс-опрос, 424 респондента). Общие результаты ответов дончан на этот вопрос были следующими (рис. 1).

Как видим, тогда большинство – 70% опрошенных назвали себя счастливыми или скорее счастливыми людьми. При оценке этих результатов надо учитывать, что многим респондентам неудобно признать себя несчастливым при постороннем человеке (интервьюере) и тенденцию к более оптимистической настроенности в летний период («время отпусков»). То есть в другой сезон эти результаты могли бы быть несколько иными, да и в целом значительная доля счастливых и скорее счастливых людей, вероятнее всего, несколько завышена («эффект интервьюера»).

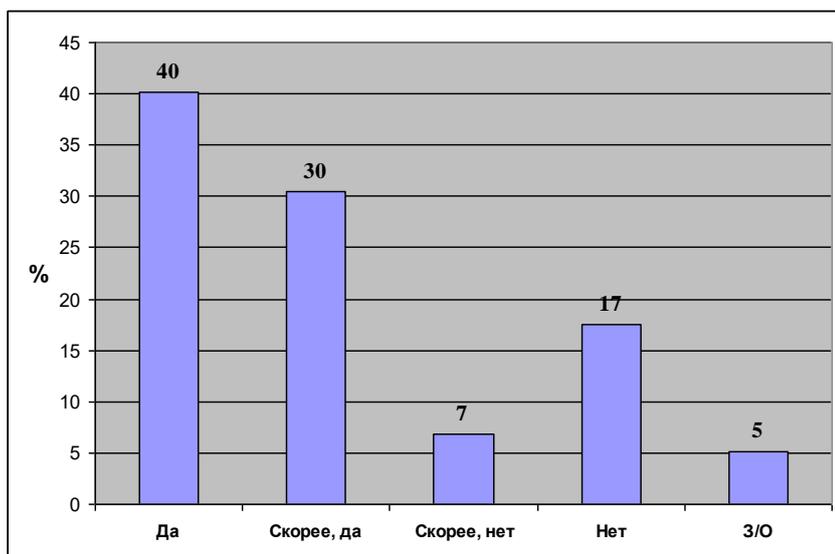
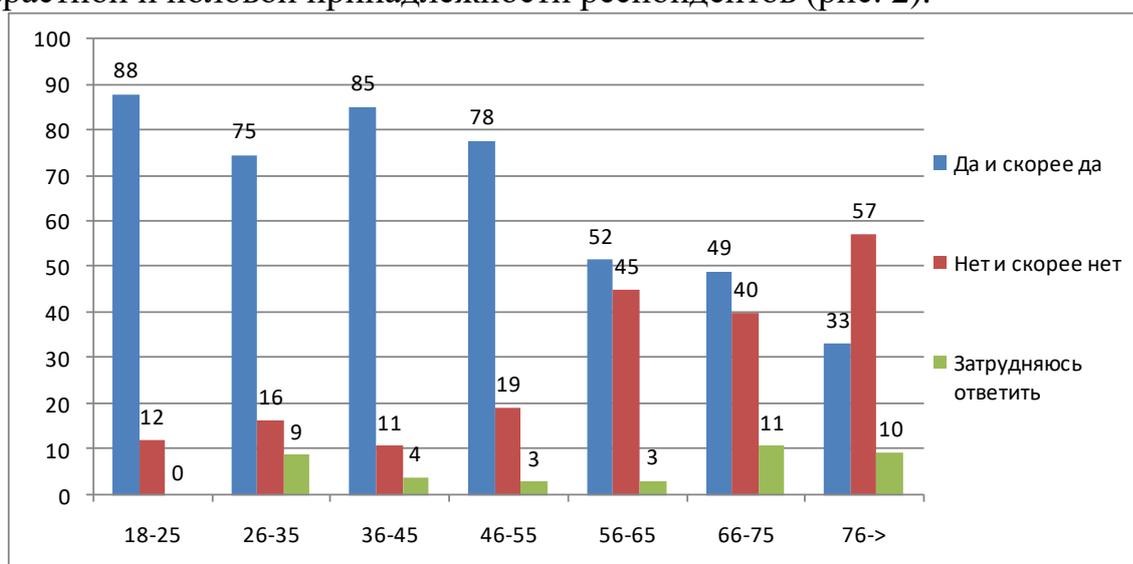

Рис. 1. Считаете ли Вы себя счастливым человеком?

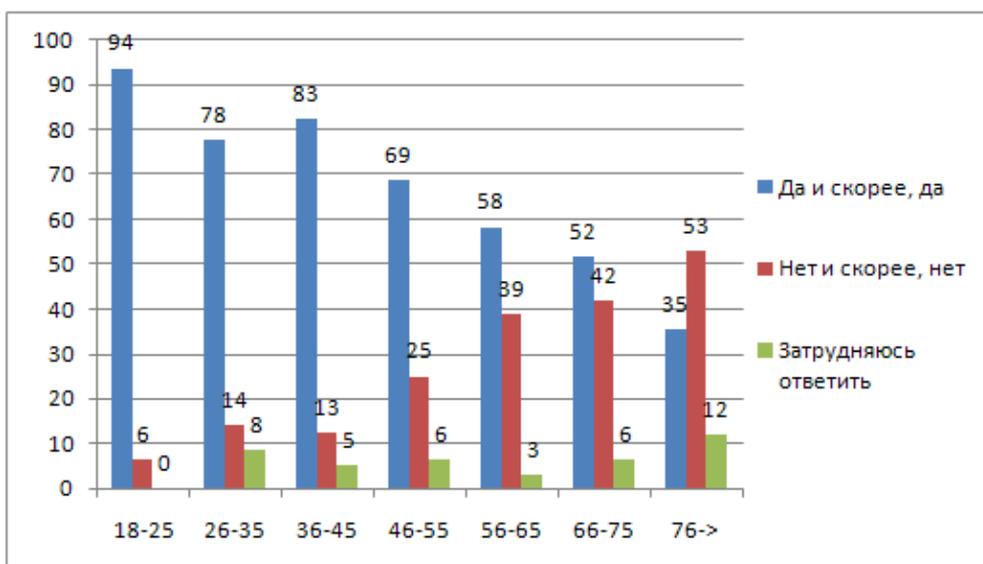
(7 – 9 июля 2009 г. Донецка, уличный экспресс-опрос, 424 респондента; %)

Очень интересный результат получился по этому вопросу в разрезе возрастной и половой принадлежности респондентов (рис. 2):

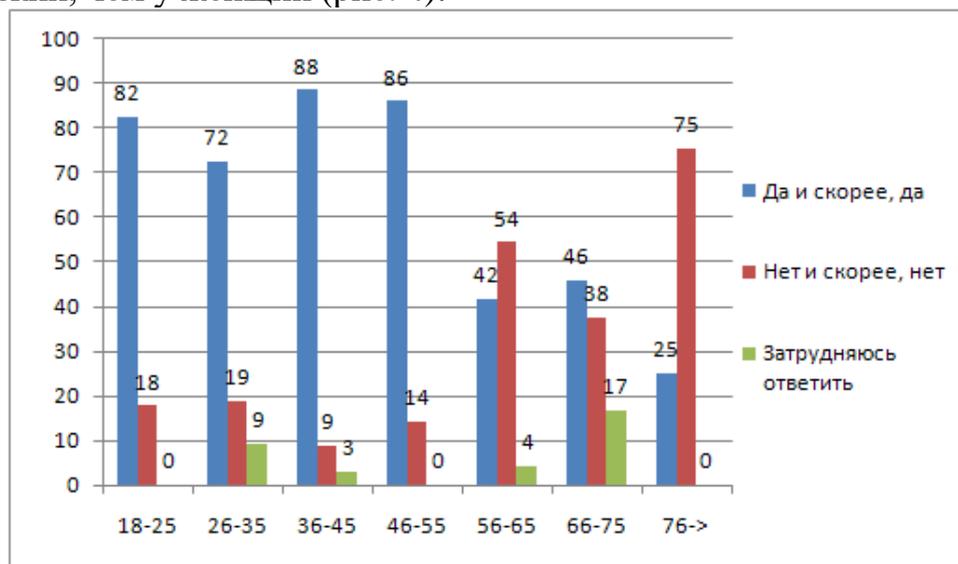
**Рис. 2. Считаете ли Вы себя счастливым человеком?
(по возрастным группам; %)**

По мере «взросления» доля счастливых уменьшается, а несчастных – растёт. Особенно ярко эта тенденция видна на женской части опрошенных (рис. 3):

**Рис. 3. Считаете ли Вы себя счастливым человеком?
(по возрастным группам среди женщин; %)**

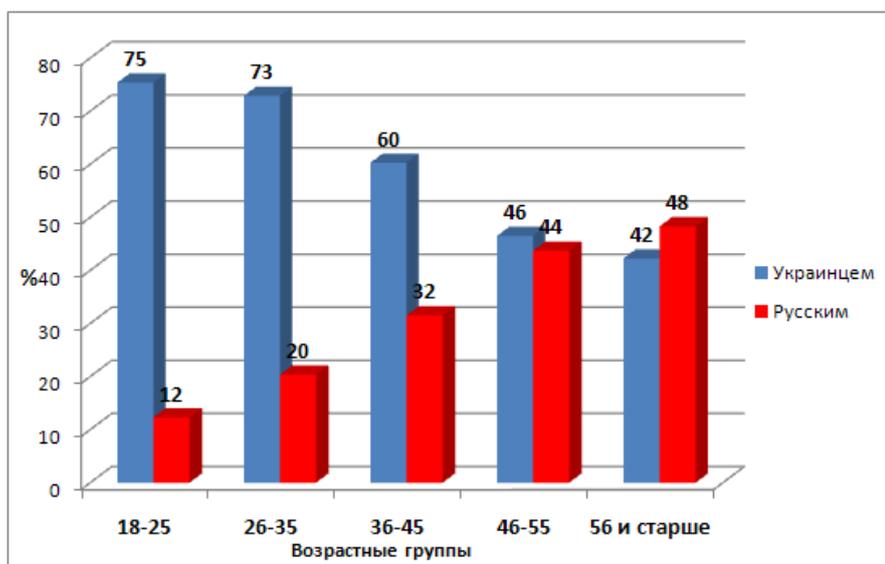
По мужчинам несколько иная тенденция, чаще всего счастливыми себя считают в среднем возрасте, хотя и «обвал» в старших возрастах наблюдается более резкий, чем у женщин (рис. 4):

**Рис. 4. Считаете ли Вы себя счастливым человеком?
(по возрастным группам среди мужчин; %)**

В целом с возрастом число «несчастливых» растёт, резкий рост их доли происходит у пенсионных категорий (56 лет и старше). Вероятно всего в связи с низкими пенсиями, незанятостью и состоянием здоровья. Приведённые графики свидетельствуют о большей распространённости оптимистических настроений среди непожилых респондентов, особенно в молодёжной среде – максимальные показатели доли счастливых от 18 до 25 лет (88%).

Очень показательны результаты ответа на вопрос об этнической самоидентификации по возрастным группам (Донецк, 15-30 июня 2013 г, уличный экспресс-опрос, 412 респондентов, ошибка выборки не более $\pm 5\%$):

**Рис.5.Кем Вы считаете себя по национальности?
(возрастные группы,%)**

Накануне войны, чем младше были респонденты, тем выше была доля тех, кто считал себя не русским, а украинцем. Хотя доля представителей двух данных категорий в Донецке была примерно равной [1]. По всей видимости, на такие результаты, прежде всего, повлияла «политическая социализация» посредством системы образования и пропаганды через СМИ. Родившиеся в «независимой» Украине в большей степени считали себя украинцами. Вместе с тем следует отметить, что по данным целого ряда опросов этническая самоидентификация подавляющим большинством жителей Донбасса не рассматривалась как первостепенная. В нашем регионе и накануне войны наиболее распространённой являлась региональная идентичность (житель Донбасса, своего города и т.п.), а русские и украинцы подавляющим большинством жителей рассматривались как нечто очень схожее («братские народы» или единый народ).

После начала войны этническая самоидентификация жителей Донбасса претерпела значительные изменения (14 – 24 мая 2016 г., ДНР – 1045 респондентов, ЛНР – 999, уличный экспресс-опрос, ошибка выборки не более $\pm 3,16\%$):

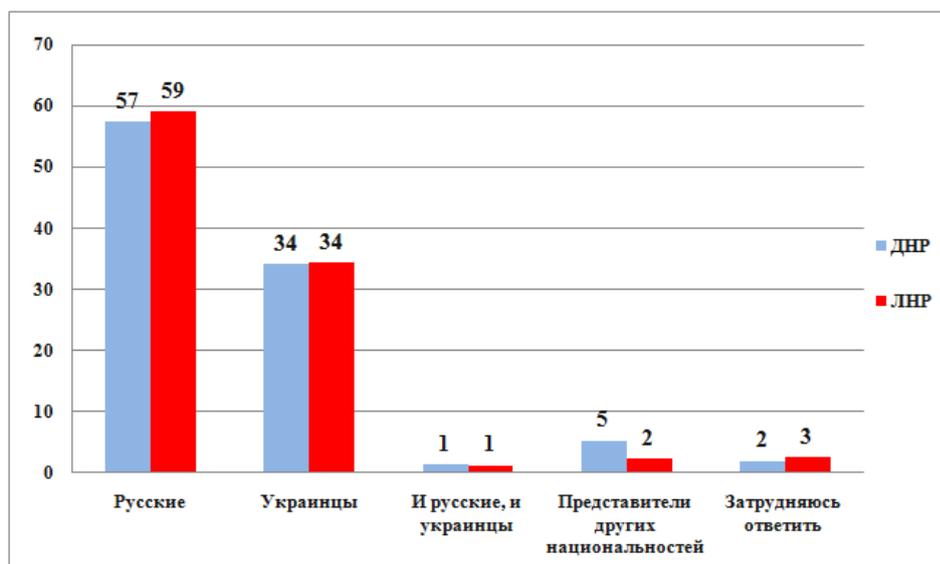

Рис. 6. Кем Вы себя считаете по национальности? (%)

Согласно этому опросу большинство жителей и ДНР и ЛНР в этническом отношении идентифицируют себя как русских. Хотя, например, по итогам последней Всеукраинской переписи 2001 года на территориях к моменту опроса контролируемых ДНР этнический состав должен был быть следующим: 50% – украинцы, 45% – русские, 5% – представители других национальностей [2]. Можно назвать две основные причины изменения этнической самоидентификации населения Донбасса после войны. 1. Выезд части жителей, считающих себя украинцами с территории, контролируемой Л-ДНР по политическим мотивам. Безусловно, такой процесс имел место, однако точно оценить её масштабы на данный момент затруднительно. 2. Переориентация части респондентов ранее считавших себя украинцами в пользу русских. После боевых столкновений и обстрелов жилых кварталов со стороны Украины популярность «украинства» в самом широком понимании этого термина, на территории контролируемой Л-ДНР резко снизилась.

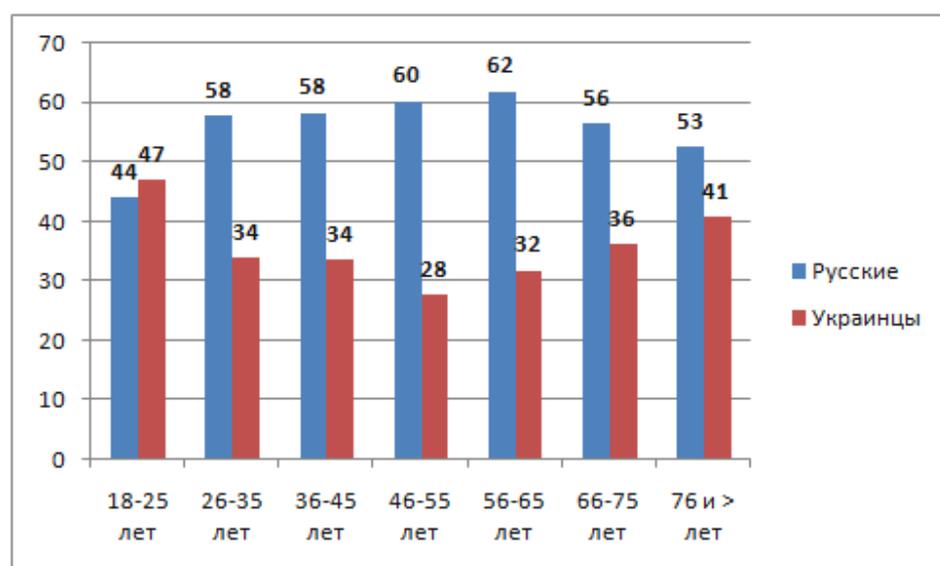

Рис. 7. Этническая самоидентификация жителей ДНР по возрастным группам в мае 2016 г. (%)

При этом этническая самоидентификация претерпела существенные изменения и по возрастным группам:

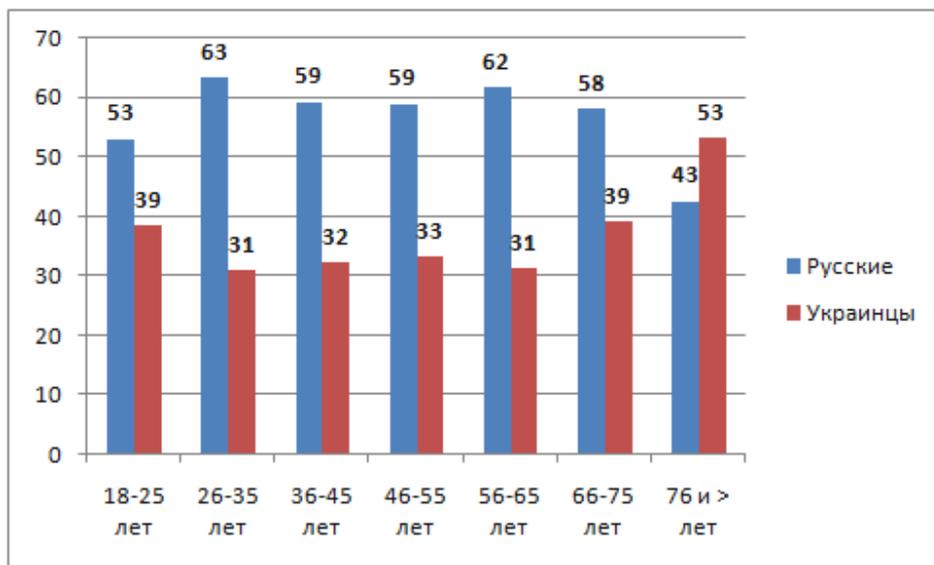

Рис. 8. Этническая самоидентификация жителей ЛНР по возрастным группам в мае 2016 г. (%)

Практически во всех возрастных группах доминирует самоидентификация «русский». Наибольшая доля тех, кто идентифицирует себя как «украинец» в самой старшей и самой младшей возрастных группах. Вместе с тем, этническая самоидентификация среди молодёжи по сравнению с довоенной ситуацией претерпела самые существенные изменения. Если в 2013 году подавляющее большинство молодых респондентов идентифицировали себя как «украинцы», то в 2016-м это соотношение в ДНР составляло примерно 50/50. Данный факт свидетельствует о склонности молодёжи к пересмотру своих взглядов, к более резким их (взглядов) изменениям. Подробнее о динамике этнической самоидентификации жителей Донбасса за последние годы и десятилетия можно прочитать здесь [3].

Также показательны результаты степени критичности по отношению к процессам, происходящим в ДНР:

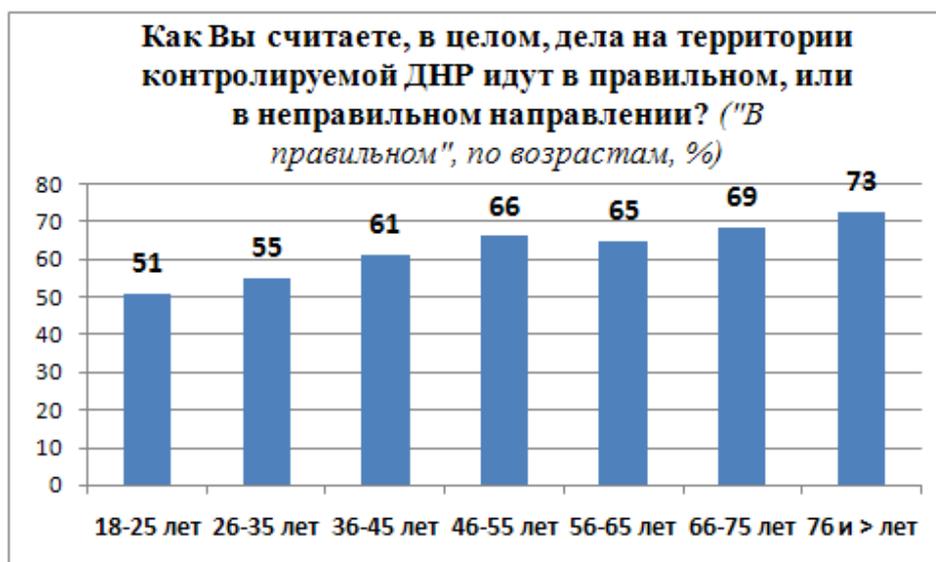

Рис. 9. Доля считающих, что дела в ДНР идут в правильном направлении по возрастным группам (май 2016)

Чем младше респонденты, тем выше доля тех, кто считает, что дела в ДНР идут в неправильном направлении. Хотя, например, по этнической самоидентификации подобной тенденции не наблюдается. Результаты опроса демонстрируют большую распространённость критического отношения к процессам, происходящим в республике, среди молодых респондентов.

Показательны и отличия по религиозной проблематике. На вопрос «Считаете ли Вы себя религиозным человеком?» (январь 2022, уличный экспресс-опрос, 500 респондентов, ДНР) по возрастным группам распределение ответов было следующим (рис. 10):

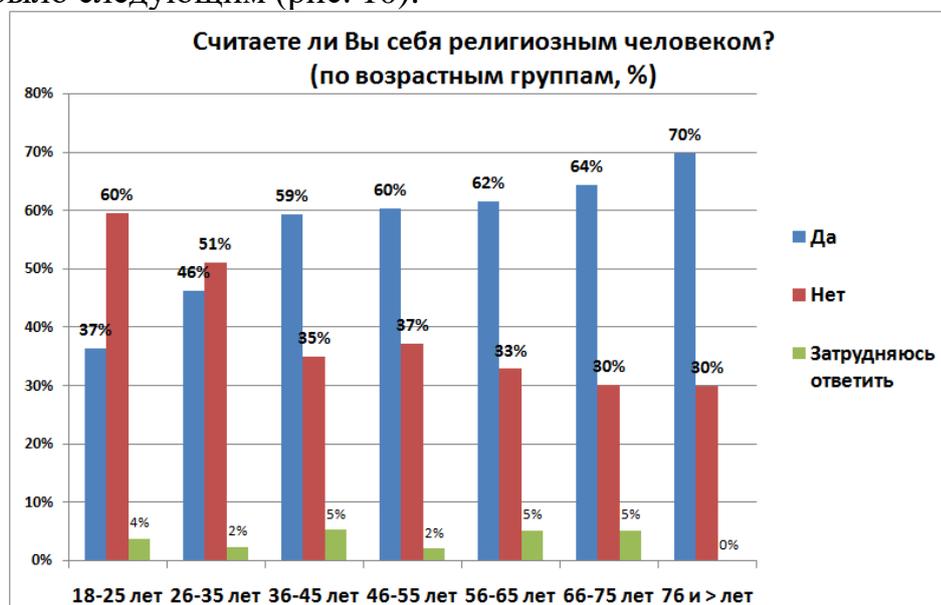

Рис. 10. Отношение к религиозной проблематике по возрастным группам

Среди младших возрастных групп преобладает доля атеистов, а по мере «взросления» респондентов растёт доля верующих, наибольшей являющаяся в самой старшей возрастной группе.

Таким образом, наиболее отличительные черты молодёжи Донбасса, нашедшие отражение в результатах опросов следующие. Более оптимистический настрой и оценка собственного жизненного состояния по сравнению со старшими возрастными группами. Результаты пропагандистской деятельности, особенно с помощью СМИ и образовательных учреждений, оказывали существенное влияние на умонастроения молодёжи. Это, в частности, проявилось в более «проукраинской» настроенности молодёжи по сравнению с другими возрастными группами накануне войны. При этом следует отметить, что ни в одной из возрастных, социальных, национальных или других групп донбасского общества идеи украинского национализма не разделялись большинством, всюду эти идеи поддерживались явным меньшинством, были маргинальными. Наиболее же резкое изменение общественных настроений после войны произошло именно среди молодёжи. То есть молодёжь, как специфическая демографическая и социальная группа, подвержена наибольшим колебаниям общественных настроений и оценок. Вместе с тем выделяется и более выраженная по сравнению с другими возрастными группами критическая настроенность молодёжи по отношению к происходящим социальным процессам, можно сказать более выраженная критичность или «революционная настроенность».

То есть основные социально-психологические характеристики, более выраженные в молодёжной среде могут быть определены следующим образом: оптимизм, атеизм, податливость пропаганде, нестойкость политических и других взглядов (по сравнению со старшими возрастными группами), достаточно резкие их колебания, более ярко выраженная критическая оценка происходящих социально-политических явлений. Молодежь, обладая существенной энергией и, вместе с тем, небольшим жизненным опытом в сочетании с распространённостью критических и максималистских воззрений («юношеский максимализм») с одной стороны может являться двигателем социальных преобразований, а с другой, будучи обманутой, может быть и проводником деструктивных социальных явлений, способных привести общество к распаду. Пример украинских майданных протестов 2013-2014 годов – яркая иллюстрация этого. Кстати, среди современных историков популярностью пользуется идея, согласно которой одной из причин революционных событий 1917 года в России стала и специфическая возрастная/демографическая структура российского общества. Благодаря демографическому скачку конца XIX – начала XX с его высокой рождаемостью и относительно низкой смертностью, к 1917 году молодёжь (18 – 35 лет) составляла экстремально большую долю населения Российской империи – около 40% среди всех жителей (считая детей и подростков). Возможно, именно такая демографическая структура повлияла на революционность, «силовой характер» развития последующих социально-политических событий [4].

Следует отметить, что, безусловно, молодёжь обладает весьма выраженными социально-психологическими особенностями, которые могут быть использованы по-разному. Однако если мы хотим сохранения и развития России и Русского мира, то требуется самая активная и правдивая работа с

молодёжью. Как известно, лучше всего учить личным примером. Никакие искусственные идеологические схемы и построения не смогут на долгое время привлечь к себе молодёжь, если она будет чувствовать в них фальшь. «Русская весна» 2014 года и последующее военное противостояние на Донбассе, помимо тягот и трагедий, дали шанс к возрождению Русского мира, одним из важнейших элементов которого, должно стать правильное нравственное воспитание молодёжи.

Список литературы

1. Бюллетень Государственного комитета статистики Украины в Донецкой области (март 2012). – Донецк: Госстат., 2012. – 47 с.
2. Численность и состав населения Украины по итогам Всеукраинской переписи населения 2001 года // Всеукраинская перепись 2001 [Электронный ресурс]. – URL: <http://2001.ukrcensus.gov.ua/rus/results/general/nationality> (дата обращения: 19.08.2024).
3. Черкашин К. В. Этническая самоидентификация жителей Донбасса / К.В. Черкашин, В.И. Теркулов, Т.Ю. Тамерьян // Политическая лингвистика. – 2023. – № 1 (97). – С. 113–128.
4. Тульский М. Молодёжь как фактор нестабильности. 100 лет назад 90% бунтарей были моложе 35 лет / М. Тульский // Версия. 13.08.2007 [Электронный ресурс]. – URL: <https://versia.ru/100-let-nazad-90-buntarej-byli-molozhe-35-let> (дата обращения: 19.08.2024).

Чикаева Т.А.
Chikaeva T.A.

ПАТРИОТИЗМ КАК НРАВСТВЕННАЯ ОСНОВА УСПЕШНОСТИ РОССИЙСКОЙ ПОЛИТИКИ

PATRIOTISM AS A MORAL BASIS FOR THE SUCCESS OF RUSSIAN POLITICS

Аннотация. Статья обосновывает тезис о том, что патриотическая идея является основой для принятия оптимальных решений в сфере российской политики. Патриотизм имеет целью творческое развитие, сбережение достижений предков и их совершенствование. Патриотизм — путь к установлению справедливых отношений с другими странами и народами.

Ключевые слова: политика, патриотизм, творчество, справедливость, государство, основа оптимальных решений в сфере политики.

Summary. The article substantiates the thesis that the patriotic idea is the basis for making optimal decisions in the field of Russian politics. Patriotism aims at creative development, preservation of ancestral achievements and their improvement. Patriotism is the way to establish fair relations with other countries and peoples.

Key-words: politics, patriotism, creativity, justice, the state, the basis of optimal decisions in the field of politics.

Политика — эта сфера деятельности, в которой осуществляется управление разнообразными процессами общественного бытия. Суть политического противостояния, как известно, это борьба за власть, её захват или удержание, для того, чтобы иметь реальную возможность управления, то есть воздействовать на

субъекты, объекты, их взаимодействие с тем, чтобы добиваться нужных себе результатов. Политика имеет разные уровни, которые зависят от масштаба социальных процессов, которые предполагается регулировать. Например, в том случае, если принимаемые решения касаются всего человечества, это будет глобальная или общемировая политика, если отношение нескольких государств, стран, международных объединений, то речь будет идти о внешней политике, если процессы замкнуты внутри государства, то такую политику справедливо будет назвать внутренней.

Россия в силу объективных причин, к которым следует отнести её географическое положение, территорию, опыт исторического сохранения своей культуры и помощи другим народам в сохранении своей культурной идентичности, ведущую роль в противостоянии проектам по истреблению народов и их культур, является субъектом политики всех указанных уровней. Идеи блестящей изоляции, замкнутости на своих внутренних проблемах и задачах сталкиваются с обоснованным отторжением. Её носителям разъясняется, что происходящее у соседей всегда находит отражение во внутренней ситуации и наоборот, а практика конца XX века, когда лица и органы, реализующие властные полномочия в бывших советских республиках, перестали принимать во внимание культурно-исторические и иные связи, сформированные в СССР, привела к отрицательным результатам. Снижение активности России во внешнеполитической и глобальной политической сфере, с учётом отсутствия у стран бывшего социалистического лагеря достаточных ресурсов и потенциала к осуществлению всех политических компетенций, привело к тому, что наши соседи попали под влияние противников России, а некоторые стали инструментом их антироссийской политики. Опыт постсоветского существования наглядно показывает, если исходить из принципа — главное меньше затрат, сосредоточение на обеспечении материального благополучия населения, нет ничего важнее эффективного хозяйствования и извлечения прибыли любой ценой, то удел России быть разделённой и превращённой в сырьевой придаток, а русской культуры — забвение.

Убедившись в том, что Россия может развиваться только будучи субъектом как внутренней, так и внешней и глобальной политики, необходимо определить, что может выступить её теоретико-методологической основой. Наличие такой основы чрезвычайно важно, так она является условием для постановки стратегических и тактических целей, выборов методов и средств осуществления управления, адекватной дефиниции явлений, процессов и объектов. Ошибочно, на наш взгляд, полагать, что достаточно находить оптимальные ответы на вызовы извне, только имея собственную концепцию глобального развития, представляющую, в чём будет заключаться позитивный вклад в её реализацию каждого народа и каковы гарантии справедливости по отношению ко всем социальным субъектам, можно быть субъектом глобальной политики. Наличие теоретико-методологической основы позволит при принятии решений объективно оценивать всю вводную информацию и возможные последствия, включая отложенные во времени.

По нашему мнению, такой теоретико-методологической основой должен стать патриотизм, патриотическая идея. Патриотизм — это любовь к Родине, Отечеству. Содержание Родины, Отечества нельзя сводить к государству, это любовь к своему истоку, своей духовной основе, особой культуре, достижениям предков и возможности передавать их из поколения в поколение. Государство может быть формой проявления Родины и Отечества для человека, но оно, как политический орган, может и играть деструктивную роль в вопросе их взаимодействия. Киевские чиновники, захватившие власть, например, принуждают людей воевать против своей Родины, своего Отечества, против памяти дедов и прадедов, за то, чтобы их внешним господам было комфортно хозяйничать и забирать себе богатство территории и подачки с барского стола. Когда социальный субъект при принятии политического решения руководствуется принципом патриотизма, он нацелен на развитие своего Отечества, а значит он будет рассматривать вопрос системно, творчески, без формальной отсылки к неким правилам, которые были установлены кем-то без его участия и без учёта его интересов.

Патриотизм следует рассматривать в качестве основы российской политики, так как он объективно является основой для творческого развития [1]. Человек, обладающий патриотическим сознанием, рассматривающим любой вопрос патриотически, способен воспринять информацию и найти ответ на вопрос в разных сферах жизни. В политической сфере это также означает чёткое понимание того, являются ли те или иные социокультурные процессы приемлемыми или нет, следует ли поддерживать их на государственном уровне.

Деактивизация патриотического сознания приводит к снижению творческого потенциала, субъектности общества, государство, которое будет способно только к адаптации к новым реалиям, но не к их проектированию, конструированию и контролю. В результате такое государство отбрасывается на задворки глобальной политики, его перестают воспринимать как равного субъекта. Россия, увы, уже наглядно убедилась в обоснованности данного тезиса. А.Н. Вырщикова и М.Б. Кусманцев в поддержку данного тезиса указывают, что дефицит патриотизма резко снижает международный статус данной страны, ослабляет ее внутренние позиции, способствует росту внутренних противоречий [2, с. 5].

Патриотизм предусматривает духовное развитие социальной общности, которая объединена наличием у них общей Родины, общего Отечества. Для России, в соответствии с высказыванием С.Ю. Ивановой патриотизм — основа гармонизации общества, гарантия надёжного тыла, без которого нельзя принять оптимальные стратегические политические решения международной и глобальной значимости [3, с. 3]. В этой связи, одной из задач российской политики во внутреннем контуре является результативное политическое воспитание. Если подавляющее большинство российских граждан будет учитывать возможные последствия своих действий для престижа России, её восприятия в мире, то, как плоды его труда могут быть использованы её противниками, принимать оптимальные политические решения будет легче.

Патриотическая идея имеет положительный потенциал также в том, что она способствует построению справедливого общечеловеческого общества. Она

одинаково отрицает, как национальное самовосхваление, так и пренебрежение своей культурой, стремление отказаться от своей идентичности. Наше исследование возможности осуществления ноосферного проекта показывает, что его идейной основой может быть только патриотизм, так как он способен обеспечить справедливость и возможность развития всем культурам, сохранить многообразие мира, без которого велика вероятность деградации [4]. Патриот рассматривает исходит из того, что есть свои и другие. У других есть своя Родина, своя святыня, свой духовный источник бытия. Святыни заслуживают почитания и уважения, социальные субъекты имеющие святыни, обладают духовностью, а значит взаимодействие с ними обладает положительным потенциалом. Другой для патриота — пример решения той или иной задачи, тот, кто может взглянуть на проблему с другой стороны. Принцип патриотизма в политике означает, что принимая решение, следует оценивать то, к каким последствиям оно приведёт как для своей страны, своего народа, своего государства так и для других. Патриотическое политическое решение будет исходить из важности сохранения всех культур, разграничения носителей культуры и отщепенцев, нелюдей, осуществляющих антигуманные действия. Оно не допускает унижение кого-либо из низменных или корыстных побуждений.

На заседании Международного дискуссионного клуба «Валдай» в 2023 президент России В. В. Путин высказал точку зрения на то, как реализовать справедливую концепцию управления в мире. Им были сформулированы шесть принципов, реализовать которые можно только, если опираться на патриотическую идеологию. Концепция открытого, взаимосвязанного мира, признание равноправия цивилизации, определение возможности для каждого субъекта мировой политики развиваться самостоятельно соотносятся с патриотическим принципом уважения к святыне Родины каждого человека. Патриотическая идея согласуется с тем, что решения должны приниматься совместно и только теми, кого они касаются. Слова президента о том, что «никто не имеет права да и не может управлять миром за других или от имени других» [5] согласуются с тезисом о том, что Отечество есть соединение Родины как духовной основы и творческого потенциала социальных субъектов по организации своего жизненного пространства, то есть нельзя создать Отечество для кого-то, каждый социальный субъект может это сделать только самостоятельно. При реализации политики допустимы советы, но нельзя принять решение за других, настаивать на отказе других от самостоятельного поиска и принятия решений.

Принцип безопасности и прочного мира, прекращение деления людей на сорта противоречит как национализму или шовинизму, в соответствии с которым только своя нация, своя культура достойна внимания и уважения, так и космополитизму, предполагающему растворение национальных особенностей, отказу от особенных черт, когда ценности нет ни у одной культуры, а любой социальный субъект заменим на другой. Национализм и космополитизм приводят только к ломке всех договорённостей о безопасности и к возникновению опасности глобальной катастрофы, способной уничтожить всё живое на Земле.

Патриотизм согласуется с принципами справедливости и различия потенциалов стран. Степень развития Отечества у всех народов разная, так как

различно качество организации собственного жизненного пространства. Если российские политики при взаимодействии с другими странами и народами будут исходить из патриотической логики, из того, что могут быть сформированы разные образы Родины, Отечества, то будут предлагать решения с учётом особенностей социокультурного развития каждого участника диалога.

Патриотизм, как любовь к Родине и Отечеству, нацелен на создание условий для длительного во времени развития и совершенствования, на поддержание многообразия культуры. Патриотический образ в сознании политика, стремление к его актуализации является заслоном для принятия пагубных для страны и мира решений. Приверженность патриотической идеи обуславливает отказ от того, чтобы принимать политические решения спонтанно, ориентируясь только на текущие обстоятельства и оперативные задачи. Можно также обратить внимание на то, что наибольших успехов в мире Россия достигла тогда, когда политической сферой руководили настоящие патриоты, для которых Родина, Отечество были высшими ценностями. Приведём только несколько примеров. Вещий Олег, при котором Русь, даже без присоединения к христианскому миру, стала ключевой державой, на равных говорящей с Византийской Империей, Иван Грозный, Пётр Первый, И.В. Сталин. Напротив, тогда, когда патриотизм уступал место другому идеологическому принципу, последствия были далеки от положительных.

Патриотизм является основой оптимальных решений в сфере политики. Он далёк от бездумного восхваления своего, патриот всегда объективно оценивает положение дел, с тем чтобы принять меры к исправлению недостатков. Сейчас один из недостатков заключается в том, что в широких общественных кругах отсутствует понимание сущности категорий «Родина», «Отечество», «патриотизм», «государство». Но работа в данном направлении идёт, и она обязательно будет продолжена.

Политика может быть успешна на глобальном уровне, только если у неё есть нравственный стержень, иначе успехи могут быть только временными. История России и современность доказывают, что им объективно является патриотизм.

Список литературы

1. Чикаева Т.А. Патриотизм как необходимое начало творческого развития человека и культуры / Т.А. Чикаева // Научный результат. Социальные и гуманитарные исследования. – 2021. – Т. 7, № 3. – С. 41–50.
2. Выршиков А.Н., Кусманцев М.Б. Теоретические основания инновационного развития патриотического воспитания в регионе / А.Н. Выршиков, М.Б. Кусманцев // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. – 2015. – №3 (98). – С.4–10.
3. Иванова С.Ю. Патриотизм в системе социокультурных ценностей современной России / С.Ю. Иванова. – Ставрополь: Изд-во СГУ, 2003.
4. Чикаева Т.А. Родина как гарантия реализации ноосферного проекта / Т.А. Чикаева // Ноосферные исследования. – 2023. – № 2. – С. 60–72.
5. Заседание дискуссионного клуба Валдай [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/72444> (дата обращения: 16.08.24).

СЕКЦИЯ 6. ПОЛИТИКА ИДЕНТИЧНОСТИ И ПОЛИТИКА ПАМЯТИ В РОССИИ

Гончаренко Л.Н., Авакова Э.Б., Кузнецов А.А.
Goncharenko L.N., Avakova E.B., Kuznetsov A.A.

ФОРМИРОВАНИЕ ОБЩЕРОССИЙСКОЙ ГРАЖДАНСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

FORMATION OF THE ALL-RUSSIAN CIVIL IDENTITY

Аннотация. Статья посвящена вопросу формирования гражданской идентичности населения страны. Авторы рассматривают такие ее составляющие как общенациональное историческое сознание и историческую самоидентификацию, развитие и наполнение которых зависят от целенаправленных и систематических усилий государства и всех его общественных институтов.

Ключевые слова: гражданская идентичность, историческое сознание, историческое единство, патриотизм, государство, Россия, история, образование

Summary. The article is devoted to the issue of the formation of the civil identity of the country population and its components. The authors examine national historical consciousness and historical self-identification, the development and content of which depends on the purposeful and systematic efforts of the state and all public institutions.

Key-words: civic identity, historical consciousness, historical unity, patriotism, state, Russia, history, education

В настоящее время в нашей стране продолжается реализация Федерального проекта «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации», цель которого – воспитание гармонично развитой и социально ответственной личности на основе духовно-нравственных ценностей народов Российской Федерации, исторических и национально-культурных традиций. В соответствии с поставленной целью проект решает задачи формирования и развития системы патриотического воспитания детей и молодежи, основанной на принципах нравственности и гражданской идентичности [1].

От уровня распространения патриотических настроений среди молодежи во многом зависит вектор развития государства. Однако несмотря на то, что чувство патриотизма активно распространено среди граждан нашей страны, у определенных групп, в том числе среди молодежи, может наличествовать некоторое сомнение, скептическое отношение и, что более всего вероятно, неосведомленность в отношении патриотического воспитания. Так, например, опрос ВЦИОМ, проведенный в марте 2023 года, показал следующие результаты. 42% опрошенной молодежи в возрасте от 18 до 24 лет однозначно считают себя патриотами своей страны, 43% отвечают – «скорее да». На вопрос о том, что значит быть патриотом, самыми распространенными ответами стали следующие: «стремиться улучшить положение дел в стране» и «говорить о своей стране правду, какой бы горькой она ни была» (50%), «работать/действовать во благо для процветания страны» (48%), «защищать свою страну от любых нападков и обвинений» (35%), «считать себя частью

страны» (24%). На вопрос, что лично для респондентов означает «любить свою Родину», популярными были ответы о том, что в первую очередь необходимо знать и любить историю, культуру, традиции своей страны (18%), а также вкладываться в ее развитие и процветание, при этом отметим, что 15% респондентов затруднились ответить на данный вопрос [2]. При этом, к сожалению, в молодежной среде встречается и восприятие патриотизма как устаревшего и неактуального феномена, по нашему мнению, подобное восприятие ошибочно. Патриотизм может и должен лежать в основе личностного развития и социальной активности, помогать молодому поколению преодолевать многочисленные вызовы и проблемы современной реальности.

Воспитание подрастающих поколений в духе патриотизма позволяет консолидировать общество на основе определенных общенациональных ценностей и идеалов, формировать и поддерживать у людей чувство неразрывности общей исторической судьбы и общей Родины, гражданскую идентичность населения страны.

Важнейшей составляющей гражданской идентичности человека является его историческая самоидентификация, то есть осознанная связь со всеми предшествующими этапами истории своего государства и своей национальной общности, понимание перспектив их развития в обозримом будущем, а также умение отделять созидательные, конструктивные явления и процессы прошлого от деструктивных и вредных для государства и общества. Очевидно, что гражданская идентичность формируется на протяжении всей жизни человека, а ее основы закладываются на ранних этапах, что требует постоянного внимания и осознанной государственной политики по ее формированию и идейно-смысловому наполнению [3]. Определяющая роль в этом процессе принадлежит исторической науке и образованию, которые выступают в качестве двух базовых основ исторического сознания населения страны. Только научный взгляд на историю страны позволяет дать объективную и правдивую картину произошедших событий, адекватную оценку тех или иных исторических личностей. Только образование позволяет внедрить в общественное сознание научный взгляд на историю и избавить граждан страны от разного рода исторических мифов, идеализации или, напротив, очернительства прошлого.

Важной проблемой, имеющей самое непосредственное отношение к формированию конструктивного общенационального исторического сознания населения Российской Федерации, является проблема выработки и поддержания общенационального консенсуса по важнейшим аспектам отечественной истории. Достижение общенационального согласия и исторического единства [4] были обозначены Президентом РФ В.В. Путиным как приоритетное направление политики государства. 4 ноября 2021 года на открытии памятника «Сыновьям России, воевавшим в Гражданскую войну» Президент сказал, что «мемориальный комплекс в Севастополе служит знаком того, что Россия помнит и любит всех преданных ей сынов и дочерей, с какой бы стороны баррикад они когда-то не находились, что наша страна вновь

обрела историческое единство» [5]. При этом очевидно, что восстановление исторического согласия не есть одномоментный акт, оно возникает в результате целенаправленных и систематических усилий государства и всех общественных институтов.

Так, в преамбуле Конституции [6] открыто и четко сформулированы глубинные исторические основы существования российской цивилизации. Совершенно определенно говорится об «общей судьбе» многомиллионного народа России, проживающего на «общей земле», о необходимости сохранения исторически сложившегося «государственного единства», о «памяти предков, передавших нам любовь и уважение к Отечеству, веру в добро и справедливость» и о возрождении государственности России. Все эти положения, сформулированные в краткой преамбуле Основного закона государства, являются отражением глубинного исторического сознания российского народа, осознающего себя наследником и продолжателем всей истории существования российского государства.

Важнейшее значение для формирования общероссийской гражданской идентичности имеет Указ Президента РФ от 9 ноября 2022 г. № 809 «Об утверждении основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» [7]. Указанные в нем ценности глубоко укоренились в народной жизни, и их признание на государственном уровне отвечает интересам абсолютного большинства населения страны.

Осознание подавляющим большинством общества важности защиты национальных ценностей и интересов предопределяет новые подходы к интерпретации отечественной истории и ее преподаванию. Разработанная «Концепция преподавания истории России для неисторических специальностей и направлений подготовки, реализуемых в образовательных организациях высшего образования» [8] отмечает особое место истории в формировании специалистов с высшим образованием, а историческое сознание определяет в качестве наиболее существенной составляющей гражданской идентичности. Концепция призвана обеспечить единство в осуществлении исторического образования молодого поколения, определить его содержание и методологические принципы в интересах российского государства и общества.

Отметим, что выработка единых государственных подходов к трактовке истории не означает отказ от постоянного переосмысления прошлого и изменения некоторых устоявшихся оценок участников исторического процесса. Такого рода переосмысления неизбежны и основываются на введении в научный оборот новых исторических фактов, научных открытий в области истории и опыта, накопленного новыми поколениями граждан страны. При этом подобное переосмысление не только неизбежно, но и необходимо. Но необходимо, чтобы оно служило укреплению российской государственности, сплочению, а не размежеванию разных возрастных, национальных и иных социальных групп населения.

Список литературы

1. Федеральный проект «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации» национального проекта «Образование» [Электронный ресурс]. – URL: <https://rospatriotcentr.ru/rospatriot/patriotic/> (дата обращения 19.07.2024).
2. Патриотизм: мониторинг [Электронный ресурс]. – URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/patriotizm-monitoring> (дата обращения 20.07.2024).
3. Авакова Э.Б., Гончаренко Л.Н. Историческое самосознание как важнейшая составляющая гражданской идентичности и условие формирования российского патриотизма / Э.Б. Авакова, Л.Н. Гончаренко // Политические институты и процессы в России в условиях современной международно-политической напряжённости: сборник материалов научно-практической конференции Донецкого регионального отделения РАПН ко Дню политолога в Донецком государственном университете, Донецк, 12 сентября 2023 года. Донецк: Донецкий государственный университет, 2023. – С. 154–161.
4. Гончаренко Л.Н., Авакова Э.Б., Кузнецов А.А. Гражданская война и современная Россия: социальные уроки и политика обретения исторического единства / Л.Н. Гончаренко, Э.Б. Авакова, А.А. Кузнецов // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. – 2022. – № 1. – С. 174–178. – DOI 10.22394/2079-1690-2022-1-1-174-178.
5. Стенограмма Поздравления В.В. Путина с Днем народного единства 4 ноября 2021 г. [Электронный ресурс] – URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/67065> (дата обращения: 19.07.2024).
6. Конституция Российской Федерации [Электронный ресурс] – URL: <http://kremlin.ru/acts/constitution> (дата обращения: 20.07.2024).
7. Указ Президента Российской Федерации от 09.11.2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» [Электронный ресурс] – URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/48502> (дата обращения: 19.07.2024).
8. Концепция преподавания истории России для неисторических специальностей и направлений подготовки, реализуемых в образовательных организациях высшего образования [Электронный ресурс] – URL: https://minobrnauki.gov.ru/action/history_expert/files/Концепция_преподавания_истории_России_для_неисторических_специальностей.pdf (дата обращения: 20.07.2024).

Иванов А.В.
Ivanov A.V.

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ОСНОВАНИЯ ПОЛИТИКИ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ¹¹

SOCIOCULTURAL FOUNDATIONS OF NATIONAL IDENTITY POLICY IN TODAY'S RUSSIA

Аннотация. В статье рассматриваются некоторые аспекты, характерные для культурной составляющей российской национальной идентичности, отличающие ее от моделей, основанных на принципах нелиберальной демократии и универсализма. Особое внимание уделяется концепции государства-цивилизации, которая противопоставляется концепции национального государства.

¹¹ Работа выполнена при поддержке Минобрнауки России в рамках государственного задания (проект № FSRR-2024-0005).

Ключевые слова: российская национальная идентичность, государство-нация, государство-цивилизация, национально-цивилизационная идентичность, символическая политика, политика памяти

Summary. The article reviews some aspects characteristic of the cultural component of the Russian national identity distinguishing it from the models based on the principles of neo-liberal democracy and universalism. Close attention is paid to the concept of the civilization-state, as distinct from the nation state.

Key-words: Russian national identity, nation-state, civilization-state, national-civilizational identity, symbolic politics, politics of memory

Проблема национально гражданской идентичности в ее отношении к различным этническим, религиозным и культурным общностям имеет огромное теоретическое и практическое значение. В научной литературе неоднократно отмечалось, что важнейшим ресурсом успешного развития современных государств является их способность конструктивно управлять социокультурным многообразием, обеспечивать интеграцию разнородных социальных групп на основе универсальных принципов политического участия [1, с. 11]. С этой точки зрения в функционировании любого сложно организованного общества в той или иной форме существует дилемма между двумя важнейшими принципами политической интеграции: этнокультурное начало, предполагающее апелляцию к партикулярным ценностно-символическим контекстам, языку, культуре, истории, традициям и иным уникальным чертам отдельно взятого народа или доминирующей этнической группы, и гражданское начало, в основе которого лежит усвоение человеком универсалистских ценностей конструктивного участия в социальных взаимодействиях, демократических свобод и политической гражданской солидарности [2, S. 37]. С этой точки зрения последний тип идентификации, являющийся продуктом модернизации, тесно связан с политической культурой современного типа и институтами, в том числе с определяющим индивидуальным политико-правовой статус институтом гражданства.

Кроме этого, как полагают исследователи, в процессе эволюции политических систем сформировались три основные модели осуществления политической интеграции полиэтнических сообществ. «Во-первых, это модель империи, в которой специфическая этническая дифференциация общества сохраняется, а государственное единство обеспечивается за счет иерархической организации и контролируемой деэтнизации этничности. Во-вторых, это модель национального государства, организуемая по принципу деэтнизации государственности и создания надэтнической “политической нации”. И, в-третьих, это модель мультинационального государства, в рамках которой межэтническая интеграция реализуется через признание этнокультурного плюрализма общества и полиэтнизацию государства» [3, с. 210].

В современном многосоставном сообществе именно гражданская нация интегрирует этнонациональные, социально-экономические, социокультурные и иные общности, существующие и взаимодействующие в его границах на основе выходящей за их рамки гражданской идентичностью. Обзоры

различных западных и отечественных исследований демонстрируют, что формирование этнокультурных сообществ с претензией на самостоятельную нацию плохо сочетается с идеей общегражданской идентичности [4, с. 329]. В истории существует множество примеров, когда попытка создания демократических институтов без учета исторического контекста и игнорирование этнического фактора становится причиной разнообразных конфликтов и сепаратистских движений. Вместе с тем факт существования этнокультурного многообразия, рассматриваемый в отрыве от иных факторов, априори не является препятствием для построения эффективного правового государства и гражданского общества. Данные концептуальные положения очерчивают спектр возможностей и ограничений, с которыми сталкиваются многосоставные общества в условиях глобализации и всеобщей модернизации. В известной мере данная проблемная ситуация характеризует спектр вызовов и рисков для современной российской цивилизации, а также служит отправной точкой построения национальной стратегии политики идентичности в условиях геополитической напряженности.

Многовековой опыт российской государственности свидетельствует о нелинейном пути формирования национальной политической идентичности в многоэтничной стране с огромным культурным и языковым разнообразием. Пройдя сложный путь развития от имперского типа организации к новому и во многом пока еще неустойчивому гражданскому состоянию в результате многочисленных реформ и катаклизмов на протяжении XX века, российский социум продемонстрировал, что не несмотря на хаотичность исторической динамики и различные многочисленные негативные прогнозы, многократно озвученные западными теоретиками, Россия, тем не менее, остается устойчивым государством и полноправным субъектом цивилизационного процесса. Неудивительно, что такого рода стохастичность и неопределённость побуждает ряд аналитиков и в России, и на Западе предвещать российскому государству ту же участь, которая постигла Советский Союз, распавшийся в 1991 году на ряд самостоятельных государств [5], [6]. Признавая ошибочность крайностей в указанных оценочных суждениях, стоит признать, что формирование гражданской нации в РФ продолжается до сих пор, и учитывая это обстоятельство, можно утверждать, что успешное решение указанной задачи в обозримой исторической перспективе требует осуществления целого ряда системных шагов, направленных на решение проблем в области идеологии, культурной и национальной политики, укрепления государственности и институтов гражданского общества, решения экономических проблем развития регионов, но в первую очередь, ликвидацию угроз внутренней и внешней безопасности РФ.

Фундаментальное положение о необходимости осуществления в России формулы «единства в многообразии» на основе ценностей патриотизма, взаимного уважения народов, сохранения и развития русской культуры и языка, в также исторического и культурного наследия всех народов Российской Федерации, сформулированное в новой редакции Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации РФ до 2025

г., по практически единогласному признанию авторов, является попыткой нахождения баланса между идеей сильного государства, универсальной общегражданской идентичности, а также между поликультурным и поликонфессиональным характером России и сохранением русской культурной доминанты в публичном пространстве [7]. Принятию данного программного документа предшествовала широкая общественная дискуссия, в ходе которой были обозначены две перспективы осуществления политики идентичности: 1) стратегия государства-цивилизация; 2) стратегия государства-нация. И наконец, в последнее время все более наблюдается третья тенденция, состоящая в попытке сближения указанных перспектив и создания новой концепции в рамках концепции национально-цивилизационной идентичности.

Воспринимаемый многими российскими учеными и политиками концепт государства-нации как сугубо западный проект, а также происходящие в самих странах Запада процессы трансформации заставляет искать для определения российского социума новые подходы. В Послании Федеральному собранию 12 декабря 2012 г. В.В. Путин заявлял: «Россия веками развивалась как многонациональное государство – изначально так было, – государство-цивилизация, скрепленное русским народом, русским языком и русской культурой, которые для всех нас родные, которые нас объединяют и не дают раствориться в этом многообразном мире» [9, с 53]. Согласно данной концепции государство-цивилизация — это высшая стадия развития культурно-исторического типа, акцент делается на цивилизационной особости, приверженности глубоко укорененным культурным кодам, цементирующей роли непрерывной культурной традиции, выполняющую роль духовных скреп функционирования государственных институтов в условиях неоднородности социокультурной среды. Апеллируя к многовековой истории российской государственности и центральной роли русской культуры, ценностям патриотизма и жертвенного служения Отечеству, в этой концепции подчёркивается уникальный путь развития России, близости пути ее развития многим незападным обществам и культурам, таким как Китай, Индия, Иран. Для Запада приоритетным является универсальный характер прав и свобод, гражданского общества, представительной демократии, системы разделения властей, свободного рынка и ценностей индивидуального выбора. Для России — ценности межконфессионального диалога, сильного государства, цивилизационной и социально-экономической общности. Одним из ключевых атрибутов данной стратегии идентичности является апелляция к единству исторической судьбы сообщества, существующего в границах сложившегося культурно-цивилизационного пространства, актуализация глубинных пластов культурной памяти, формирующей новую социально-политическую реальность перед лицом глобальных вызовов современности.

Как мы видим, концепция государства-цивилизации возникает как прямое противопоставление идеи западной либеральной демократии. Вместе с этим можно согласиться с мнением В.В. Наумкина, что между этими моделями не существует жесткой дихотомии, и тем более было бы ошибочным

отдавать приоритет одной стратегии по отношению к другой [10]. Даже если исходить из тезиса о противопоставленности двух вышеназванных типов государства, можно допустить, что одно и то же государство может быть одновременно и цивилизацией, и нацией. Исходя из этого принципа В. И. Пантин обосновал понятие национально-цивилизационной идентичности, под которой понимается «отождествление или соотнесение себя индивидами с определенной национально-цивилизационной общностью, т.е. такой общностью, которая одновременно имеет черты как нации, так и цивилизации, или же является промежуточным образованием между нацией и цивилизацией» [11, с. 462]. В этом отношении национально-цивилизационная идентичность является своеобразным компромиссом между традиционным и современным способом политической идентификации, не позволяя распасться сложному полиэтничному обществу, представители разных слоев которого живут в разном историческом времени и обладают разной этнокультурной идентичностью. Политическая роль данного типа интеграции состоит в том, что скрепляющей полиэтничное общество основой России выступают отнюдь не либерализм, а сложное переплетение «просвещенного авторитаризма», демократических институтов, а также поликультурных региональных сообществ, объединенных общей исторической памятью и пространством русского языка и культуры, которая не вытесняет национальную культуру, а становится средством коммуникации между автономными этническими мирами. Вместе с этим важно понимать, что сам факт существования государственно-национальной идентификации не служит препятствием для развития в недрах сложносоставного общества демократических тенденций и идей гражданской солидарности. Для окончательного ценностного и институционального воплощения идеи гражданской идентичности в России потребуется время, а утверждение гуманных ценностей, справедливости, равенства возможностей, соблюдение прав человека, равенства перед законом, обеспечение баланса интересов большинства и меньшинств, для экономического и культурного развития страны, регионов, а не просто для укрепления государственных институтов, является единственно возможным путем укрепления российской государственности в XXI столетии.

Список литературы

1. Идентичность: личность, общество, политика. Новые контуры исследовательского поля / Отв. ред. И.С. Семенов / ИМЭМО РАН. Москва: Издательство «Весь Мир», 2023. – 512 с.
2. Schlenker-Fischer A. Demokratische Gemeinschaft trotz ethnischer Differenz. Theorien, Institutionen und soziale Dynamiken. Wiesbaden: VS Verlag für Sozialwissenschaft, 2009. – 320 S.
3. Бекназар-Юзбашев Т.Б. Этничность, коллективная идентичность и положение этноменьшинств в смешанных сообществах / Т.Б. Бекназар-Юзбашев // Права человека и проблемы идентичности в России и в современном мире / Под ред. О.Ю. Малиновой и А.Ю. Сунгурова. СПб.: Норма, 2005. С. 203–214
4. Тишков В.А. Реквием по этносу: Исследования по социально-культурной антропологии / В.А. Тишков – 2021. – 543 с.
5. Bugajski J. Failed State: A Guide to Russia's Rupture. Jamestown Foundation, 2022. 460 p.
6. Тойнби А. Д. 1000 лет одиночества. Особый путь России. М.: «Алисторус», 2019.

7. Указ Президента Российской Федерации «О внесении изменений в Стратегию государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года, утвержденную Указом Президента Российской Федерации от 19 декабря 2012 г. № 1666» // СПС «Консультант Плюс» [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.consultant.ru/cons/> (дата обращения: 01.08.2024)
8. Яхшиян О.Ю. Русский культурный (цивилизационный) код: идентичность и политика / О.Ю. Яхшин // Вестник университета. – 2019. – № 10. – С. 52–58.
9. Наумкин В.В. Модель не-Запада: существует ли государство-цивилизация? / В.В. Наумкин // Полис. Политические исследования. – 2020. – №4. – С. 78–93
10. Идентичность: Личность, общество, политика. Энциклопедическое издание / Отв. ред. И.С. Семенов. – ИМЭМО РАН. М.: Издательство «Весь Мир», 2017. – 992 с.

Константинов М.С., Пупыкин Р.А.
Konstantinov M.S., Pupykin R.A.

ИДЕНТИЧНОСТИ СОВРЕМЕННОГО РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА В ПОКОЛЕНЧЕСКОМ ИЗМЕРЕНИИ¹²

IDENTITIES OF MODERN RUSSIAN SOCIETY IN A GENERATIONAL DIMENSION

Аннотация: В статье представлены некоторые результаты анкетного опроса, проведённого сотрудниками кафедры теоретической и прикладной политологии Южного федерального университета в ноябре-декабре 2023 г. по общероссийской репрезентативной выборке (N=1600). Опрос был посвящён изучению мировоззренческих моделей современных россиян в поколенческом и региональном измерениях. В качестве теоретико-методологической базы выступила теория самокатегоризации Дж. Тёрнера. В статье представлены результаты анализа самоидентификации россиян.

Abstract: The article presents some results of a questionnaire survey conducted by employees of the Department of Theoretical and Applied Political Science of the Southern Federal University in November-December 2023 on an all-Russian representative sample (N=1600). The survey was devoted to the study of worldview models of modern Russians in generational and regional dimensions. J. Turner's theory of self-categorization served as a theoretical and methodological basis. The article presents the results of an analysis of self-identification of Russians.

Ключевые слова: мировоззрение, групповое сознание, ценностные константы, поколения России, идентичность.

Keywords: worldview, group consciousness, value constants, generations of Russia, identity.

В 2023 г. коллектив учёных из Южного федерального университета под руководством к.полит.н., доцента Р.А. Пупыкина провёл исследование мировоззренческих моделей современного российского общества в поколенческом и региональном измерениях. Базовой методологической предпосылкой исследования послужило представление о когнитивной самокатегоризации индивидов в качестве членов различных социальных сообществ – местных, профессиональных, поколенческих и т. д.: «Люди

¹² Исследование выполнено при финансовой поддержке Министерства науки и высшего образования РФ (Государственное задание в сфере научной деятельности проект № FENW-2024-0024)

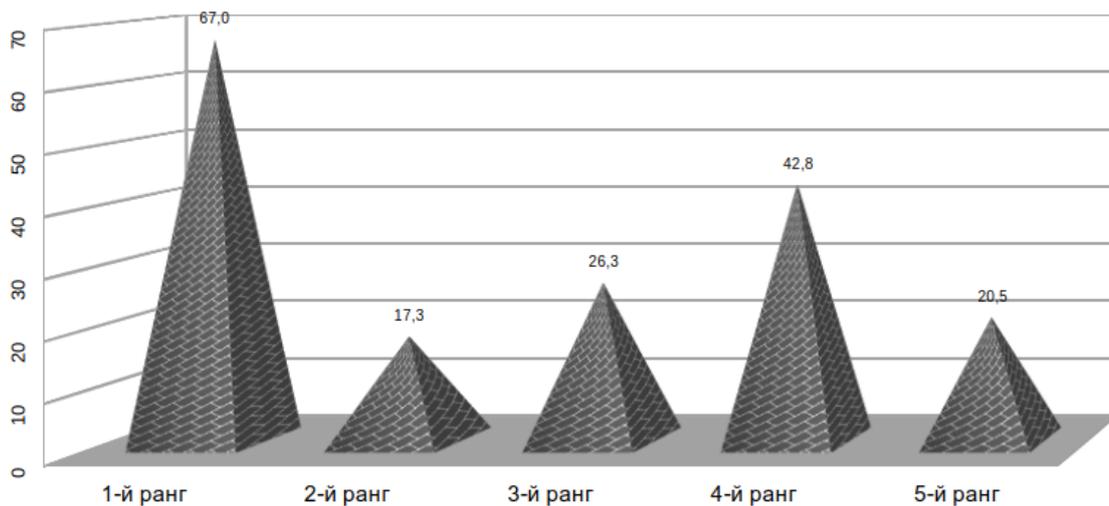
могут категоризировать себя в качестве индивидуумов на основании отличающих их от не членов данной группы. Попадание или непопадание в группу отражает самокатегоризацию на уровне социальной идентичности, который включает в себя больше, чем самокатегоризация на уровне личного "Я"» [1, с. 217]. Ключевым когнитивным механизмом самокатегоризации выступает принцип метаконтраста, суть которого состоит в том, что «эффект отличительной черты, определяющей либо принадлежность к группе, либо непопадание в неё заключается в усилении воспринимаемого сходства внутри группы и воспринимаемого различия между группами» [1, с. 218]. На этом основывалась анкета социологического опроса. Репрезентативная выборочная совокупность (N=1600, погрешность – 2,45%) стратифицировалась по двум критериям: возрастному и региональному (по месту проживания). Были опрошены четыре возрастные когорты по 400 респондентов в каждой, распределённых пропорционально на восемь российских регионов (по 200 респондентов в каждом).

Для исследования были выделены следующие возрастные когорты, соотносящиеся с четырьмя ключевыми поколениями современной России [см., например: 2; 3; 4; 5 и др.]: 18–24 лет («поколение Z»), 25–39 лет («поколение Y»), 40–59 лет («поколение X»), 60 лет и старше («поколение "беби-бумеров"»).

Географию опроса составили следующие регионы: Приморский край, Свердловская область, Республика Татарстан, Луганская область (ЛНР), Московская область, Новосибирская область, Ростовская область, Рязанская область.

Таким образом, одним из главных вопросов отношений индивида со значимыми другими («Я-МЫ-ОНИ») является вопрос самоидентификации, определение наиболее важной формы общности с другими, а также (по принципу «метаконтраста») противопоставление себя чужим, «ненашим», тем, кто вызывает отчуждение и неприязнь. Для исследования этого аспекта мировоззренческой модели в анкету были заложены два соответствующих вопроса: один вопрос на ранжирование («В какой степени Вы ощущаете чувство общности с другими людьми») и второй вопрос – матричный – предлагавший респондентам оценить отношения с другими социальными группами (“out-group”, по терминологии Дж. Тёрнера) по критериям «сильное отчуждение и неприязнь», «лёгкое чувство неприязни», а также «не вызывает никаких негативных эмоций». Результаты анализа этих двух вопросов представлены в данной работе.

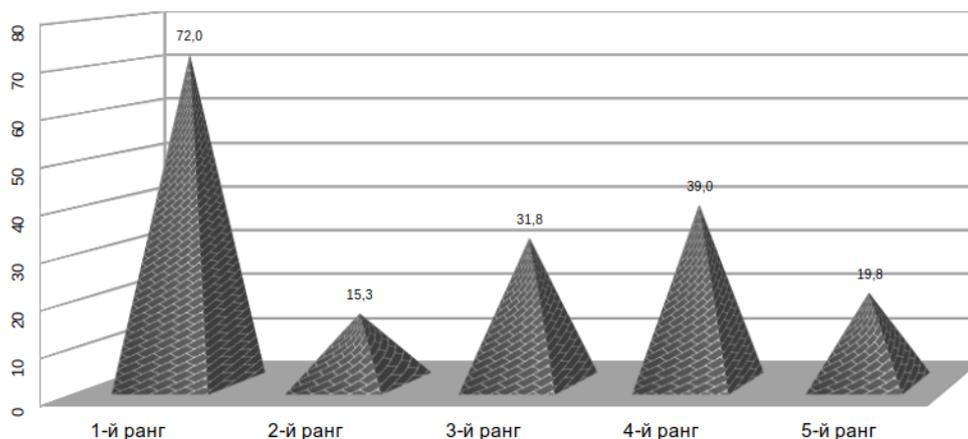
Для ранжирования респондентам предлагалось 13 основных социальных групп, с которыми он мог бы себя идентифицировать. Наиболее значимыми оказались первые пять рангов (см. рис. 1–4). Все поколения на первое место поставили свою семью.

1-й ранг: Моя семья
 2-й и 4-й ранги: Все женщины / мужчины
 3-й и 5-й ранги: Круг моих хороших друзей и знакомых

Рисунок 1. Ранжирование социальных групп по степени общности для поколения Z (в процентах)

На второе место после семьи все четыре возрастные когорты поставили ответную позицию «Все женщины / мужчины». Эта же позиция встречается и на четвёртом месте.

1-й ранг: Моя семья
 2-й и 4-й ранги: Все женщины / мужчины
 3-й ранг: Мои коллеги по профессии / работе
 5-й ранг: Люди, разделяющие мои взгляды на жизнь

Рисунок 2. Ранжирование социальных групп по степени общности для поколения Y (в процентах)

Выявленный факт, что для всех поколений «моя семья» с очень высокими показателями занимает первый ранг, а «Все женщины / мужчины» – четвёртый (и частично второй) говорит скорее о культурных универсалиях, чем о поколенческих различиях. О таковых различиях можно говорить применительно к двум другим рангам, которые имеют определённую вариативность: поколение Z на третье и пятое место поставило «Круг моих друзей и хороших знакомых», хотя другой ответ, который предпочли представители трёх других поколений («Мои коллеги по профессии / работе»)

также набрал достаточно высокие показатели. А вот «Люди, разделяющие мои взгляды на жизнь» у поколения Z ни в одном из рангов не вышли в лидеры. Интересно также, что позиция «Люди, близкие мне по политическим убеждениям» у всех поколений заняла только шестое место.

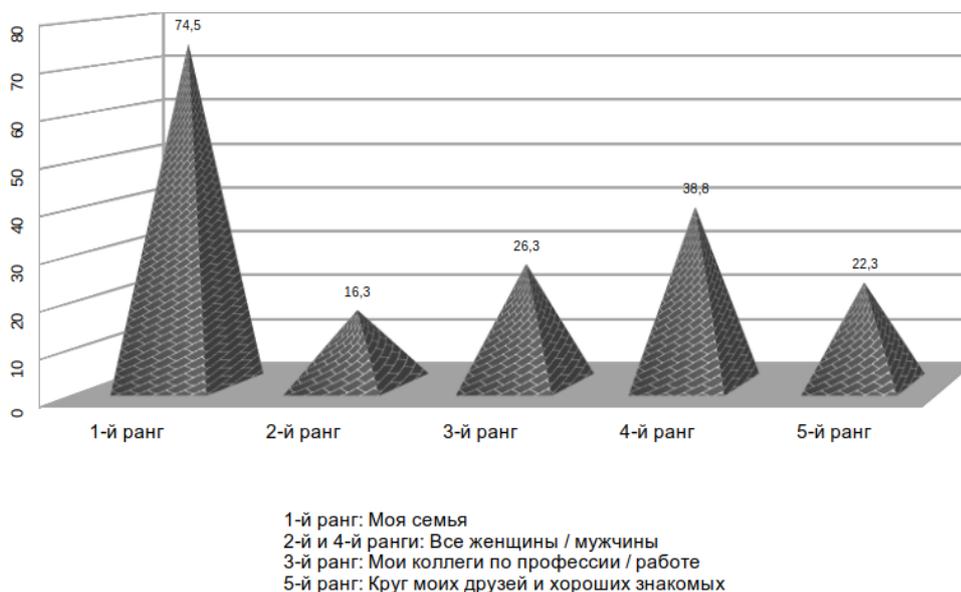

Рисунок 3. Ранжирование социальных групп по степени общности для поколения X (в процентах)

Невысокие позиции также заняли другие формы общности: культурная, этнонациональная, религиозная, языковая и т. д.

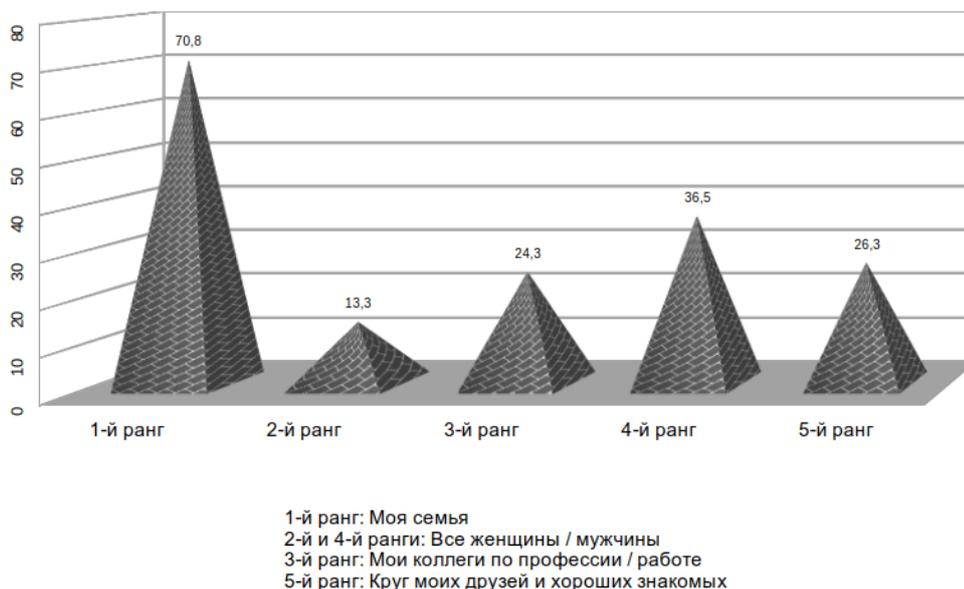

Рисунок 4. Ранжирование социальных групп по степени общности для поколения «беби-бумеров» (в процентах)

Если судить по приведённым на рис. 1–4 данным, россияне представляют собой вполне зрелое гражданское общество с обычными для гражданских обществ формами взаимосвязи и взаимозависимости: семейной, профессиональной, гендерной, а также по интересам и дружескому взаиморасположению. Посмотрим теперь, к каким социальным группам российские поколения испытывают неприязнь и отчуждение (см. Таблицу 1).

Таблица 1. Контингентность возраста с формами социального отчуждения¹³

К каким категориям людей Вы испытываете наибольшее отчуждение и неприязнь? Кто для Вас лично «НЕнаш»?		Возраст по когортам					
		18–24	25–39	40–59	60+	Всего	
3.	Конкуренты по моей работе	Сильное отчуждение и неприязнь	6,3	3,0	2,0	1,0	3,1
		Лёгкое чувство неприязни	31,3	28,7	27,0	22,8	27,4
		Не вызывает никаких негативных эмоций	56,5	61,8	62,3	55,8	59,1
4.	Личные враги	Сильное отчуждение и неприязнь	33,8	33,5	36,3	44,5	37,0
		Лёгкое чувство неприязни	40,0	28,7	34,8	29,3	33,2
		Не вызывает никаких негативных эмоций	18,0	22,5	16,3	11,3	17,0
5.	Люди, НЕ разделяющие мои взгляды на жизнь	Сильное отчуждение и неприязнь	5,8	4,5	3,5	5,5	4,8
		Лёгкое чувство неприязни	30,8	31,8	35,0	39,0	34,1
		Не вызывает никаких негативных эмоций	58,8	56,3	55,8	46,0	54,2
6.	Люди, НЕ разделяющие мои политические убеждения	Сильное отчуждение и неприязнь	6,8	6,5	6,5	6,3	6,5
		Лёгкое чувство неприязни	23,3	19,8	24,3	37,5	26,2
		Не вызывает никаких негативных эмоций	62,3	63,7	60,3	46,0	58,1

¹³ В процентах по столбцам; опущены ответные позиции: 1. «Соседи», 2. «Представители противоположного пола», 14. «Представители отличных от моего вероисповеданий» и 15. «Люди, говорящие на другом языке», показавшие достаточно низкие значения неприязни по всем возрастным категориям; опущены также все ответные позиции «Затрудняюсь ответить».

К каким категориям людей Вы испытываете наибольшее отчуждение и неприязнь? Кто для Вас лично «НЕнаш»?			Возраст по когортам				
			18–24	25–39	40–59	60+	Всего
7.	Столичные жители	Сильное отчуждение и неприязнь	2,8	2,5	5,3	9,8	5,1
		Лёгкое чувство неприязни	8,5	12,5	19,3	24,0	16,1
		Не вызывает никаких негативных эмоций	83,3	75,0	70,0	58,0	71,6
8.	Американцы	Сильное отчуждение и неприязнь	4,8	11,8	15,8	30,3	15,6
		Лёгкое чувство неприязни	10,8	12,0	22,5	20,8	16,5
		Не вызывает никаких негативных эмоций	79,3	67,3	51,2	41,0	59,7
9.	Европейцы	Сильное отчуждение и неприязнь	4,0	8,3	10,5	20,3	10,8
		Лёгкое чувство неприязни	8,8	12,3	20,0	26,5	16,9
		Не вызывает никаких негативных эмоций	81,3	71,0	58,3	44,5	63,7
10.	Китайцы	Сильное отчуждение и неприязнь	1,5	4,0	1,3	3,0	2,4
		Лёгкое чувство неприязни	5,5	8,5	9,8	12,8	9,1
		Не вызывает никаких негативных эмоций	87,3	76,8	80,0	77,8	80,4
11.	Евреи	Сильное отчуждение и неприязнь	3,3	6,5	6,8	7,8	6,1
		Лёгкое чувство неприязни	7,5	10,8	15,0	18,0	12,8
		Не вызывает никаких негативных эмоций	82,5	72,8	64,5	63,0	70,7

К каким категориям людей Вы испытываете наибольшее отчуждение и неприязнь? Кто для Вас лично «НЕнаш»?			Возраст по когортам				
			18–24	25–39	40–59	60+	Всего
		негативных эмоций					
12	Граждане некоторых (или всех) стран СНГ	Сильное отчуждение и неприязнь	3,3	4,8	5,0	6,3	4,8
		Лёгкое чувство неприязни	12,0	15,0	22,5	28,0	19,4
		Не вызывает никаких негативных эмоций	79,0	69,5	61,5	56,3	66,6
13	Представители некоторых национальностей	Сильное отчуждение и неприязнь	5,8	5,8	6,3	9,3	6,8
		Лёгкое чувство неприязни	22,8	22,0	31,5	32,0	27,1
		Не вызывает никаких негативных эмоций	65,0	59,8	51,5	50,0	56,6
16	Культурно чуждые мне люди	Сильное отчуждение и неприязнь	2,5	3,0	1,8	3,8	2,8
		Лёгкое чувство неприязни	10,8	17,0	21,3	31,3	20,1
		Не вызывает никаких негативных эмоций	76,5	70,0	64,3	48,5	64,8

Итак, как мы видим, что в среднем россияне достаточно толерантные люди: в массе они не испытывают ксенофобии по признакам языка, культуры, национальности и др. Однако в поколенческом аспекте всё выглядит несколько сложнее: чем старше опрошенные респонденты, тем более они склонны испытывать отчуждение и неприязнь к представителям других культур, цивилизаций, носителям других языков и вероисповеданий. Так, к жителям российской столицы не испытывают никаких негативных эмоций 83,3 % поколения Z и только 58,0 % возрастной когорты 60 лет и старше. Аналогичным образом распределяется неприязнь и к американцам (только 15,6 % испытывают неприязнь из числа представителей поколения Z и 51,1 % – поколения «беби-бумеров»), европейцам (12,8 % – Z vs 46,8 % «беби-бумеры»), евреям (10,8 % – Z vs 25,8 % «беби-бумеры»), гражданам стран СНГ (15,3 % – Z vs 34,3 % «беби-бумеры»), представителям некоторых

национальностей (28,6 % – Z vs 41,3 % «беби-бумеры») и культурно чуждым людям (13,3 % – Z vs 35,1 % «беби-бумеры»). Везде мы наблюдаем рост ксенофобии по мере взросления, но особенно бросается в глаза, конечно, неприятие некоторых национальностей, начинающееся уже у молодых людей и существенно усиливающееся по мере взросления. Иначе обстоит дело с людьми, не разделяющими политические убеждения наших респондентов и их взгляды на жизнь: здесь довольно высокий уровень неприязни как среди младших поколений, так и среди старших (36,8 % – к людям, не разделяющим взгляды на жизнь, и 30,1 % – к не разделяющим политические убеждения среди поколения Z, что вполне сопоставимо с 45,5 % и 43,8 % – среди поколения «беби-бумеров», соответственно). Но в целом россияне предпочитают выражение «лёгкое чувство неприязни» вместо «сильное отчуждение и неприязнь», что скорее можно охарактеризовать как толерантность нежели как ксенофобию (исключение составляют личные враги, в сильной неприязни к которым признаются 33,8 % поколения Z и 44,5 % поколения «беби-бумеров», а также американцы и европейцы, сильное отчуждение и неприязнь к которым испытывают старшие поколения (30,3 % и 20,3 % «беби-бумеров», соответственно).

Итак, по результатам проведённого анализа можно сделать следующие выводы. В качестве культурных универсалий в структуре российской идентичности выступают тесные связи со своей семьёй, а также гендерная идентичность, а поколенческая специфика (принцип «метаконтраста») – в отношениях к группам по интересам, а также в профессиональной самоидентификации. Но наиболее ярко поколенческая специфика проявляется в отношениях к группам «ненаших»: чем старше респондент, тем менее он толерантен.

Список литературы

1. Тёрнер Д. Социальное влияние / Д. Тёрнер. – Москва: Питер, 2003. – 256 с.
2. Левада Ю.А. Поколения XX века: возможности исследования / Ю.А. Левада // Ищем человека: Социологические очерки, 2000–2006. – М. : Новое издательство, 2006. – С. 33–44.
3. Радаев В.В. Миллениалы: Как меняется российское общество / В.В. Радаев. – М. : Издательский дом Высшей школы экономики, 2019. – 221 с.
4. Твенге Д. Поколение селфи. Кто такие миллениалы и как найти с ними общий язык / Д. Твенге. – М. : Бомбора, 2018. – 336 с.
5. Твенге Д. Поколение I. Почему поколение Интернета утратило бунтарский дух, стало более толерантным, менее счастливым и абсолютно не готовым ко взрослой жизни / Д. Твенге. – М. : Рипол Классик, 2019. – 464 с.

ПЕРФОРМАТИВНАЯ КОММЕМОРАЦИЯ ДНЯ ПОБЕДЫ В ДОНЕЦКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКЕ

PERFORMATIVE COMMEMORATION OF VICTORY DAY IN THE DONETSK PEOPLE'S REPUBLIC

Аннотация. В данной работе исследуются практики перформативной коммеморации ко Дню Победы в Донецкой Народной Республике. Рассматривается гражданское участие в праздничных мероприятиях на коллективном и индивидуальном уровне в контексте актуальных событий последних лет. Отмечается, что символы, образы и смыслы времен ВОВ и ныне сохраняют свое первоначальное значение, расширяя свое смысловое содержание, исходя из современных реалий и формируя новые акценты в политике памяти России.

Ключевые слова: перформативная практика, коллективная память, сакрализация, «места памяти», коммеморация

Summary. This paper explores the practices of performative commemoration of Victory Day in the Donetsk People's Republic. It examines civic participation in celebrations at the collective and individual level in the context of current events in recent years. It is noted that the symbols, images and meanings of the times of the Great Patriotic War still retain their original meaning, expanding their semantic content based on modern realities and forming new accents in the memory policy of Russia.

Key-words: performative practices, collective memory, sacralization, «places of memory», commemorations

На сегодняшний день Россия стоит перед лицом сложнейших внутренних и внешних вызовов и преобразований. Ревизионистская политика западных стран в отношении темы Второй мировой войны, модификация ее итогов стали одним из действенных инструментов в руках иностранных политиков в отношении России: создаются новые мифы о Второй мировой войне, пересматриваются итоги Великой Отечественной войны, усиливаются тенденции к фальсификации истории и очернения СССР и России как ее правопреемницы. На фоне этих процессов в российском обществе остро ощущается потребность сохранения истинных событий прошлого, исторической памяти, поскольку она является неким «цементирующим» межпоколенческим фактором, органично вплетенным в канву современных политических процессов государства. И в этом ряду, огромную значимость, вновь приобретают события времен Великой Отечественной войны и Дня Победы, символы и образы которых приобрели и современную модификацию в контексте агрессии Украины против русского народа Донбасса, вызвав тем самым проведение специальной военной операции (СВО). Одной из главных ее целей является «денацификация», которая, в первую очередь, носит идеологический характер. Совместное прошлое было разрушено Украиной, подвергнуто обструкции, уничтожению и забвению, уступив место нацистскому реваншизму. Поэтому, неудивительно, что символы Победы над

нацизмом получили «вторую жизнь», сохранив при этом свое первоначальное значение.

Целью является изучение коллективных и индивидуальных практик, связанных с перформативными формами коммеморации Дня Победы в ДНР.

Под исторической памятью принято понимать целенаправленно сконструированный средствами исторической политики относительно устойчивый набор взаимосвязанных коллективных представлений о прошлом группы, кодифицированный и стандартизированный в общественных, культурных, политических дискурсах, мифах, символах, мнемонических и коммеморативных практиках [1, с.24]. Коммеморативные практики включают в себя разные виды и формы реконструкции взаимодействия прошлого и настоящего для внедрения определенных ценностей и моделей поведения в рамках общей коллективной памяти. Они несут в себе мировоззренчески важную информацию о прошлом через увековечение определенных лиц и событий для поддержания в обществе единого отношения к прошлому народа и государству [2]. В этом контексте важны «места памяти», которые воплощают в себе единство духовного и материального, ставшие со временем (и по воле людей) значимым символическим элементом наследия национальной памяти общности. Это могут быть памятники (культуры и природы), праздники, эмблемы, торжества в честь людей или событий, прощальные, погребальные речи, похвальные слова [3, с.36]. Любые практики индивида, группы или сообщества, демонстрирующие «воспоминание действием» относятся рядом ученых к перформативной коммеморации [4]. Дж. Браун относит к ним любые акции, «оживляющие» текст, будь то историческая реконструкция сражения 1944 г. или коллективное пение военных песен [4]. По содержанию перформативной коммеморации практики могут быть «фамильными» (указывающими на связь человека со своими предками) и «гражданскими» (указывающими на память о войне в целом, без биографической привязки) [4].

Донецкий регион, еще будучи в составе Украины, всегда трепетно чтит память о событиях Великой Отечественной войны и Дне Победы. Население Донбасса воспринимало себя неотъемлемой частью народа – победителя, а сам праздник, пронизанный победным символизмом, стал одним из самых важных и почитаемых. Его публичная манифестация сопровождалась перформативностью коммеморативных практик как на коллективном, так и на индивидуальном уровне. Люди массово шли к советским мемориалам для возложения цветов, одевали георгиевскую ленту, украшали соответствующей символикой машины, шили военную форму тех времен.

Государственный переворот в Украине в 2014 г. и последовавшая за ним вооруженная агрессия против Донбасса лишь усилила перформативную составляющую праздника, популяризовав символику, которую люди начали массово использовать повсеместно как маркер своей идентичности. Огромное количество добровольцев, спешащих на помощь Донбассу, нашивали на военную форму георгиевские ленты, водружали на освобожденных территориях красный флаг как символ Победы и негибаемой стойкости,

защищая свою Родину и повторяя подвиги своих героических предков. К примеру, с 2014 года на шевронах добровольческого батальона «Восток», стилизованных под георгиевскую ленту, был изображен Георгий Победоносец поражающий зло в виде змея[5].

Празднование Дня Победы, особенно в сложных военно-политических условиях и постоянных обстрелах республики со стороны Украины, приобрело практически сакральный характер. Одной из наиболее массовых акций стало шествие «Бессмертного полка». К примеру, в 2016 г. в нем приняло участие 30 тыс. [6], в 2018 г. – 70 тысяч [7], в 2019 – 100 тысяч человек [8]. Еще одним трендом шествия была популяризация советской формы или отдельных ее элементов. К примеру, ленты местных новостей и социальных сетей пестрели фотографиями детей разного возраста, одетых в советскую военную форму тех лет.

Пандемия COVID изменила сам формат проведения шествия на онлайн – версию, и тысячи фотографий своих родных, декорированных георгиевскими лентами, украсили окна домов и разных учреждений республики, аккаунтов в социальных сетях и мессенджерах, где пользователи рассказывали о своих близких [9]. Новой традицией данной акции в республике, стало то, что в одном строю с героями Великой Отечественной войны в «Бессмертном полку» были фотографии и героев-воинов (отцов, сыновей, братьев, друзей) вставших на защиту своей Родины и отдавших свои жизни за свободу Донбасса.

Одновременно с этим проводились и коллективные автопробеги, украшенные праздничной символикой (наклейки, георгиевские ленты, знамя Победы) и звуковым сопровождением. К примеру, в 2020 г. в Донецке, по главным магистралям города прошел один из самых масштабных автопробегов с участием в нем коллекционных советских автомобилей, которые на финише в парке культуры и отдыха им. Ленинского Комсомола выстроились в форме юбилейной даты «75» [10]. Одной из популярных в Республике и уже ставшей традиционной формой перформативной практики, была реализация гражданских инициатив в виде зажжение свечей возле мемориальных памятников в виде «Помним!» и «Донецк помнит!» [11].

Песенные флешмобы и челленджи под общим тематическим названием «Песни Победы» также являются неотъемлемой частью праздничных мероприятий. К примеру, в 2019 г. в торгово-развлекательном центре «Донецк-Сити» прошел 6-ти часовой песенный марафон «Одна победа», организованный Школой Вокального Искусства[12]. При этом, необходимо отметить то, что организаторами данных акций выступали не только творческие коллективы и студенты, но и отдельные граждане, которые в разных локациях (скверы, парки, пр.) пели песни военных лет [13]. Так, жители одного из многоквартирных домов города Макеевки присоединились к акции «Поем двором», в рамках которой исполнили ряд песен, посвященных Победе в Великой Отечественной войне [14].

Безусловно, важность вышеперечисленных гражданских инициатив как коллективных, так и индивидуальных неоспорима, поскольку сохраняет преемственность, укрепляя ту самую межпоколенческую связь, пронизанную

символизмом и эмоциями, желанием людей не только помнить и чтить, но вовлекаться в традиционные и новые формы «воспоминания действием». Сегодняшние события на Донбассе актуализировали героические образы и смыслы времен Великой Отечественной войны, формируя некое мемориальное пространство, в котором переплетается «старые» и уже «новые» места памяти, визуализируя героические страницы нашего прошлого и выкристаллизуя коллективную память, добавляя в нее события последних лет.

Список литературы

1. Русаков В.М., Русакова О.Ф. Инфраструктура новой политики национальной памяти на постсоветском пространстве. К постановке проблемы / В.М. Русаков, О.Ф. Русакова // Научный журнал «Дискурс-Пи». – 2020. №2(39). – С. 27–47.
2. Исапилова З.А. Роль коммеморативных практик в процессе функционирования и развития исторической памяти / З.А. Исапилова // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота, 2016. № 2 (64). – С. 70–73.
3. Сабанчеев Р.Ю. Концепция «мест памяти» П. Нора как способ исторической реконструкции / Р.Ю. Сабанчеев // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. – 2018. – №1. – С. 33–38.
4. Архипова А., Доронин Д., Кирзюк А., Радченко Д., Соколова А., Титков А., Югай Е. Война как праздник, праздник как война: перформативная коммеморация Дня Победы / А. Архипова, Д. Доронин, А. Кирзюк, Д. Радченко, А. Соколова, А. Титков, Е. Югай // Антропологический форум. – 2017. – № 33. – С. 84–122.
5. Нахимов С. Батальон «Восток»: от спецназа Альфа до ВВ ДНР / С. Нахимов [Электронный ресурс]. – URL: <https://amalantra.ru/batalon-vostok/>(дата обращения 11.08.2024)
6. Более 30 тысяч человек приняли участие в шествии «Бессмертного полка» в Донецке // ТАСС [Электронный ресурс]. – URL: <https://tass.ru/obschestvo/3267832mm> (дата обращения 06.08.2024)
7. Осипова Н. Им не было стыдно за нас. Истории Бессмертного полка в Донецке / Н. Осипова [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.donetsk.kp.ru/daily/26828.7/3867321/>(дата обращения: 08.08. 2024).
8. Военный парад и стотысячный «Бессмертный полк»: как Донецк отметил день победы. [Электронный ресурс]. – URL: https://tsargrad.tv/articles/voennyj-parad-i-stotysjachnyj-bessmertnyj-polok-kak-stolica-donbassa-otmetila-den-pobedy_198650 (дата обращения: 08.08. 2024).
9. В ДНР прошла онлайн – акция «Бессмертный полк». [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.mk-donbass.ru/social/2022/05/09/v-dnr-proshla-onlaynakciya-bessmertnyy-polok.html> (дата обращения 11.08.2024)
10. 9-мая праздник поколений. [Электронный ресурс]. – URL: <https://culture-dnr.ru/chitat/traditsii/2375-9-maya-prazdnik-pokolenij/>(дата обращения: 08.08. 2024).
11. В центре Донецка зажгли тысячи свечей. [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.mk-donbass.ru/culture/2022/05/10/v-centre-donecka-zazhgli-tysyachi-svechey-v-pamyat-opogibshikh.html> (дата обращения: 09.08.2024)
12. В Донецке установили первый песенный рекорд: жители Республики 6 часов пели песни о Великой Победе. [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.donetsk.kp.ru/daily/26974/4033786/>
13. Жители Донецка вышли на улицы и исполнили песни Победы несмотря на отмену парада. URL: <https://life.ru/p/1492871> (дата обращения 11.08.2024)

14. Жители Макеевки в ДНР исполнили военные песни в рамках акции «Поем двором». [Электронный ресурс]. – URL: <https://life.ru/p/1492926> (дата обращения 11.08.2024)

Мохорова А.Ю., Черноземова Я.В.
Mokhorova A.Yu., Chernozemova Y.V.

ВОЛОНТЕРСТВО КАК МЕХАНИЗМ ФОРМИРОВАНИЯ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ МОЛОДЕЖИ

VOLUNTEERING AS A MECHANISM FOR FORMING THE HISTORICAL MEMORY OF YOUNG PEOPLE

Аннотация. Изучение механизмов формирования исторической памяти современной российской молодежи является актуальным вопросом для государства, научного сообщества и практиков. Автором проанализировано содержание понятий «историческая память», «волонтерство»; установлены основные механизмы, влияющие на формирование исторической памяти студенческой молодежи; исследован опыт волонтерских студенческих движений.

Ключевые слова: историческая память, волонтерство, добровольчество, молодежь, студенты.

Summary. The study of the mechanisms of formation of historical memory of modern Russian youth is an urgent issue for the state, scientific community and practitioners. The author analyzed the content of the concepts of "historical memory" and "volunteering"; established the main mechanisms influencing the formation of historical memory of student youth; researched the experience of volunteer student movements.

Key-words: historical memory, volunteering, youth, students.

Знания и представления о прошлом создают условия для сохранения и развития нравственных ценностей и приоритетов у отдельных групп людей. Обращение к вопросам формирования исторической памяти становится особенно актуальным в ходе становления новой государственности, а также в сложные и кризисные периоды существования государства.

В Российской Федерации на конституционном уровне закреплены нормативные положения, направленные на сохранение исторической памяти и российской культуры [1], которые получили свое развитие в федеральном законодательстве, указах Президента и постановлениях Правительства [2-5].

При этом само понятие «историческая память» на легальном уровне не закреплено. В доктрине оно разрабатывалось в исследованиях М. Хальбвакса в рамках концепции «коллективной» памяти [6, с. 11], а в дальнейшем стало активно развиваться в трудах российских и зарубежных ученых [7, с. 32]. При этом до настоящего времени однозначного определения «исторической памяти» не сформулировано, указывается на невозможность выработки единой концепции в связи с недостаточностью комплексных исследования данного явления [8, с. 19], или, наоборот, на слишком активное использование данного термина не профессиональными историками, что ведет к субъективным представлениям о тех или иных исторических событиях, фактах, личностях [9]. Ряд авторов исходит из того, что феномен исторической памяти требует философского осмысления [10].

Формирование исторической памяти – очень важный, сложный и ответственный процесс в любом государстве. Множество факторов влияют на него, в том числе уровень правового регулирования и степень разработанности государственной политики в данной сфере, создание условий в рамках образовательных учреждений, деятельность формальных и неформальных институтов в политической системе конкретного государства, а также целый ряд субъективных факторов, таких как уровень образования, экономического благосостояния и т.п.

Наиболее пристальное внимание уделяется формированию исторической памяти у молодого поколения, ведь современная молодежь является «проводником накопленных традиций и культурных достижений последующими поколениями» [11].

Одним из механизмов формирования исторической памяти студенческой молодежи является вуз [12, с. 13]. Федеральными государственными образовательными стандартами в рамках обучения в системе высшего образования предусмотрено обязательное формирование целого ряда универсальных компетенций, которые напрямую связаны с рассматриваемым направлением деятельности: системное и критическое мышление, межкультурное взаимодействие, гражданская позиция. В условиях важности истинного освещения исторического развития российской государственности, высшие учебные заведения с 2023 года включили в образовательный процесс дисциплины «Основы российской государственности», «История России».

Не менее важным направлением формирования исторической памяти выступает внеучебная работа. Разновидностью внеучебной работы является осуществление студентами волонтерской (добровольческой) деятельности, как одной из форм проявления патриотизма, направленной на реализацию принципов гражданского общества, основанного на самоорганизации и социальной ответственности.

В последние несколько лет фиксируется рост числа граждан и организаций, которые принимают активное участие в добровольческой деятельности [13, с. 90], а сама такая деятельность в России направлена на решение жизненных проблем и социально значимых задач, стоящих перед обществом [14].

В законодательстве Российской Федерации под добровольческой (волонтерской) деятельностью понимается добровольная деятельность в форме безвозмездного выполнения работ и (или) оказания услуг в социально-значимых целях [15, ст. 1, 2].

В Санкт-Петербургском политехническом университете Петра Великого (СПбПУ) реализуется множество проектов, задачей которых является формирование патриотического сознания, активной гражданской позиции, на основе знаний о истории и культуре государства и его базовых ценностях, в том числе успешно работает Добровольное студенческое объединение «Политехническая дружина», порядок и условия деятельности которого определены Положением, утвержденным приказом ректора СПбПУ №1947 от 07.11.2020 года [16].

Целью данного объединения выступает профилактика асоциальных явлений в молодежной среде, участие в предупреждении правонарушений, содействие в охране общественного порядка во взаимодействии со структурами университета, правоохранительными органами, органами государственной власти и органами местного самоуправления, сохранение исторической памяти. Свою деятельность Дружина осуществляет на принципах добровольности, законности и справедливости. Дружина реализует профилактические и социально значимые мероприятия в рамках молодежной и социальной политики. Также ее деятельность направлена на повышение правовой грамотности, осуществление воспитательной и патриотической работы. Это чрезвычайно важный проект, позволяющий молодежи внести свой вклад в обеспечение общественного порядка и безопасности, повысить как собственный, так и общественный уровень правовой культуры и правового сознания.

Обеспечение правопорядка поможет молодежи осознать ценность общественной безопасности и стабильности, повысить авторитет правоохранительных органов в глазах молодых людей, снизить риски вовлечения несовершеннолетних в совершение противоправных деяний, сформировать у молодого поколения активную гражданскую позицию, чувство сопричастности к процессам, происходящим в стране, истории и культуре России, поддержание духа патриотизма среди молодого поколения путем участия в добровольческой деятельности.

Политехническая дружина осуществляет свою деятельность путём ежедневных дежурств на территории кампуса под непосредственным руководством командира и бригадиров Дружины. В дежурствах ежедневно участвуют студенты политехнического университета в качестве дружинников (волонтеров).

Дружинники взаимодействуют с юридической клиникой СПбПУ в рамках консультирования граждан по вопросам правил поведения в общественных местах и другим правовым ситуациям, связанным с их деятельностью. Участвуют в проведении и организации семинаров и круглых столов по противодействию актуальным проблемам современности с участием сотрудников правоохранительных органов в целях профилактики экстремизма и терроризма, организации антитеррористической деятельности, противодействия возможным фактам проявления терроризма и экстремизма, достижение необходимого уровня правовой культуры обучающихся.

Ежегодно в начале мая дружинники проводят акцию «Георгиевская ленточка», посвященную Дню Победы, с целью почтить память героев нашей Родины и выразить свое почтение ветеранам Великой Отечественной войны. В рамках акции дружинники вручают Георгиевские ленточки со словами поздравления политехникам и прохожим как символ Дня Победы, в знак благодарности павшим героям, спасшим мир от фашизма.

В сентябре и январе дружинники участвуют в мероприятиях, посвященных увековечиванию памяти о начале и окончании блокады Ленинграда, важных для города.

Участвуя в таких мероприятиях, студенты обращаются к истории, получают информацию о событиях прошлого, формируют свое отношение к ним.

Формирование исторической памяти начинается с формирования социально активной позиции личности. Добровольная деятельность студентов, направленная на участие в различных сферах жизнедеятельности государства, является фактором развития такой личности и проявления своей активной жизненной позиции, доказывая не на словах, а на деле свое желание изменить мир к лучшему с учетом опоры на исторические факты и события и их корректную оценку. Участие в добровольческих формированиях не только воспитывает сострадание, соучастие, помощь нуждающимся в ней, формирует качества организованности, ответственности, целеустремленности, но и способствует выработке и закреплению в характере каждого человека таких важнейших качеств, какими являются самодисциплина, самоорганизация, осознание чести, долга перед своей страной, защита ее интересов, уважительное отношение к истории своей Родины.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Конституция [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.constitution.ru> (дата обращения: 25.07.2024).
2. Федеральный закон от 29.12.2012 № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» // Консультант [Электронный ресурс]. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_140174/ (дата обращения: 26.07.2024).
3. Основы государственной культурной политики, утвержденные Указом Президента Российской Федерации от 24.12.2014 № 808 // Официальные цифровые ресурсы Президента России [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/39208> (дата обращения: 30.07.2024).
4. Основы государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей, утвержденные Указом Президента Российской Федерации от 09.11.2022 № 809. // Официальные цифровые ресурсы Президента России [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/48502> (дата обращения: 28.07.2024).
5. Стратегия государственной культурной политики на период до 2030 года, утвержденная Распоряжением Правительства Российской Федерации от 29.02.2016 № 326- р. // Правительство России [Электронный ресурс]. – URL: <http://static.government.ru/media/files/AsA9RAyYVAJnoBuKgH0qEJA9IxP7f2xm.pdf> (дата обращения: 28.07.2024).
6. Хальбвакс М. Коллективная и историческая память / М. Хальбвакс // Неприкосновенный запас. 2005. – №2-3. – С. 8–27.
7. Шнирельман В.А. Социальная память: вопросы теории / В.А. Шнирельман // Историческая память и российская идентичность / под ред. В.А. Тишкова, Е.А. Пивневой. – РАН. 2018. – С. 12–35.
8. Дорская А.А., Дорский А.Ю. Сохранение исторической памяти в СССР и Российской Федерации: общее и особенное в правовых подходах / А.А. Дорская, А.Ю. Дорский // Вестник МГПУ. Серия: Юридические науки. – 2023. №1 (49). – С. 7–16.

9. Савельева И.М., Полетаев А.В. «Историческая память»: к вопросу о границах понятия. В кн. Феномен прошлого / И.М. Савельева, А.В. Полетаев. – М.: Издательский дом ГУ ВШЭ. 2005. С. 117–120.
10. Алексеева И.Ю., Алексеев А.П. Философия исторической памяти / И.Ю. Алексеева, А.П. Алексеев // Вопросы философии. 2018. № 10. URL: http://vphil.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=2056&Itemid=52&ysclid=lzd3cww8bs608599393 (дата обращения: 28.07.2024).
11. Lubsky A.V., Kolesnykova E.Y., Lubsky R.A. Mental Programs and Social Behavior Patterns in Russian Society // International Journal of Environmental and Science Education. 2016. Vol. 11. № 16. P. 9549 – 9559.
12. Ахметшина А.В. Понятие «Историческая память» и ее значение в современном российском обществе / А.В. Ахметшина // Актуальные вопросы общественных наук: социология, политология, философия, история. – 2014. – № 38. – С 11–15.
13. Гафиатулина Н.Х. Российское общество в условиях самоизоляции. Социальные эффекты и последствия пандемии COVID-19 / Н.Х. Гафиатулина, В.В. Касьянов, П.С. Самыгин, С.И. Самыгин. – М.: РУСАЙНС, 2020.
14. Касьянов В.В. Социально-исторические векторы развития волонтерства в России: основные проблемы и противоречия / В.В. Касьянов // Гуманитарий Юга России. – 2020. – №5. – С. 51–64.
15. Федеральный закон от 11.08.1995 № 135-ФЗ (ред. от 27.11.2023) «О благотворительной деятельности и добровольчестве (волонтерстве)» // Консультант [Электронный ресурс]. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_7495/38a43122b180a46182d5497af051c3f2c2833f87/ (дата обращения: 28.07.2024).
16. В СПбПУ создана студенческая Политехническая дружина // Официальный сайт Санкт-Петербургского политехнического университета Петра Великого [Электронный ресурс]. – URL: https://www.spbstu.ru/media/news/studencheskaya_zhizn/v-spbpu-sozdana-studencheskaya-politekhnicheskaya-druzhina/ (дата обращения: 24.06.2024).

Рябинин Е.В.
Ryabinin Y.V.

ПОЛИТИКА ПАМЯТИ КАК ИНСТРУМЕНТ ФОРМИРОВАНИЯ ИДЕНТИЧНОСТИ НОВЫХ РЕГИОНОВ РФ (КЕЙС Г.МАРИУПОЛЯ)

MEMORY POLITICS AS AN INSTRUMENT OF RUSSIA'S NEW REGIONS IDENTITY FORMATION (CASE OF MARIUPOL)

Аннотация. В статье анализируется политика памяти как важный инструмент в контексте когнитивных войн, с одной стороны, и как инструмент сохранения памяти и формирования коллективной идентичности определенной группы людей, с другой. Автором рассмотрен кейс г. Мариуполя, как топонимика и памятники влияют на формирование жителями города их идентичности и отношения к России после 2022 года.

Ключевые слова: политика памяти, идентичность, этничность, идеология, Мариуполь.

Summary. The article analyzes the politics of memory as an important tool in the context of cognitive wars, on the one hand, and as a tool for preserving memory and forming the collective identity of a certain group of people, on the other hand. The author examined the case of Mariupol, how toponymy and monuments influence the formation of the city's residents' identity and attitude towards Russia after 2022.

Key words: politics of memory, identity, ethnicity, ideology, Mariupol.

Вторая половина XX столетия определялась конфликтами, в основе которых лежали идеологические противоречия. Когда распался социалистический блок и подавляющая часть его членов вошла в евроатлантическое сообщество либо выбрало путь на евроатлантическую интеграцию, практически весь мир избавился от потенциальных конфликтов, основанных на идеологии. Однако, в это время на первый план выходят конфликты идентичности. Военные конфликты на территории бывшего СССР, Югославии, на африканском континенте, в азиатском регионе отличались высокой степенью ненависти к противнику и сопровождалось это все ассоциативным рядом «мы-они», «мы-они-другие».

Обычно термином «идентичность» обозначается культурная норма, отражающая эмоциональные реакции сообществ и индивидов, тем или иным способом интерпретируя окружающий мир и свое место в нем. В психологии личности «идентичность» человека определяется как устойчивое «Я», внутреннее осознание себя как члена определенного сообщества. В социальном смысле «идентичность» выглядит как наиболее значимые политические, культурные, религиозные и другие ориентации, которыми детерминирована сеть связей человека с группами, институтами, идеями и т.д. [1, с.33].

В политическом дискурсе «идентичность» обычно возникает как следствие процесса осознанного самоотождествления индивида или группы с принятием в той или иной среде образцами поведения, формируемыми на основе определенных ценностных систем и определяющих характер и направленность процессов социализации и интеракций.

Идентичность, влияющая на поведение человека может привести к конфликтной ситуации, когда группа людей с определенной идентичностью вступает в конфликт с другой группой людей, имеющих другую идентичность и эти две идентичности при определенных обстоятельствах являются взаимоисключающими, что приводит к насилию и перерастает в межэтнический конфликт. Подавляющее большинство конфликтов, которые мы наблюдали после крушения социалистического блока, имели в своей основе конфликт идентичностей, когда группа людей с одной идентичностью не желала подчиняться группе людей с иной идентичностью, считая, что последняя может стать причиной ее культурной, а иногда и физической смерти.

Наиболее распространенной и достаточно стабильной для личности является этническая идентичность, базирующаяся на чертах, присущих определенному этносу: общность происхождения, языка, культуры, религии, бытовых обычаев, исторической памяти, судьбы. Все эти составляющие красной нитью проходят в конфликте на Донбассе (который представители украинского националистического режима объявили антитеррористической операцией, хотя конфликт имеет все основания называться гражданской войной с элементами межэтнического и межконфессионального конфликта).

Этническая идентичность берет свои корни в желании человека к самоуважению, принадлежности и реализуется посредством осознания себя как части группы, отличающейся от другой. Индивидуумы рассматривают все

черты своей группы как наиболее предпочтительные по сравнению с другой. Ключевая причина – почему люди идентифицируют себя с этнической группой – даже будучи готовыми убивать или быть в битых – то что они связаны глубокими чувствами с народом, вещами, стимулирующими потребности в самоуважении, принадлежности. Когда одной группе угрожают, отдельно взятое лицо, принадлежащее к этой группе, также ощущает угрозу. Этничность, таким образом, имеет тенденцию генерировать межгрупповое насилие, сепаратизм, национальную мобилизацию, голосование по этническому признаку. У каждого индивидуума есть стремление «найти» свою личную идентичность, которая может быть большой ценностью [2, с.112].

Т. Гарр считает, что народы/люди имеют большой набор признаков для коллективной идентичности: общая история, мифы, религиозные верования, язык, регион проживания, коллективные группы, которые чаще называются этническими группами, меньшинствами, часто различаются по явно отличительным чертам. Ключ к идентификации группы – это не только наличие какой-либо черты или комбинации черт, а чаще это общее восприятие, определяющее черты. И важным аспектом в данном контексте выступает политика памяти, которая может использоваться двояко – с одной стороны, поддерживать группу людей определенного региона или даже всей страны в рамках одной исторической канвы для создания и поддержания исторических скрепов, с другой стороны – может использоваться для влияния на населения региона либо всего государства для принятия абсолютно противоположных установок [3, с.3]. Яркий пример можно было наблюдать в течение всего существования Украины на современном этапе, когда специалисты по когнитивным войнам формировали среди населения страны русофобское отношение к событиям Великой Отечественной войны, что автоматически перекладывалось на отношение к современной России.

Политика памяти стала одним из инструментов формирования народа Донбасса. Согласно Максиму Веберу, коллективная региональная община в течение времени и по причине ряда объединяющих факторов (языковой, религиозной, гуманитарной, исторической, политической, экономической) приобретают черты этнической группы или микронации.

Политику памяти можно рассматривать как набор приемов и методов при помощи которых осуществляется утверждение интерпретаций определенных исторических событий.

Политика памяти в Мариуполе в новых реалиях стала формироваться только после его освобождения. Официально город был освобожден 20 мая 2022 года, но уже 9 мая в условиях военных действий был проведен парад Победы, который посетило большое количество как местных жителей, так и политиков, военных, волонтеров, актеров из разных регионов России. Данное мероприятие вновь было востребовано после десятилетия забвения, когда вместо парада Победы ежегодно 13 июня по центральной улице проводилось шествие неонацистского полка «Азов» (признана террористической и запрещена в России).

В Мариуполе достаточно памятников воинам-освободителям, улицы также носят фамилии определенных воинских формирований, которые освобождали город или названы в честь отдельных героев. Данный исторический период в должной мере отражен в топонимике города. Однако, на взгляд автора, в городе отсутствует историческая преемственность, в этом контексте необходимо следовать примеру крупных российских городов, среди которых может быть Ростов-на-Дону, в котором можно найти памятники и воинам Отечественной войны 1812 года, участникам Первой мировой, Великой Отечественной, а также уже памятники участникам СВО. Таким образом складывается целостная картина из основных исторических событий, которые происходили не только на территории города либо региона, но и отобразились на развитии государства, к которому принадлежит этот город.

В июле 2022 между руководством Санкт-Петербурга и Мариуполя было подписано соглашение о побратимстве, одним из результатов которого стало установление памятника Александру Невскому, что сразу же привлекло внимание молодого поколения. В городе был построен также Храм Александра Невского еще в 2016 году, однако, из-за низкого уровня религиозности молодого поколения, этот факт мог и не привлечь их внимание.

Современным направлением в контексте политики памяти является нанесение муралов на фасады домов. Так, на одном из домов Мариуполя можно увидеть мурал с изображением Героя России Алексея Афанасьева, который принимал непосредственное участие в боях за Мариуполь против неонацистских формирований.

Достаточно верным решением в привлечении внимания горожан к событиям русской весны было размещение постоянной выставки фотографий в Приморском парке, на которых запечатлены последствия боевых действий весной 2022 года. Разместить выставку в парке, который является местом отдыха мариупольцев, является правильным решением, поскольку такой метод привлечения внимания является хоть и пассивным, но охватывает большее количество людей, нежели специализированные выставочные залы и галереи.

Сегодня, когда идет ведется активная фаза когнитивной войны за умы новых российских регионов, необходимо разрабатывать и реализовывать программы, направленные на усиление осведомленности местного населения с историей своего города, региона и страны в целом, чтобы избавиться как можно быстрее от фальшивой украинской истории, которая навязывалась молодому поколению через образование, топонимику и средства массовой информации.

Список литературы

1. Антонюк О. Малий етнополітологічний словник / О. Антонюк. – К.: МАУП, 2005. – 288 с.
2. Hale H. The Foundations of Ethnic Politics: Separatism of States and Nations in Eurasia and the World. Cambridge University Press. 2008. – 304 p.
3. Gurr Ted R. Minorities at risk. A global view of ethno-political conflicts. United States institute of peace press. 1993. – 427 p.

**ОСНОВНЫЕ PR – МЕТОДЫ, НЕОБХОДИМЫЕ ДЛЯ
ФОРМИРОВАНИЯ ИМИДЖА ЖЕНЩИНЫ ПОЛИТИКА В СМИ**

**THE MAIN PR METHODS NECESSARY TO FORM THE IMAGE OF A
FEMALE POLITICIAN IN THE MEDIA**

Аннотация: Формирование имиджа женщины-политика в СМИ является важной составляющей современной политической коммуникации. В условиях активной медиации политической жизни женщины-политики сталкиваются с особыми вызовами и стереотипами, которые могут оказывать значительное влияние на восприятие их деятельности и личности обществом. Настоящая статья рассматривает основные методы формирования имиджа женщины-политика в средствах массовой информации, акцентируя внимание на таких аспектах, как гендерные стереотипы, медиа-стратегии, визуализация и язык СМИ.

Ключевые слова: женщина-политик, имидж, СМИ, гендерные стереотипы, медиа-стратегии.

Abstract: The formation of the image of a female politician in the media is an important component of modern political communication. In the context of active mediation of political life, women politicians face special challenges and stereotypes that can have a significant impact on the perception of their activities and personality by society. This article examines the main methods of forming the image of a female politician in the media, focusing on such aspects as gender stereotypes, media strategies, visualization and media language.

Keywords: female politician, image, media, gender stereotypes, media strategies.

На данный момент, имидж политика играет одну из ключевых ролей в обеспечении успешности его действий, победы у электората. Однако образ женщины в политике в меньшей степени изучался в академических кругах.

В современных политических реалиях средства массовой информации играют ключевую роль в формировании общественного мнения о политических лидерах, включая женщин-политиков. Поскольку женщины по-прежнему составляют меньшинство в политике, их образ в медиа зачастую строится на основе гендерных стереотипов и предвзятостей. Формирование положительного и компетентного имиджа женщины-политика требует использования целого ряда методов, направленных на борьбу с этими стереотипами и продвижение профессионализма, лидерства и общественной значимости.

Гендерные стереотипы являются одним из ключевых факторов, влияющих на восприятие женщины-политика в СМИ. Исторически сложилось так, что женские образы ассоциируются с мягкостью, заботливостью и эмоциональностью, что часто противоречит представлениям о лидерстве и политической силе. СМИ могут как усиливать эти стереотипы, так и бороться с ними, предлагая альтернативные модели женского лидерства.

Для успешного формирования имиджа женщины-политика используются различные медиа-стратегии, включающие в себя управление новостной повесткой, PR-кампании, а также активное участие в публичных дебатах и социальных сетях. Ключевым элементом здесь является последовательность и целостность в представлении себя в СМИ, чтобы аудитория могла сформировать ясное и позитивное восприятие политического деятеля.

Визуальные образы и язык, используемый в СМИ для описания женщин-политиков, играют важную роль в формировании их имиджа. Визуальные элементы, такие как выбор одежды, манера поведения и выражения эмоций, часто интерпретируются через призму гендерных ожиданий. Эффективное использование визуального контента и нейтрального или позитивного языка позволяет женщинам-политикам управлять своим публичным образом и противостоять негативным стереотипам.

Социальные сети предоставляют женщинам-политикам платформу для непосредственного общения с избирателями, минуя традиционные СМИ. Это открывает возможности для более персонализированного и контролируемого представления себя, а также для оперативного реагирования на негативные публикации и критику. Однако социальные сети также могут стать источником новых вызовов, включая троллинг и кибербуллинг, что требует выработки стратегий защиты и продвижения.

Алгоритмы создания правильной женской политической фигуры «в основном базируются на хорошо изученных техниках мужского имиджмейкинга» [1]. Со временем они стали более нейтральными и подходят как мужчинам, так и женщинам. Например, базовый образ определяется личными качествами кандидата, его социальным статусом и символическим значением. Это означает, что имидж женщины также формируется на основе этих трех компонентов. Однако интересным является, что из-за наличия асимметрии в оценке политических деятелей разного пола [2] женщины часто отказываются от деталей, подчеркивающих их принадлежность к «прекрасному» полу, в своем внешнем виде. Это проявляется в создании более строгого образа, который не отвлекает внимание электората. При формировании своего образа они больше акцентируют внимание на аналитических и интеллектуальных способностях, а не на таких характеристиках, которые общественно воспринимаются как женские (например, женственность и привлекательность). Это приводит к тому, что женщина становится более похожей на мужчину [3] с точки зрения ее психологического типа, как отмечает Д. Фатыхов в своем исследовании. Одной из важных особенностей создания женского образа в политике является включение в него не только женских, но и мужских качеств. Это связано с тем, что общество часто воспринимает женские характеристики, такие как эмоциональность и мягкость, как слабости и недостатки в политике [4]. При создании образа женщины-политика [5] необходимо учитывать подобные стереотипы, так как они определяют представления о том, каким должен быть лидер в зависимости от пола. Несмотря на то, что это может усугубить

стигматизацию женщин-политиков, такая стратегия позволяет получить большую поддержку от населения.

Как было сказано ранее, женщина-политик объединяет в себе как женские, так и мужские качества. Это означает, что ее образ более разносторонний, чем у мужчин. В различных странах существуют различные классификации женщин-политиков, но в российской среде исследовательница О. Попова разработала достаточно полную типологию. Она включает в себя четыре основных типа имиджей женщин-политиков: «деловая женщина» (И. Хакамада, Э. Набиуллина, Т. Голикова), «интеллектуальная интеллектуалка» (Э. Памфилова, Е. Лахова), «деятель советского образца» (Л. Слиска, В. Матвиенко), «борец за права» (С. Умалатова, В. Новодворская) [1]. Однако, стоит помнить, что любая классификация упрощает и обобщает характеристики, и все зависит от того, на что именно обращать внимание при формировании различных «типов».

Одним из важных факторов, влияющих на формирование образа женщины-политика, является ее семейный статус. С одной стороны, забота о семье и детях может рассматриваться как недостаток для женщин-политиков по сравнению с мужчинами-политиками [2]. С другой стороны, семейные отношения могут способствовать формированию образа матери и проявлению заботы и любви, что является важным для любого человека. Для мужчин-политиков семейный статус может иметь положительное влияние на их образ, так как ассоциируется с отцовскими качествами, но не является обязательным. В то же время, для женщин-политиков этот аспект играет ключевую роль в формировании образа [3].

Таким образом, женщины-политики сталкиваются с большим количеством требований к своему образу. Из-за распространенных стереотипов, они вынуждены играть на них, чтобы победить в выборах. Например, они должны отказаться от женственных нарядов и создать гендерно нейтральный образ, как сделала бывшая канцлер Германии Ангела Меркель. Кроме того, из-за недоверия к женщинам-политикам, им приходится еще больше работать над своим образом, включая упоминание о своем семейном положении. В результате, можно сказать, что в политтехнологии существует явное гендерное неравенство.

Формирование имиджа женщины-политика в СМИ является многоаспектным процессом, требующим осознанного и стратегического подхода. Использование комплексных медиа-стратегий, акцент на визуальных и языковых аспектах, а также активное участие в социальных сетях позволяют женщинам-политикам успешно бороться с гендерными стереотипами и укреплять свои позиции в политике. Важно, чтобы СМИ и сами женщины-политики осознавали свою роль в этом процессе и стремились к созданию справедливого и профессионального образа, который отражает их реальные достижения и потенциал.

Список литературы

1. Кисловская К.В. Конструирование имиджа женщины-политика в России: проблемы и преимущества / К.В. Кисловская // Власть. – 2018. – №5. [Электронный ресурс]. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/konstruirovanie-imidzha-zhenschiny-politika-v-rossii-problemy-i-preimuschestva> (Дата обращения: 16.08.2024)
2. Фатыхова Д.Р. Имидж женщины – политического лидера в современной России / Д.Р. Фатыхова // ВЭПС. – 2008. – №6. [Электронный ресурс]. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/imidzh-zhenschiny-politicheskogo-lidera-v-sovremennoy-rossii> (Дата обращения: 16.08.2024)
3. Кузнецова Э.Г. Паблик рилейшнз / Э.Г. Кузнецова. – М., Юниверсум, 2010. – 278 с.
4. Политика с женским лицом: российский вариант // ВЦИОМ [Электронный ресурс]. – URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/politika-s-zhenskim-liczom-rossijskij-variant> (Дата обращения: 15.08.2024)
5. Селентьева Д.О. Формирование имиджа женщины-политика в современном политическом пространстве / Д.О. Селентьева // Евразийский Союз Ученых. 2015. №7-5 (16) [Электронный ресурс]. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/formirovanie-imidzha-zhenschiny-politika-v-sovremennom-politicheskom-prostranstve> (Дата обращения: 15.08.2024).
6. Anderson K.V., & Sheeler K.H. (2014). Text + Context: The Media Construction of the Female Politician. *Communication Studies*, 65(5), 512–527.

Афони́на А.А.
Afonina A.A.

ПХЕНЬЯН 2024 В ПОЛИТИКО-ДИПЛОМАТИЧЕСКОМ ИЗМЕРЕНИИ: НОВЫЕ ГОРИЗОНТЫ РОССИЙСКО- СЕВЕРОКОРЕЙСКИХ ОТНОШЕНИЙ

PYONGYANG 2024 IN THE DIPLOMATIC POLITICAL DIMENSION: NEW HORIZONS OF RUSSIAN-NORTH KOREAN RELATIONS

Аннотация. В статье анализируются особенности и перспективы российско-северокорейского сотрудничества после саммита в Пхеньяне. На примере двусторонних договоров КНДР и РФ разных лет изучена динамика трансформации дружественных отношений в стратегическое партнерство в связи с глубокими геополитическими изменениями. Раскрыто содержание и сущность термина «всеобъемлющее стратегическое партнерство» и установлена правомочность его употребления. Выявлены проблемы кросс-культурного взаимодействия между Северной Кореей и Россией и их влияние на работу служб дипломатического протокола.

Ключевые слова: международные отношения, стратегическое партнерство, Россия, КНДР, Саммит в Пхеньяне, АТР.

Summary. The article analyzes the features and prospects of Russian-North Korean cooperation after the summit in Pyongyang. Using the example of bilateral treaties between the DPRK and the Russian Federation of different years, the dynamics of the transformation of friendly relations into a strategic partnership in connection with profound geopolitical changes are studied. The content and essence of the term "comprehensive strategic partnership" are revealed and the legitimacy of its use is established. The problems of cross-cultural interaction between North Korea and Russia and their impact on the work of diplomatic protocol services are identified.

Key-words: International Relations, strategic partnership, Russia, North Korea, Pyongyang Summit, Asia-Pacific region.

Современный миропорядок характеризуется крайней неустойчивостью и сопровождается множеством кризисных явлений. Среди них стоит обозначить обострение международно-политической напряженности, практически повсеместное возникновение новых (и «размораживание» старых) очагов вооруженных конфликтов, усиление противостояния между Западом и «Не-Западом». Кроме того, исследователи указывают на такой структурный фактор, как «лавинообразное изменение соотношения мировых сил» [1, с. 53]. В этой связи важным представляется вопрос об альтернативных способах и механизмах международной коммуникации и сотрудничества с целью достижения устойчивого глобального развития и пресечения попыток западных оппонентов влиять на межгосударственные отношения стран незападного мира.

Все вышесказанное обуславливает значимость изучения внешнеполитического опыта Российской Федерации в контексте укрепления межгосударственных отношений со странами Востока. Представляется, что актуальным направлением в этом смысле является Азиатско-Тихоокеанский регион (АТР), а стратегически значимым достижением внешней политики России в дипломатическом измерении стоит считать состоявшуюся 18–19 июня 2024 г. пхеньянскую корейско-российскую встречу на высшем уровне. Стоит подчеркнуть, что это был первый визит В.В. Путина в Корейскую Народную Демократическую Республику с 2000 г. Кроме Президента РФ в состав делегации вошли 7 министров, главы Роскосмоса и РЖД, вице-премьеры, что несколько приоткрывает завесу горизонтов сотрудничества между государствами и отражает политико-дипломатическую значимость визита.

За последние годы внешнеполитические приоритеты Российской Федерации претерпели значительные качественные изменения. Что касается АТР, то приоритеты России в данном регионе определяются следующими направлениями деятельности:

«наращивание сотрудничества в сферах экономики, безопасности, гуманитарной сфере и иных сферах;

содействие формированию в регионе всеобъемлющей, открытой, неделимой, транспарентной, многосторонней и равноправной архитектуры безопасности и взаимовыгодного сотрудничества на коллективных внеблоковых началах, а также задействованию потенциала региона в целях формирования Большого Евразийского партнерства;

поощрение конструктивного неполитизированного диалога и межгосударственного взаимодействия в различных сферах;

развитие широкого международного сотрудничества в интересах противодействия политике, направленной на проведение разделительных линий в регионе» [2 с. 34].

Традиционно важное место в системе стратегических приоритетов РФ занимают контакты с КНДР. В целом, можно констатировать, что российско-украинский конфликт, расширение НАТО на восток и фактическое ведение недружественными государствами санкционной войны против России

послужили импульсом для реализации обозначенной установки во внешнеполитической стратегии РФ – оформления так называемого «поворота на Восток». Как отмечает А.В. Торкунов: «Поворот на Восток стал естественным продолжением и практическим воплощением принятой Россией на вооружение внешнеполитической философии многополярности, в рамках которой она видит себя одним из глобальных полюсов силы» [3, с. 6]. В этом отношении принято считать, что данный процесс берет своё начало в первом десятилетии XXI века и является следствием ряда факторов, в том числе, конструктивного характера политики многих ведущих государств Востока в отношении Российской Федерации.

Что касается отношений с КНДР, то первый государственный визит президента В.В. Путина в Северную Корею и встреча с Ким Чен Ирром состоялась в 2000 г. после первого межкорейского саммита: в торжественной обстановке произошло восстановление дружественных отношений России с КНДР после дезинтеграции СССР и утраты силы Договора о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи между СССР и КНДР 1961 г. Тогда был подписан двусторонний неопределенно-срочный Договор о дружбе, добрососедстве и сотрудничестве между Российской Федерацией и Корейской Народно-Демократической Республикой от 30.10.2000 г., содержащий 12 статей.

Качественная «работа над ошибками» была проделана над новым двусторонним бессрочным Договором о всеобъемлющем стратегическом партнерстве между Корейской Народно-Демократической Республикой и Российской Федерацией, подписанным президентом РФ В.В. Путиным и генеральным секретарем ТПК, высшим руководителем КНДР Ким Чен Ыном. Вышеуказанный договор соответствует духу существенно изменившейся и особо напряженной международной обстановки и затрагивает широкий спектр вопросов: от перспектив сотрудничества в торгово-экономической, инвестиционной и научно-технической областях до обеспечения региональной и международной безопасности [4]. Примечательно, что подобный оборонный договор Северная Корея имеет еще с одним государством – Китайской Народной Республикой.

Стоит обратить внимание не только на структурные, но и семантические различия в текстах двух стратегических договоров. «Дружба, добрососедство и сотрудничество» между РФ и КНДР выходит на концептуально иной уровень, трансформируясь во «всеобъемлющее стратегическое партнерство». Для установления правомочности такого статуса необходимо раскрыть содержание и сущность данного термина. Политолог А.В. Воробьев определяет его как «долговременное сотрудничество на международном уровне по большому количеству вопросов с целью получения максимальных выгод для себя и партнера» [5, с. 140] при условии, что взаимодействие между равноправными акторами носит долгосрочный и непрерывный характер, оба государства имеют схожие стратегические цели, интересы, задачи во многих направлениях. Напомним, что данный договор является бессрочным, отвечает коренным интересам народов России и Северной Кореи: «Исходя из общего

стремления и желания сохранять исторически сформировавшиеся традиции российско-корейской дружбы стороны поддерживают развитие межрегионального и приграничного сотрудничества в сферах, представляющих обоюдный интерес <...>, создают механизмы по проведению совместных мероприятий в целях укрепления обороноспособности в интересах предотвращения войны и обеспечения регионального и международного мира и безопасности» [4].

Краеугольным камнем является ключевой вопрос о защите регионального и глобального мира. В этом плане происходит переосмысление подходов сторон к обеспечению безопасности. Так, статья 2 договора от 2000 г. устанавливает, что «В случае возникновения опасности агрессии в отношении одной из Сторон или ситуации, угрожающей миру и безопасности, <...> Стороны незамедлительно вступят в контакт друг с другом» [6]. Предвосхищая попытки коллективного Запада создать новые вызовы, дестабилизирующие процесс формирования полицентричного миропорядка, обновленные договоренности предусматривают оказание взаимной военной помощи в соответствии со статьей 51 Устава ООН и согласно законодательству Российской Федерации и Корейской Народно-Демократической Республики в случае возникновения непосредственной угрозы совершения против одной из Сторон акта вооруженной агрессии или нахождения в состоянии войны (статьи 3-4). Эти шаги стали практическим воплощением обсуждений во время Саммита КНДР – Россия 13 сентября 2023 г. Северокорейский лидер Ким Чен Ын не раз выражал солидарность и поддержку спецоперации на Украине, а Россия, в свою очередь, предотвращает расширение влияния НАТО в Северо-Восточной Азии. В этой связи можно утверждать, что использование термина «всеобъемлющее стратегическое партнерство» является правомочным с точки зрения теоретического и практического измерения.

В контексте исследования важным представляется рассмотрение неформализованных, но весьма значимых вопросов дипломатического протокола. Протокол, будучи одним из основных дипломатических инструментов, служит поддержанию престижа и имиджа государства на международной арене. Если речь идет о деловом общении с восточными коллегами, то для них «церемониал – это фамилам дружбы». По природе своей дипломатическая деятельность всегда носила ярко выраженный церемониальный и даже «ритуальный характер» [7, с. 18]. И в этом смысле церемониал встречи лидеров Российской Федерации и Корейской Народной Демократической Республики носил особо торжественный характер, что подчеркивает высокий уровень политических взаимоотношений.

С другой стороны, кросс-культурное взаимодействие в российско-северокорейских отношениях не лишено проблем: дело не только в недостаточно скоординированных действиях служб протокола. «Железный занавес» КНДР сделал развитие культурной дипломатии практически невозможным: до недавнего времени жизнь и культурные особенности Северной Кореи были окутаны завесой тайны для всего мирового сообщества.

Осознание данной проблемы выражается в эволюции положения статьи 8 договора 2000 г.: «Стороны признают, что находящиеся на их территории граждане другой Стороны имеют право пользоваться достижениями своей культуры и родным языком» [6]. Теперь же открывается перспектива повышения уровня знаний о жизни народов двух стран, продвижения объективной информации о Российской Федерации и Корейской Народно-Демократической Республике, а также ознакомления народов обеих стран с языком и культурой друг друга. Несомненно, данная инициатива является полезной в политико-дипломатическом и культурном измерении и существенно улучшит работу служб протокола для будущих государственных визитов.

Государственный визит, будучи высшим видом визита, требует соответствующей подготовки: так, в Северную Корею заранее прибыла специальная «передовая» служба с представителем протокола в составе «для согласования с местными коллегами протокольной составляющей визита, ее соответствия высокому статусу гостя» [8, с. 166], что, однако, не избавило от дипломатических неудач протокольную практику пхеньянской корейско-российской встречи на высшем уровне.

Во-первых, множество вопросов у российского населения вызывает выбор цветовой гаммы, в которой выполнена гравюра с изображением Кремля, Собора Василия Блаженного, фейерверков и В.В. Путина на чёрном фоне, подаренная ему лидером КНДР. В протокольной практике необходимо обращаться к цветному символизму. Каждый цвет имеет свое символическое значение, а, значит, его выбор для оформления переговорного пространства, подарков, призванных транслировать смыслы, в значительной степени может влиять на восприятие друг друга представителями разных культур. Так, в нашей стране чёрный фон с изображением человека вызывает весьма мрачные ассоциации. Напротив, чёрный цвет в Корее символизирует «мудрость, плодородие и сильное мужское начало (в противоположность женскому белому)» [9, с. 91], а траурной коннотации и вовсе не имеет. Тем не менее, для носителя иной колористической культуры выбор такой цветовой гаммы представляется странным – в этой связи социальные сети изобилуют критикой в адрес подарка, а из официальных источников о гравюре говорится лишь как о «достаточно художественном изображении нашего президента».

Во-вторых, представляется странным инцидент, обсуждаемый средствами массовой информации не иначе как «Лаврова, Белоусова и других министров вывели из зала заседаний в КНДР» [10]. Он, несомненно, является результатом недостаточно налаженного диалога протокола принимающей стороны и делегации. Здесь следует обратить внимание на различия в дипломатическом протоколе Российской Федерации и КНДР. Отечественная дипломатическая традиция предполагает, что лидер принимающей стороны и глава иностранного государства последними входят в зал заседания. Важно отметить, что восточный дипломатический этикет требует, чтобы за лидерами стран следовали остальные члены делегации. Руководствуясь этой логикой,

принимающая сторона имеет право вывести членов делегации из зала в том случае, если те вошли в зал переговоров раньше, чем хозяин мероприятия.

Таким образом, российско-северокорейские отношения образуют крепкий базис, основанный на сочетании исторических, геополитических, экономических (а в прошлом – идеологических) факторов. Активизация культурной дипломатии будет способствовать укреплению связей между государствами и «потеплению» в восприятии Северной Кореи в западном мире. В свою очередь, последует пересмотр подходов России к торговым и транспортным связям с КНДР – на эту мысль наводит состав российской делегации. Автор полагает, что после саммита в Пхеньяне становится более возможным выстраивание полицентричной геополитической конфигурации, которая будет способствовать окончательному смещению центра силы на Восток. Представляется, что данная конфигурация может состоять из ядерных держав (Россия, КНДР, КНР), связанных взаимными оборонными обязательствами, и будет способна противостоять агрессивным военным блокам НАТО, AUKUS и попыткам США дестабилизировать ситуацию в АТР.

Список литературы

1. Караганов С.А. Век войн? Статья первая / С.А. Караганов // Россия в глобальной политике. – 2024. – Т. 22. – № 1. – С. 52–64.
2. Концепция внешней политики Российской Федерации (утверждена Президентом Российской Федерации В.В. Путиным 31 марта 2023 г.) // Министерство иностранных дел Российской Федерации [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.mid.ru/ru/detail-material-page/1860586/?lang=ru> (дата обращения: 06.08.2024).
3. Торкунов А.В., Стрельцов Д.В. Российская политика поворота на Восток: проблемы и риски / А.В. Торкунов, Д.В. Стрельцов // Мировая экономика и международные отношения. – 2023. – Т. 67. – № 4. – С. 5–16.
4. Договор о всеобъемлющем стратегическом партнерстве между Корейской Народно-Демократической Республикой и Российской Федерацией от 19.06.2024 // Министерство иностранных дел Российской Федерации [Электронный ресурс]. – URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/international_contracts/international_contracts/2_contract/62546/ (дата обращения: 06.08.2024).
5. Воробьев А.В. Сущность стратегического партнёрства в международных отношениях / А.В. Воробьев // Этносоциум и межнациональная культура. – 2022. – № 171. – С. 138–147.
6. Договор о дружбе, добрососедстве и сотрудничестве между Российской Федерацией и Корейской Народно-Демократической Республикой от 30.10.2000 // Бюллетень международных договоров. – 2001. – №4. – 51 с.
7. Вуд Дж., Серре Ж. Дипломатический церемониал и протокол / Пер. с англ. Ю.П. Клюкина, В.В. Пастоева, Г.И. Фомина. 2-е изд. – М.: Международные отношения. 2011. – 415 с.
8. Егоров В.П. Дипломатический протокол и этикет / В.П. Егоров. – М.: Юридический институт МИИТа. 2013. – 200 с.
9. Мушаев В.Н., Мукабенова Ж.А. Цвет в культуре корейского народа / В.Н. Мушаев, Ж.А. Мукабенова // Кореистика в России: направление и развитие. – 2021. – Т. 2, № 2. – С. 89–93.
10. Северокорейский чиновник выпроводил из зала российских министров // РБК. 19.06.2024 [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.rbc.ru/politics/19/06/2024/6672f0119a7947f9709c3b1c> (дата обращения: 06.08.2024).

ДЕМПФЕРНОЕ ОТНОШЕНИЕ К ИССЛЕДОВАНИЯМ МОБИЛЬНОСТИ ИТ-СПЕЦИАЛИСТОВ: ПРИЧИНЫ И ПОСЛЕДСТВИЯ¹⁴

A DAMPENING ATTITUDE TO RESEARCH ON THE MOBILITY OF IT- PROFESSIONALS: CAUSES FROM CONSEQUENCES

Аннотация. Рассмотрена ситуация с исследованиями мобильности ИТ-специалистов. Показана динамика роста числа исследований о проблеме и приведены данные о публикациях, непосредственно связанные с проблемой

Ключевые слова. Мобильность, ИТ-специалисты, история исследований, динамика исследований, первые публикации

Annotation. The situation with research on the mobility of OT specialists is considered. The dynamics of the growth in the number of studies on the problem is shown and data on publications directly related to the problem are presented

Keywords. Mobility, OT-specialists, research history, research dynamics, first publications

До недавнего времени стратегии мобильности российских участников ИТ-сферы во многом были ориентированы на опыт ИТ-специалистов других стран. В отличие от исследований мобильности в западной социологии, первые позитивные в научном отношении взгляды на проблему социальной мобильности в российской науке могут быть отнесены лишь к середине 80-х гг. прошлого века. Ранее, в 60-гг. прошлого столетия, когда социология признавалась как наука, которая «полностью отрицает объективную закономерность исторического развития» и еще «не достигла научного понимания законов общественного развития», понятие мобильности не включалось даже в самые популярные словари и справочники иностранных слов, понятие мобильности, как говорилось выше, полностью игнорировалось. Так, в популярном словаре иностранных слов, выдержавшем пять переизданий к 60-м гг., среди 20000 популярных иностранных слов «социальная мобильность» не упоминается [1]. Ближайшее понятие к термину «социальная мобильность» – «мобилизация», – связывается исключительно с привлечением кого-либо на выполнение каких-либо занятий.

Первыми на проблемы «социальной мобильности» в отечественной науке стали обратили внимание в отечественной философской литературе. В 70-е гг. в философском словаре 1963 г. социальная мобильность была представлена как понятие буржуазной социологии, означающее свойство социальной структуры и, хотя в целом к социальной мобильности выражалось критическое отношение как к объяснительному понятию, все же отмечалось наличие ряда «правильных положений» этой теории [2]. Позже, в конце 70-х гг., категория социальной мобильности встречается среди фундаментальных

¹⁴ При финансовой поддержке гранта РНФ № 24-18-00261 Социоструктурная модель перехода российского общества в режим дополненной современности.

категорий не только в философских изданиях, но и в политической литературе. В философской литературе социальная мобильность трактуется как характеристика «свойственная любому обществу» в той или иной степени. Более того, подчеркивается, что социальная мобильность получает наибольшие возможности при социализме, где устранены антагонистические классовые противоречия и классовое разделение занятий. Примерно в такой же концептуальной рамке социальную мобильность описывают в политических энциклопедиях и словарях [3,367]. К концу 80-х гг. делалась попытка замены понятия «социальной мобильности» на понятие «социальные перемещения». Считалось, что эти категории могут употребляться как тождественные. Однако «социальное перемещение» не нашло своего распространения в научной литературе как эквивалент «социальной мобильности». В начале 90-х гг. в советской научной мысли начинают признавать объективный характер социальной мобильности, подчеркивая, что важное значение приобретают прогнозирование и управление процессами социальной мобильности [4,367].

Следует также отметить, что большинство публикаций по проблемам социальной мобильности были написаны «под копирку», т.е. в них обсуждался примерно один и тот же круг проблем и вопросов, традиционная тематика. Некоторые особенности в понимании социальной мобильности того периода в отечественной науке заключаются в следующем: во-первых, рассмотрение проблем социальной мобильности всегда связывалось с изучением понятий класса, внутриклассовой и межклассовой борьбой, дополненное критикой теории социальной стратификации; во-вторых, излишняя политизация проблем мобильности, как способности отдельных людей и социальных групп к свободному перемещению в условиях различных социальных систем. В данном случае свобода понимается как имманентное свойство, которым в наибольшей степени обладает социализм, где для социальной мобильности созданы наиболее достойные условия. Утверждалось, что социальная мобильность наименее присуща кастовому и сословному обществу; в-третьих, основными направлениями социальной мобильности выступает перемещение людей по осям классовой структуры: из крестьян в рабочий класс, из деревни в город, из групп физического труда в прослойку интеллигенции, из социально-профессиональных групп низкоквалифицированных работников в группы высококвалифицированных; в-четвертых, подчеркивалась тесная связь проблематики социальной мобильности с проблематикой миграционных процессов; в-пятых, раскрывалась роль научно-технической революции и значение получения новых знаний и образования как стимулов социальной мобильности; в-шестых, обосновывалась идея о социальной мобильности как привилегии господствующего класса.

Общий тренд обращения к проблемам исследования мобильности в российских исследованиях раскрывает график на графике, рисунок № 2.1.

Рис. 2.1. Активность цитирования тега «мобильность» в публикациях научной электронной библиотеки eLIBRARY.RU за последние 30 лет (единиц цитирования).

График показывает, что активное начало исследований проблематики мобильности в российском научном сообществе начинается только с периода 2000 г. При этом важно подчеркнуть, что активность этих исследований растет от года к году и за пятилетие количество таких публикаций удваивается за последующие двадцать лет. Наряду с этим внимание научной общественности, собственно, к проблеме мобильности ИТ-специалистов растет медленно. В научной электронной библиотеке eLIBRARY.RU зафиксировано всего 12 работ, где вопросы мобильности российских ИТ-специалистов анализируются в прямой постановке вопроса.

В 2014 г. редактор новостей Windows IT Pro, Поль Тюрро публикует статью «Нужны ли ИТ-специалистам «Мобильность» и «Облака» [5], в которой рассматриваются перспективы технологической мобильности в Windows Vista в Windows 7, которые предлагала компания *Windows IT Pro*. В этом же году М. С. Лежнева [6] публикует статью «Профессиональная мобильность ИТ-специалистов как фактор их успешной деятельности при выполнении сложных инновационных проектов». В статье применительно к подготовке специалистов в области информационных технологий (ИТ-специалистов) раскрываются понятия «профессиональная мобильность». В 2015 г. в докладе российский учёного-физика, специалиста в области информационных технологий в образовании, доктора физико-математических наук, профессора, члена-корреспондент РАО, проректора по научной работе и инновациям Пермского университета ставится задача по совершенствованию внутривузовской и межвузовской академической мобильности будущих ИТ-специалистов [7]. В 2016 г. в журнале «Достижения вузовской науки» опубликована статья Е.Э. Вильховской «Факторы трудовой мобильности в ИТ-отрасли». В статье приведены редкие на тот период эмпирические данные о ключевых факторах релокации ИТ-специалистов: карьера и заработная плата (64 %), работа по профессии (58 %), интересные проекты, карьерная перспектива, более высокая должность (57 %); – социально-культурные факторы: наличие перспектив для членов семьи (38 %), комфортная городская среда (29 %), здравоохранение (20 %); – техническая оснащенности или инновационность региона: наличие инноваций (21 %), ведущие университеты (12 %) [8]. В 2017 г. Карелова Р.А. защитила диссертацию кандидата

педагогических наук на тему «Формирование профессиональной мобильности будущих ИТ-специалистов в процессе становления субъектного опыта учебно-профессиональной деятельности» [9]. В 2018 г. в журнале «Социология» В.В. Борисов публикует статью «Анализ социальной мобильности ИТ-специалистов как феномен социологии мечты (на примере феномена посёлка программистов в Кировской области)». Статья посвящена изучению социальной мобильности в ИТ профессии, на примере феномена посёлка программистов в Кировской области [10]. Наиболее интересна применительно к настоящей теме исследования является статья Ю. Б. Епихиной «Социальная мобильность ИТ-специалистов» (2021 г.). В статье рассматривается роль технологий в развитии капитализма и социальной структуры современного общества. [11]. В 2022 г. в статье Гулого И. М. «Экономические последствия внедрения ит-решения «Зеленый цифровой коридор пассажира» раскрываются преимущества, возможности и эффекты для пассажиров, организаторов перевозок и компаний-перевозчиков внедрения цифровых сервисов в рамках развития городских пассажирских перевозок при реализации стратегического проекта «Зеленый цифровой коридор пассажира» [12]. В 2000 г. на III Международной конференции Донецкого национального технического университета А.А. Тарасьев сделал доклад на тему «Математическое моделирование профессиональной мобильности в условиях цифрового перехода». Как показывает автор, актуальность изучения процессов цифровой трансформации экономики определяется наличием взаимозависимости между инновационным развитием экономической системы и такими показателями рынка труда, как уровень развитости рынка труда, уровень профессиональной мобильности и уровень благосостояния активных трудовых ресурсов. [13].

В 2023 г. опубликованы две статьи и сделан доклад на конференции [14], [15], [16].

Данная статистка и анализ проблематики публикаций показывает актуальность исследования настоящей темы, поскольку изучение и выявление научных закономерностей формирования стратегий профессиональной мобильности российских ИТ-специалистов позволяет глубже понять в целом социодинамику российского общества, прогнозировать и предвидеть поведение участников ИТ-рынка в современной конкурентной ситуации. Однако активность таких исследований остается невысокой.

Список литературы

1. Словарь иностранных слов / под редакцией И.В. Лехина и Ф.Н. Петрова. Государственное издательство иностранных и национальных словарей. Москва— М. 1949-1950.
2. Философский словарь / под редакцией М.М. Розенталя и П.Ф. Юдина. Издательство политической литературы, Москва, 1963.
3. Краткий политический словарь. / В.П. Абаренков, А.Г. Аверкин, Ю.А. Агешин и др. – М. Политиздат, 1983. – С. 367.
4. Краткий политический словарь. / В.П. Абаренков, А.Г. Аверкин, Ю.А. Агешин и др. – М. Политиздат, 1983. – С. 367.

5. Тюрро П. Нужны ли ИТ-специалистам «Мобильность» и «Облака» Windows 2000 Magazine/Re. – 2014. – № 10. – С. 18.
6. Лежнева М.С. Профессиональная мобильность ИТ-специалистов как фактор их успешной деятельности при выполнении сложных инновационных проектов / М.С. Лежнева // Современные проблемы науки и образования. – 2014. – № 4. – С. 109.
7. Хеннер Е.К. Общепрофессиональная подготовка ИТ-специалистов / Е.К. Хеннер // Преподавание информационных технологий в Российской Федерации : Материалы Тринадцатой открытой Всероссийской конференции, Пермь, 14–15 мая 2015 года / Ответственные редакторы: С.В. Русаков, Ю.А. Аляев; Пермский государственный национальный исследовательский университет. – Пермь: Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего профессионального образования "Пермский государственный национальный исследовательский университет", 2015. – С. 82–83.
8. Вильховская Е. Э. Факторы трудовой мобильности в ИТ-отрасли / Е. Э. Вильховская // Достижения вузовской науки. – 2016. – № 25-2. – С. 110-111.
9. Карелова Р.А. Формирование профессиональной мобильности будущих ИТ-специалистов в процессе становления субъектного опыта учебно-профессиональной деятельности. Дис. к.п.н. / Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Российский государственный профессионально-педагогический университет». М., 2017.
10. Борисов В.В. Анализ социальной мобильности ИТ-специалистов как феномен социологии мечты (на примере феномена посёлка программистов в Кировской области) / В.В. Борисов / Социология. – 2018. – №4.
11. Епихина Ю.Б. Социальная мобильность ИТ-специалистов / Ю.Б. Епихина / Ю.Б. Епихина // ИНАБ. 2021. № 4. Структурные аспекты цифровизации. – С. 74–85. – DOI: 10.19181/INAB.2021.4.5
12. Гулый И.М. Экономические последствия внедрения ит-решения "Зеленый цифровой коридор пассажира" / И.М. Гулый // Конкурентоспособность в глобальном мире: экономика, наука, технологии. – 2022. – № 10. – С. 257-261
13. Тарасьев А.А. Математическое моделирование профессиональной мобильности в условиях цифрового перехода / А.А. Тарасьев, Т.В. Тарасьева, В.С. Караваев // Инструменты проектного управления и анализа данных в системах поддержки принятия решений : сборник материалов III Международной конференции, Донецк, 29 апреля 2022 года. – Донецк: Донецкий национальный технический университет, 2022. – С. 262–266.
14. Куражев С.Д. Стратегии социальной мобильности российских ИТ-специалистов в кризисном обществе (итоги пилотажного исследования) / С.Д. Куражев, А.Г. Маранчак, П.П. Дерюгин // Информация–Коммуникация–Общество. – 2023. – Т. 1. – С. 178-182. – EDN MJTJFE.
15. Епихина Ю.Б. Социальная мобильность ИТ-специалистов // ИНАБ. 2021. № 4. Структурные аспекты цифровизации. С. 74–85.
16. Куражев С.Д. Стратегии социальной мобильности ИТ специалистов в современных российских условиях. Контент анализ опросов студентов ИТ специальностей / С.Д. Куражев, П.П. Дерюгин, В.А. Глухих // Современное образование: содержание, технологии, качество. – 2023. – Т. 1. – С. 70–73.
17. Дерюгин П.П., Зияева М.М., Глухих В.А., Куражев С.Д. Стратегии профессиональной мобильности в представлениях студентов-выпускников ИТ-специальностей (Пилотажное исследование) / П.П. Дерюгин, М.М. Зияева, В.А. Глухих, С.Д. Куражев // Общество: социология, психология, педагогика. – 2023. – №8 (112).

СПЕЦИАЛЬНАЯ ВОЕННАЯ ОПЕРАЦИЯ В ПАРАДИГМЕ «РУССКОГО МИРА»

SPECIAL MILITARY OPERATION IN THE “RUSSIAN PEACE” PARADIGM

Аннотация. В данной статье углубленно исследуется Специальная Военная Операция в контексте "Русского мира" через призму военно-исторической антропологии. Автор представляет анализ статистических данных, собранных ВЦИОМ, и предлагает решение проблемы недостаточной информированности населения о причинах начала этой Операции. Помимо этого, внимание акцентируется на нарастающей консолидации между властями и многонациональным российским обществом, что служит основой для формирования прочной связи поколений. Эта связь основывается на циклическом повторении исторических процессов, которые неизменно сопутствуют развитию российского государства. Статья призвана не только осветить ключевые аспекты Специальной Военной Операции, но и вызвать глубокое осмысление исторической памяти, объединяющей нацию в условиях вызовов современности.

Ключевые слова: Специальная Военная Операция, Русский мир, справедливая война, военно-историческая антропология.

Summary. This article explores in depth the Special Military Operation in the context of the “Russian World” through the prism of military-historical anthropology. The author analyzes statistical data collected by the All-Russian Center for Public Opinion Research (WCIOM) and offers a solution to the problem of insufficient public awareness of the reasons for the start of the Operation. In addition, attention is emphasized on the growing consolidation between the authorities and the multinational Russian society, which serves as a basis for the formation of a strong intergenerational bond. This bond is based on the cyclical repetition of historical processes that invariably accompany the development of the Russian state. The article is intended not only to highlight the key aspects of the Special Military Operation, but also to provoke a deep reflection on the historical memory that unites the nation in the face of the challenges of modernity.

Key-words: Special Military Operation, Russian peace, just war, military-historical anthropology.

Специальная военная операция (или, сокращенно, СВО) – в той или иной степени затронула каждую семью проживающую на территории России. Как это зачастую бывает в большом государстве, структура общества является гетерогенной как в плане смешения различных национальностей, так и в социально-идеологическом аспекте, что, в свою очередь, отражается на восприятии тех или иных исторических событий. В частности, вследствие проведения СВО российское общество самостоятельно разделилось на две следующие условные группы:

– несогласные с СВО на Украине (иноагенты [1], некоторые представители так называемой «культурной [2] и экономико-политической элиты»),

– поддерживающие решение российского правительства.

Прежде чем говорить о значении социальной консолидации всех представителей Русского мира, необходимо дать историко-философский

анализ таким понятиям как война, справедливая война, специальная военная операция. Освещение исследуемых дефиниций нашло своё отражение в статье кандидата военных наук, полковника в отставке, Литвиненко В. И.: «Сущность категорий «Война» и «Специальная Военная Операция»[3]. Важно, что основными целями военной операции на Украине стали: «демилитаризация и денацификация Украины, а также защита людей, подвергающихся издевательствам и геноциду на протяжении восьми лет» [4] и «создание условий, которые гарантировали бы безопасность самой России» [5].

Рассмотрим и проанализируем данные по изучению общественного мнения граждан России на протяжении 2015-2023 годов, которые для открытого доступа предоставлял Всероссийский центр изучения общественного мнения (ВЦИОМ).

2015 г.: признать независимость ДНР – 26%; принять в состав РФ – 16%; призывают соблюдать нейтралитет/ затрудняюсь ответить – 31%;

2017 г.: признать независимость ДНР – 24%; принять в состав РФ – 18%; призывают соблюдать нейтралитет/ затрудняюсь ответить – 36%;

2022г.: признать независимость ДНР – 73%; призывают соблюдать нейтралитет/ затрудняюсь ответить – 11%; против любого поддержания ЛДНР – 16%.

Вот как изменялось общественное настроения за год проведения специальной военной операции к СВО и вхождению четырех новых регионов в состав России:

2022 г.: Одобрение СВО -68%; не поддерживают СВО -20%; отношение россиян к вопросу о вхождении четырех новых регионов в состав России – Одобрение -75%; против -23%.

2023 г.: Одобрение СВО -63%; не поддерживают СВО -35%; отношение россиян к вопросу о вхождении четырех новых регионов в состав России – Одобрение -55%; против -33% [6].

Вышеприведённые данные являются ярким примером взаимодействия этноисторической памяти, психологического восприятия и отношения социума к экстремальным событиям. Тем не менее, необходимо отметить, что хотя большинство граждан России поддерживает правительство не только в принятом решении о начале СВО, но и в денацификации и демилитаризации всей Украины, но «большинство» – не означает «все». В оппозиции так или иначе оказывается довольно много людей – примерно треть взрослого населения страны, что говорит о том, что государственная политика информационного просвещения не всегда справляется со своей работой и, следовательно оставляет поле деятельности для вражеской пропаганды.

В такой ситуации возникает необходимость более глубокого анализа причин недовольства и непонимания среди значительной части населения. Это обстоятельство указывает на важность качественного диалога между государством и обществом. Информационная политика должна быть не только агрессивной, но и убедительной, чтобы не оставить место для манипуляций и искажений со стороны зарубежных средств массовой информации.

Ключевым аспектом здесь является создание систематической и доступной информационной программы, что позволит объяснить стратегические интересы страны и сформировать устойчивое мнение о международной обстановке. Необходимо не просто опровергать вражеские нарративы, но и предлагать альтернативные точки зрения на события, происходящие как внутри страны, так и за её пределами.

Кроме того, важно наладить взаимодействие с разными социальными группами, чтобы понять их потребности и тревоги. Открытость власти к критике и возможность общественного участия в обсуждении ключевых вопросов помогут сгладить существующие противоречия и укрепить доверие к государственным институтам. Таким образом, успешная национальная политика должна опираться на информированность и взаимопонимание.

Именно способность человека, русского по духу, через индивидуальную историческую память чувствовать сопричастность к исторической судьбе всего своего народа, своей страны приобретает исторический смысл социального единения России как государства. Благодаря этой особенности 22 республики, 9 краёв, 1 автономная область, 4 автономных округа, 46 областей и 3 города федерального значения – стали не только принимать беженцев из Донбасса, но и оказывать гуманитарную помощь пострадавшим мирным жителям.

На основании изученных данных, можно прийти к логическому заключению о том, что для большинства российских граждан и людей, являющихся приверженцами Русского мира, Специальная Военная Операция стала вполне логично ассоциироваться с Великой Отечественной Войной. Произошла своего рода консолидация между властью и многонациональным российским обществом, а во главе угла, по сути, встала единая цель: «обеспечение устойчивости российской государственности» [7].

Показательно, что СВО, несмотря на перечисленные выше сложности, приобрела совершенно логичный статус «справедливой войны», что означает войну не в парадигме противостояния двух государств, но как противостояние мировому злу (национал-фашизму) и защита мирного населения. Ярким примером может служить возрождение литературного героя Отечественной войны Василия Тёркина: «Теркин на Донбассе» [8]; «Фантастическая поэма Тёркин в Донбассе» [9]. Это далеко не единственный пример исторической параллели между Великой Отечественной войной и Специальной Военной Операцией, отражающей не только повседневную жизнь простого солдата, но и его душу, любовь к Родине. Необходимо отметить, что развитие военного творчества не только способствует укреплению связи между поколениями, возрождению культурно-исторической самоидентификации, но также напрямую влияет на культурную политику государства, чью важность нельзя преуменьшать. Именно о важности общероссийских духовно-нравственных ценностей ведется речь как в указе «Об утверждении основ государственной культурной политики», так и в изменившейся в 2023 году Концепции внешней политики Российской Федерации. В настоящее время на государственном уровне разработан единый комплекс мер способствующих укреплению

гражданского единства и направленный на сохранение исторической памяти, преемственности поколений, приоритета духовного над материальным, гуманизм, милосердие, взаимопомощь и взаимоуважение, патриотизм, гражданственность, служение Отечеству и ответственность за его судьбу, высокие нравственные идеалы.

Таким образом существующий в настоящее время запрос общества на возрождение историко-национального патриотизма, и на многонационально-русскую государственную идеологию, способствует возрождению России не только на военно-политической шахматной доске, но и на культурно-нравственных мировых площадках.

Список литературы

1. Иностранцы агенты в российском законодательстве. История статуса и его применение // ТАСС [Электронный ресурс]. – URL: <https://tass.ru/info/18731205> (дата обращения: 10.08.2024).
2. Катаева В.В Госдуме представили список 142 знаменитостей, не поддержавших СВО / В.В. Катаев // News.ru [Электронный ресурс]. – URL: <https://news.ru/culture/v-gosdume-predstavili-spisok-142-znamenitostej-ne-podderzhavshih-svo/> (дата обращения: 10.08.2024).
3. Литвиненко В.И. Сущность Категорий «Война» и «Специальная Военная Операция» / В.И. Литвиненко // Армейский сборник [Электронный ресурс]. – URL: <https://army.ric.mil.ru/Statii/item/420019/> (дата обращения: 12.08.2024).
4. Кошечкина В. Путин объявил о начале военной операции по защите Донбасса / В. Кошечкина // Лента. ру [Электронный ресурс]. – URL: <https://lenta.ru/news/2022/02/24/operation/> (дата обращения: 12.08.2024).
5. Стекольников Т. Путин назвал конечную цель спецоперации и предложил не говорить о сроках / Стекольников Т // РБК.ру [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.rbc.ru/politics/29/06/2022/62bcb3ed9a7947423cc41247?from=copy> (дата обращения: 12.08.2024).
6. Россия и Донбасс на фоне Минска // Сетевое издание WCIOM [Электронный ресурс]. — URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/rossiya-i-donbass-na-fone-minska-> (дата обращения: 12.08.2024).
7. Мерзликин Н.В., Иванов А.В. Социальная консолидация в контексте специальной военной операции (экспертная оценка) / Н.В. Мерзликин, А.В. Иванов // Наука. Культура. Общество [Электронный ресурс]. – 2022. – №4. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialnaya-konsolidatsiya-v-kontekste-spetsialnoy-voennoy-operatsii-ekspertnaya-otsenka> (дата обращения: 15.08.2024).
8. Кауров Я. Василий Тёркин на Донбассе / Я. Кауров Я // Стихи.ру [Электронный ресурс]. – URL: <https://stihi.ru/2015/12/26/8943> (дата обращения: 17.08.2024).
9. Левичев Д. Фантастическая поэма Тёркин в Донбассе / Д. Левичев // Стихи.ру [Электронный ресурс] – URL: <https://stihi.ru/2022/03/04/5216> (дата обращения: 17.08.2024).

ПОЛИТИКА РОССИИ ПО ПРОТИВОДЕЙСТВИЮ ЭТНОПОЛИТИЧЕСКОМУ СЕПАРАТИЗМУ В АФРИКЕ (НА ПРИМЕРЕ МАЛИ)

RUSSIA'S POLICY TO COUNTER ETHNOPOLITICAL SEPARATISM IN AFRICA (CASE OF MALI)

Аннотация. В данной статье рассматривается стратегический подход России к противодействию этнополитическому сепаратизму в Африке, с особым акцентом на Мали. В нем исследуются цели, методы и последствия политики России, подчеркиваются более широкие последствия для региональной стабильности и международных отношений. Анализируя дипломатические, военные и экономические действия России, данная статья представляет собой всесторонний обзор того, как Россия ориентируется в сложном ландшафте этнополитических конфликтов в Африке.

Ключевые слова: этнополитический сепаратизм, конфликт, терроризм, пост-колониализм, внешняя политика, Россия, Мали, Сахель, Запад.

Abstract. This article examines Russia's strategic approach to countering ethnopolitical separatism in Africa, with a specific focus on Mali. It explores Russia's policy objectives, methods, and impacts, highlighting the broader implications for regional stability and international relations. This article explains how Russia intervenes in the complex landscape of ethnopolitical conflicts in Africa based on an analysis of Russia's military, economic and diplomatic engagements.

Key-words: ethnopolitical separatism, conflict, terrorism, post-colonialism, foreign policy, Russia, Mali, Sahel, The West.

Этнополитический сепаратизм создает серьезные проблемы для государственной стабильности в различных регионах Африки. Случай Мали с его историей этнической напряженности и сепаратистских движений представляет собой уместный пример того, как внешние державы, включая Россию, участвуют в разрешении таких конфликтов. Участие России в Мали отражает более широкую стратегию расширения своего влияния в Африке, одновременно противодействуя доминированию Запада и способствуя стабильности в регионах, представляющих стратегический интерес.

Предыстория этнополитического сепаратизма в Мали

Мали, расположенная в Западной Африке, периодически переживает этнополитические раздоры, особенно с участием туарегов и других этнических групп. Восстание туарегов в 2012 году, за которым последовал рост экстремистских группировок, серьезно дестабилизировало страну. Последующий конфликт и военный переворот в 2021 году еще больше осложнили ситуацию, создав нестабильную обстановку, привлекающую внешних игроков, стремящихся повлиять на исход конфликта.

Российская стратегия в Мали

С 2017 года Россия ускорила свое возвращение в Африку, опираясь на рычаги безопасности, целенаправленные экономические интересы и свое влияние в СМИ. Ситуация, вероятно, будет беспокоить бывшие колониальные

державы, включая Францию, и, как следствие, западный мир. Станет ли Африка снова одним из театров антагонизма Востока и Запада?

Является ли Африка заповедником определенных «держав» или континентом, открытым для «международной конкуренции»? Очевидно, что сегодня мы не можем по-настоящему понять отношения между Москвой и Африкой, игнорируя глобальные рамки, в которых они укоренены или являются частью разрушенных деколонизацией и холодной войной приоритетов, связанных с восстановлением в 1990-х годах. Президент России всего лишь несколько раз побывал в Африке, но по его действиям можно утвердить, что африканский континент для него важен во внешнеполитическом и геополитическом планах.

Российская политика в Мали базируется на нескольких направлениях:

Военное сотрудничество и помощь в обеспечении безопасности:

Россия подписала соглашения о военном сотрудничестве с правительством Мали, предоставляя вооруженным силам оружие, технику и обучая их. Эта помощь направлена на укрепление способности Мали противостоять внутренним угрозам, включая сепаратистские движения. В последнее время, Москва развивает и укрепляет военную и техническую поддержку, а также дипломатические и стратегические контакты с определенными африканскими государствами в особенности странами Сахеля (Мали, Нигер и Буркина-Фасо).

Именно в этом контексте эти три страны решили изгнать западные войска (французские, европейские и ООН) со своих территорий. Во главе с Республикой Мали они объединились, чтобы сформировать альянс государств Сахеля и укрепить военно-техническое сотрудничество с Российской Федерацией. [1, с. 1].

Поддержка национального суверенитета. Москва подчеркивает уважение к национальному суверенитету и территориальной целостности Мали. Сначала данные страны заключили с западными государствами военный договор по сотрудничеству в рамках борьбы с международным терроризмом. Они игнорировали тот факт, что наоборот западные империалистические страны решили поддерживать туарегские сепаратистские и террористические группы. В течение 10 лет, именно французское государство, во главе, и миротворческие силы ООН не приняли никаких агрессивных действия против террористов в Мали, Нигера и Буркина-Фасо. На самом деле западные державы подержали сепаратистов и террористов против национальных военных сил этих суверенных государств.

Поддержка правительства Мали: Россия поддержала переходное правительство Мали, пришедшее к власти после переворота 2021 года. Эта поддержка включает дипломатическую поддержку на международных форумах и двустороннее сотрудничество.

Дипломатия и двусторонние отношения: Россия активизировала свои дипломатические отношения с Мали, стремясь установить прочные связи, выходящие за рамки простого военного сотрудничества. Это включает в себя экономический и культурный обмен, тем самым укрепляя связи между двумя странами.

Малийская дипломатия приветствовала значительный прогресс, достигнутый в области обороны и территориальной целостности Мали, благодаря, по ее словам, России. В своем выступлении министр уточнил, что «эти стратегические двусторонние отношения позволили малийской армии вернуть стратегический город Кидаль, оплот сепаратистских группировок и серьезную проблему суверенитета Мали». В свою очередь Сергей Лавров пояснил, что «военное и военно-техническое сотрудничество происходит в активном порядке», подчеркнув, что «мы видим, что обороноспособность Мали укрепляется благодаря работе наших инструкторов, подготовке малийских солдат в России и благодаря поставкам российской военной техники.

Кроме того, малийская и российская делегации приветствовали сближение точек зрения между властями двух стран, особенно по важнейшим политическим вопросам, и осудили инструментализацию вопроса прав человека в политических целях, а также вмешательство во внутренние дела. Контрпродуктивное использование санкций как принудительные меры в качестве средства разрешения кризисов является инструментом для западных государств надавить слабые государства. «В этом контексте они рассмотрели основные направления своего двустороннего сотрудничества, уделив особое внимание вопросам обороны и безопасности, активизации экономического и торгового сотрудничества, тщательной реализации проектов развития, вопросам гуманитарной помощи, а также укреплению сотрудничества в этой области. образования". Напомним, Мали и Россия договорились с 2021 года укреплять связи сотрудничества в сферах геологоразведки, горнодобывающей промышленности, энергетики, транспорта, инфраструктуры и сельского хозяйства.

Помощь в экономике и развитии. Помимо военной поддержки, Россия оказывает помощь в области экономики и развития, чтобы укрепить стабильность Мали:

Разведка и добыча ресурсов: Россия инвестировала в проекты по добыче полезных ископаемых в Мали, которые призваны обеспечить экономические выгоды и укрепить двусторонние отношения. [3, с. 18]

Развитие инфраструктуры. Российская помощь включает в себя инвестиции в инфраструктурные проекты, направленные на повышение экономической устойчивости страны и снижение социально-экономических условий, которые подпитывают сепаратистские настроения. [4, с. 30]

Политика России по противодействию этнополитическому сепаратизму в Мали представляет собой многогранную стратегию, направленную на расширение своего влияния, поддержку региональной стабильности и обеспечение экономических интересов. Участие России способствовало повышению способности правительства Мали противостоять сепаратистским угрозам. Поскольку Россия продолжает разбираться в сложностях африканской геополитики, ее подход к Мали послужит важным примером для понимания более широких последствий внешнего вмешательства в этнополитические конфликты. [5, с. 62]

Список литературы

1. Amarana Malga Le Mali et la Russie pour un raffermissement de leur coopération en matière de défense et de sécurité [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.aa.com.tr/fr/afrique/le-mali-et-la-russie-pour-un-raffermissement-de-leur-coop%C3%A9ration-en-mati%C3%A8re-de-d%C3%A9fense-et-de-s%C3%A9curit%C3%A9/3151670#> (дата обращения: 01.03.2024)
2. Amarana Malga La Russie réaffirme son soutien indéfectible à la Confédération des États de l'Alliance du Sahel [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.aa.com.tr/fr/monde/la-russie-r%C3%A9affirme-son-soutien-ind%C3%A9fectible-%C3%A0-la-conf%C3%A9d%C3%A9ration-des-%C3%A9tats-de-lalliance-du-sahel/3292606> (дата обращения: 01.08.2024)
3. Корендясов Е.Н. Факторы сепаратистского движения в Африке / Е.Н. Корендясов // Материалы конференции «Сепаратизм в Африке: история, современность и перспективы», Москва, 25 ноября 2020 г. – С. 18–19.
4. Черненко Е.Ф. Энергетический фактор сепаратизма в Африке» / Е.Ф. Черненко // Материалы конференции «Сепаратизм в Африке: история, современность и перспективы», Москва, 25 ноября 2020 г. – С. 30–31.
5. Филиппов В.Р. Азавад – самопровозглашенное государство туарегов / В.Р. Филиппов // Материалы конференции «Сепаратизм в Африке: история, современность и перспективы», Москва, 25 ноября 2020 г. – С. 60–62.

Коновалов Г.И.
Konovalov G.I.

ФЕДЕРАЛИЗМ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ КАК ОБЪЕКТ ОТЕЧЕСТВЕННЫХ ПОЛИТОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ (2000 – 2022 ГГ)

FEDERALISM IN MODERN RUSSIA AS AN OBJECT OF DOMESTIC POLITICAL SCIENCE RESEARCH (2000 – 2022)

Аннотация. В данной статье рассматривается отражение проблемы федерализма в современной России в работах отечественных исследователей. Определены актуальные вопросы взаимодействия центральной и региональной власти, проблемы социально-экономического развития и политического развития субъектов федерации. Отмечены концептуальные подходы к вопросу федерализма.

Ключевые слова: федерализм, субъекты федерации, Конституция РФ, субсидиарность, сепаратизм.

Summary. This article examines the reflection of the problem of federalism in modern Russia in the works of domestic researchers. Topical issues of interaction between central and regional authorities, problems of socio-economic and political development of the subjects of the federation are identified. Conceptual approaches to the issue of federalism are noted

Key-words: federalism, subjects of the federation, the Constitution of the Russian Federation, subsidiarity, separatism.

Федерализм в России на современном этапе представляет собой комплексный объект исследований в отечественной политической науке, охватывает как вопросы исторического развития федеративных отношений в государственной традиции России и предпосылки складывания современного административного-территориального устройства РФ, так и актуальные вопросы взаимодействия федерального центра с регионами, социально-

экономическое и политическое развитие России. Многосоставный характер проблемы федерализма ставит перед исследователями целый ряд задач: не только выявить основные механизмы и проблемы, связанные с функционированием российской федеративной системы, но и отделить факторы, отражающие объективные недостатки сложившейся системы взаимоотношений центра и регионов, напрямую влияющие на жизнь граждан России, от тех, которые связаны с политическим взаимодействием региональных и федеральных элит, столкновением их политических амбиций

Результаты исследований проблемы федерализма в современной России отражены в работах отечественных политологов, которые охватывают широкий спектр вопросов. Среди них: изучение исторических предпосылок и аспектов формирования системы взаимодействия центр-регионы как на длительном отрезке российской истории, так и на современном этапе, точкой отсчёта которого является формирование федеративного устройства СССР в 1920-1930-е годы; исследование механизмов федеративной системы современной РФ, включая вопросы разделения полномочий федеральных и региональных органов, распределения федеральных и региональных средств, форм и содержания политических процессов в регионах; правовое осмысление федерализма в России, связанных с ним вопросов о содержании суверенитета и правах субъектов федерации, проблемы сепаратизма, остро вставших в кризисный период 1990-х годов; перспективы федерализма в России и вопросы, связанные с метаморфозами национального самосознания в субъектах федерации и запросом на изменение сложившегося порядка вещей.

Содержание понятия «федерализм» само по себе представляет предмет исследования в политической науке. Его двойственность отмечают исследователи Д.А. Давудов и В. Р. Давтян [1]. С одной стороны, федерализм подразумевает определенную структуру функционирования государственной власти и особые отношения между федеральным правительством и субъектами федерации – национальными республиками, национальными краями, округами и др. –, которые регулируются Конституцией РФ, Федеральными договорами, федеральными законами и другими нормативными правовыми актами. С другой стороны, федерализм – это совокупность исторически сложившихся культурных и политических традиций, форм коммуникации и негласных принципов взаимодействия, которые даже в большей степени определяют взаимодействие федерального центра и субъектов внутри государства [1, с. 44 – 46].

Особенности российского федерализма – как на правовом уровне, так и на уровне неформального взаимодействия – отражены в исследовании О.В. Цветковой [2]. Для российского федерализма характерна т.н. асимметрия – фактические привилегии отдельных национальных республик и регионов в вопросах распределения федеральных средств или полномочиях местных органов могут быть не закреплены юридически, но существовать на протяжении десятилетий и определять социально-политическую реальность. Сложносоставной принцип построения субъектов (нахождение одних субъектов федерации в составе других), противоречия территориального и

этнического принципа административно-территориального устройства и постоянная смена трендов централизации и децентрализации также являются отличительной чертой системы федерализма в РФ на современном этапе [2, с. 151 – 155].

Известный отечественный правовед Н.М. Добрынин в своих работах [3, 4] комплексно рассматривает проблему федерализма в России. Автор четко определяет начало становления федеративного государства в российской истории – 1917 год – и исследует современное положение дел, изучая систему субъектов федерации в РФ, соотношение полномочий федерального центра и регионов, политико-правовые аспекты, связанные с «наследованием» Россией своего административно-территориального устройства от СССР и противоречий, которые не удалось разрешить в советской практике. Выступая с критических позиций по отношению к сложившейся в 1990-х годах системе федерализма в РФ, опирающейся на положения Федеративного договора 1992 г. и Конституции РФ 1993, Н.М. Добрынин видит первопричину кризисных явлений в «фантомном характере» федерализма в СССР, его инструментальной сути, опиравшейся на политическую необходимость, а не исторические предпосылки для создания того или иного субъекта [3, с. 81 – 83]. Такая практика породила сложносоставные субъекты федерации с региональными элитами, которых объединяют персональные и неофициальные связи в большей степени, нежели формальная политическая иерархия. Такие элиты нацелены на избавление от федерального контроля при одновременном сохранении финансовых трансфертов из Москвы [3, с. 74 – 77].

Отличительной чертой работ Н.М. Добрынина является аргументирование автором собственной концепции реформирования федеральной системы РФ. Путь к «новому федерализму» предполагал масштабную работу по унификации не только законодательства, но и социально-экономических стандартов и управленческих механизмов субъектов федерации, укрупнение ряда субъектов федерации и масштабный аудит деятельности региональных властей, оптимизацию административного аппарата [4, с. 350 – 354]. Проект, с одной стороны, отражал тренды, заложенные административными реформами первых двух сроков президентства В.В. Путина, с другой – обращался к управленческому опыту ЕС, который в середине 2000-х годов воспринимался как успешный пример реализации федеративных и конфедеративных элементов [4, с. 365 – 370].

Исследователь А.В. Сидоренко [5] обращается к этнополитическому аспекту федерализма в России в связи с феноменом роста национального самосознания в республиках и проблемой русского населения в субъектах федерации с «титულიной» нацией (отраженной в наименовании субъекта). Трагические события, связанные с ростом этнического сепаратизма и террористических движений в 1990-х годах, вызывали ответную реакцию Кремля. Программа реформ предполагала пересмотр системы договоров федерального правительства с руководствами республик; создание системы федеральных округов и полномочных представителей президента; слияние автономных округов с более крупными субъектами федерации; ужесточение

борьбы с террористической угрозой и расширение использования контртеррористических операций как формы борьбы с бандформированиями [5, с. 237 – 240]. Сравнивая разные точки зрения исследователей на проблему этнополитического аспекта федерализма, автор приходит к выводу, что только инкорпорация этнической идентичности в общенационально-патриотическую идентичность и унификация требований к соблюдению прав человека, социально-экономических и культурных свобод позволит укрепить федеральную систему, не разрушая её и не устраняя государственный контроль над этой сферой [5, с. 241 – 243].

Вопросу трансформации федерализма в Российской Федерации посвящена работа Г. А. Прожилова [6]. Сопоставляя федеративную политику в годы президентства Б.Н. Ельцина с аналогичной период президентства В.В. Путина и Д.А. Медведева, автор приходит к выводу, что негативный опыт взаимодействия центра и субъектов федерации в эпоху Ельцина обусловил резкую смену вектора политики с умеренно-федералистской на строго-унитарную при последующих администрациях. Она замену неработающих механизмов публичной политики на управляемые и контролируемые инструменты с жесткой вертикалью и доминирующей ролью центра – т.н. «управляемую федерацию» [6, с. 463 – 466]. Противоречивость оценок таких изменений отражает то, что проводимые реформы дали лишь половинчатый результат и не смогли в полной мере удовлетворить ни одну из сторон – ни сторонников «жесткой позиции», ни приверженцев дальнейшей децентрализации. К схожему выводу приходит в своей работе В.В. Хобта [7] – сложившаяся система федеративных отношений способствует укреплению центральной президентской власти, но ее возможности по управлению процессами достаточно ограничены, а потенциал принципа субсидиарности (решения региональных вопросов на местах без их перевода на федеральный уровень) оказывается не востребован [7, с. 97-99].

Важнейшим инструментом изучения федерализма в России являются сравнительные исследования социально-экономического развития субъектов федерации, способствующие выявлению наиболее острых региональных проблем. Исследование Е.А. Ерохиной [8] посвящено изучению параметров развития Республики Алтай, Республики Бурятия, Республики Саха, Республики Тыва и Республики Хакасия. Помимо общих для регионов РФ проблем, связанных с социально-экономической нестабильностью, для национальных республик характерен повышенный уровень напряженности, связанный с конфликтом между группировками внутри региональной элиты, между местной элитой и федеральными органами и отдельными хозяйствующими субъектами [8, с. 145 – 149]. Рекрутирование кадров из числа представителей семьи-клана или по принципу личной преданности, феномен этнической мобилизации, неизбежно ведущей к столкновениям и общественным волнениям и плохо поддающийся правовому контролю – эти опасные факторы особенно характерны для данных субъектов федерации [8, с. 151 – 152].

Научная проблема федерализма в современной России находит отражение в работах отечественных политологов. Необходимо отметить, что особое внимание уделяется вопросам политического взаимодействия, баланса сил между региональными элитами и федеральным центром, правовым аспектам их отношениям и вопросам неформальных взаимодействий, социально-экономическим вопросам развития регионов, а также этническим и социальным противоречиям в субъектах федерации. Несколько меньшее внимание уделяется вопросам сохранения культурного разнообразия в субъектах федерации, взаимодействию коренных народов и преобладающих национальных групп в республиках, вопросам интеграции этнического самосознания в общероссийский национальный контекст.

Представляется возможным выделить две основных позиции, которые занимают исследователи вопроса федерализма. Первый основывается на поддержке тенденций к дальнейшей «инструментализации» федерализма, усилению роли центра и укреплению контроля федерального правительства над всеми региональными процессами. Второй – на стремлении расширить полномочия регионов и придать новое содержание существующим региональным органам, поддерживать культурную и национальную самобытность «титულных» народов в субъектах федерации. Несмотря на то, что эти подходы противоречат друг-другу, есть и объединяющие аспекты. Первый из них – однозначное неприятие сепаратизма и терроризма как методов ведения политической борьбы, связанное с трагическим опытом войны в Чечне и конфликтами Москвы с крупными национальными республиками в 1990-е годы. Второй из них – критическое отношение к уже достигнутым результатам в вопросах организации федерализма, признание недостаточности, половинчатости принимаемых решений, несоответствия советского административно-территориального деления существующим реалиям жизни субъектов федерации.

Перспективными вопросами изучения федерализма являются долгосрочные последствия актуальных событий третьего десятилетия XXI века, их влияние на федеральную структуру РФ и существующие механизмы взаимодействия.

Список литературы

1. Давудов Д.А., Давтян В.Ф. Российский федерализм: краткая характеристика / Д.А. Давудов, В.Ф. Давтян // Аграрное и земельное право. – 2016. – №10 (142). – С. 43–46.
2. Цветкова О.В. Особенности современной российской модели федерализма / О.В. Цветкова // Гражданин. Выборы. Власть. – 2019. – №4. – С. 147–156.
3. Добрынин Н.М. Российский федерализм: Становление, современное состояние и перспективы / Н.М. Добрынин. – Новосибирск: Наука, 2005. – 429 с
4. Добрынин Н.М. Новый федерализм: модель будущего государственного устройства Российской Федерации / Н.М. Добрынин. – Новосибирск: Наука, 2003. – 468 с.
5. Сидоренко А.В. Российский федерализм: между территориальным и этническим измерением / А.В. Сидоренко // Известия РГПУ им. А.И. Герцена. – 2008. – №71. – С. 235–243.

6. Прожилов Г.А. Российский федерализм: история и перспективы развития / Г.А. Прожилов // Вестник Казанского технологического университета. – 2014. – №15. – С. 462–467.
7. Хобта В.В. Федерализм и местное самоуправление в России / В.В. Хобта // Государственное и муниципальное управление в XXI веке: теория, методология, практика. – 2013. – №6. – С. 95–99.
8. Ерохина Е.А. Диспропорции регионального развития, практики федерализма и риски мобилизованной этничности (на примере национальных Республик Азиатской России) – Е.А. Ерохина // Respublica Literaria. – 2023. – № 4. – С. 140–154.

Беляева Т.А., Мяснянкина В.С.
Belyaeva T.A., Myasnyankina V.S.

РЕАЛИЗАЦИЯ ГОСУДАРСТВЕННОЙ МОЛОДЁЖНОЙ ПОЛИТИКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: ОРГАНИЗАЦИОННЫЕ И ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ

IMPLEMENTATION OF THE STATE YOUTH POLICY OF THE RUSSIAN FEDERATION: ORGANIZATIONAL AND LEGAL ASPECTS

Аннотация. В статье рассмотрены основные положения государственной молодёжной политики РФ. Проанализирована законодательная база и основные направления реализации молодёжной политики. Дано определение «государственной молодёжной политики». Приведены примеры проектов, реализуемых в сфере молодёжной политики РФ.

Ключевые слова: молодёжь, внутренняя политика, государственная молодёжная политика, Федеральный закон, Российская Федерация.

Summary. The article discusses the main provisions of the state youth policy of the Russian Federation. The legislative framework and the main directions of youth policy implementation are analyzed. The definition of "state youth policy. Examples of projects implemented in the field of youth policy of the Russian Federation are given.

Key-words: youth, domestic policy, state youth policy, Federal law, Russian Federation.

На сегодняшний день внутренняя политика Российской Федерации (Далее – РФ) представлена большим количеством разнообразных направлений, охватывающих различные сферы общественной жизни. В настоящее время одним из наиболее важных и прогрессивных направлений государственной внутренней политики является молодёжная политика РФ. В одном из своих выступлений Президент РФ Владимир Владимирович Путин отметил, что «молодежь — это опора сегодняшнего дня и будущее России» [1], а «создание условий для реализации интеллектуального, творческого потенциала молодежи является общенациональным приоритетом» [2].

Рассматривая молодежь как особую категорию граждан, необходимо обозначить приоритетные направления деятельности внутренней политики государства в данном направлении, а также проанализировать действующую законодательную базу РФ.

В настоящее время в РФ действует большое количество нормативно-правовых актов, которые регулируют общественные отношения,

возникающие в сфере государственной молодёжной политики. Рассмотрим основные из них.

Во-первых, необходимо начать с Конституции РФ, которая является основополагающим документом, регламентирующим права и свободы человека и гражданина. Никакие положения других нормативно-правовых актов в области государственной молодёжной политики не должны противоречить Конституции РФ.

Во-вторых, необходимо упомянуть такие Федеральные законы (Далее-ФЗ), как ФЗ «О государственной поддержке молодежных и детских общественных объединений», регламентирующий содержание, меры и принципы государственной поддержки молодежных и детских общественных объединений на всей территории РФ. ФЗ «Об образовании в РФ», чьи положения координируют деятельности общественных организаций и объединений, к компетенции которых отнесена образовательная работа с детьми и молодёжью. ФЗ «О физической культуре и спорте в Российской Федерации», согласно положениям которого «органы государственной власти субъектов РФ за счет средств субъектов РФ вправе оказывать содействие развитию детскоюношеского и молодежного спорта» [3].

В-третьих, нельзя не упомянуть распоряжение Правительства РФ «Основы государственной молодёжной политики Российской Федерации на период до 2025 года», которое содержит основные принципы, цели и приоритетные задачи государственной молодёжной политики, а также механизмы её реализации. Согласно положениям, содержащимся в данном распоряжении, под «государственной молодёжной политикой» принято понимать «направление деятельности РФ, представляющее собой систему мер нормативно-правового, финансово-экономического, организационно-управленческого, информационно-аналитического, кадрового и научного характера, реализуемых на основе взаимодействия с институтами гражданского общества и гражданами, активного межведомственного взаимодействия, направленных на гражданско-патриотическое и духовно-нравственное воспитание молодежи, расширение возможностей для эффективной самореализации молодежи и повышение уровня ее потенциала в целях достижения устойчивого социально-экономического развития, глобальной конкурентоспособности, национальной безопасности страны, а также упрочения ее лидерских позиций на мировой арене» [4].

Таким образом, на основании анализа действующего законодательства РФ, можно сделать вывод о том, что государственная молодёжная политика в нашей стране является особым приоритетным направлением деятельности государства и его социальных институтов.

В настоящее время, молодёжная политика складывается из множества элементов, включающих в себя патриотическое воспитание молодого поколения, его образование и предоставление социальной защиты, услуг в области здравоохранения и т.д. Главенствующая и руководящая роль в реализации государственной молодёжной политике принадлежит государству, в распоряжении которого находятся огромные возможности и ресурсы для

полноценного и гармоничного осуществления, поставленных целей и задач. Благодаря чему на территории все страны действует грамотно выстроенная система поддержки молодежи.

На сегодняшний день основные направления реализации молодежной политики регламентированы в статье 6 ФЗ "О молодежной политике в Российской Федерации". Одним из самых значимых и актуальных направлений продолжает оставаться «воспитание гражданственности, патриотизма, преемственности традиций, уважения к отечественной истории, историческим, национальным и иным традициям народов РФ» [5]. Среди крупнейших мероприятий, проводимых в рамках данного направления, необходимо отметить Национальную премию «Патриот», Всероссийский проект «Твой Герой»; Всероссийский конкурс наставников «Быть, а не казаться» и многие другие. Кроме того, достижения и особенности каждого уголка нашей необъятной страны были представлены в рамках выставки-форума «Россия» при активном участии молодёжи из различных регионов.

Не менее важным направлением, которое успешно развивается в РФ, является «содействие участию молодежи в добровольческой (волонтерской) деятельности» [5]. По данным ВЦИОМ в 2023 году, «97% россиян доверяют волонтерам и считают, что они приносят пользу обществу, 75% – хотят, чтобы их дети и внуки стали добровольцами» [6]. Бесспорно, одним из самых масштабных в данном направлении является проект #МЫВМЕСТЕ, с помощью которого волонтеры успешно помогают различным категориям граждан по всей стране, включая участников СВО, их семьи, а также жителей новых регионов.

Не менее ответственно государство подходит к вопросу реализации такого направления, как «обеспечение гарантий в сфере труда и занятости молодежи, содействие трудоустройству молодых граждан» [5]. По данным ВЦИОМ, «грантовые конкурсы являются самым узнаваемым проектом Росмолодежи в сфере поддержки занятости. В 2023 году в конкурсах приняли участие 57 255 человек, из них 4 300 стали победителями» [7].

Таким образом, на основании вышеизложенного, можно сделать вывод о том, что государственная молодёжная политика является одним из самых динамичных и успешных направлений внутренней политики, реализуемых на территории нашей страны. Более того, нельзя не отметить большое количество нормативно-правовых актов, которые в настоящее время подробно регламентируют принципы, цели и приоритетные задачи государственной молодежной политики, а также механизмы её реализации. Только на сегодняшний день ФЗ "О молодежной политике в Российской Федерации" содержит 21 направление реализации молодежной политики. Думается, что с каждым годом результативность работы по каждому из направлений продолжит только расти.

Список литературы

1. Путин назвал молодежь опорой сегодняшнего дня и будущим России // РИА. Новости [Электронный ресурс]. – URL: <https://ria.ru/20181220/1548320561.html> (дата обращения: 14.08.2024)
2. Путин направил приветствие участникам форума "Твой ход" и лауреатам премии "Студент года" // ТАСС [Электронный ресурс]. – URL: <https://tass.ru/obschestvo/16567909> (дата обращения: 14.08.2024)
3. Федеральный закон "О физической культуре и спорте в Российской Федерации" от 04.12.2007 N 329-ФЗ (последняя редакция) // Консультант [Электронный ресурс]. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_73038/ (дата обращения: 15.08.2024)
4. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 29.11.2014 г. № 2403-р // Официальные цифровые ресурсы Президента России [Электронный ресурс]. – URL: <http://government.ru/docs/all/93887/> (дата обращения: 15.08.2024)
5. Федеральный закон от 30 декабря 2020 г. № 489-ФЗ "О молодежной политике в Российской Федерации" // Гарант [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/400056192/> (дата обращения: 16.08.2024)
6. Волонтерам доверяет подавляющее большинство россиян // Родной край [Электронный ресурс]. – URL: <https://chuprale-online.ru/news/tsentralnye-novosti/volonteram-doveriaet-podavliaiushhee-bolsinstvo-rossiiian> (дата обращения: 16.08.2024)
7. Государство и Росмолодежь при поддержке Президента РФ создают максимальные условия для раскрытия потенциала молодых россиян // Магадан [Электронный ресурс]. – URL: <https://magadanpravda.ru/lenta-novostej/sotsium/gosudarstvo-i-rosmolodezh-pri-podderzhke-prezidenta-rf-sozdayut-maksimalnye-usloviya-dlya-raskrytiya-potentsiala-molodykh-rossiiyan> (дата обращения: 16.08.2024)

Петрова Е.М., Бакулин А.В., Дерюгин П.П.
Petrova E.M., Bakulin A.V., Deriugin P.P.

АДАПТАЦИЯ ПЕДАГОГОВ И ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ПРОГРАММ К ДИСТАНЦИОННОМУ ОБУЧЕНИЮ В УСЛОВИЯХ ДОПОЛНЕННОЙ СОВРЕМЕННОСТИ: ВЫЗОВЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ ¹⁵

ADAPTATION OF TEACHERS AND EDUCATIONAL PROGRAMS TO DISTANCE LEARNING IN THE CONTEXT OF AUGMENTED MODERNITY: CHALLENGES AND PROSPECTS

Аннотация. В работе рассматривается влияние цифровизации на образовательную сферу в контексте понятия адаптации педагогов и образовательных программ. Анализируется ситуация в настоящее время, а также затрагиваются перспективы на будущее.

Summary. The paper examines the impact of digitalization on the educational sphere in the context of the concept of adaptation of teachers and educational programs. The current situation is analyzed, and the prospects for the future are also touched upon.

Ключевые слова. Цифровизация, образование, адаптация, дистанционное обучение, образовательные перспективы, обучение.

Key-words. Digitalization, education, adaptation, distance learning, educational perspectives, learning.

¹⁵ При финансовой поддержке гранта РНФ № 24-18-00261 Социоструктурная модель перехода российского общества в режим дополненной современности

Процессы глобальной цифровизации изменили социальную жизнь и модели поведения людей. Цифровизация распространилась на все процессы социальной жизни, на образование в том числе; она стала неотъемлемой частью всех уровней образования, формируя новые подходы, формы и методы образовательной деятельности. Некоторые ученые цифровизацию относят к революционным изменениям, прорывным инновациям образования XXI века [1, с. 56], ряд авторов цифровизацию считают причиной формирования «нового педагогического пространства» [2, с. 5].

Однако наступление цифровой эпохи не было внезапным. В 2012 году в ФЗ № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» [3] содержалось указание на возможность использования электронного обучения и дистанционных технологий при реализации образовательных программ. Здесь же было впервые введено понятие «электронной информационно-образовательной среды», формируемой в каждом учреждении и включающей электронные информационные, образовательные и телекоммуникационные технологии и ресурсы с помощью которых должен осуществляться образовательный процесс и в которых должно быть организовано взаимодействие участников образовательного процесса.

С 2018 г. реализуется Национальный проект «Образование», одним из приоритетных направлений которого является создание современной, безопасной и доступной цифровой образовательной среды [4]. В 2020 г. В Указе Президента РФ № 474 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года» [5], сказано, что приоритетом государственного развития является цифровизация, а отрасль образования к 2030 г. должна достичь «цифровой зрелости».

Таким образом, современная цифровизация формировалась на образовательных технологиях с использованием аудио- и визуальных средств, аппаратных и программных технологиях.

Рассмотрим мнение исследователей по данным вопросам. Зарубежные исследователи Д. Надрлианский, М. Надрлианский и М. Павлинович отмечают, что цифровизация стала инструментом для внесения фундаментальных изменений в образовательные процессы, содержание и различные формы деятельности, которая может обогатить возможностями сферу образования, сделать ее цели более достижимыми, актуализировать научные исследования в данной сфере и в целом повысить качество образования для всех [6, с. 21]. Данная мысль подтверждает тот факт, что цифровизация образования положительно сказывается на результатах деятельности в этой сфере.

Поступательное освоение цифровых платформ, технологий, искусственного интеллекта в образовании ускорилось в 2020–2022 гг. в связи с пандемией COVID-19 и введением удаленного режима работы в образовательных организациях и организацией учебного процесса на цифровых образовательных платформах [7, с. 1801]. В связи с этим в тот период наиболее острыми стали проблемы формирования цифровых педагогических методов, создания цифрового контента, развития цифровых

компетенций педагогов, формирования адекватных оценочных процедур и средств и др. Оказалось, что несмотря на начало процесса цифровизации в образовании, социальные и политические институты в стране не были к этому готовы.

Стоит отметить, что эти процессы цифровизации не получают однозначного одобрения со стороны исследователей. Одни исследователи подчеркивают необходимость уделять первостепенное внимание модели преподавания, в которой все большее значение приобретает внедрение технологий в качестве вспомогательного средства, предоставляющие инновационные возможности для процесса обучения и способствующее мотивации процесса обучения [8, с. 720]. Другие исследователи выступают против данного подхода и придерживаются устоявшихся образовательных стратегий, которые проверены временем.

Е. А. Малейченко и М. Н. Скидан анализируют различные позиции исследователей по этому вопросу. Авторы отмечают сложность дискурса вокруг будущего образования. Профессиональному сообществу предстоит отстаивать гуманитарные ценности образования и воспитания личности. Общеизвестно, что институт образования выполняет функции формирования мировоззрения личности и системы персональных ценностей, благодаря которым в сознании ребенка и подростка расставляются жизненные приоритеты, образуется «Я-концепция» с системой ориентиров и шаблонов социального поведения.

Различные исследователи отмечают, что в дальнейшем цифровые технологии будут развиваться, обогащаться новыми возможностями и функциями, поэтому вопрос адаптации системы образования к новой социальной среде будет так же актуальным (освоение искусственного интеллекта по мере развития последнего, наращивание использования облачных технологий в организации работы с большими данными, педагогическая геймификация, развитие системы контент-фильтрации, контроля и отслеживания использования различных ресурсов образования, использование возможностей робототехники, дополненной и виртуальной реальности и др.). Однако еще не решены множество вопросов: дилеммы значения цифровых технологий (преобладающего или вспомогательного характера цифровых технологий); субъекта педагогического труда (преподаватель или искусственный интеллект); границ цифровизации [9, с. 80].

Кроме того, учеными были проведены социологические исследования, изучающие различные стороны цифровизации разных уровней образования: основного общего и профессионального образования.

В результатах исследования констатируется следующее: «формирование цифровой образовательной общности, формирующейся под воздействием виртуализации и цифровизации окружающего социального пространства» у обучающихся. А их цифровая активность зависит от сформированности цифровой среды, уровня цифровой компетентности обучающихся, используемых технологий цифрового взаимодействия» [10].

Так, социологические исследования выявили недостаточный уровень готовности образовательных учреждений к дистанционному режиму образования и использованию цифровых технологий. Среди проблем названы: недостаточный уровень развития цифровой инфраструктуры, использование примитивных форм цифрового обучения, не проработанность общей методики цифрового обучения, отсутствие единой российской интегрированной образовательной платформы, психологическая неготовность учителей интегрировать цифровые технологии в профессиональную деятельность.

Большинство специалистов пришли к выводу о необходимости сочетать дистанционное образование с традиционной моделью обучения:

«образовательный контент должен быть выстроен таким образом, чтобы он включал дистанционное обучение и обучение «лицом к лицу». Дистанционное обучение в цифровой среде повысит уровень теоретического обучения, в то время как вторая среда будет полезна для получения практических навыков».

Степень интеграции цифровых технологий в образование во многом зависит от формирующих усилий педагогов, от их адаптации к инновациям и готовности их применять в личной практике. Оперативно получаемые и обрабатываемые данные мониторинговых исследований стратегий адаптации сотрудников образовательных организаций приобретают определяющее значение для адекватной оценки ситуации и принятия решений, ориентированных не только на сиюминутные задачи, но и на стратегическую перспективу российского образования.

Под адаптацией педагогов мы понимаем процесс, в ходе которого сотрудники адаптируются к изменениям в своей рабочей среде, осваивая новые роли, задачи, процессы. Процесс адаптации сотрудников может длиться дни, недели или даже год, в зависимости от продолжительности адаптационных мероприятий. Продуманная программа адаптации может сделать процесс освоения цифровых технологий продуктивным и психологически комфортным для учителя. Обучение, наставничество, обмен опытом и другие меры адаптации являются достаточно формализованными инструментами профессиональной адаптации.

Стихийная адаптация вызывает высокий уровень стресса и снижает качество образовательного процесса, тогда как использование стратегий организованной адаптации снижает сроки данного процесса и повышает профессиональную эффективность учителей. Неудачный опыт адаптации негативно влияет на деятельность учителя, он может вызвать у сотрудников чувство дискомфорта, замешательства, способствовать профессиональному выгоранию и принятию решения об увольнении.

В результате проведения краткого обзора по научным основам исследования стратегий адаптации сотрудников образовательных организаций в условиях цифровизации нами выявлены следующие теоретические проблемы: в профессиональной литературе отсутствует базовое определение термина «стратегии адаптации сотрудников образовательных организаций»,

слабо раскрыта система адаптации как процесса приспособления к новой образовательной среде, не разработана видовая классификация стратегий адаптации сотрудников образовательных организаций в условиях цифровизации. Эти научно-практические проблемы предстоит решить далее в рамках изучения данной темы.

Список литературы

1. Капитанова Н.В. Особенности адаптации преподавателей высшей школы к условиям цифровой образовательной среды / Н.В. Капитанова // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – 2022. – №9. – С. 54–57.
2. Голубник А.А. Формирование готовности учителя к практической реализации цифрового обучения / А.А. Голубник // Мир науки. Педагогика и психология. – 2022. – Т. 10. – № 3.
3. Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации» от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ // КонсультантПлюс [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 16.08.2024).
4. Ключевые результаты Национального проекта «Образование» по итогам 2019–2021 годов // Министерство просвещения Российской Федерации [Электронный ресурс]. – URL: <http://edu.gov.ru> (дата обращения 16.08.2024).
5. Указ Президента Российской Федерации от 21.07.2020 г. № 474 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года» // Официальные цифровые ресурсы Президента России [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/45726> (дата обращения: 16.08.2024).
6. Nadrljanski, Digitalization of Education // Handbook on Intelligent Techniques in the Educational Process, 2022. pp. 17–39.
7. Arisoy B. Digitalization in education / B. Arisoy // Cypriot Journal of Educational Sciences. – 2022. – 17(5). – P. 1799–1811.
8. Marcelo C. University Teaching with Digital Technologies / C. Marcelo // Comunicar. – 2015. – Vol. 23. № 45. – Pp.117–124.
9. Малейченко Е.А. Социологические аспекты цифровизации образования / Е.А. Малейченко, М.Н. Скидан // Миссия конфессий. – 2022. – № 62. – С. 78–83.
10. Ключевые результаты Национального проекта «Образование» по итогам 2019–2021 годов [Электронный ресурс]. – URL: <http://edu.gov.ru> (дата обращения 16.08.2024)

Синицын И.Б.
Sinitsyn I.B.

ГРУЗИЯ В КОНТЕКСТЕ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ РОССИИ: СОВРЕМЕННЫЙ ПЕРИОД

GEORGIA IN THE CONTEXT OF RUSSIA'S FOREIGN POLICY: THE MODERN PERIOD

Аннотация. В статье автором проводится краткий ретроспективный обзор взаимоотношений между Россией и Грузией и анализ современного этапа внешней политики России в отношении Грузии. Также отмечаются проблемные аспекты взаимодействия двух стран, которые на данный момент не позволяют в полной мере восстановить полноценное двустороннее сотрудничество.

Ключевые слова: Россия, Грузия, торгово-экономические отношения, миграция, международные транспортные коридоры.

Summary. In the article, the author provides a brief retrospective review of relations between Russia and Georgia and an analysis of the current stage of Russia's foreign policy towards Georgia. Also, problematic aspects of the interaction between the two countries are noted, which currently do not allow for the full restoration of full-fledged bilateral cooperation.

Key words: Russia, Georgia, trade and economic relations, migration, international transport corridors.

Грузия занимает выгодное географическое положение в регионе Южного Кавказа, обеспечивая транспортную коммуникацию как между Севером и Югом, так и между Западом и Востоком. В условиях трансформации существующего миропорядка интерес к республике со стороны глобальных и региональных держав возрастает, в первую очередь со стороны России, ввиду наличия тесных экономических связей, общего исторического прошлого и общей границы.

Теме взаимоотношений России и Грузии уделяется серьезное внимание со стороны и зарубежного, и отечественного научного сообщества. Например, М. Малхаз анализирует трансформацию отношений между Россией и Грузией в постсоветский период. В свою очередь заместитель генерального директора информационно-аналитического агентства «Вестник Кавказа» А. Петров уделяет внимание особенностям сотрудничества двух государств на современном этапе. На вопросах геоэкономических интересов России в Грузии фокусируется в своем исследовании В.О. Кривицкий.

Взаимоотношения России и Грузии в постсоветский период отличались высокой степенью напряженности. Начать стоит с участия России в урегулировании вооруженного конфликта между Грузией с одной стороны и Абхазией и Южной Осетией с другой стороны в первой половине 90-х гг. Россия поддерживала принцип территориальной целостности Грузии ввиду одновременной борьбы с сепаратизмом в Чечне на собственной территории, однако пророссийский курс Южной Осетии и поддержка данного автономного округа со стороны Владикавказа создавали предпосылки для недружественных отношений между Москвой и Тбилиси. Далее в соответствии с Сочинским соглашением Б.Н. Ельцина и Э.А. Шеварднадзе от 1992 г. Южная Осетия и Грузия взяли на себя обязательства о прекращении огня, а разграничением сторон занялись миротворческие силы, состоящие из российских, грузинских и осетинских батальонов. Конфликт между Грузией и Абхазией был урегулирован на основании Московского соглашения о прекращении огня и размещении в зоне соприкосновения Коллективных сил СНГ.

Следующий этап российско-грузинских отношений связан с приходом к власти в Грузии М.Н. Саакашвили в результате революции роз. Попытка вооруженного способа реинтеграции Абхазии и Южной Осетии со стороны Тбилиси вынудило Россию начать ответную операцию, по итогам которой обе республики сохранили свою независимость, что позднее было признано Москвой. Это привело к разрыву дипломатических отношений между Россией и Грузией [1]. Данные события негативно отразились на показателях внешней

торговли: в 2008 г. доля России сократилась до 5,8% от общего товарооборота Грузии, а в 2010 г. составила лишь 4,8% [2].

В 2012 г. партия Б.Г. Иванишвили «Грузинская мечта» выиграла парламентские выборы. Программа новой правящей партии сохранила приверженность идеи о вступлении Грузии в ЕС и НАТО, а также стремление воссоединения с Абхазией и Южной Осетией. Особенностью внешней политики «Грузинской мечты» является возобновление торгово-экономических отношений с Россией. В январе 2013 г. Б.Г. Иванишвили провел короткую встречу с председателем правительства России Д.А. Медведевым на полях Экономического форума в Давосе, подчеркнув, что Тбилиси намерен восстановить отношения с Москвой. В том же году грузинские компании вернулись в Россию, а российские — в Грузию. В политической плоскости современная Грузия занимает проевропейскую позицию в отношении России. Так, в 2014 г. Тбилиси поддерживал антироссийские санкции со стороны западных государств, однако самостоятельно не вводил никаких экономических ограничений. В данный период показатель российско-грузинского товарооборота демонстрировал рост, достигнув пика в 1.355 млрд. долл. до начала COVID-19 [3].

В 2022 г. премьер-министр республики И.Т. Гарибашвили отметил, что Грузия не будет вводить индивидуально ограничения против России, однако присоединится ко всем санкциям, вводимым международными организациями и объединениями, в том числе ЕС. Подобное балансирование между разными центрами силы позволяют Тбилиси сохранить торговые связи, в том числе с Россией, обладающей емким рынком для грузинского вина, минеральной воды и легковых автомобилей. Так, товарооборот между двумя странами в 2022 г. составил 2.4 млрд. долл., что выше показателя предыдущего года на 51%. Россия таким образом заняла второе место по величине данного показателя. По импорту в Грузию Россия занимает второе место, по экспорту – третье. В 2023 г. было зафиксировано незначительное снижение показателя товарооборота на 3% из-за уменьшения доли импорта Грузии из России [4]. В условиях санкционного давления со стороны западных стран Грузия стала одним из участников параллельного импорта в Россию. Подобный подход позволяет России обойти экономические ограничения, приобретая необходимые товары, а Грузии – получить дополнительный источник дохода [5].

Российский бизнес активно осваивает грузинский рынок путем прямого инвестирования (ПИИ). В 2021 г. ПИИ России в Грузию составили 85.3 млн. долл. В 2022 г. объем российского капитала в грузинской экономике увеличился до 105.6 млн. долл., однако наблюдалось незначительное снижение показателя до отметки в 103.3 млн. долл. в 2023 г. Россия занимает пятое место среди крупнейших иностранных инвесторов Грузии, уступая Нидерландам, Великобритании, США и Турции [4].

Геополитическая значимость Грузии для России выражается в транзитной функции для транспортной коммуникации с Арменией, на территории которой дислоцируется 102-я российская военная база. На данный

момент предусмотрено снабжение только с помощью воздушного транспорта. Более того, Армения, являясь членом ОДКБ, получает гарантии безопасности со стороны России, вооруженным силам которой необходим сухопутный маршрут через Грузию в случае военной угрозы Еревану. Рассматривая сферу торгово-экономических отношений, стоит отметить, что сухопутный маршрут через Грузию для передвижения товаров и людей между Россией с одной стороны и Арменией, Турцией с другой стороны является самым удобным в условиях закрытой армяно-азербайджанской границы. Следующий важный аспект – это обеспечение безопасности международного транспортного коридора «Север-Юг», который берет начало в России и проходит через Азербайджан, путем недопущения сил НАТО в соседнюю Грузию. Также через территорию Грузии проложен магистральный газопровод «Северный Кавказ – Закавказье», который обеспечивает энергоресурсами Армению и позволяет России усилить свое влияние в регионе Южного Кавказа.

В результате выстраивания тесных торгово-экономических отношений между Россией и Грузией, наличия общей границы и активной миграции между двумя государствами создаются предпосылки для снятия различных ограничений: так, Указом Президента Российской Федерации от 10.05.2023 г. № 336 отменен запрет на осуществление российскими авиакомпаниями воздушных перевозок (в том числе коммерческих) граждан с территории Российской Федерации на территорию Грузии. Российской стороной установлен безвизовый режим для граждан Грузии на период до 90 дней из каждых 180 для посещения России с туристическими и др. целями. В свою очередь, для въезда граждан России в Грузию виза не требуется на период пребывания в стране до 1 года [6].

Однако, несмотря на положительную динамику двусторонних отношений между Москвой и Тбилиси, остается ряд проблемных аспектов. Во-первых, до сих пор не возобновлены дипломатические отношения, что затрудняет межгосударственный диалог. Во-вторых, остаётся нерешенным вопрос о дальнейшей судьбе Абхазии и Южной Осетии. С одной стороны, Россия признала их независимость и суверенитет, соответственно выступила гарантом этого статуса у обеих республик. С другой стороны, как отмечалось выше, партия «Грузинская мечта» считает эти республики частью Грузии, а премьер-министр в мае 2024 г. заявил о планах вернуть Абхазию и Южную Осетию в 2030 г. [7]. И, в-третьих, стремление Грузии в НАТО и активное военно-техническое сотрудничество со странами альянса. Для европейских стран Грузия выступает в качестве главного аванпоста сдерживания России в регионе Большого Причерноморья. Так, например, Великобритания, США и Литва активно сотрудничают с Бюро кибербезопасности Грузии. На июньском саммите НАТО в 2022 г. премьер-министр Соединенного Королевства объявил о выделении Тбилиси более 5 млн. ф. ст., направленных на сопротивление российским кибер-атакам [8].

Подводя итог, можно констатировать следующее: взаимоотношения России и Грузии переживали непростой период до 2012 года. Следующий этап, который ознаменован приходом к власти партии «Грузинская мечта»,

отличается восстановлением взаимовыгодных торгово-экономических отношений, что выражается в увеличении показателей товарооборота между странами и прямых иностранных инвестиций со стороны России в экономику Грузии. Таким образом, для Тбилиси Москва выступает в качестве одного из ключевых торговых партнёров, который предоставляет свой рынок сбыта для грузинских товаров и в свою очередь поставляет необходимые товары (прежде всего энергоресурсы) для Грузии. При этом в дружественных отношениях с Грузией заинтересована и Россия, так как республика является приграничным государством и важным транзитным пунктом, связывающим Российскую Федерацию с регионами Южного Кавказа и Ближнего Востока. Однако восстановлению полноценного сотрудничества препятствует ряд вышеописанных факторов, нивелирование которых на данный момент затруднено.

Список литературы

1. Сафонов А.А. Международные конфликты в XXI веке: учебник и практикум для вузов / А.А. Сафонов, М.А. Сафонова. 4-е изд., перераб. и доп. – М. : Издательство Юрайт, 2024. – 415 с.
2. Кривицкий В.О. Геоэкономические интересы Российской Федерации в республике Грузия / В.О. Кривицкий // Вестник РУДН. Серия: Международные отношения. – 2013. №2. – С. 76-82.
3. Грузия в новом мире: между Россией и Западом [Электронный ресурс]. – URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/gruziya-v-novom-mire-mezhdu-rossiey-i-zapadom/> (дата обращения: 17.08.2024).
4. National statistics office of Georgia [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.geostat.ge/en> (дата обращения: 17.08.2024).
5. Названы страны, больше всего участвующие в параллельном импорте в Россию [Электронный ресурс]. – URL: <https://finance.rambler.ru/economics/52323398-nazvany-strany-bolshe-vsego-uchastvuyuschie-v-parallelnom-importe-v-rossiyu/> (дата обращения: 16.08.2024).
6. Консульский информационный портал [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.kdmid.ru/docs/georgia/information-about-the-country/> (дата обращения: 15.08.2024).
7. Премьер Грузии заявил о планах вернуть Абхазию и Южную Осетию в 2030 году [Электронный ресурс]. – URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/20907269> (дата обращения: 15.08.2024).
8. Энтина Е.Г., Наджаров А.М., Давранова С.Б., Милоян Т.Х. Военно-политическое присутствие Великобритании на Южном Кавказе / Е.Г. Энтина, А.М. Наджаров, С.Ю. Давранова, Т.Х. Милоян. – М.: НИУ ВШЭ, 2022. – 334 с.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Авакова Элина Борисовна, канд. соц. наук, доцент Высшей школы медиакоммуникаций и связей с общественностью, Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого (г. Санкт-Петербург).

Апанащенко Ольга Владимировна, аспирант, Луганский государственный университет им. В. Даля (г. Луганск).

Арутюнов Антон Георгиевич, младший научный сотрудник Лаборатории социально-экономических и политико-правовых исследований Владивостокского государственного университета, аспирант Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, член Совета по региональному развитию Российской ассоциации политической науки (г. Владивосток).

Афониная Александра Артуровна, член Совета Студенческого научного общества «Школа молодого политолога», студентка философского факультета Института «Таврическая академия», Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского (г. Симферополь).

Бабаджян Папик Артурович, аспирант, Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова (г. Ярославль).

Бабик Алёна Олеговна, канд. ист. наук, старший преподаватель кафедры всемирной истории и международных отношений, Луганский государственный педагогический университет (г. Луганск).

Багликова Марина Сергеевна, канд. ист. наук, доцент кафедры политологии, Донецкий государственный университет (г. Донецк).

Бакулин Александр Викторович, студент, Санкт-Петербургский государственный университет (г. Санкт-Петербург).

Балко Марина Владимировна, д-р филол. наук, доцент, заведующий кафедрой краеведения, Донецкая академия управления и государственной службы (г. Донецк).

Баранов Андрей Владимирович, д-р полит. наук, д-р ист. наук, профессор, профессор кафедры политологии и политического управления, Кубанский государственный университет (г. Краснодар).

Баранов Николай Алексеевич, д-р полит. наук, профессор, профессор кафедры международных отношений Северо-Западного института управления, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации; ведущий научный сотрудник, Санкт-Петербургский государственный университет (г. Санкт-Петербург).

Бахтоярова Валерия Павловна, преподаватель кафедры теоретической и прикладной политологии, Южный федеральный университет (г. Ростов-на-Дону).

Бондаренко Мария Романовна, лаборант кафедры теории и практики перевода, Донецкий государственный университет (г. Донецк).

Внукова Любовь Борисовна, канд. полит. наук, старший научный сотрудник, Федеральный исследовательский центр Южный научный центр Российской академии наук (г. Ростов-на-Дону).

Гогишвили Тамара Теймуразовна, соискатель кафедры государственной политики и государственного управления, Кубанский государственный университет (г. Краснодар).

Гончаренко Лев Николаевич, д-р ист. наук, профессор, профессор кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин, Балтийский Гуманитарный Институт (г. Санкт-Петербург).

Демешко Наталья Эдуардовна, канд. полит. наук, доцент кафедры «Социально-философские и политические науки» Института общественных наук и международных отношений, Севастопольский государственный университет (г. Севастополь).

Дерюгин Павел Петрович, д-р соц. наук, к. пед. наук, профессор кафедры прикладной и отраслевой социологии, Санкт-Петербургский государственный университет (г. Санкт-Петербург).

Дибас Оксана Андреевна, канд. ист. наук, доцент, доцент кафедры всемирной истории и международных отношений, Луганский государственный педагогический университет (г. Луганск).

Дудин Павел Николаевич, д-р ист. наук, д-р полит. наук, доцент, заведующий лабораторией исторических и социально-экономических исследований Сибири и Центральной Азии, Федеральный исследовательский центр Красноярский научный центр Сибирского отделения Российской академии наук (г. Красноярск).

Загородний Валерий Валерьевич, старший преподаватель кафедры государственно-правовых и исторических дисциплин, Донбасский государственный университет юстиции (г. Донецк).

Золотарев Федор Евгеньевич, преподаватель-исследователь, Санкт-Петербургский государственный университет (г. Санкт-Петербург).

Иванов Андрей Валерьевич, канд. филос. наук, доцент, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского (г. Саратов).

Игнатьева Людмила Николаевна, канд. ист. наук, доцент кафедры международных отношений и зарубежного регионоведения, Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н.А. Добролюбова (г. Нижний Новгород).

Казakov Александр Александрович, д-р полит. наук, доцент, профессор кафедры политических наук, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского (г. Саратов).

Казаренко Дарья Сергеевна, аспирант, Донецкий государственный университет (г. Донецк).

Камара Сиди, аспирант, соискатель Института философии и социально-политических наук, Южный федеральный университет, ассистент факультета публичного права Университета юридических и политических наук Мали (г. Бамако).

Карпов Андрей Юрьевич, соискатель кафедры государственной политики и государственного управления, Кубанский государственный университет (г. Краснодар).

Комлякова Юлия Юрьевна, канд. ист. наук, доцент кафедры всеобщей истории, Белгородский государственный национальный исследовательский университет (г. Белгород).

Коновалов Георгий Иванович, магистрант, Донецкий государственный университет (г. Донецк).

Константинов Михаил Сергеевич, канд. полит. наук, доцент, доцент кафедры теоретической и прикладной политологии, Южный федеральный университет (г. Ростов-на-Дону).

Котлярова Ольга Владимировна, канд. филол. наук, доцент, доцент кафедры социально-гуманитарных дисциплин Владимирского филиала Российской академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (г. Владимир).

Кравец Юрий Антонович, канд. ист. наук, доцент, доцент кафедры всемирной истории и международных отношений, Луганский государственный педагогический университет (г. Луганск).

Краснопёров Антон Юрьевич, канд. полит. наук, старший преподаватель, Национальный исследовательский Томский государственный университет (г. Томск).

Крыжановская Ирина Ивановна, старший преподаватель кафедры политологии, Донецкий государственный университет (г. Донецк).

Кузнецов Артём Александрович, преподаватель кафедры рекламы и связей с общественностью, Санкт-Петербургский государственный университет промышленных технологий и дизайна (г. Санкт-Петербург).

Кузнецова Елена Владимировна, канд. полит. наук, доцент, доцент кафедры международных отношений и внешней политики, Донецкий государственный университет (г. Донецк).

Кучер Константин Владимирович, руководитель представительства Президентской Академии в Луганской Народной Республике, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (г. Луганск).

Ладыга Александр Иванович, канд. ист. наук, доцент, начальник кафедры государственных и гражданско-правовых дисциплин, Воронежский институт МВД России (г. Воронеж).

Ладыга Людмила Ивановна, канд. ист. наук, доцент, доцент кафедры политических наук и регионалистики, Луганский государственный педагогический университет (г. Луганск).

Литвин Лилия Анатольевна, канд. полит. наук, доцент кафедры политических наук и регионалистики, Луганский государственный педагогический университет (г. Луганск).

Лунёв Роман Сергеевич, Академия управления городской средой, градостроительства и печати (г. Санкт-Петербург).

Любина Дарья Евгеньевна, канд. полит. наук, старший преподаватель Высшей школы международных отношений Гуманитарного института, Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого (г. Санкт-Петербург).

Мальшева Елена Борисовна, старший преподаватель Высшей школы международных отношений, Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого (г. Санкт-Петербург).

Милокост Любовь Сергеевна, канд. ист. наук, доцент, заведующий кафедрой всемирной истории и международных отношений, Луганский государственный педагогический университет (г. Луганск).

Москаленко Ольга Александровна, канд. филол. наук, доцент, доцент кафедры «Теория и практика перевода и зарубежная филология», Севастопольский государственный университет (г. Севастополь).

Мохорова Анна Юрьевна, канд. полит. наук, доцент, доцент Высшей школы международных отношений, Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого (г. Санкт-Петербург).

Муртузалиев Сергей Ибрагимович, д-р ист. наук, профессор, профессор кафедры всемирной истории и международных отношений, Луганский государственный педагогический университет (г. Луганск).

Мяснянкина Виктория Станиславовна, студент, Юго-Западный государственный университет (г. Курск).

Николаев Юрий Борисович, директор Центра этнополитической реабилитации, Донецкий государственный университет (г. Донецк).

Ночвина Белла Анатольевна, канд. ист. наук, доцент, и.о. заведующего кафедрой истории и мировой политики, Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н.А. Добролюбова (г. Нижний Новгород).

Онопко Олег Владимирович, канд. полит. наук, старший научный сотрудник, Донецкий государственный университет, председатель Донецкого регионального отделения Российской ассоциации политической науки (г. Донецк).

Петрова Елизавета Михайловна, студент, Санкт-Петербургский государственный университет (г. Санкт-Петербург).

Пожидаев Евгений Александрович, канд. полит. наук, и.о. заведующего кафедрой политологии, Донецкий государственный университет (г. Донецк).

Попова Ольга Валентиновна, д-р полит. наук, профессор, профессор кафедры политических институтов и прикладных политических исследований Санкт-Петербургского государственного университета (г. Санкт-Петербург).

Поцелуев Сергей Петрович, д-р полит. наук, профессор кафедры теоретической и прикладной политологии, Южный федеральный университет (г. Ростов-на-Дону).

Пупыкин Роман Александрович, канд. полит. наук, доцент, заведующий кафедрой теоретической и прикладной политологии, Южный федеральный университет (г. Ростов-на-Дону).

Разумный Виталий Витальевич, канд. ист. наук, доцент кафедры всемирной истории, Донецкий государственный университет (г. Донецк).

Руденко Мирослав Владимирович, старший преподаватель кафедры теории и истории государства и права, Донбасский государственный университет юстиции (г. Донецк).

Рябинин Евгений Вадимович, канд. полит. наук, доцент, доцент кафедры истории и политологии, Мариупольский государственный университет им. А.И. Куинджи (г. Мариуполь).

Саблина Марина Александровна, канд. полит. наук, доцент Высшей школы международных отношений Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого (г. Санкт-Петербург).

Синицын Иван Борисович, студент, Севастопольский государственный университет (г. Севастополь).

Смаль Светлана Владимировна, канд. полит. наук, доцент, доцент кафедры политологии, Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена (г. Санкт-Петербург).

Соколов Александр Владимирович, д-р полит. наук, доцент, заведующий кафедрой социально-политических теорий, Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова (г. Ярославль).

Солодовников Андрей Геннадиевич, канд. юрид. наук, доцент, доцент кафедры всемирной истории и международных отношений, Луганский государственный педагогический университет (г. Луганск).

Ушкина Валентина Геннадьевна, преподаватель кафедры всеобщей истории, политологии и регионоведения; аспирант, Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарёва (г. Саранск).

Фатьянова Ирина Валерьевна, д-р филол. наук, доцент, доцент кафедры английской филологии, Донецкий государственный университет (г. Донецк).

Фролова Юлия Николаевна, канд. полит. наук, доцент кафедры политологии, Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена (г. Санкт-Петербург).

Хомякова Олеся Ярославовна, магистрант, Донецкий государственный университет (г. Донецк).

Черкашин Кирилл Валерьевич, канд. полит. наук, доцент, доцент кафедры политологии, Донецкий государственный университет (г. Донецк).

Чернозёмова Яна Вадимовна, аспирант, Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого (г. Санкт-Петербург).

Чикаева Татьяна Александровна, канд. филос. наук, доцент, заведующая кафедрой гуманитарных и социально-экономических дисциплин, Московский художественно-промышленный институт (г. Москва).

Ярмак Ольга Валерьевна, д-р соц. наук, профессор кафедры «Социально-философские и политические науки», Севастопольский государственный университет (г. Севастополь).

СОДЕРЖАНИЕ

Приветственное слово ректора Донецкого государственного университета Светланы Владимировны Беспаловой.....	3
Приветственное слово президента Российской ассоциации политической науки Оксаны Викторовны Гаман-Голутвиной.....	5

ПЛЕНАРНОЕ ЗАСЕДАНИЕ

<i>Балко М.В.</i> Дневник как жанр политического дискурса (на примере дневника К.И. Поченкова)	7
<i>Баранов А.В.</i> Актуальные вопросы российско-сербского сотрудничества в сфере энергетики.....	11
<i>Баранов Н.А.</i> Электоральные новации в российской политике: тренды и перспективы.....	14
<i>Попова О.В.</i> Гражданская идентичность в условиях цифровой политической социализации.....	20
<i>Соколов А.В., Бабаджанян П.А.</i> Политический абсентеизм как последствие введения социального рейтингования.....	24
<i>Ярмак О.В.</i> Критерии объединительного проекта: возможны ли социальные коммуникации между Россией и постУкраиной? Ошибка! Закладка не определена.	29

СЕКЦИЯ 1. ВНУТРЕННЯЯ ПОЛИТИКА РОССИИ

<i>Арутюнов А.Г.</i> Цифровая трансформация избирательных технологий в регионах Российской Федерации	35
<i>Котлярова О.В.</i> The Matrix of Objects of Political Perception	37
<i>Кучер К.В.</i> Формирование политических элит в Луганской Народной Республике до вхождения в Российскую Федерацию	41
<i>Ладыга А.И.</i> Политическое сознание и культура как криминогенные факторы политической преступности	46
<i>Николаев Ю.Б.</i> Денацификация и этнополитическая реабилитация – важнейшая составляющая внутренних политических процессов в ДНР	50
<i>Руденко М.В.</i> Становление государственности и формирование политической системы ДНР в 2014 году	54
<i>Ушкина В.Г.</i> Экологическая повестка в деятельности парламентских партий России	59

СЕКЦИЯ 2. ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА РОССИИ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ, КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ И ИСТОРИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

<i>Бабик А.О.</i> Эволюция англо-советских отношений в контексте латиноамериканской сцены: роль медиации и урегулирования конфликтов	64
<i>Дибас О.А., Милокост Л.С.</i> Роль российской дипломатии в определении статуса «ядерного наследства СССР»: российско-украинский переговорный процесс 1992–1994 гг.	68

Золотарев Ф.Е. Города как агенты: анализ факторов становления в качестве вспомогательного ресурса внешней политики РФ	73
Кравец Ю.А. Блестящий успех советской дипломатии в урегулировании кашмирского конфликта 1965–1966 гг.	76
Муртузалиев С.И., Солодовников А.Г. Возможности медиации при урегулировании конфликтов в условиях трансформации существующего миропорядка	80
Пожидаев Е.А. Континентализм в концепциях европейской и русской геополитики	84
Фролова Ю.Н. Проблематика регионализма: влияние на миропорядок	88

СЕКЦИЯ 3. СТРАНЫ И РЕГИОНЫ ВО ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКЕ РОССИИ

Бахтоярова В.П. Россия и страны Восточной и Юго-восточной Азии в условиях трансформации современного мирового пространства	94
Загородний В.В. Особенности выстраивания внешней политики России с государствами Корейского полуострова	98
Игнатьева Е.Н. Политика репатриации соотечественников на примере России и Казахстана	103
Комлякова Ю.Ю. Политика Российской Федерации по вопросу формирования в Центральной Азии зоны свободной от ядерного оружия	108
Кузнецова Е.В. Чехия и Словакия во внешней политике России	111
Литвин Л.А. Роль миротворческой деятельности Российской Федерации в урегулировании конфликтов	118
Любина Д.Е., Саблина М.А. Центральная Азия в контексте российских внешнеполитических интересов	123
Малышева Е.Б. Латинская Америка во внешнеполитической стратегии России	128
Ночвина Б.А. Альтернатива внешнеполитической доктрины ФРГ в программных документах партии «Левые»	132
Онопко О.В. Организационная трансформация российского направления украинской внешнеполитической экспертизы в 1991–2021 гг.	136
Разумный В.В. Российско-иранские отношения в условиях трансформации современного миропорядка	141

СЕКЦИЯ 4. КОММУНИКАЦИОННЫЕ И ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ РОССИЙСКОЙ ПОЛИТИКИ

Багликова М.А., Хомякова О.Я. Телеграм как инструмент интернет-коммуникации партии «Единая Россия» в новых регионах РФ	147
Казаков А.А. Особенности медиапотребления современной российской молодежи: политические аспекты	152
Краснощёров А.Ю. Персональные телеграм-каналы политических деятелей в Томской области в межвыборный период	156

<i>Михайловская О.Г.</i> Информационная война против России: новые аспекты старой проблемы.....	159
<i>Фатьянова И.В.</i> Дисгармония американского политического дискурса XXI века на примере политических эвфемизмов	163

СЕКЦИЯ 5. АКСИОЛОГИЧЕСКИЕ И СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ АСПЕКТЫ РОССИЙСКОЙ ПОЛИТИКИ

<i>Гогшвили Т.Т.</i> Политическая ресоциализация в условиях расширения политического пространства: обзор современных исследований.....	174
<i>Дерюгин П.П., Бакулин А.В., Петрова Е.М.</i> Ценностные ориентации студенческой молодежи в российских регионах: путь к устойчивому развитию и социальной интеграции в условиях дополненной современности.....	178
<i>Внукова Л.Б.</i> Сравнительный анализ отношения студентов юга России к образам Украины и будущего Донбасса (на материалах онлайн-анкетирования).....	169
<i>Карпов А.Ю.</i> Человеческий потенциал: понятие и возможности использования в исследованиях политико-административной элиты.....	182
<i>Ладыга Л.И.</i> Реализация прав человека через призму развития искусственного интеллекта	187
<i>Поцелуев С.П.</i> Советские лидеры в оценках российского поколения «зумеров»: по материалам социологического исследования.....	190
<i>Смаль С.В.</i> Механизмы формирования политической социализации молодежи: вызовы современного этапа развития	194
<i>Черкашин К.В.</i> Молодёжь Донбасса в зеркале социологии	197
<i>Чикаева Т.А.</i> Патриотизм как нравственная основа успешности российской политики	205

СЕКЦИЯ 6. ПОЛИТИКА ИДЕНТИЧНОСТИ И ПОЛИТИКА ПАМЯТИ В РОССИИ

<i>Гончаренко Л.Н., Авакова Э.Б., Кузнецов А.А.</i> Формирование общероссийской гражданской идентичности.....	210
<i>Иванов А.В.</i> Социокультурные основания политики национальной идентичности в современной России	213
<i>Константинов М.С., Пупыкин Р.А.</i> Идентичности современного российского общества в поколенческом измерении.....	218
<i>Крыжанровская И.И., Багликова М.С.</i> Перформативная коммеморация Дня Победы в Донецкой Народной Республике	226
<i>Мохорова А.Ю., Чернозёмова Я.В.</i> Волонтерство как механизм формирования исторической памяти молодежи	230
<i>Рябинин Е.В.</i> Политика памяти как инструмент формирования идентичности новых регионов РФ (кейс г. Мариуполя)	234

СЕКЦИЯ МОЛОДЫХ УЧЁНЫХ

<i>Апанащенко О.В.</i> Основные рг-методы, необходимые для формирования имиджа женщины-политика в СМИ.....	238
<i>Афоница А.А.</i> Пхеньян 2024 в политико-дипломатическом измерении: новые горизонты российско-северокорейских отношений	241
<i>Бакулин А.В., Петрова Е.М., Дерюгин П.П.</i> Демпферное отношение к исследованиям мобильности ИТ-специалистов: причины и последствия	247
<i>Казаренко Д.С.</i> Специальная военная операция в парадигме «Русского мира».....	252
<i>Камара Сиди.</i> Политика России по противодействию этнополитическому сепаратизму в Африке (на примере Мали)	256
<i>Коновалов Г.И.</i> Федерализм в современной России как объект отечественных политологических исследований (2000–2022 гг).....	259
<i>Мяснянкина В.С.</i> Реализация государственной молодёжной политики Российской Федерации: организационные и правовые аспекты.	264
<i>Петрова Е.М., Бакулин А.В., Дерюгин П.П.</i> Адаптация педагогов и образовательных программ к дистанционному обучению в условиях дополненной современности: вызовы и перспективы	267
<i>Синицын И.Б.</i> Грузия в контексте внешней политики России: современный период.....	271
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ.....	276

II Всероссийская научно-практическая конференция
Донецкого регионального отделения РАПН

**Российская политика
в условиях современной международно-политической
напряжённости:
институты, тенденции, трансформации**

ко Дню политолога в Донецком государственном университете

Научное издание

Материалы научно-практической конференции

Публикуются в авторской редакции
